МОИ СОВРЕМЕННИКИ

Пётр Козин

Пётр Козин

МОИ СОВРЕМЕННИКИ

Книга поэзии и прозы

Орёл

Издатель Светлана Зенина
2010

ББК 84(2р)6
К80

Козин П. Д.

К80 Мои современники. Книга поэзии и прозы / П. Д. Козин. — Орёл : С. В. Зенина, 2010. — 544 с. : ил.

«Мои современники» — десятая юбилейная книга известного орловского поэта и прозаика Петра Козина. В ней представлены герои наших или недавно ушедших дней: политические деятели, ученые и писатели, врачи и педагоги, инженеры и воины, рабочие и крестьяне. И просто — земляки, друзья и близкие автора.

Петр Козин — выпустил десять сборников, в том числе: 6 повестей и 15 поэм. Наиболее значительные из книг прозы: «Родная сторона», «Дым Отечества», «Глумление», «Жар малиновый», «Летопись Орла». Из сборников поэзии: «История Государства Российского от Гостомысла до Ельцина», поэтическая энциклопедия «Русская баня», поэмы – «Верность», «Девятый класс», «Василий Катанов». А также: «Письмо Сергею Есенину», «Петр Родичев», «Сергей Шмелев», «Сказание о Болхове», «Овражный брат» и другие.

ББК 84(2р)6

© П. Д. Козин, 2010
© Издатель Зенина С. В., 2010

ПЕТР КОЗИН

(Взгляд редактора)

Писатель-краевед Василий Катанов

Откуда берутся счастливые поэты? Ответ прост: от горячей любви к родному краю, от удачливых встреч с интересными людьми, которыми так богата русская земля, от глубоких знаний истории Отечества, от великого множества прочитанных книг, от бесконечных раздумий о судьбе нашей многострадальной Родины.

И, конечно, от доброго, веселого характера, от прямого и честного взгляда на жизнь. Таков Петр Дмитриевич Козин — историк и обществовед, директор ряда школ, талантливый поэт и прозаик орловского края.

Судьба его, в наши бурные времена, сложилась так, что он, выйдя, в пенсионеры, взял в руки веник и швабру, смело отправился в баню растить, достигший уже и без того полвека, трудовой стаж. Поскольку Петр — профессиональный журналист, человек творческий, то и в этих обстоятельствах родились две книги. Одна в прозе, другая — в стихах. Заговорил о пользе бань. Привел множество свидетельств известных и бывалых людей. Стал утверждать, в том числе, в письме орловскому губернатору, в сегодняшние, опасные для здоровья времена, здоровый образ жизни.

Учитель остался учителем, поэт — поэтом. И всегда — активным человеком и подлинным гражданином.

…Вставали края, где бывать привелось. Масса встреч с чарующей природой, волшебными книгами, тружениками — соотечественниками. Послышались голоса:

— Пиши про каждого из нас!

— А мне что будет? — спросил поэт.

— Долгая жизнь и добрая память в народе, — ответил самый мудрый из них.

Так и вышло. К своему 70-летию, Петр Дмитриевич Козин пришел не с пустыми руками — выпустил 10 умных книг. Одну из них («Родная сторона», Орел, 2006 г.) удостоили почетного места — взяли в Интернет. Не залежались на полках магазинов и ранее изданные сборники стихов: («Отчий край» — 1993, «Перелески» — 1994, «Русь» — 1995). В стихах было много волнующего, поучительного. Особенно хороша «Русь» за картины минувшего. Немало учителей использовали ее на уроках истории — пригодилась. Повезло и «Родной стороне».

«Интересная и захватывающая книга!» — воскликнул в предисловии ученый — филолог, земляк — писатель Александр Логвинов. Подчеркнул, что автору только скромность, исходное качество его характера, не позволила «назвать свое произведение повестью». На самом высоком месте — бесценная надпись: «Дорогим внукам моим Насте и Максиму Корнеевым — Козиным с надеждою и любовью посвящаю».

С первых же страниц Петр Козин развернул глазам читателя живописный ковер своей родословной. А там пошло описание деревень и сел. Одни за другими. И все — орловские! На первом месте конечно, отчая Сивково и лесная речушка Лабосынь. Из глубин русской истории выглянуло мощное, растянувшееся по Нугрю на семь верст, село Борилово — «вторая Москва», с многозначительным известием, что отсюда его предки:

«Срывать монгольские оковы
Спешили в поле Куликово».

И хлынула лавина дивных, волнующих сведений из истории родного края. Там же наш общий друг — краевед Александр Венедиктов, которого хоронил весь Болхов и назвал его именем одну из улиц. Там же и дорогой поэт — земляк Дмитрий Блынский, что сумел своими прекрасными стихами привить не одному пииту — богатырскую поступь русского патриота. В том числе и Петру Козину.

Дмитрий Блынский и Михаил Исаковский

«Дым Отечества» он выпустил в 2007 году. В эту серьезную книгу вошел уверенной походкой русского гения Михаил Александрович Шолохов. Дорогое имя! Особенно приятны строки: «Шолоховы — не редкость в нашем краю. Дон, ныне протекающий по Липецкой области, до войны считался орловской рекой». А далее — совсем красота. Автор встречался с самим Шолоховым в студенческие годы. Свой прекрасный очерк о нем, озаглавленный — «На тихом Дону» Козин завершил моими строчками из поэмы «Михаил Шолохов»:

Михаил Александрович Шолохов

«Я в плен захвачен силой света,
Верней от тьмы освобождён.
В родной Оке тонуло лето,
А я все видел —
Тихий Дон».

Мы убеждены: Шолохов — русское знамя! А знамена надо беречь! Не отдавать их на поругание отечественным и иноземным хулителям и недоброжелателям.

В 2008 году вышла большая, многоплановая повесть «Глумление». Содержание определил эпиграф из поэтической сокровищницы Сергея Есенина:

«Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране!».

Украшение раздела книги «Бойцы вспоминают»: «Генерал — танкист Георгий Родин», «Подвиги Роберта Клейна», «Козины — на службе Отечеству».

И вот перед нами — новая, десятая книга, подарок автора самому себе, к семидесятилетию.

Прекрасный подарок! Тут и читателям есть чему порадоваться, на чем душу отвести. Автор размышляет, подводит итоги опыту своему и чужому. Самое важное, что эта книга, как и все другие, серьезна и поучительна.

Петр Козин — счастливый человек.… В творчестве — поскольку пишет только правду. («Как слеза — правдив» — справедливо отмечал это благородное качество земляка писатель Александр Логвинов). И в семейной жизни, согретой большой и чистой любовью. Это подтверждает сам автор своей прекрасной поэмой «Верность», посвященной его дорогой жене Валентине, с которою их связывает едва не полувековая сердечная привязанность и дружба.

Над жизнью писателя, всеми его размышлениями и трудами, над тридцатилетним педагогическим опытом сияет золотой завет бессмертного Александра Сергеевича Пушкина, которому Петр Козин, неизменно следует:

«Береги честь смолоду!».

Василий КАТАНОВ,
писатель — лауреат,
заслуженный работник
культуры России.
Орел — Волоконка,
9 марта 2010 г.

Поэзия

Лес дарит радость вдохновенья...

ВЕРНОСТЬ

(Лирическая поэма)

Валентине Алексеевне Козиной,
жене и другу, посвящаю.

ПРОЛОГ

«Пусть летят
По небу лебеди…»
(Из песни)

Не изменяют лебеди друг другу,
А если погибают, то вдвоем…
В тебе нашел я верную подругу,
И этим светлым чувством —
Окрылен!

Я в юности назвал тебя — невестой,
Полвека мне ты — добрая жена.
О ВЕРНОСТИ ЛЮБВИ
Слагаю песню я,
Что, как глоток хорошего вина.

Валентина Козина,
70-е годы

Да, ты достойна, быть в веках воспетой:
Красой и скромностью
Поспоришь ты с Зухрой,
По страсти чувств,
Прелестная Джульетта,
Тебя назвала б старшею сестрой.

Ты грезилась — Тахиру и Ромео
И сам Руслан бы оседлал коня
И в бой неравный устремился смело,
Не за Людмилу бился б —
За тебя!

И, как же мне тобою не гордиться,
Как о тебе стихов мне не слагать,
Коль счастливо смогли соединиться
В тебе одной —
Жена, подруга, мать…

Когда меня ты одарила дочкой
В моем родном ракитовом краю,
Когда в Ирине —
Милом Лепесточке,
Я светлый образ мамы узнаю.

С дочерью Ириной, 1979 год

Да, я хочу,
Чтоб внуки прочитали
О наших радостных и о тревожных днях.
Еще хочу,
Чтоб юные мечтали,
Равняться добротою — на тебя.

1. РЕЧКИ ДЕТСТВА

На Каспии мы не были с тобой.
Морские волны нам его не снились,
Но речки детства,
Голубой струей,
В нем много лет назад —
Соединились.

…Родился я на берегу Машка
Июльскою покосною порою.
От той речушки —
Серебром Ока
Катилась через Волгу
В чудо — море.

А реченька Сакмара, через год,
Мир о твоем рожденье возвестила.
И эту весть поток Уральских вод
Принес, как песню Мая —
В море синее.

И мудрый Каспий так решил тогда:
«Отныне быть Машку
Сакмаре — мужем!».
Как струи вод слились их навсегда,
Так связаны —
Орел и Оренбуржье!

2. ЧЕБЕНЬКИ

Всего в полсотни верст от Оренбурга
Есть станция с названьем Чебеньки.
Окрест — земля, разбуженная плугом,
Где раньше лишь гуляли — степняки.

По берегам Сакмары — огороды.
Здесь в детстве собирала ты не раз:
Арбузы, огурцы и помидоры,
Что на зиму солили про запас.

А бабушка Терентьевна учила
Свою сноху премудростям таким,
Чтоб овощи подольше сохранились
И отдавали свежестью реки.

Ах! Бабушка! Легка ты на помине.
Но, вот с отцом, прости, не повезло…
Когда тебя и не было в помине,
Он сгинул —
Под Воронежским селом.

**Цыбаков Алексей Васильевич — тесть поэта.
Пал смертью храбрых в боях под Воронежом в 1942 г.**

Упал под танк и больше не поднялся,
Осиротив и Славу и тебя….
А вражий сын, лишь только рассмеялся,
Промчав на танке, траками звеня.

42 —ой! Твой первый год рожденья —
Последним был у твоего отца…
И тетя Оля помнит воскресенье,
Когда он маму провожал с крыльца.

Все уверял, что будет, мол, в обозе,
Поскольку был он смолоду — хромой.
Но люди знают, что в зерносовхозе
Монтера лучше не было, чем он.

Война! Война!
Ты с кем сводила счеты?
Зачем ты людям горе принесла?
Едва родившись, вы уже — сироты!
Не расцветая, мама, отцвела….

3. МАРКОВО

От Тейково, где довелось служить мне,
До Марково — всего десяток верст.
Вокруг — леса, болота необжитые…
Путь до села — нелегок и не прост.

**Вдова фронтовика
Цыбакова Вера Андреевна,
теща поэта, 60-е годы**

Вас из степей, в году 53-ем,
Судьбы дорога привела — к сестре.
Уж не кизяк, а торф вы каждым летом
Жгли понапрасну на лесном костре.

Но если Чебеньки кормили хлебом,
Тут были вдоволь, разве лишь грибы:
Куда бы не приехал, где бы не был,
Бедняк своей не избежит судьбы!

Достаток не дается людям даром,
Не все, порой, зависит и от них.
Работала мать в школе кочегаром
И дома управлялась — за троих.

Но, вот завершена Десятилетка,
Ты навсегда покинула село
И в Марково наведывалась редко,
Когда училась в школе ФЗО.

4. ИВАНОВО

«А Иваново — город невест!»
(Из песни)

Иваново — текстильный центр Отчизны
Глядится в Уводь много сотен лет.
Иваново — частица нашей жизни.
Иваново — наш негасимый свет!

Иваново — мой первый шаг в науку:
Пединститут мне двери приоткрыл,
Я в них вошел без робости и стука,
Как будто здесь я долго, долго жил.

Студентам эта истина знакома:
Несносно жить без денег на обед.
Я стал вечерником,
Введен был — в штат райкома,
Возглавил комсомольский комитет.

Секретарь комитета ВЛКСМ Ивановского пединститута Петр Козин с писателем Владимиром Ивановичем Немцовым. 1962 г.

Филолог Френкель
Стал мне добрым другом,
С ним вместе проводил я вечера.
Но юноше жить грустно без подруги,
Как и поэту без его пера.

Студентка Таня — славная девчонка
Мной увлеклась тогда до жарких слез.
С собой возила в отчую сторонку —
Под Кинешму, на Волгу, в леспромхоз.

Она была хорошей, умной, милой,
Но нам не пели в роще соловьи.
Она меня, как женщина любила,
А, я ее — не разделил любви.

Что тут поделать — сердцу не прикажешь,
Теперь по истеченью лет и дней,
Лишь — фото, письма с книгой «Эрмитажа»,
Порой напоминают мне о ней.

Иваново — край Фурманова, Фрунзе,
С легендой Талки,
С духом Октября.
Иваново — невестой темно-русой,
Как чудной песней стало для меня.

5. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

«Вечерний звон…
Как много дум наводит он».
(Из песни)

Запомнилось мне странное название:
«Ремиза — бердочный» —
Известный комбинат.
Чем люди занимались там — не знаю,
На клуб его я обратил свой взгляд.

По красным дням
Здесь проводились танцы.
Сюда с друзьями как-то заглянув,
Я заприметил девушку с румянцем
И оказался у нее — в плену!

Валентина Козина в год (февраль 1963) встречи с поэтом

Я полагал: красавица с ин-яза,
К тому же и ее смущенный взор
Мне не давал возможности, так, сразу,
Вести непринужденный разговор.

Я сам-то был, хоть дерзким,
Но не смелым,
А тут и вовсе заклинило дух:
Она плясать со мной не захотела —
Ее подружки вытолкнули в круг.

Потом мы танго с нею танцевали.
Цвет платья — черный…
Я не помню как,
Фабричные перчатки оказались,
Ее перчатки, вдруг, в моих руках.

Стоял февраль.
Метель кружила круто,
А, я ее до дома провожал.
И, как ее, я раньше почему-то,
Так страстно — никого не целовал.

Она меня царапала — боролась,
Что было сил, толкала в рыхлый снег,
А я в ответ, на возмущенный голос,
Дарил ей шутки и веселый смех…

Но только зимний юмор вышел боком,
Когда вернулся в общежитье я,
Меня, увидев, ахнули друзья:
— Да, ты, приятель обморозил щеку!

Я ж думал про себя:
«Пускай пылает…
Тут с сердцем не управиться никак!».
Валюша! Помнишь, это было так,

Со мною — так!
А, как с тобой — не знаю…

Как метроном в ушах
«Вечерний звон» —
Рефрен задумчивый,
Известной русской песни.
И мне, коли признаться честно,
Подумалось тогда, что я влюблен.

6. ЦВЕТЫ МАЯ

Вновь завертелся мир — захороводил.
Теперь мороз щекам не угрожал:
Май одарил нас чудною погодой,
Когда тебя домой я провожал.

Проезд 10-ый! Тихая обитель —
На фото домик есть тот у меня,
Где тетушка Тукуса — покровитель,
Весьма хозяйка строгая твоя.

Домой вернувшись,
Будто бы с похмелья,
Я взял перо и положил на лист.
Шепча невнятно,
Как плохой артист,
Я сочинил тебе стихотворенье:

«Темная родинка на щеке,
Улыбка задорных глаз…
Люблю с тобою ходить к реке,
В искристый, полуночный час.
Направо — аллея зеленой стеной
И звездное небо над головой.

Петр Козин – студент Ивановского пединститута имени Фурманова, 1962 г.

Налево — огнями залитый овраг,
Где мы замедляли невольно шаг.
У дома — скамейка, трава и цветы.
Веселые шутки, забавы, мечты.
Минутные ссоры, весенняя грусть
И нежная песня разбуженных чувств.
И не беда, что последний трамвай,
Уже прокричал мне: «Приятель, давай,
Налетом, вприпрыжку меня догоняй!
До полночи ровно 15 минут,
А позже трамваи уже не пойдут.
Вновь завтрашним утром,
Цветы расцветут,
Теперь же спеши
Иль проспишь институт!».

7. ВАЛЕНТИНА

Трудилась ты на Мясокомбинате
По окончанию школы ФЗО.
Ходила на свиданья в черном платье,
Любила оперетты и кино.

Хозяйский сын Никола — неженатый,
А у него был друг — такой нахал!
Он за тобой ухаживал когда-то
И даже руку с сердцем предлагал!

Но, ты, увы,
Со мною жить мечтала.
— С тобою, — говорила, — быть милей.
Квартиру снимем —
Нам так надо мало…
И, чем мы хуже этих богачей?

Ничуть не хуже! Это, Валя, точно!
Но, я тогда жениться не хотел.
Я на земле стоял, увы, непрочно
И было мне —
Не до семейных дел.

8. ТЕЛЕГРАММА

Сидел я как-то в кабинете.
Мне телеграмму принесли:
Как будто злой ворвался ветер —
Плохая весть с родной земли….

В неровной строчке прочитал я,
Что умерла моя сестра —
Ее в Ростове окружала
Одна сплошная детвора.

И я решил, что надо ехать,
О том же и просила мать:
«Поможешь ребятишкам, Петя,
Ведь горький пьяница наш зять!

Как трем мальчонкам, без догляда
Брат Ваня — к водке слабоват.
Живите вместе. Буду рада —
И за тебя, и за ребят!».

Меня в Ростов ты провожала
И слез не прятала своих.
Чу! Сердце защемило, сжало:
Мне было больно за двоих!

Зашел я к Тане попрощаться,
Что ожидала у дверей….
Ты ревновала, может статься,
Возможно, нет — тебе видней.

Прощай Иваново родное!
Прощай навеки институт!
Я еду к Дону голубому,
Хоть знаю твердо:
Нужен — тут!

9. РОСТОВ

Похоронив сестру Марию,
Без грусти не провел и дня…
У брата жил я на квартире —
Жена, сын, теща, он и я.

С ним на завод пошел работать,
Что гипс для строек выпускал.
Так целый год в водовороте —
Ворочал ломом и мечтал…

Мечтал я о тебе, Валюша,
Но, а когда не стало сил,

Чтобы узнать друг друга лучше,
Тебя я в гости пригласил.

Мы сняли флигель у хозяйки
Станицы Нижне — Гниловской,
Где проводили без утайки,
Все вечера и день-деньской.

Ты помнишь: чудные качели?
Поездку в древний Танаис?
Донские пляжи?
Роз цветенье?
То — наша молодая жизнь!

Но, недолговечно счастье
У неустроенных юнцов.
Настало время нам прощаться
И ты покинула Ростов.

— Нет, не забыл я и не забуду, —
В письмах писал я тебе не раз, —
Вместе со мною незримо, ты всюду,
Хотя нелегко сейчас.

В сердце такие нести заботы,
Если других за край:
Трудно с учебой, худо с работой,
Денег осталось — на чай.

Но улыбаюсь, мечту лелея,
На неудачи плюю,
Лишь об одном я теперь жалею,
Что не сказал: «Люблю!».

Растаяло месяцев уж немало.
Потерян неделям счет,

Сердце что-то печалью сжало
И присушило рот.

Ночью, в постели, мечты влекутся,
Мысли бегут чередой:
Вот бы тебе сейчас вернуться —
В окно постучать рукой.

И я потушил бы свои заботы,
Не двери, а сердце свое открыл…
Но, ты мне и писем не пишешь что-то:
Не достает чернил?

А может, в душу закралась тревога
И дни навевают грусть?
Случилось ли что?
Отвечай, недотрога:
— Пойдем ли по жизни одной дорогой?
Пообещай: «Вернусь!».

В Ростове, 1965 г.

… Приезд в Ростов твой был отмечен
Веселым пиром у друзей.
Такая радостная встреча
Могла лишь быть у королей!

2-я Детская больница —
Сюда пришла ты медсестрой.
Она и ныне бы гордиться
Могла твоею красотой.

Литые ножки, прелесть — грация,
Не покривлю в том, не совру:
Подружка — Зоя Квиникадзе
Тебя любила, как сестру.

Татьяна Федорова часто
Спешила увести в кино,
Прораб Морозов счел за счастье
С тобою разделить вино.

Все это было, было, было:
Гулянье в парке,
Тихий Дон.
И бравый летчик, что поныне
В тебя, загадочно, влюблен.

Но, всех поклонников отвергнув,
Ждала меня ты одного,
Призналась: даже солнце меркнет
У окон дома твоего!

10. СВАДЬБА

Такое уж не повторится.
Мой голос трепетно дрожал —
Тебе я обещал «жениться»
И слово верное — сдержал!

Свадьба Петра и Валентины Козиных. Кировский ЗАГС г. Ростова на Дону. Сентябрь 1967 год.

Все было скромно, мило,
Свято…
Такси, шампанское, друзья.
Брат Ваня с Ниной.
Зоя — рядом.
Татьяна с мужем.
Ты и я.

Не свадьба —
Вечер в тихом доме,
Лишь крики: «Горько!»
За столом
Напоминали мне о том,
Что оказался я в неволе…

67— ой! Сентябрь.
Под кровлей —

Будили утро воробьи…
Была та сладкая неволя
Венчаньем дружбы
И любви!

11. СИВКОВО

С дипломом Университета,
Мечтою пламенной горя,
Мы уезжали на рассвете
От Дона — в отчие края.

Здесь все до мелочи знакомо
На фоне солнечного дня.
Встречает радостно у дома
Нас — мама милая моя.

Козина Пелагея Петровна, мать поэта

Засуетилась. Постаралась:
Мгновение —
И стол готов!
А, как тобою восхищалась,
Чтоб выразить —
Не хватить слов.

Я стал директором работать.
В Сурьянино — сад, огород.
Свои и школьные заботы,
Колхозных дел невпроворот.

Ты у меня — управделами,
Порой бывало скучно нам,
Тогда я занялся стихами,
Я пел подобно соловьям:

«И в феврале стреляют почки,
Коли разбужены теплом…».
В день третий — появилась дочка,
(Мы звали Иру — лепесточком!)
Собой заполнила весь дом.

Для бабушки — одна отрада.
Любила внучку горячо.
И тридцать верст ей нипочем,
Душа болит —
Проведать надо!

Ах! Мама!
Как же вышло так:
Неся свой груз, жестоко оступиться?
Она в 70-ом умерла —
Навеки перестало сердце биться.

Хотя могла на радость детям жить.
Но, вот ушла…
И солнце закатилось.
Не мог я спать, писать,
Детей учить…
И мы уехали, чтоб грусть
Забылась.

Нас вновь приветил —
Добрый Тихий Дон.
Где молодость цвела вишневым садом.
Но, а когда
Весенний сад отцвел,
Решили —
К маме возвратиться надо!

12. ОРЕЛ

О ней я грезил, вечером и днем.
В Ростове жить,
Я был уже не в силах…
С тобой мы переехали в Орел,
Чтоб ближе быть —
К родительской могиле.

В кабинете

Директором Ансамбля я тружусь,
Ты — медсестрою,
В городской больнице,
В Золоторевской школе я учу…
Ты на «Вулкане» —
Сменной прессовщицей

Я в Управленье — старший инженер,
Ты — воспитатель в саде
От «дороги».
Наш «Лепесток давно не «Пионер!»
И судит нас, порой,
Довольно строго.

Как волны в океане, мы сходились
И расходились на какой-то срок.
Но друг без друга,
Как бы не сердились,
Никто из нас —
Прожить уже не мог.

Гостиница «Орел».
Банкетный зал.
Февральским днем
Украшен был цветами.
Мы поднимали свадебный бокал
И счастья с мужем —
Дочке пожелали!

Вот свет увидел первый внук —
Максим.
Как мы с тобой от счастья —
Расцветали!
Спустя семь лет, на радость,
Вслед за ним.
Явилась внучка —
Настенькой назвали!

Она — наш колокольчик золотой,
Уж пятый класс, считай,
Что за плечами.
Максим — студент
И парень — с головой!
Ты их растишь,
Работая ночами.

Хотя давно пенсионеры мы,
Казалось бы,
Пора угомониться.
— Но, чтобы внукам избежать сумы, —
Ты говоришь, —
Нам надобно трудиться.

Ведь мамы наши не бросали нас,
Работая и днями, и ночами…
И дочке с зятем нелегко сейчас.
Тут кризис добавляет всем печали.

Хоть дочь у нас —
Толковый инженер,
Но может оказаться без работы
У зятя «на железке», например,
Сплошные неувязки при расчетах.

Пока есть силы —
Буду торговать…
Все лишний рубль перепадет
Ребятам…
За пенсию — спасибо демократам,
Кукушкою в лесу,
Лишь куковать!

Такая речь достойна восхищенья.
Я дважды был у смерти на краю.
И лишь тебе обязан я спасеньем.
Не то б не выжил —
Правду говорю!

Порой ты кажешься:
Лебедкой сизокрылой,
Скользишь устало
На речной волне…

Цыбакова Вера Андреевна, 90-е годы

И мамы наши уж давно в могилах,
Моя мать — в «Елках»,
А твоя — в Орле.

Они на отдыхе,
А мы еще в работе:
Старуха — смерть
Пусть не торопит нас.
Торговля, книги,
О семье заботы…
Нам дорог каждый день
И каждый час.

ЭПИЛОГ

«Все будет — слякоть и пороша
Ведь надо вместе жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню — нелегко сложить».

Степан Щипачев

«Песнь нелегко сложить», но все же,
Не зря талант мне Богом дан.

«И невозможное возможно»,
Поют нам ветры разных стран.

Она живет!
И я не скрою,
Что, если б довелось мне вновь,
То только лишь с одной тобою
Я б разделил и хлеб и кров.

Петр и Валентина Козины, 2009 г.

О верности сложил я песню
И счастьем я не обделен.
Как лебеди живем мы вместе
И вместе в мир иной уйдем.

Я верю: будут наши внуки
Гордиться бабушкой своей.
Пусть будет мудрой им наукой
Мой добрый сказ про лебедей.

Иваново — Орел.
Февраль 1963 — 5 мая 2010 г.

МОНОЛОГ МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Физику Золоторевской средней школы — Васильевой Надежде Ивановне, посвящает автор.

1.

Пять этажей науки позади
Диплом приятно тяжелит карманы,
А завуч, знай себе, опять твердит:
— Васильева!
Вам веселиться рано…

Директор улыбается, но все ж,
Он думает, наверно, не иначе:
«То план — конспект им, видно,
Не хорош,
То подобрала, вдруг, не ту
Задачу…»

А в класс придешь —
Волненьям нет конца…
Их 25,
А я одна, былинкой,
Стою, качаюсь,
Нет на мне лица —
И нос, и лоб:
Все в маковых росинках.

Мне точку бы опоры Архимед,
Наверное, не отыскал бы даже.
Знать не спроста изрек
Большой поэт:

«Горька педагогическая чаша!».

Но все ж я верю
В счастливый удел,
Что, как рассвет,
Придет ко мне прозренье.
За вереницей
Беспокойных дел.
Но, только,
Не по — щучьему веленью.

Терпенье, труд,
В народе говорят,
Возводят замки,
Раздвигают горы…
А мне директора,
Лишь нужен,
Светлый взгляд,
Да завуча, однажды,
Переспорить…

2.

С мальчишками полажу
Я сама.
Мне Соломатин — верная подмога,
Мурзенков глаз не сводит —
Без ума!
Баранов —
Этот явно хочет много…

Алеша Аникутин —
Вот чудак! —
Краснеет от смущенья,
Как девица.
Семинов,

Что начищенный пятак,
От смеха беспричинного
Лучится.

А чернокудрый Зенов,
Мне порой,
Напоминает статью эфиопа,
В поступках Посулихин,
Что герой!
Прославит Русь,
А может и Европу.

Агошков, заикаясь,
Мне твердит
Про суть законов
Бойля — Мариотта.
И я горжусь,
Чего тут говорить,
Мальчишками
Стефановского взвода.

Они мои —
Наследие и дух.
Они — печаль,
Они же и отрада.
10-ый класс!
Мой незнакомый друг,
Тебя узнать,
Тебя понять мне надо!

3.

Вы, педагоги!
Не таите чувств.
Готова внять
Я вашим откровеньям,

Но, только непосредственно,
Из уст,
А не случайно, воровски,
Под дверью.

Вы говорите, говорите вслух.
Пришла пора мне заново учиться,
Чтоб различать:
Кто недруг?
Кто — твой друг?
Где надо настоять,
Где — извиниться…

Наука жизни
Явно нелегка!
А этой осенью —
Дождливою и рыжею,
Все меньше я витаю
В облаках.
К родной землице
Опускаюсь ближе.

4.

И в каждый понедельник
Утром, снова,
Зеленой змейкой поезд
Из Орла
Везет меня
В село Золоторево,
Где ждут:
Друзья, коллеги и дела.

И я, забыв
Печали и тревоги,
Вбегаю в школу,

Словно в отчий кров.
Мне хочется сказать
Всем — много, много
Веселых, добрых
И горячих слов.

Ну, а порой,
Мечтаю без стесненья,
Чтоб через год —
Пусть он пройдет
Мне впрок! —
Наш строгий завуч
Марья Алексеевна,
Серьезно похвалила
Мой урок.

А Виктор Алексеич
В день рожденья,
Мне песню б
Вдохновенную пропел,
Заворожил бы
Соловьиной трелью…
Он — чародей!
Он — мастер этих дел!

Владимир Александрович —
Гитару
Или перпетум мобиле
Вручил.
Петр Дмитриевич,
В вакхическом ударе,
Венок сонетов,
В честь мою б сложил…

Ну, а пока,
Я робко начинаю.

Пусть сердце бьется
В пламенной груди,
Но, у меня,
Я твердо это знаю:
И счастье, и удачи —
Впереди!

Село Золоторево
6 сентября 1973 г.

Директор Золоторевской средней школы П.Д. Козин и его педагоги у здания Орловского ТЮЗа. Слева – молодая физик Надежда Ивановна Васильева

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

(Педагогическая поэма)

Как педагог,
Я помню вас,
Мой давний друг —
9-ый класс…
Автор

ВСТУПЛЕНИЕ

Девятый класс —
Семь витязей прекрасных,
Семнадцать девушек,
Достойных похвалы.
Вхожу —
На сердце: солнечно и ясно.
Они стоят,
Опершись о столы.

В глаза глядят
Доверчиво и просто,
И ждут рассказов
О добре и зле…
Девятый класс!
Ты в школьном море —
Остров,
Который несказанно
Дорог мне.

Таинственный,
Веселый и нарядный.
Застенчиво — серьезный,
Озорной.
Ты для меня:

Надежда и отрада,
Как говорят:
Ты, в доску,
Парень свой!

Мой остров,
Мой причал,
Мое сомненье.
Струится в окна
Неба синева…
Ты даришь мне
Мечты и вдохновенье,
Поэзии заветные слова.

Директор Золоторевской школы Петр Дмитриевич Козин (в центре) с учениками – героями своей поэмы «Девятый класс»

Как вешний сад,
У школьного забора,
Ты расцветаешь
В ласковых лучах
Литого солнца,
Закипаешь в спорах,
Готовый водопад
Перекричать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗГОВОР О ГЛАВНОМ

«Указом Президиума Верховного Совета СССР за систематическое совершение действий, не совместимых с принадлежностью к гражданству, и наносящих ущерб стране, лишен гражданства СССР и выдворен за пределы Советского Союза Солженицын Александр Исаевич».

«Лишение Родины — гражданская смерть».

Борис ДЬЯКОВ

1.

Бычков Валера,
Паренек, что надо,
За правду-матку
Режется всерьез:
— Что Солженицын!
Да такого надо,
К быкам на ферму старую —
В колхоз.

Впредь не давать —
Ни перьев, ни бумаги,
Чтоб Русь святую
Оболгать не мог.
Да в старину бы,
За такую наглость,
Царь — государь
Упек его — в острог!

2.

Иван Чернухин,
Важно и степенно
Свой глуховатый
Голос подает:
— Богат, известен,
Скажем откровенно:
«Чего ему еще
Не достает?».

3.

Мамонов Витя
На едином духе,
Как — будто груз
Столкнул
С усталых плеч:
— Да, дать бы всем ему
По оплеухе,
Чтоб никогда не смог —
Ни встать, ни лечь.

4.

Володя Сиротинин,
Не лукавя,
Уперся взглядом
В выщербленный стол:
— На Западе Иуду
Громко славят
За то, что он
Иуду превзошел!

5.

Бурыгин Коля,
Не скользя обочиной,
Как говорят,
Попал в больную точку:
— Позор тому,
Кто свой аул порочит
И оплевать своих соседей
Хочет….
О том Расул Гамзатов
Говорил,
А он не тратит
Попусту чернил.

6.

А Шахов Коля,
Встав, лозою гибкой,
До хруста в пальцах
Сжал края стола:
— Предательство —
Не может быть ошибкой,
Он «власовец»:
По духу и делам!

7.

Ашитков говорил
О сокровенном —
О Родине,
Что в каждом колоске:
— Он поплатился
За свою надменность,
Так пусть живет
И мается в тоске.

* * *

Девятый класс —
Семь витязей прекрасных,
Семь юношей,
Достойных похвалы.
Нет, Вас учил я
Явно не напрасно,
Вы Родины —
Достойные сыны!

Хотя сегодня, знаю,
Демократы
Былых врагов
Возносят до небес.
Но, не мои ребята
Виноваты,
Что в СССР
ГУЛАГ проник,
Как бес!

ГЛАВА ВТОРАЯ

СЕМНАДЦАТЬ ЗОРЬ

Семнадцать девушек,
Семнадцать чудных яблонь,
Семнадцать —
Нежных, ласковых имен,
Да я за них,
Хотя в штыки, хоть в сабли
Хоть в жаркий бой
Под шелестом знамен!

Семнадцать зорь
В высоком чистом небе.
Семнадцать пар
Веселых, милых глаз.
Куда бы не уехал,
Где бы не был,
Всегда и всюду
Думаю о вас.

Семнадцать —
Грустных, радостных, красивых.
Семнадцать мнений
На один вопрос.
Семнадцать —
Чутких, скромных, справедливых.
Вот всех семнадцать,
Да — в один колхоз.

Слыла б бригада
Маяком лучистым.
Звездою слава б
Над селом взошла!
Доярки,
Звеньевые,
Трактористки —
Вершили бы
Великие дела!

Но, нет, пожалуй,
Всех в колхоз не надо.
Их ждут не меньше —
Вузы и станки.
Цеха заводов,
Школьные ограды,
Ну и, конечно,
Парни у реки.

Иль у берез —
Плакучих, белоствольных.
Под звон тальянки,
Трели соловья.
Луга цветут.
Широкое раздолье
Колхозных нив —
То — Родина моя.

О ней поют
Счастливые девчата.
Семнадцать вместе,
Как одна семья.
И, если комсомол
Им скажет: «Надо!» —
Они покинут
Теплые края…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИМЕНА

Лариса, Алла,
Галя, Зина, Люда.
Две Оли, две Наташи,
Пять Татьян.
Две Лены, Нина —
Море незабудок,
Чудесных лилий —
Светлый океан.

1.

Лариса Коськина
Склонилась над тетрадкой.

Горит румянец
На тугих щеках.
Стоп: «Эврика!» —
Взметнулась
Над «Камчаткой»,
Как флаг ее,
Точеная рука.

2.

Ашиткова —
Скромна и деловита,
Чуть, может быть,
Строга, не по летам:
Комсорга ждут
Удачи и открытия
На поприще
Упорства и труда!

Тебе всегда
Я благодарен, Алла,
За авторучку,
Что, как штык в бою,
Меня от гнева завуча спасала,
Казалось уж
У бездны на краю.

Не мало ею
Вывел я пятерок
Твоим друзьям
В журнальной борозде…
Как говорят:
Не отсыреет порох —
Она не раз
Вас выручит в беде.

3.

Стол Тюховой,
Что Кольский полуостров,
Стоит, качаясь,
На семи ветрах.
За ним сидеть —
Почетно и непросто,
Когда с тобою рядом —
Шахиншах.

4.

Веселой, жизнерадостной,
Здоровой,
Тебя всегда
Желаем видеть мы.
— Есть! —
Отвечает Зина Королева, —
Вдыхать всей грудью
Аромат весны.

5.

Аблогина Людмила,
Всем на диво,
Волнистую прическу теребя,
Так выглядит,
Волнующе красиво,
Что ни сказать,
Не описать, любя.

6.

Гордится Ваня,
Что уже полгода

С ним рядом,
Будто стройная сосна,
Создание
Волшебницы природы,
В одном строю —
Его Бородина.

7.

Миронова,
Как маршал,
Под накидкой,
К доске выходит
Отвечать урок.
На замечанье,
Дарит взгляд сердитый:
— Пальто сниму,
Как только выйдет срок.

8 и 9.

«Поселились
В классе нашем, —
Пел Ашитков, не спроста, —
Две Наташи,
Две Наташи,
Словно птицы
У куста.

Разъезжают по столицам:
Поют песенки свои.
Как тому не подивиться,
В нашем классе —
Соловьи.

А точнее — соловьихи.

Трень — тальяночка,
Давай!
Две Наташи
Пляшут лихо —
Разудалую сыграй!

Веселее дроби бей
Вся семерка голубей,
Все семнадцать соловьих…
Две Наташи —
Среди них.

10.

Была коса до пояса,
Была краса, да сгинула.
Спалила Таня волосы —
И сердце закручинилось.
Косу обрезать дивную,
Сгубить красу заветную…
Ах! Минакова, милая,
Девчонка безответная.

11.

Захарова,
Совсем не странно,
Воспета Пушкиным
Давно.
Ей — имя Лариной Татьяны
Носить навеки суждено.

12.

— Только сани,
Только б сани! —

Сиротинин воздыхал, —
Я б Мамонову Татьяну
С ветерком бы покатал.

13.

Как солнышко,
Как золотой подсолнух,
Славянскою красой
Озарена.
Минаева прикажет —
Сто черемух
Подарит ей
Красавица весна.

14. ТАНИН УРОК

Тихим вечером
В лето жаркое,
Когда роздымь
Светлым — светла,
К Малой Оптухе,
Таню Маркину
Тропка узкая привела.

Над речушкой
Мосток качается,
Половицы его скрипят.
Юной девушке
Очень нравится
На мосточке том
Помечтать.

Красно — сливами
Звезды вызрели,
Белым лебедем

Плыл туман.
От Чернухиных,
Бабы видели,
На свиданье к ней
Шел Иван.

Зацвела вода
В теплых сумерках,
Улыбались ей ивняки,
А луна, смеясь,
Желтой рюмкою,
Опрокинулась
В хмель реки.

Ах! Иван, Иван,
Что ты выдумал?
Мне не по сердцу
Твой рассказ —
Нет, не конюха
Вы обидели! —
Не его Иван —
Целый класс.

За проступок тот
Плетью — розгами
Вдоль спины тебя
Походить.
Да оглоблями,
Да колесами
Присушить тебя,
Раздавить!

Раскидал ты —
Телегу школьную…
Удивляюсь:
Кому назло?

Эх! Иван, Иван,
Стыдно — больно мне.
Ты подвел, считай,
Все село.

Серым вечером,
В лето жаркое,
От моста,
Где сирень цвела.
Возмущенная
Таня Маркина
Со свиданья —
Домой ушла.

Не казались уж
Звезды сливами,
Не ласкал ее
Ветерок…
За проступок твой —
Некрасивый,
Дала Таня тебе
Урок!

15.

Десятиклассник
Коля Зенов,
Признался как-то,
Невзначай,
Что он Миронову Елену
На зимнем бале
Повстречал.

С тех пор
Не ведает покоя:
Еловой веткой

Сняло сон.
Казалось
Юному герою,
Что он княжною
Полонен.

16.

Хорошо
Душистым сеном
Пахнет летом
На лугах.
Траву мятную
Елена —
Мечет в копны
И стога!

Лена Зенова,
Конечно,
И в учебе
Впереди.
Будет труд,
Ее отмечен, —
Знаком Славы
На груди.

Остается лишь
С Бычковым
Ей не ссориться
Подчас.
Станет Лена —
Образцовой —
Звонкой песнею
Для нас.

17.

Ашитков,
Словно балерину,
Ее встречать
Всегда готов:
— Привет
Коростелевой Нине!
— Виват, Володя,
Будь здоров!

Что — физика у нас?
О, Боже!
Опять контрольная —
Беда!
Девчонки:
Кто решить поможет? —
Я с Архимедом
Не в ладах.

— Петр Дмитрич!
Можно не по теме
Задать волнующий
Вопрос?
Спасибо!
До какого времени
На танцы бегать нам —
В колхоз?

А, правда,
Марья Алексеевна
8-го Марта
Разрешит,
Скажите,
Только откровенно,
Нам Вечер —
В школе проводить?

— Ты —
Комсомольский идеолог:
Век хлопотать
Тебе не лень,
Но, Нина,
Почему из школы
Ты носишь двойки —
Каждый день?

Возможно,
Я преувеличил,
Уж ты, пожалуйста,
Прости,
Что в день весенний,
Неприлично,
Заговорил я
Про «хвосты»!

— Вам,
Как директору,
Признаюсь,
Что от стыда —
Огнем горю.
Исправлю двойки —
Обещаю,
Я, честно,
Правду говорю!

ЭПИЛОГ

Расстаться наступает
Время.
9-ый класс!
Мой юный друг!
Уж поэтическая тема

Зовет меня
На вешний луг.

Ширь неба соткана
Из песен,
Деревья —
Звонкие шатры
Сидеть нам в кабинете —
Тесно,
Его мы терпим
До поры.

Наступит срок —
Раскроем ставни
И улетим в простор
Земной.
И уведет вас
Берег дальний
Своей нехоженой
Тропой.

П.Д. Козин читает учителям школы свою поэму «Девятый класс».

Пройдут года,
Увянут силы,
Но память
Юность воскресит.
Девятый класс!
Мой спутник милый!
Шагай торопко —
По Руси!

Село Золоторево.
Февраль — март 1974 г.

ВАСИЛИЙ КАТАНОВ

(Поэма)

к 80-летию писателя — лауреата
Василия Михайловича Катанова

ПРОЛОГ

«Россия! Русь!
Храни себя, храни!»
Николай Рубцов

Русь — Родина любимая,
Земля богатырей!
Поэт с великой силою
Поведал нам о ней:

«Да, скифы мы,
Но мы и анты,
От антов вятичи пошли,
Богаты были на таланты,
Не только мяли ковыли…

Святая Русь —
Моя держава,
Моя старинная страна.
Взошли на гребень
Русской славы
За именами имена».

Все помнит их —
Поэт Катанов,
Ведя рассказ о давних днях,

Как помнит
Русская застава
О трех своих богатырях.

Они,
Чтоб жил спокойно Киев
В дозор скакали на конях:
Друзья — Попович и Добрыня,
А первый —
Муромец Илья.

Писал поэт
О нашей славе,
Чтоб память добрая жила…
Застава! Русская застава —
Опорой верною была!

В степной простор,
Стремил он взоры,
Туда, где рос один ковыль,
Слагая песнь
О Святогоре,
Что в даль скакал,
Взвивая пыль.

До града Новгорода
В взгляды,
Бросая, видно далеко.
Вольга — Микула
Тоже рядом
И рядом —
Гусельник Садко

Переложил Иллариона
Стихами

Пламенную речь.
О Благодати
И Законе,
О том,
Как веру уберечь.

Восславил мир
Родной деревни,
Поля и рощи над Окой
И побывал в Египте древнем
Своей душевною
Строкой.

«Нет справедливости в округе,
Сказал, где меркнет
Правды свет, —
Одним — дворцы,
Другим — лачуги,
От первых —
До последних лет».

«Афон — гора»,
Не за горами.
Качает море корабли
Я вижу,
Вижу за стихами,
Кусочек греческой земли.

1. ФОМИНКА

Рожденный на Альшани,
Я на Фоминке рос.
В. Катанов

Рос крепыш в Фоминке милой
У красавицы Оки,
Где дома, что клин гусиный
Растянулись вдоль реки.

Вдаль глядел с горы Кавказки —
Вся округа на виду.
Сочинял стихи и сказки,
Груши рвал в своем саду.

Сладко грезила в тумане
Череда веселых дней.
Ночевал он на Альшани,
В доме бабушки своей.

«Сны летали над садами,
Над ручьем и над трубой».
Вдруг петух, гремя крылами,
Вышел с песней удалой.

Средь просторов деревенских
До Сабурова бродил.
Чудо — крепость, граф Каменский,
Там когда-то сотворил.

Годы барские в тумане.
Жизнь — наука для детей.
Рассказал потом в романе
Об истории своей.

За войной война другая
Разгулялась над Окой.
Страшным грохотом пугая,
Возле леса грянул бой!

«На Берлин шагать не близко,
Много трудных городов…
И Фоминка обелискам
Отдала своих сынов».

Вот и речка — серебринка,
Сад в цветах нам шлет привет.
Вот и хата на Фоминке,
Где ж поэт? Поэта нет.

2. ВОЛОКОНКА

Двенадцатого мая,
В две тысячи шестом
Предстала Русь святая —
Деревней под бугром.

Колодезь здесь и речка
По камушкам бежит.
Избушки с русской печкой,
Взмывают ввысь стрижи.

И ласточки в работе
Над Оптухой снуют.
Селяне в огородах:
Копают, пилят, жнут.

Звенят косою звонкой,
Знать по сердцу им труд.
Деревню Волоконкой
Все издавна зовут.

Писатель Василий Михайлович Катанов с женой Валентиной Сергеевной, уроженкой д. Волоконка. Орел, 1957 год

«Стоит гора крутая,
Высокая, как храм».
На ней, в зеленом рае,
Живет Катанов сам.

У дома с палисадом,
Подвал, сарай и хлев.
И огород за садом,
И двор в тени дерев.

Смородина и грядки —
Ухоженный цветник.
Любителем порядка
Писатель знаменит!

В опалу попадали:
Тургенев, Пушкин, Фет.
Они в глуши страдали.
Иное, — наш поэт.

Как Шолохов великий,
Избрал он долю сам.
Лицо ветрам открыто
И весело глазам.

Природа вдохновенье
Его душе дарит.
Рождаются творенья,
Которым вечно жить.

«Заставу богатырскую»
Он сладил в наши дни.
Далекое и близкое
Ему всегда сродни.

Не книги — огневицы,
Рождаются в садах.

Красавицу «Жар — птицу»
Держу теперь в руках.

Она мне освещает
Суровой жизни путь.
Писатель сам страдает
И надо б отдохнуть.

Уже восьмой десяток
Свой завершает бег.
Но, как Толстой, он краток:
— Сидеть без дела — грех!
Когда страна в пучине
Хазарского копья,
И матери в кручине
По павшим сыновьям.

«К экрану не пробьется
Писатель — патриот.
Не скажет, как живется,
Что думает народ».

Когда идет охота
Даже на «русский дух».
— Стихи — моя работа, —
Признается не вдруг:

— Ответим мы по-царски,
Ведь с нами добрый свет:
И Минин и Пожарский,
И Пушкина завет.

«Товарищ, верь! — сказал он, —
И воссияет Русь».
Боятся нас не даром —
В пух разлетится гнусь.

И долго мы с Сергеем
Его внимаем речь.
О том, как от злодеев
Россию уберечь.

— Нам в том поможет вера, —
Катанов говорит, —
В смиренье есть прозренье,
Господь не зря твердит.

С ним — Иоанн Кронштадтский,
Святитель Феофан.
Лишь с верой сердцу сладко,
Без веры жизнь — дурман.

Ведь были, Храм ломая,
Мы хуже дикарей.
Казнили Николая
И юных дочерей.

Страдальцем стал великим:
Вины Царя, ни в чем —
Не зря причислен к Лику
Ласкающим лучом.

Михайлович нам долго
О Боге речь держал,
А оглядев нас, строго
В напутствие сказал:

— Забудьте о гордыне,
Как Златоуст учил.
Лишь вера дух поднимет,
Толстой по вере жил.

Вам, как соседу Пушкин,
Я бесконечно рад,
Как он, терзаю души,
Уж три часа подряд.

Сергей Шмелев и Петр Козин в гостях у В. М. Катанова

Простите, что так смело,
Вас оторвал от дел.
Так сердце изболелось —
Очиститься хотел.

(Примечание: редактор, без объяснения причин, вычеркнул из поэмы, отмеченные курсивом строки, однако, автор счел необходимым их восстановить)

3. ОРЕЛ

«И не подкупный голос мой,
Был эхом русского народа».
А. С. ПУШКИН

Дом в Орле,
На Разина, четырнадцать,
Столько ж ввысь взметнулось этажей.
На шестом,
Писатель божьей милостью,
Привечает дорогих гостей.

Светится лицо улыбкой скромною,
Отворяет двери широко.
Земляки идут к нему с поклонами.
Им с ним рядом,
Дышится легко.

Он, как Пикуль —
И сдержанный, и мудрый,
Что родник,
Его живая речь.
Говорит о жизни многотрудной
И о том,
Как Родину сберечь.

Никого упреком не обидит,
В шутку обратит лихой навет.
Все поймет.
Он в Смуте даже видит,
Как Ильич,
В конце тоннеля — свет.

Городом,
Что в мае так сиренев,

В октябре — багров и золотист,
Он, как Спасским,
Некогда Тургенев,
Всем горячим сердцем дорожит.

Расцветил он бисером поэму,
О своей родимой стороне,
За нее ему бы непременно
Надо ставить памятник в Орле.

Ничего в ней всуе не забыто,
Память в нем народная жива.
Что ни строчка — целое открытие
О былом старинного Орла.

Предстают, как будто из тумана,
В сполохе веселого костра:
«Гневный профиль Грозного Ивана,
Треуголка Первого Петра».

Вот спешат к Оке,
Вслед за Лесковым,
Тютчев, Фет и Бунин молодой.
Зазвучало Пушкинское слово,
Анна Керн являет лик живой.

Пели здесь — Русланова и Зыкина,
И Петрова — Вяльцевой сестра.
Не забыть Русанова, Столыпина,
Германо, что шутит у костра.

Согревает музыкой Калинников,
Гавриил Пясецкий правит бал.
Поликарпов «ястребки» былинные
В небеса отважно запускал.

В Сквер танкистов воины Горбатова
Носят розы к Вечному огню.
Их за славу города крылатого
Я от всей души благодарю..

Переплеты высветили стенку,
Фолианты обрывают сны.
То о нем писатель Кондратенко
Обронил: — «Любитель старины».

Сорок лет назад, в семидесятом,
Встретились впервые мы в Орле,
Дронников —
Раскованно, с азартом
Все, что знал, поведал обо мне.

Журналист «Орловской правды» слушал,
Всем его эпитетам внимал.
Растворял, казалось, настежь душу,
Он, когда мне руку пожимал.

Одна из встреч П. Д. Козина с В. М. Катановым

— Ваши я стихи читал в газете, —
Улыбаясь, говорил всерьез, —
В них есть все, что надобно поэту,
Только с «языком» у вас вопрос.

Все то вы торопитесь, спешите,
Ищите Ячменное зерно.
Много фактов, только извините,
Надо заостряться на одном.

Пушкина, Твардовского читайте,
То они — мои учителя.
И дорогу верно выбирайте,
А она у каждого — своя.

ЭПИЛОГ

«Я не в Америке рожден,
А под крылом родного края.
Альшанской церкви давний звон
Во мне живет, не умирая».

Василий Катанов

Сорок книг,
Как сорок сороков,
Выпустил летать по белу свету.
Не забудет Родина за то
Никогда великого поэта.

Хоть прожил он 80 лет,
Давит груз на сердце
И на плечи.
Но в глазах,
Все тот же чистый свет

И все так же —
Дерзновенны речи.

И пока свежо его дыханье,
Краевед всегда
В крутом бою —
Не отдаст врагам на поруганье,
Как невесту,
Родину свою.

В нем живет —
Церковный звон Альшани,
За рекой Окой —
Широкий луг.
Несмотря на годы и печали,
В нем не иссякает —
Русский дух!

* * *

Каждою строкой
И каждым словом,
Как оружьем воин, дорожит.
Только б Русь жила,
А он готовый,
За нее — и голову сложить!

(С таким утверждением редактор не согласился: восстановлено автором)

* * *

«Не жаль мне лет,
Растраченных напрасно» —

За те слова Есенина корю…
Не зря в их смысл
Катанов вносит ясность:
— Еще как жаль!
Я правду говорю.

Не прав Сергей!
И правым быть не может…
Пусть гений
Нас с Катановым простит,
Но мы считаем:
— День напрасно прожит,
Коли душа
О прошлом не грустит…

И тяжело
Раскаянье тревожит
За нынешний
Вороний шум и гам…
Да, тошно нам,
Но все же, все же, все же,
Мы душ своих
Не отдадим врагам!

Орел — Волоконка
2010 г.

СЕРГЕЙ ШМЕЛЕВ

(Биографическая поэма)

«Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить,
Залог достойнее тебя».
А. С. Пушкин

«Нет уз святее товарищества»
Н. В. Гоголь

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

«Куда уходит детство,
В какие города?»
(Из песни)

Рожден — в Орле.
В день пятый мая,
Когда в садах цвела сирень.
На Привокзальной,
Папа с мамой
Его качали колыбель.

Отец Иван —
Мужчина бравый,
Четыре года воевал.
Сказал жене:
— Ты, Таня, право,
Красавца парня родила.

Мы назовем его Сергеем,
Он на Есенина похож:
Всегда веселый,
Крепок телом,
И даже волосы
Как рожь.

Пускай растет,
Вбирая соки
Красы родимой стороны:
Здоровым, бодрым,
Не жестоким…
Лишь только б
Не было войны.

Семья офицера-фронтовика И.С. Шмелева

Война войной —
О ней медали,
Звенят, волнуя и любя.
Ты много лет,
Все на вокзале —
Связал с «железкою» себя?

Ты, как
На каторжной работе…
Мне все о Родине поешь.
Портрет твой
На Доске Почета —
Трудом и Славою живешь!

Как будет сын
Тобой гордится:
Ведь по отцу и сыну честь!
Иван Сергеевич смутился,
Ответил так:
— Каков уж есть!

В семье седого ветерана
Мальчишка набирался сил.
С улыбкой просыпался рано,
Как витязь,
Сказочно красив.

И вот он в школе
Тридцать первой,
Когда минул седьмой годок,
С Людмилою,
Сестренкой верною,
Пришел впервые
На урок!

Счастливое детство. Справа — Сергей Шмелев и его сестра Людмила

Не долго мучился вопросом:
Кто Муромец,
А кто Ермак?
Сразил Михайло Ломоносов,
Ведь тот, как ты —
Простой бедняк!

Он стал великим,
Из великих?
Сергей от дум лишился сна:
«Открылась бездна,
Звезд полна,
Звездам числа нет,
Бездне — дна!».

Наука —
Гения отрада!

Ему таким хотелось быть,
Он понял, что —
Учиться надо,
Чтоб звезды новые открыть!

«С далекой Вислы
Прибыл Вятко, —
Он как-то в книге прочитал:
«Прости!» —
Сказал он Ляху — брату
И в путь далекий поскакал.

На родниковое начало
Оки
Он вятичей привел
Как мать,
Река его встречала,
Звала к истокам новых сел.

Цвели сады,
Костры горели,
Кипела рыбою вода.
Сходились девушки и пели
Сияла первая звезда».

Стихи Катанова — поэта,
Цвели в душе,
Как райский сад.
Она рвалась —
К простору, свету,
Где по ночам
Костры горят.

Еще ему приснилось
Море
И цепь могучих синих скал…

Да, мой герой,
Еще со школы —
О путешествиях мечтал.

Чтоб все увидеть,
Все объездить.
Лишь только духом не робеть.
Придется —
Опуститься в бездну,
А надо —
Пламенем сгореть!

Ах, школа!
Выдумкам, проказам,
Казалось, не было числа.
То в сад за яблоками
Лазал,
Где по весне сирень
Цвела.

То убегал
С ватагой дружной
На станцию,
Где поезда…
Играл в футбол,
Коль было нужно,
Однако,
Добрым был всегда.

В трамвае,
Уступал он место
И пожилым, и старикам.
Но, как костер, сгорело
Детство,
Уж машет юности рука.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЮНОСТЬ

«Юность комсомольская моя»
(Из песни)

Бал отзвенел…
Уж ритм последний
Уплыл за окна
В школьный сад.
Уж был вручен,
Как дар заветный,
Ему отличный Аттестат!

В нем были, правда,
И четверки:
Сережа — твердый «Хорошист».
Но в аттестате ДЭТС
— Пятерки,
На радость
Украшали лист.

Выпускники Детской экскурсионной туристической станции (ДЭТС) Сергей Шмелев и Наталья Корик: оказание первой медицинской помощи. Орел, 1968 г.

Туристы юные успели
Сходить в походы,
А когда,
Все разбежались,
Кто — куда,
Сентябрь к ним
Постучался в двери.

Сережа —
Лаборант «Текмаша»,
Точней ВНИИЛ его зовут.
То днем,
А вечерами также,
Учиться ходит в институт.

«Машинка» —
Розовые были…
Имел отдельный факультет,
Где на «строителей» учили.
То он герою слал привет!

Но подоспели
Службы годы…
Видать календари не врут:
Его в Германию,
На Одер….
Служить —
Во Франкфурт призовут.

Поскольку был Сергей
Туристом,
Окончив ДЭТС,
То ясно, он,
На ратной службе
В штат включен:
Топографом — геодезистом.

Рядовой Советской Армии Сергей Шмелев, 1981 г.

О, география — наука!
С тобой герой наш
Никогда,
Какая б не пришла беда —
Не ведал горестей
И скуки.

Раскроет карты.
Видит он
«Союза»
Дивные просторы:
Озера, реки, сопки,
Горы —
Страны,
В которую влюблен.

Казалось —
Знает тропки к каждой
Суровой сопке и горе…
В 70-ом, вдруг однажды
Письмо явилось —
В феврале.

Писал письмо
Некрасов Юрий,
В делах спортивных —
Удалец —
Всегда в делах,
Не пьет, не курит,
Ну, право,
Парень — молодец!

«Сергей! Служу я на Памире, —
Писал приятель
Не спроста:
На Кушке. Здесь —
Вершина мира!
Какие дивные места …

Эдельвейс Тянь-Шаня

Долины —
Радостная песня
В ковре цветущих эдельвейсов.
Здесь рядом с СССР —
Китай…
Служить закончишь —
Приезжай!».

Он,
Через год,
Окончив службу,
Решил отправиться —
В поход.
Да, не один,
А в группе дружной
Душа от радости поет

Уменья не было,
Сноровки…
Азартом много не возьмешь.
Но захотел
И стал он ловким
В жару и в холод,
В снег и дождь.

Все десять лет
Походов дальних
В горах —
Прекрасная пора.
Ни разу не был
Он печальным.
Стал —
Кандидатом в мастера!

Турист в семье —
Одна обуза.

Сергей Шмелев в студенческие годы

Ведь надо обучаться в Вузе.
К тому ж работать,
Чтобы жить
И с комсомольцами
Дружить.

Ведь, он у них —
Да на «Химмаше»,
Не кто-нибудь, а секретарь.
Права райкомовские
Даже,
Тут нужен парень —
Не сухарь!

А сухарем герой наш
Не был…
Он дорожил
Не только хлебом:
К делам и людям шел с душой,
Любой порой —
В мороз и зной.

Молодые супруги: Людмила и Сергей Шмелевы

Людмила Митина
С любовью
Явилась —
Гений красоты.
Костер горел у изголовья,
Цвели волшебные цветы.

День бракосочетания
Людмилы Митиной и Сергея Шмелева

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВСТРЕЧА

«Встречают по одежке,
а провожают по — уму»
(Народная мудрость)

В год первый
Из 80-ых,
В студеном, вьюжном январе,
Я отрабатывал
Зарплату,
В бюро проектном —
ПТБ.

Работал
Старшим инженером —
Соревнованье развивал…
С хапугами
Сражался смело,
Ворам — покоя
Не давал.

Писал
В газеты и журналы
И даже книгу
Смог издать…
Ее отрывками читали,
Пытались опыт
Перенять.

Однако же
Не всем по вкусу
Пришелся мой максимализм.
Мне говорили:

— Глупы русские,
Как ты,
Что верят в коммунизм.

Что ничего святого
В мире —
В помине не было, и нет.
Хоть патриот я и поэт,
А где живу? —
В чужой квартире.

Мне, как Туманова
Корчагину,
Пытались истину внушить,
Что зря корплю я
Над бумагами,
Что не умею
Просто жить!

И, что в колхозе
За свеклою,
Зазря пол лета проводил.
Уж лучше б
Занялся любовью,
Да рыбу,
В озере ловил!

Мол, Русь стоит,
Как на приколе,
Прогнивший старый пароход.
Генсек —
Без разума и воли,
Что от него —
Устал народ.

И, что сегодня
Или завтра,

«Союз» развалится по швам…
А я, порой,
Бросая завтрак,
Спешу к работе —
По утрам.

Чего, ты,
В сорок лет добился?
Нет ни кола и не двора!
Зачем ты —
Двадцать лет учился?
Давно бы поумнеть
Пора!

Шмелев — романтик,
Как и я,
Он верил в доброе начало.
И у него,
Как у меня,
Накоплен опыт был
Печальный.

Как я открыто —
Воевал,
Даже с партийными богами.
Но низким, для себя,
Считал —
Держать за пазухою камень.

Он никого не поучал,
И не навязывал
Суждений.
Не лез, как говорится,
В гении,
А больше —
Думал и молчал.

Всегда присутствовала
В нем —
Незримая культура духа!
Культура виденья
И слуха.
И обаяние притом.

Тогда я понял
До конца,
Что мой герой —
Пошел в отца!
Шмелева — старшего заслуга,
Что, наконец,
Обрел я друга!

Друзья Петр Козин и Сергей Шмелев. Орел, ПТБ, 1981 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПТБ

«Безумству храбрых
Поем мы песню!»
Максим Горький

Все ритм и бег.
Уж целый год,
Как в ссылке —
Работаю, печалюсь и томлюсь.
Угасла поэтическая
Пылкость,
Я даже выйти покурить —
Боюсь.

Лишь кабинет покину,
Как за мною,
Вослед уж Павлов
С грозным костылем.
Он Клейнов зять —
Живет с его сестрою.
Пасти меня —
Ответственность
На нем.

— Петр Дмитрич!
Зря вы со Шмелевым, —
Он начинает
Нудный разговор, —
Все ПТБ,
Вмиг разогнать готовы.
Под тем предлогом,
Что здесь каждый —
Вор!

Да, «леваком»
Не брезгует Брызгалов —
Оградки и станины
Продает.
Но согласись:
Гост — средств дают нам мало,
За счет его лишь —
ПТБ живет.

Мы каждый год
Идем в автопробеги,
Чтоб навык в автоделе
Закрепить.
— Так вот они —
Брызгаловские деньги,
Куда идут?!
— Чего тут говорить.

Художникам приходится
«Халтурить»…
И ты поймешь,
Коли совсем не дуб:
Что лучше расписать
Дворец культуры
Или украсит вязью —
Сельский клуб.

Да заработать…
Время ж по-пустому
Негоже проводить им —
За свеклой.
Это — печаль селян
И агрономов…
У них же профиль,
Знаешь сам, — иной!

Не любите
Художника Глушкова —
Это понятно:
Деньги тут виной…
За что же столяра
Вы покарать готовы?
Ведь Ящерицын —
Мастер золотой!

На загляденье ладит
Шифоньеры,
С искусной бахромой,
Как в старину.
Навар тут, безусловно, есть.
Он — верный,
Но полнит ту же —
Общую казну.

— Все это так,
Но вы и нас поймите, —
Я Павлову спокойно говорю:
— Кому доходы все идут?
Вот именно,
— Элите!
Отсюда пьянки
Изо дня ко дню!

А партбюро,
Что во главе с Наумовым,
Как будто бы
Не видит…
Все молчат.
А мы, напротив,
Со Шмелевым думаем,
Что жизнь такую —
Надобно кончать!

Элита ПТБ ТУ – участники автопробега – 78. Первый ряд (слева - направо): директор ПТБ Артур Робертович Клейн, секретарь партбюро Наумов Иван Ильич, экс- зав ПСО Ванин. Второй ряд: зав экспериментальной базы (в очках)) Иван Александрович Брызгалов, инженер по снабжению Светлана Федоровна Федосеева, ст. инж. (дочь Наумова) Кондрашкина Ирина Ивановна, столяр Ящерицын Анатолий Михайлович. Третий (верхний) ряд: зав РО по ТЭО Юрий Николаевич Неженцев, художник Игорь Сидоренко, конструктор Татьяна Грибакина, зав сектором художественного конструирования Александр Глушков, инж. РО Игнашкина Нина Михайловна, конструктор Живмаша Тамара Боброва, зав техотделом Ненарочкин Игорь Владимирович.

Взысканьями,
Словно корабль ракушками,
Хоть я оброс,
Но честью дорожу…
— За это и получишь
По макушке!
Уж, извини, я Клейну
Доложу.

И доложил…
Задумалась Элита,
Как нигилистов глупых
Проучить.
Приехали в колхоз…
Они бандитов
Здесь наняли,
С наказом —
Нас избить!

Убили бы!
Но помешал Шутеев —
Конструктором работал в ПТБ.
Он — культурист
И преуспел в борьбе:
Вмиг на пол уложил —
Двоих злодеев.

Он действовал
Решительно и ловко.
Отняв ножи,
Дал тумака им вслед…
Решением суда,
Что был в Покровке,
Обоим зэкам дали —
По пять лет!

«Заказчики»,
Однако избежали
Сурового возмездия пока,
Хотя о них
Мы — трое написали
Тогда письмо Алиеву —
В ЦК — а!

Мы верили:
Алиев нам поможет,
Ведь он в Баку
Дал криминалу бой!
Ответ пришел…
Но все же, все же, все же…
Не член ЦК,
Шутеев — наш герой!

«Безумству храбрых!»
Мы слагаем песню,
Хотя борясь,
Мы правды не нашли.
За смелость,
Верность долгу
И за честность,
Нас — всех троих —
Из ПТБ «ушли»…

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАУКА ПРОИЗВОДСТВА

Читатель упрекнет: не поэтично
Писать о производстве, ПМКа…
Становится суровою строка,
Куда приятней петь —
О счастье личном.

Все это так,
Но, людям надо жить,
Любить, жениться и детей растить,
А ведь для них —
Как совесть говорит:
Дома и школы
Надо возводить.

И для животных на селе спешат,
Цеха и фермы строить из бетона,
Они надежней рая в шалашах,
Бетон, оно понятно, —
Не солома…

От спички и окурка не сгорит,
Всегда тепло —
Корма, вода, отливы…
Не зря же Маршал
Брежнев Леонид,
В подобных стройках
Видел перспективу!

Строитель Главный —
Константин Гасюк,
Взяв на заметку,

Волю руководства,
Внушал Шмелеву,
Что из всех наук,
Всего важней —
Наука производства!

Проектное бюро —
Мираж, обман,
Оно решает общие вопросы,
А ты,
Как корабельный капитан,
Вначале должен послужить
Матросом.

С небес спуститься
К матушке — земле,
Чтоб без боязни ей
Испачкать руки…
— Тебе, — сказал он, —
Нужно на селе,
Пройти с нуля —
Рабочую науку!

Шепнув своим приятелям:
«Пока!»,
С душой —
Непогрешимой и открытой,
Герой мой появился,
В ПМКа,
Где строить стал —
Дома из монолита.

Вначале — мастер,
Позже ПТО
Доверили ему,
А оправдавши веру,

Назначен был он —
Главным инженером,
Затем начальником,
С приставкою — «И. О».

Сергея помнит
 Карпово — село,
Где гостя обнимал
Герасим Митин —
Благодарил за ферму!
Он его
Был тестем и к тому же
Знаменитым!

Герасим — фронтовик!
И не спроста,
Была вся грудь —
Медалями увешена…
Затем он побывал
В других местах —
В Синце, Верховье,
Болхове, Алешне…

Сергей не падал духом,
Не дремал,
Ему работать было интересно.
Вот он уже
Рац — предложенье дал,
Да-да, по производству
Сухих смесей.

Ему б расти,
Но, горе — не вода,
Оно, порой, горшее
Сивой водки….
За Горбачевым вслед

Пришла беда,
Ее именовали —
Перестройкой!

Вслед за «Промстроем».
«Орелстрой» — горой…
Затем от Харькова —
Монтаже — Управленье,
То будто бы,
По — щучьему веленью
Явился Широбоковский
— «АГРО».

Открылся
Русский национальный банк,
Чтоб только «хапнуть»
Деньги и закрыться.
Завхоз Шмелев
Опять попал впросак:
Зачем он на строителя
Учился?!

Сомнения, борение с собой.
Как видно были правы —
Маркс и Энгельс,
Что власти капитала
Дали бой!
Сергей на СПЗ,
На фирме «ЭМИКС».

Но ЭМИКС лопнул
Мыльным пузырем,
Хотя в стране —
Уж не хватало мыла.
«Союз Орловщины»
Богат — нашатырем,

Спустя полгода
И его закрыли.

На выручку приходит
Воробьев.
Он капремонт
Погрузчикам освоил…
Улыбкой
И доверьем успокоил:
Шмелев —
Зам по коммерции,
При нем.

Казалось бы —
Работай, не ленись:
Не будешь ни в накладе,
Не в обиде.
Но, у Сергея впереди —
Вся жизнь,
А перспективы в ней
Он не увидел.

Когда же Воробьева попросил,
Принять соучредителем
На фирму.
Михал Михалыч,
Голову склонив,
Ушел с ответом,
Спрятавшись за ширму.

Вот уж герой
В «Орловских родниках»
С высоким чином.
Шутка ль? —
«Генеральный».
Хоть денег и зарплаты

Нет пока,
Но, в розовых закатах
Берег дальний.

Он душу и бередит
И манит…
Все чаще снятся
Дымчатые горы,
Ведь с юности Сережа —
Альпинист!
Но, о походах —
Только разговоры.

Без денег же,
Не до пустых утех,
Семья без них,
Как будто бы в отрубе.
Основывает фирму
НАНАТЕХ,
Тогда он с Александром
Недорубой.

А. Недоруба

Однако же и тут
Вся та же блажь,
И, чтоб жену,
Хоть как-то успокоить,
Он должность сторожа
Берет на абордаж,
Не где ни будь —
В «Орелагропромстрое».

Когда ж, как водится,
Опять на мель,
Попал его корабль
В густом тумане.
Избрал герой

Обкатанную цель —
Стал предпринимателем
Индивидуальным.

Знать не спроста
Он институт кончал:
Строительство пристало,
Как короста.
Вот такова,
Как бы Гасюк сказал,
Земная из земных, —
Наука производства!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПЕРЕКРЕСТКИ

Поля. Поля.
По ним березки —
Созвездьем Млечного пути:
От той красы — с ума сойти!
Витые тропки, перекрестки.

А там дорога — хоть куда:
Ложись, катись — нет остановки,
Река, ручей — бежит вода
По камням радостно и звонко.

Водитель классный мой герой.
В ночь на Москву?…
Да не проблема!
Он мчится, обгоняя время,
Свет фар, как лучик золотой.

Когда уж Тула за спиной,
Нас в Серпухове брат встречает —
И Александр мне укоряет:
— Сергей Иванович — герой!

Машиной ловко управляет,
Не то, что ты! Зря не виляет.
Его и осы не пугают…
— Характер
Шмеля, видно, знают —
Они к нему не залетают.

— Тебя ж, вот, жалила оса,
Ты бросил руль…
Уж смерть в глазах —
Минутой растеряйся я,
Клевали б коршуны
Меня!

На горе б, и тебе досталось…
— Да, счастье нам не улыбалось! —
И я всегда признать готов:
Опасна трасса,
На — Белев!

— Вот-вот.
С тобою не годится
Кататься, братец,
По столицам…
— Согласен.
Есть на то Сергей,
Как щука в озере,
Он — в ней.

Столбы,
Что во поле березки,

Мелькают только
Перекрестки.
Мчать по Москве
С ним можно смело…
— С Сергеем?
То — другое дело!

Да, не забыть мне,
Как Шмелев,
Мою «Оку» пригнал в Орел.
Ее купили мы в столице…
Дорога та
И нынче снится.

Дома,
Что каменные горы,
Меж них —
Машинные заторы.
Я впал в отчаянье,
Он — весел,
Хотя в Москве —
Министрам тесно!

Но в Плавске
Нам не повезло,
Сгустилась ночь,
Тут, как назло.
Потек тосол…
Что зря пенять.
Пришлось нам с другом
Ночевать.

Наутро
Помпу поменяли
И путь спокойно
Продолжали.
Наведывались в Чернь

Не раз
И в Спасское —
В урочный час…

К Тургеневу
Мы наезжали.
И на Калиновском
Бывали.
И в «Елках»
Непременно были
Мы — у родительской
Могилы.

И то на ней,
Как знак печали,
Мы памятник сооружали.
Сергей спокойно,
Без оглядки,
Его покрасил
И — оградку.

В Сивково
Заглянули тут,
Где нас приветил
Старый пруд.
На Аленной,
Как речки сына,
Меня возил он
К Лабосыни.

И в детство
Приоткрыл окно,
Когда доставил
В Репнино.
Здесь школа,
Коей имя свято,
Ее окончил я
Когда-то.

Приветствовали
Земляки,
Его, что на помин
Легки.
— Да, ты, Сергей,
Как принц, красивый, —
Ему жал руку
Зять Василий.

Петр Козин с зятем и другом Василием Илларионовичем Бондаревым

Моя кузина Антонина
Его встречала,
Будто сына.
Борщом, яичницей
Кормила
И щедро
Молоком поила.

Кузина поэта Антонина Ивановна Бондарева

Была растрогана
До слез:
— Спасибо, Петю к нам,
Привез!
Зять Бондарев,
На слово, крут:
— Давно и вправду,
Не был тут!

Заждались уж
Родные дали,
Что говорить —
И мы в тоске,
Уж держимся на волоске-
Хорошей жизни
Не видали.

Вся наша радость
Только в детях.
Да, вот,
Когда приедет Петя.
Тебе, Сергей,
Поклон за это,
Что дружишь,
Возишь к нам поэта!

Сергей Иваныч
Улыбнется,
Воды достанет,
Из колодца,
Ответит в шутку
И в серьез:
— Всегда готов!
Что за вопрос?!

Посмотрим
Соболевский пруд.
— На Зубарях он…
Пять минут…
И предстает
Во всей красе,
Приют ершей и карасей.

— Водохранилище.
Постой!
Его возвел же

«Орелстрой»! —
Сергей плакату
Подивился, —
Ведь в «Орелстрое»,
Я трудился.

Бежит
«Ока» навстречу лесу.
Поселок влево, то —
Крещенский.
Сват Емельянов
Здесь давно
Вкушает сладкое вино.

Он нам всегда
С Сергеем рад,
Ведет не мешкая
Нас в сад.
Жердь,
Что на конце,
С кулем, возьмет
И ловко снимет
Свежий плод.

С земляками, 2009 г.

Что долго не были —
Простит.
Вином хорошим
Угостит.
И снова примется
За доски….
А мы уж мчимся
К перекрестку.

Успеем побывать
На дачах.
Ведь мы спешим,
А, как иначе.
Прекрасны
Отчие дороги,
Но время отнимают
Много.

Уже, видна зори
Полоска —
Сергей педали выжимал…
Тут я приятелю сказал:
— Спасибо, друг,
За перекрестки!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

(Заключительная)

СВЕТ ДУШИ

«Ты спеши,
Когда мне нужен друг…»
(Из песни
Муслима Магомаева)

Сергей Шмелев

Застенчив он — не гордый:
Придти на зов спешит…
Сквозь зимы, весны, годы,
Несет в мир —
Свет души.

Одной своей улыбкой
Гасит печаль — недуг
Не может быть ошибки —
Сергей —
Мой лучший друг!

Всегда мы вместе были
В дни горестных утрат:
С печалью схоронили
Его отца и мать.

Его сестру и тестя
С ним отправляли в путь.
Мы всюду рядом, вместе,
В том нашей дружбы —
Суть…

С ним —
В дни поминовенья,

Мы ездим на погост…
Случатся Юбилеи —
С ним поднимаем тост.

Дочь Ира не забудет
Веселой свадьбы час,
Когда с женою Людой,
Сергей пустился в пляс.

Плясал задорно, лихо —
Всем стало веселей…
Сватья взбодрились мигом:
— Ах! Молодец, Сергей!

От счастья дочь заплакать
Была готова вдруг:
Гордилась, что у папы
Есть настоящий друг!

И, право, он и Люда,
Уж больно хороши…
И мертвого разбудит
Их танец — от души!

Свадебный танец четы Шмелевых. 16 февраля, 1990 г.

Они всегда помогут,
И справиться с бедой.
Знать по веленью Бога
Мы связаны судьбой.

В одной,
Единой связке,
Как бы сказал поэт…
Да, мы в одной упряжке
С Сергеем много лет.

Совместная работа,
Совместные друзья.
И общие заботы —
О внуках, дочерях.

Сергей Иванович Шмелев
с сыном Юрием и дочкой Наташей, 80-е годы

Чтоб отчий край —
Любили
И помнили о нем.
Чтоб дети умно жили,
Мы книги издаем.

* * *

Не зря поэт Катанов
Нас с лаской привечал.
И долго, неустанно
Свои стихи читал.

И патриот России
Петр Родичев подчас,
Уже теряя силы,
Был рад увидеть нас.

И Логвинов — филолог
Увидеть нас был рад.
Жаль, путь его не долог-
Угас «овражный брат».

Тот, чей отец
На мигах
Будил страны рассвет,
Дарил с любовью книги
Нам —
Лущенко Альберт!

Поправив серый свитер
Под белой бородой,
Поэт Рассохин Виктор
Беседовал с тобой.

Тебя Бутузов Игорь,
Как, видно, не забыл.

Хоть, он не пишет книги,
В товарищах ты с ним.

Едва на ладан дышит
Заводик «Шестерен».
Вы под одною крышей
Работали на нем.

Тебе свою «Лампаду»
Вручил поэт Круглов.
Тепло встречал у сада
Издатель Щипаков.

Он в книге, что готовил
О друге, в меру сил,
О Родичеве слово —
Твой очерк поместил.

Твоим речам внимает
Вдова поэта Рая.
И с доброю улыбкой
Прощает за ошибки.

Тобою свет разбужен,
Твой голос, как свирель.
Звенит, как будто кружит
Веселая метель.

С тобою и в морозы
Цвести начнут мимозы.
Не зря с супругой Валей
Вы уродились в мае.

В день пятый! Примечай!
Как будто невзначай,

Молодые Шмелевы с сыном Юрием и дочерью Наташей на Черноморье

Но не спроста, я знаю,
С тобой не надо рая.

С тобою отобедать
Всегда рад Ярахмедов —
В лесу устроил пир
Кавказец Абзагир!

И обещай не спорить,
Эпитет сей бесспорный:
Прекрасен ты, как море,
С тобой беда — не горе.

И горе — не беда,
Болото — не вода.
Я утверждаю это:
С тобой не надо света.

Нет, не случайно в мае
Природа оживает.
В цветах родимый край,
Ты сам — цветущий май!

Пусть силы на исходе,
Себя в любом походе,
С туристом — молодцом,
Я чувствую юнцом.

Сергей Шмелев, Юрий Воробьев и Петр Козин в «Березке»

С тобой и ночью черной,
Готов идти я в горы.
Осветит мрак вершин
Мне свет твоей души!

Живи, мой друг, и помни.
Хоть человек ты скромный,
Я повторяю это:
— С тобой не надо света!

Орел, 5 мая 2010 г.

Примечание. Главы «ПТБ» и «Наука производства» исключены редактором под тем предлогом, что он его не знает и что «производственные стихи» не достойны высокой поэзии. Такая же участь, без всяких объяснений, постигла и шестую главу «Перекрестки». Концовка седьмой главы (набранная курсивом), начиная со строк: «Не зря поэт Катанов нас с ласкою встречал», как и предыдущие главы восстановлены автором.

ПЕТР РОДИЧЕВ

(Поэма)

«Петр Родичев — автор страстных, гневных и нежных поэтических откровений о нынешних днях России, о русском духе, о кричащих противоречиях современности. Поэт яркий, тревожащий: покоряющий искренностью».

Леонид МОИСЕЕВ, писатель, заслуженный деятель искусств России.

1. Дороги

Родился в январе, в тридцать девятом,
Едва с глазенок спала пелена,
Он мир увидел в сполохах заката,
Качала колыбель его — война.

Пока над Шиловкой,
Под Курском и Касторной
Лишь соловьи звенели по утрам.
Семья его уехала к Херсону,
Где вскоре закружили «мессера».

Под бомбами сгибалась Украина,
Брат старший Николай уже в бою.
На головы детей катились мины
По всей Европе и в родном краю.

Пришлось изведать —
Страх, тоску и голод.
Когда война утихла вдалеке,

В 47-ом, пошел учиться в школу,
Где все — на украинском языке.

В пятидесятом Родичевы в сборе —
На Брянщину отправилась семья.
Мотаться по стране — большое горе:
В дорогах подрастали сыновья.

А знойным летом пятьдесят восьмого
Парнишка, что в учебе был пример,
Покинул вновь свое гнездо родное:
Служить призвали «к немцам» — в ГДР.

Петр Родичев в молодые годы

Был книгочеем. Больше всех поэтов
Петр Родичев Есенина любил:
Он за стихи,
Что были «под запретом»,
Три дня гауптвахты получил.

Однако не пришло к бойцу смиренье,
И по прошествии армейских лет,
Он книгу о его «Узиновлении»,
Как чудо-птицу,
Выпустит — «на свет».

2. Палех

Любовь к искусству мучила и жгла,
Ведь каждый живописец — суть культуры.
Петра дорога в Палех привела
Учиться мастерству «миниатюры».

Петр Родичев за работой

Решение явилось не спроста,
Он в армии изрядно «помалярил»,
Порой солдаты от его холста
Завороженный взгляд не отрывали.

Пять лет учебы — все невзгоды прочь.
Жена и сын —
В заботе жил великой.
Работал он порою день и ночь.
Раскрыв мольберт,
Писал святые лики.

Когда б дожил, его бы похвалил
Большой художник Николай Зиновьев.
Но более чем краски, власть чернил,
Свой верх взяла
И он не стал Рублевым.

Как водится — не первым, не вторым.
Знать такова его природа.
К 100-летию Зиновьева в «Призыв»,
Он передал волнующую «Оду».

Директор же Астахов, как эстет,
Сказал красиво — по нему все вышло:
— Вот Родичев — художник и поэт,
Он книгу об училище напишет.

В моих руках его «Учителя»,
Так Петр свои «Записки» озаглавил.
Иваново — сторонушка моя,
Я там родную Русь
Стихами славил.

3. В ОРЛЕ

Окончен «курс».
Из Палеха в Орел.
Железный конь пронес его сквозь ветер.
Работа — институт «Гипроприбор».
Все восемь лет: художник — архитектор.

В Сурьянино директорствую я,
Где Дронников
Успел меня проведать.
Шиляев, Крохин — общие друзья,
О тезке же,
Увы, во снах не ведал.

Уже я сам давно живу в Орле,
Одним и тем же радуемся зорям.
Он по стихам в газетах обо мне,
Суровые не делал приговоры.

И вот однажды с ним встречаюсь я
С подачи все того же «Дрона».
Глядел поэт упорно на меня,
Казалось, был,
Готовый сдвинуть горы.

Художник и поэт Петр Родичев

Мои стихи и прозу, изучил:
Где надо подсказал,
Где сам поправил,
Был сдержан.
Не по менторски учил:
На пользу дела,
Не во имя славы.

В году заветном, семьдесят седьмом.,
Пока я, то директор, то учитель.
Он в библиотеку Бунина пришел.
До пенсии:
Художник — оформитель.

Сегодня Петр
Писатель — инвалид:
Инфаркт, инсульт и диабет замучил.
Но, как Островский,
Жаждет с пользой жить,
Бороться, рвать злокозненные тучи.

Они ж сгустились
Над родной страной.
Вот пишет он Тюленину Сереже:
«Ты не стерпел бы тех,
Кто жизнь корежит
Клыкастою валютной бороной».

«Но, как прожить, «не потеряв лица? —
Ведь сам певец подпольщиков Фадеев,
От вставшей поперек души идеи,
Очистился пилюлей из свинца».

4. «Перышко»

В музее Краснодона,
Преданье – не старо:
От голубя Тюленина –
Любимого и верного,
Хранится сизо-скромное
Заветное перо.

О нем и об орленке,
Что просиял, как миг,
Восторженно и звонко
Поэт напишет стих.

Быть «Перышку» воспетым —
В «Орловскую» газету
Его отдал поэт.
Проходят дни-недели,
Уж нервы на пределе,
Стиха все нет и нет.

Рыжов, Катанов, Крохин,
Перовский, Громов, Логвинов
Вступились за Петра.
Писатели ж не боги,
И на поверку плохо
У них пошли дела.

Как светлый лучик солнышка
Над их столами «Перышко»
Летало, шля привет.
Когда летать устало,
То в книге засияло,
Спустя лишь восемь лет.

5. «ЗАЛП»

В конце же девяностых основал
Он собственный журнал литературный.
Стал подлинной грозой его суровый «ЗАЛП»
Во имя жизни честной и культуры.

Для тех, кто не за понюх табака
Довел до «обрезания» Россию.
Тюленина он вывел
На «Стремнину»,
Чье имя будет славиться в веках.

Багряною осеннею листвой,
Прикрыл поэт могилу Семенцова.
Светла его поэма «Листобой»,
Как смелый подвиг юного героя.

Но «Горько», очень горько нам,
Гнусь – рынок откупил моря и сушу.
Он в русскую загадочную душу
Втирает мрак и пошлый чистоган.

И даже «Свой» на миг утратил грим,
Когда «на высоте монетных звонниц»
Чинился перед мамой и пред ним,
Благоволя подать на хлеб червонец.

«Светлые дали» и «Лебяжий луг»,
«Сфумато» — этих книг поищут.
«Земля Отрочества»,
«Людмила», «Угревище»
Из-под пера являются не вдруг.

По «Русским струнам» больно ударяет.
Он сдюжил все,

Хотя «Ничто не ново под Луной»,
Тревоги ветер нас не оставляет.
По «Русским струнам» больно ударяет.
Он сдюжил все,
Все было не впервой.

Коня Руслана слышу жаркий храп —
Отыщет витязь верную Людмилу.
Устанет конь, ему прибавит силы,
Я верю в это –
Родичевский «ЗАЛП».

Примечание: Поэма «Людмила» принадлежит перу другого автора. Родичев был лишь её редактором и публикатором в ЗАЛПе.

6. УТРАТА

В начале октября он был живой,
Хотя лежал,
Прикованный к постели,
С усталой, серебристой головой,
И глаз его уже коснулись тени.

Он мог еще Отечеству служить,
Но приближалась роковая дата.
Мы с горечью узнали об утрате:
Поэт нам наказал всем –
«Долго жить!».

В России стало меньше
На – Петра,
Что с греческого, означает –
Камень…
Не так ли с гулом рушится гора,
Коли под ней
Свирепствуют вулканы?

Вся жизнь его –
Один сплошной вулкан,
Горящие, как лава испытанья.
Он не допишет начатый роман,
Короткое известно — «Свой» —
Ему названье.

Последний «ЗАЛП»,
Который он один,
Как повелось, искусно приготовил,
Собрав в кулак,
Остаток прежних сил,
Как раненый, но мужественный воин!

7. ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО

Я счастлив,
Что меня Петр одарил
Своим изящным
«Задушевным словом».
Упорный труд мой был тому
Основой –
Поэт не тратил попусту чернил.

Уж, коль сказал
И дал свое «Добро»,
То будто причастившись
Звездной Вегой,
Ты можешь с ним считаться
Заодно,
Собратом по перу –
Его коллегой.

Он, все наветы недругов,
Поправ,
Не кланялся чиновным
«Генералам».
И часто говорил мне:
— Петр! Ты прав.
В Орле поэтов – патриотов
Мало.

* * *

Бард Дронников,
А с ним Поповы то ж,
Гурьбой стоят
У Строевской кормушки,
Судьба страны
Их не бросает в дрожь…
За злато продадут –
И честь и душу!

Им на судьбу Отчизны
Наплевать,
Им дела нет до нищего народа.
А нам с тобою надо воевать.
И жертвовать…
Ведь у огня нет брода.

Да, он сгорел,
Жизнь, бросив на алтарь,
Превозмогая недуг,
Все невзгоды…
Рассеется, он верил,
Неба хмарь
И воссияет радостно –
Свобода!

Петр Родичев
в последний год жизни

* * *

Прав Моисеев:
Искренним он был.
Поэт – бунтарь!
Поборник Правды страстный.
Поэт – герой!
В нем русский дух бродил…
И жизнь свою
Он прожил –
Не напрасно!

Орел,
Октябрь – декабрь 2009 г.

Примечание: Все отвергнутое редактором выделено курсивом и восстановлено автором.

МЫ НЕ РЕКИ

Нам поведал с тихой грустью
Молодой поэт Сапронов:
«Как уходят реки к устью,
Так уходим мы от дома».

Но устав от дальних странствий,
Есть на все у жизни сроки,
Мы не реки –
Знаем счастье
Возвращения к истокам!

СИВКОВО

«Сивково! Не от Сивки-Бурки,
Скажи, название твое?».

Знать укатали «Сивку» из Сивково
Крутые горки невозвратных лет…
Душа еще – «страдать и петь готова»,
А сердце шепчет: «Берегись поэт!».

Давление зашкалило – за двести,
А ты опять ударился в бега?…
Пусть Сивка отдохнет в укромном месте,
Подлечится, коль воля дорога.

Пилюли пей и соблюдай диету,
Ты – старый конь,
Про то не забывай…
Печаль развеять – не кружи по свету,
В свою деревню лучше поезжай.

Сестру проведай, поброди на зорьке
С лукошком по изведанным лесам…
Свое Сивково, ты узришь с пригорка:
Вольется в сердце –
Сладостный бальзам!

Пусть не навечно,
Но вернуться силы
Исполнятся надежды и мечты…
И я иду к родительским могилам,
Чтоб погрустить и возложить цветы!

У Сивковского пруда

МОИ ДОКТОРА

Наступит горькая пора:
В страданьях — день и ночь…
Придут к постели доктора —
Тебе в беде помочь.

С «ногой» в аварию попал —
Был перелом открытый…
Спасли — искусный «Елизар»
И доктор Красовитов.

Когда «рак» съел живую плоть —
Полсотни килограммов.
Ему закрыл всеядный рот
Не кто-либо, — Абрамов!

Он резал, мой желудок, шил,
Как на поклон вел в Мекку…
Мечтал, чтоб я еще прожил
Не менее — полвека!

Когда в висках стучала кровь —
Ритм сердца был нарушен,
Пришел на выручку Горшков:
Мне сразу стало лучше.

Давленье — страшные дела —
Зашкалило за двести!
Но Долженкова подошла
Старалось честь по чести.

Лежал, пылая, как в огне,
Дрожал, теряя чувства…
Но Соломатина на мне
Проверила искусство.

Врач-земляк Юрий Прохоровцев с супругой

И Прохорцев
Был тут, как тут,
Старательный и смелый
И вот глаза мои цветут
Душа моя запела.

Вонзился в зуб
Жестокий бес —
Пришил удушьем к стенке.
Но мигом устранил абсцесс
Мне доктор Захаренко.

Но всех искуснее жена —
Меня всю жизнь врачует:
Полсотни лет со мной она
Без устали кочует.

Больного — на ноги поставит,
С ней даже Эльбрус — не гора…
Считаю долгом Вас прославить,
Мои — родные доктора!

ДРУГ

К 70-летию А.П. Лущенко

Альберт Петрович в Ейске урожден,
Ему Азовье и сегодня снится.
Как и отец, мечтой был окрылен,
Летать по небу сказочною птицей.

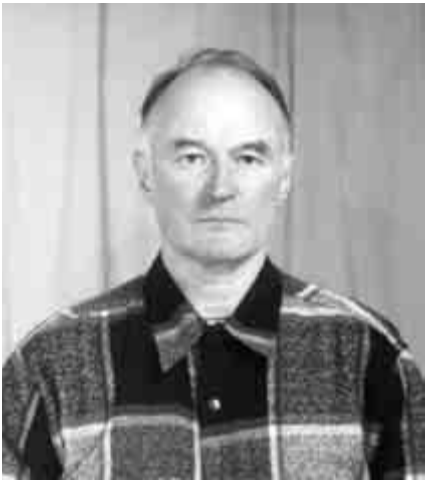
Но юношу позвал Калининград –
В училище учился пограничном…
И четверть века его острый взгляд
Остерегал Советскую границу.

Он – политрук,
И для солдат – пример:
Его награды говорят о многом…
Ушел в запас бывалый офицер,
Окончив вуз,
Стал школьным педагогом.

Затем в газете проявил талант:
Прослыл к тому ж –
Поэтом знаменитым…
С ровесником,
Я каждой встрече рад,
Уж 30 лет
Мы с ним душою слиты…

Мы вместе отмечаем Юбилей,
О Родине — живем единой болью.
Приеду в Болхов –
Сердцу веселей,
Друг там живет с мечтой
О Лукоморье…

Он часто навещает отчий Ейск,
Не зря ж в него
Был так влюблен безумно,
Его земляк – былинный Человек,
Российский богатырь –
Иван Поддубный!



Альберт Лущенко,
Болховский поэт.

ПАМЯТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

(1828-1910)

Зимний лес на рассвете
Безмятежен и ласков…
Стала темой поэта
Новогодняя сказка –
О родимой сторонке,
Где распушены ели
И где помнят не только
О его Юбилее…
Любят, чтут наши дети
Книги старца святого:
Год 10-ый! –
Столетье,
Как не стало Толстого.
Ему – дети несут,
Не смотря на морозы,
Неземную красу –
Доброй памяти розы…

2010 г.

**В гостях у Л.Н. Толстого.
В Никольском–Вяземском
имении графа**

**В Никольском –
Вяземском**

«ОВРАЖНЫЙ БРАТ»

Памяти поэта – земляка
Александра Логвинова
(1942-2010)

Нет Логвинова больше на земле,
Простились земляки —
С «овражным братом»:
Филолог. Кандидат наук. Писатель,
Ушел, как говорят, в небытие…

Покинул навсегда родимый край,
Вновь в Щербово его я не увижу
И без него встречать я буду май:
Всегда печально —
расставаться с ближним…

Поэт и критик «овражный брат» Александр Логвинов

Поэт стеснялся трезвости моей,
А потому не навещал без дела,
Лишь приходил,
Когда в душе кипело
От неуемных пламенных страстей.

Ему «Утраты» навевали грусть,
Он власти осуждал
За — «Кнут и Пряник»,
За то, что в бездну
Опустили Русь…
О коей только
«Грезит конопляник».

Одни нам в детстве пели соловьи…
С моим отцом встречался в Ушаково
Когда мы приезжали –
Из — Сивково,
Чтобы найти защиту у судьи.

От Шамордино, где он прежде жил,
Пять верст ручей бежит —
К сивковским хатам,
А потому родством не удивил,
Назвав меня своим –
«Овражным братом».

То Александр внушил в сознанье мысль,
А доводы его звучали веско,
Что должен я создать
Поэму – быль…
О наших, милых сердцу, перелесках.

Так появилась книга об отце,
Что двадцать лет проползал на коленях,
О маме, братьях, сметливом юнце,
О горестях поры послевоенной…

Чтение поэмы «Перелески»

За «Перелесками» —
«Родная сторона»,
Опять, с его – ученого, подачи…
Но вот пришла 10-я весна –
Мне изменила прежняя удача.

Вновь сузился друзей надежных круг
Одних уж нет, а кто живет – далече.
У Дома Бакина,
Где возлежал мой друг,
Уж отзвучали траурные речи.

Ко мне приятель больше не придет,
Нам лишь скорбеть осталось
Об утрате…
Но знаю: догорит и мой восход
И внове встречусь я –
С «овражным братом»!

Орел, 4 марта 2010 г.

«БОЛХОВСКИЕ АМАЗОНКИ»

«Журналистский коллектив
редакции «Болховские куранты»
по состоянию на 8 марта 2010 г.
– на 100% — женский»

Я редакцию сторонкой
Обегать со страхом стал:
Журналистки – Амазонки
Там сегодня правят бал…

Не найдет у них привета –
Ни Поэт и ни Селькор…
Взор у них – сиянье света,
А за пазухой – топор!

Им они – такие нравы:
Рубят резко, наотмашь.
Не со зла, а для забавы,
Пропоют вам: «Отче наш!».

Чтоб не портили картину –
Изгоняются мужчины!
«Острых перьев» им не надо,
Без конфликтов жить – отрада!

Шеф — Кириллов веселится:
Власть уездная крепка!
Не Орлы, всего – Синицы,
Но зато в его руках.

Запоют тогда лишь звонко,
Когда скажет Демократ…
Вот такие Амазонки-
Крутобровые девчонки —
Хороши! Но, кто им рад?

«Болховские амазонки»

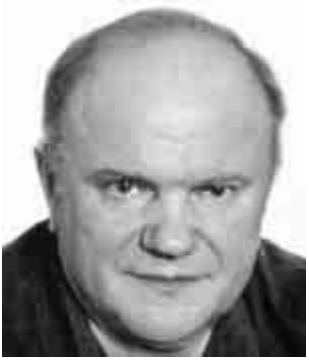
Проза

За рабочим столом

ПЛАТОН ИЗ МЫМРИНО

(о лидере КПРФ Г. А. Зюганове)

Да! «Может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать».
Михаил ЛОМОНОСОВ



Председатель ЦК КПРФ Г. А. Зюганов

В печально-известном «Орловском Полесье», богатом ныне лишь зверями и птицами, все-таки сохранились еще, хотя и отчаянно поредевшие поселки и деревеньки — островки былой человеческой цивилизации. Село Мымрино, также захиревшее и порушенное, Хрущева — Горбачевскими перестройками, среди них, стоит особняком, ибо стало знаменитым не только в России, в Европе, но и у политического бомонда стран Азии и Америки. И все потому, что божественная природа распорядилась родиться здесь, на орловской земле, «собственному Платону» — Геннадию Андреевичу Зюганову.

Поразительно сочетание в стихах Ломоносова, приведенных мною в качестве эпиграфа, двух имен — философа Платона и математика Ньютона. Ведь, окончивший физмат Орловского пединститута Зюганов может причислять себя и к плеяде математиков. Это она научила его, кандидата, а позже, доктора философии, мыслить логическими категориями.

И уже, в который раз прав великий Ломоносов, утверждавший, что:

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,

В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут.

Ведь в практике жизни Геннадия, случалось так, что в переломные годы он добывал свой кусок хлеба преподаванием, занятием наукой. Именно, ум и знания сберегли политика Зюганова, когда он, в безумные, 90-е, оказался не у дел, а как-то жить, кормить семью было надо.

Правда и в том, что многие партийные работники добивались «званий», не столько ради «живота своего», сколько просто, как сказал Ломоносов, для «украшения жизни». Все замы орловского губернатора, заняв высокий пост быстро «выходили в ученые». К примеру, мой земляк — болховчанин Иван Мосякин. Нередко, использовали дипломы, как резерв к отступлению. Лишили поста — кормушки, так проштрафившийся, не на завод, не в колхоз устремлял свои стопы, он шел в институт, где занимал свое или чужое, судя по способностям, место на кафедре.

Это было не только с Зюгановым. В такой переплет попадали «доктора наук» Анатолий Мерцалов, Егор Щекотихин и даже сам «академик» Егор Строев. Таковы незабываемые реалии постсоветских лет.

26 июня 1944 года — особая дата. Именно, в этот день, когда доблестные советские войска, освобождали Европу, штурмовали Кенигсберг, с боями пробиваясь к логову фашизма — Берлину, в захолустном селе с маловыразительным именем Мымрино, расположившемся в средне — русском подстепье, как некогда в глуши сибирской Ленин, родился обыкновенный мальчик Гена Зюганов. Судьба уготовила ему, к счастью, не чахотку и Сибирь, как народному заступнику Грише Добросклонову, а имя громкое — политика и философа — русского Платона. Славу энергичного деятеля и мыслителя, пламенного борца за «землю и волю», продолжателя бессмертных идей Маркса — Ленина.

По уму, он — и Платон, и Ленин,
Для родных и близких, просто — Гена!

Историк и публицист Анатолий Житнухин удостоил лидера ЦК КПРФ памятника при жизни, хотя, как у Пушкина, и не рукотворного. В издательстве «Молодая гвардия», в серии «Жизнь замечательных людей», накануне президентских выборов 2 марта 2008 года, вышла в свет его объемная книга — исследование «Геннадий Зюганов».

С неподдельным интересом я прочел ее. По своему содержанию она напоминает политические биографии Ленина и Сталина или «Воспоминания и размышления» Георгия Жукова. В этих работах не столько повествуется о жизни главных героев, сколько раскрываются «этапы большого пути» советской и постсоветской, как у Житнухина, страны. Впрочем, это оправдано. Жизнь того или иного вождя, крупного военного или политического деятеля, нельзя отделять от судьбы эпохи, от истории государства.

Будучи по образованию историком и обществоведом, я, однако, не стану углубляться в концепцию житнухинского произведения, проводить его анализ, излишне политизировать. Да это мне и не удастся сделать, в силу моих скромных способностей. На уровне рядового читателя, я попытаюсь лишь высказать свои впечатления и соображения по ряду поднятых автором проблем и вопросов, которые волнуют всех тех, кому дорого ныне поруганное Отечество.

1. Орел

Враг казуистики, обманов,
Печальник русского села,
Ко всем достоинствам, Зюганов —
Почетный гражданин Орла!

Оговорюсь сразу, что мне не посчастливилось лично видеть, тем более общаться с Геннадием Зюгановым, хотя мы жили и работали в одном городе. Другое дело, что мне приходилось многое читать в периодической печати о его совместном с первым секретарем горкома партии Альбертом Ивановым детище — генераль-

ном плане реконструкции областного центра. Поистине, «Орловская непрерывка», в «застойные — брежневские годы», наделала много шуму не только в отчем крае, но и в стране. Не случайно, в том числе и за этот ценный вклад, в 1997 году Геннадию Андреевичу Зюганову присвоят высокое звание — Почетный гражданин Орла.

В 70-е, я работал старшим инженером, а по существу, референтом начальника областного транспортного управления Виктора Павловича Курпаса. После выхода в 1978, моей первой небольшой книжки производственных очерков «На трассах пятилетки», мною заинтересовалась инженер строительного отдела Валентина Артемкина. Как-то, выслушав мое горячее выступление на собрании коллектива управления, где я подверг резкой критике отставного полковника — председателя профкома, за бездеятельность, она, оказавшаяся неожиданно, рядом, на одной скамье, серьезно сказала:

— Петр Дмитриевич, ты такой смелый и рассудительный, ну, прямо, как Геннадий Зюганов. Критикуешь, не взирая на лица!

— Благодарю за поддержку, — ответил я, — но причем тут секретарь горкома? Я с ним не знаком. И о его методах работы знаю лишь понаслышке.

— Зато я хорошо знаю Геннадия Андреевича, — гордо изрекла молодая, симпатичная инженер— строитель, — мы с ним из одного села. С женою его Надеждой Амеличевой со школьных лет дружим. Еще когда мой муж — полярный летчик, трагически погибший, был жив, мы с Зюгановыми вместе вечера справляли. Эти здоровые, энергичные мужчины, как ввяжутся в спор, так и приходят в себя лишь с первыми петухами. Уже на зорьке. И все разговоры — о селе, о народе, о политике.

— Молодцы! — не удержался я от похвалы, — видать настоящие патриоты.

— Да еще какие! Один другого больше. Правда, Геннадий, в сравнении с моим мужем Артемкиным, более эрудирован. Понятно, он — партийный руководитель. В семье потомственных учителей, с 300 — летним стажем, а не простых крестьян, как мы рос. Было, у кого ума поднабраться.

— Любопытно.

— Знаешь, а все равно Надя Гену обскакала. Она золотую медаль получила, а он лишь серебряную. Учились же в одной школе.

— Это еще не показатель, — пустился я в рассуждения, — бывает, что медалисты ничего не добиваются путного в жизни, а обычные хорошисты и даже «середняки», выходят в люди.

— Тебе виднее, — согласилась Валентина, — ты же директором школы, как я слышала, работал?

— Было такое.

— Ну, вот, а я с учителями привыкла во всем соглашаться.

— Правильно поступаешь, — рассмеялся я, — они плохому делу, не научат.

Спустя месяц после памятного собрания, инженер Валентина Артемкина мне сообщила, свежую новость.

— Петр Дмитриевич, я была в Мымрино и узнала, что Зюганов уехал учиться в столицу — в Академию общественных наук.

— Выходит, он сбежал от отца, как некогда юный Ломоносов в Москву белокаменную. Помнишь, о Михаиле, критик Белинский писал: «Беги, беги юноша! Там узнаешь ты все, там утолишь в источнике знания свою мучительную жажду!». Вот теперь и Геннадий Зюганов пошел его стопами.

— Это так, но мне от этого плохо будет.

— Почему? — удивился я.

— Но, кто посоветует, кто поддержит, без него? Ведь, что скрывать, после гибели мужа я одна с ребенком, пятилетней дочуркой, на руках осталась. Это же Геннадий Андреевич, в трудную минуту, помог мне и квартиру получить, и на работу к вам, в транспортное управление, по специальности, устроиться.

— Суду все ясно, — скаламбурил я, — однако, не сошелся же на Зюганове белый свет. Мир не без добрых людей.

— Это только хорошие слова, — тяжело вздохнула моя собеседница, — а на деле честные и порядочные люди, как Геннадий Андреевич — редкость. Они, как алмазы среди обыкновенных стекляшек. Он же — человек труда, пахарь и пчеловод, сам от земли и боль людскую, не как другие чиновники, лишь бы отмахнуться, хорошо понимает. Главное, что у него слово с делом не расходятся.

Пообещает — сделает. Чего бы это ему не стоило. По себе знаю. Никакого риска не боится.

— Безумству храбрых, поем мы песню! — процитировал я Максима Горького.

— Геннадий, действительно, твердый и храбрый! — подтвердила землячка Зюганова, — не зря о коммунистах его типа говорили: гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире — крепче гвоздей!

— Да, уж верно, — согласился я, — без таких надежных «гвоздей» ни индустриализацию, ни коллективизацию, ни Целину, ни Космос мы бы не подняли. А, если говорить всерьез и по существу, то успехами в «Орловской непрерывке» орловцы, действительно, Иванову с Зюгановым обязаны.

— О том и я говорю, — подтвердила Артемкина, — ведь сама я — строитель и знаю, сколько неразберихи вокруг было. Все упорядочили. Средства нашли. Окрылили людей. Еще в молодости, Геннадий с отцом, мымринским учителем математики, инвалидом войны Андреем Михайловичем личный дом построили. По собственному плану. И, не шучу, отличным получился, теплым и уютным. Особенно удалась печь. Ее по журнальным чертежам ученого Александрова выложили. Им в том, правда, деревенский умелец — печник Гуренков помогал. Геннадий, что Петр Великий — на все дела мастер. Все своими руками попробовал. Во все своим острым умом проник. К тому же он — кроликовод и спортсмен отличный.

Землячка Г.А. Зюганова – инженер Валентина Артёмкина

Я не удержался, чтобы не перефразировать строки великого поэта Дагестана Расула Гамзатова:

Хвала тому, кто край свой не порочит
И земляков своих возвысить хочет!

— Геннадий Андреевич без моей похвалы возвысился, — улыбаясь, сказала в заключение беседы моя коллега, инженер Валентина Артемкина, — упорства и мужества ему не занимать.

2. Москва

В Москве звенят колокола —
Знать, плохи на Руси дела!

После окончания Академии, Геннадий Зюганов поработал некоторое время в Орле, в качестве заведующего отделом пропаганды обкома партии. Но уже в январе 1983года вновь оказался в Москве. На этот раз он был утвержден инструктором отдела пропаганды ЦК. Реформы Андропова сопровождались нарастанием напряженности. Без лавирования и компромиссов не обошлось. Государственная карета катилась вразнос. Друзья действовали вразброд, поступались, как позже выразится Андреева, принципами. Не только в производственной, но и в личной жизни Геннадию приходилось полагаться на собственные силы — покровителей у него, в столице, не было.

Сложное было время. Траур в стране стыл обычным явлением. Один за другим ушли из жизни: Брежнев, Андропов, Черненко. Наступила эра Горбачева и Ельцина, Яковлева и Шеварднадзе.

Планетарное правительство, о котором не ведал ни Зюганов, ни русский народ, но штаб, которого уже надежно располагался и действовал в недрах ЦРУ США, стало готовить для СССР, прецедент испанского конкистадора ХУ! века Франсиско Писарро. Это он сумел тогда с тремя сотнями воинов, захватить на глазах многотысячной армии индейцев, их вождя, коего они почитали Богом. По образному выражению социолога Александра Зиновьева «иголкой убили слона». Помогла Писарро в том его отчаянная решимость и дерзость. Как выражаются на Руси: «наглость — второе счастье!».

У нас кричат порой: «Вперед!» —
Ведь смелость города берет.

И курам на смех, иногда —
«Взвод» брал большие города.

И, чему удивляться!? Всего 29 повстанцев — революционеров под водительством отважных смельчаков Фиделя Кастро и Че Гевары захватили в 1959 —м, власть на острове Куба. Еще ранее, в 1917-м, горстка большевиков, руководимых Лениным и Троцким, сумела прибрать к рукам более чем 100-миллионную Российскую империю.

«Пятая колонна» во главе с Горбачевым и Ельциным, сверху и снизу, под завесой пресловутой перестройки и «нового мышления», подготовила и провела государственный переворот. Не в греческом полисе, не на морском острове, а в многонациональной, 300-миллионной стране. Это шокировало не только меня скромного и грешного провинциала, далекого от Кремлевской кухни, но и близкого к ней, казалось, талантливого и прозорливого партработника центрального аппарата ЦК Геннадия Зюганова.

Зюганов Гена, пусть не гений.
Но, все же мудрый человек.
И тот был в полном неведении —
Не смог предвидеть смену вех!

Как прежде глупому Хрущеву,
Вначале верил Горбачеву,
Что верещал сорокой бойкой —
Об ускорении, перестройке.

Затем, хотя и с миной кислой,
Всерьез внимал словам Бориса,
Когда в хмельном угаре Ельцин
Публично клялся — лечь на рельсы!

Прозрел, когда пора настала,
Уже ничто не изменить.
Хоть было, прецедент Писарро
Еще возможно повторить.

Но, для того должны быть воля,
Решимость, верные друзья.
Увы! Пустынно поле боя.
Вокруг — ни рати, не коня.

И тут лишь понял добрый Гена,
Что значит быть большевиком:
Они могли крушить измену
Горячей пулей и клинком!

Ведь тот же Ельцин, прямо с танка,
Шел, как Писарро, напролом.
В защиту вражьего «Останкино»,
Из пушек целил в Белый Дом!

Он чувствовал себя солдатом,
Он был — второй Наполеон.
И посрамленный Хасбулатов
Пошел к злодею на поклон.

И знать напрасно звался «ассом»
Руцкой — бесславный генерал!
Он по Борисову Указу —
Собою замок уплотнял.

В Лефортово нашел прописку:
Расстрел парламента, как сон.
Зюганов же, избегнул, риска.
Он не Писарро, он — Платон!

Глухо и грустно звенели в Москве колокола. Лишь веселились в черных одеждах и шляпах пришлые, чужие люди. В стране произошла смена эпох.

3. Платон

Пифагореец и софист
Достойный ученик Сократа —
Платон, по философским взглядам —
Отъявленный идеалист!

Платон (427-347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель объективного идеализма. В центре его космологии — учение о «мировой душе», а психологии — учение о том, что душа заключена в темницу нашего тела. Отсюда и выражение: чужая душа — потемки. Источником познания служат воспоминания бессмертной души человека о мире идей. О чувственных вещах и явлениях, по его мнению, возможно не знание, но только вероятное «мнение».

В переломные 1991—1993 годы, Зюганов оказывался в состоянии безволия, прострации, как некогда Сталин, обманутый бесноватым Адольфом, в июне 1941. Умопомрачением, растерянностью и объясняется его поведение. Это, однако, говорю не в укор. Ведь истинные цели Горбачева — Ельцина ему были не ведомы. Не мог же он, по логике Платона, проникнуть в чувственную суть их души. «Мнение» же появилось, лишь после их конкретных, пагубных для страны и партии, действий.

Отвергнув, прежнюю к ним, платоническую любовь, чисто в духовном значении, он становится их непримиримым противником. Но, так как они являлись пешками в руках их главного идеолога Александра Яковлева, то по нему и пришелся его точечный удар. В мае 1991 года Геннадий Зюганов, при активном содействии главного редактора Валентина Чикина, публикует в «Советской России» открытое письмо секретарю ЦК КПСС, под острым заголовком «Архитектор у развалин». Оно сразу же обратило на себе внимание всей читающей публики. Данная статья и предопределила его позицию, выдвинув на передовые рубежи идеологической борьбы. В данном случае Геннадий поступил, в политическом плане, как подлинный Писарро. Все униженные и обиженные увидели в нем не только глубокого мыслителя — философа, но и отважного бойца. Да, только за один этот поступок Геннадий Андреевич, наш славный земляк, достоин не только народного уважения, но и памятника.

Коротич, Яковлев — враги
В «кассеты» вкладывали мины,
Как бы отраву в «пироги»,
И наотмашь невинных били.

Все «очищали» ленинизм,
«Вождя народов» поносили.
Со злобой целясь — в коммунизм,
Попали в матушку — Россию!

И русским выпало сполна
Испить всю горестную чашу.
За то, что много пьют вина
И что «свое» назвали «нашим»!

Враги снисходительно советовали русским, не на печи лежать, а поспешить за ваучерами Чубайса, чтобы не упустить свои законные две «Волги». Не терять время и зарабатывать деньги с теми, кто умеет это делать — с МММ, «Чарой», «Селенгой», «Властелиной». Весь парадокс заключался в том, что «новые русские» демократы — это старые евреи, те самые, которые в 1917 и звали русский народ — «на последний и решительный бой» с барами и царизмом. Теперь же, возжелав прибрать к рукам богатства родины, накопленные трудом трех поколений, они повернули вспять — назад, в светлое капиталистическое лоно. И, действительно, к стыду русских, цели своей достигли. Это стало возможным благодаря предательству верхушки партии. Ее представлял, наряду с Горбачевым, господин Яковлев. Именно, этот «архитектор перестройки», по образному выражению Геннадия Зюганова, и оказался в горестные 90-е годы, у разбитого им корыта — у развалин великой страны.

Яковлева, чрезвычайно, докучала созданная компартия России. В интервью немецкому журналу «Штерн» он указал на нее перстом, как на главного своего противника: «Они очень опасны!». Они — это российские коммунисты и их руководители. Аппарат ЦК КП РСФСР насчитывал тогда, в мае 1991 года, всего 150 человек.

Адресуясь к партийному перевертышу, Зюганов писал:

В стране паралич и разброд,
От словопрений все устали,
Вы ж вновь толкаете народ
На перестроечные дали.

Систему надобно менять,
Но, извините нас, не чохом.
Вам, видно, не дано понять,
Вкруг вас не все — глупцы и лохи!

Да, наш корабль попал на мель,
Но, мы его спасем для жизни:
Преемственность — вот наша цель,
Плюс — совершенство социализма.

Вы ж вместе с совестью своей,
Что «не озябшею» назвали,
Сегодня предали друзей —
За доллары и за медали!

За океаном ценят вас,
Но лицедея — демократа,
Уверен я, в урочный час,
Ждет неминуемо — расплата!

«Взрыв» гнева не заставил себя ждать. «По жанру эта публикация, — возмущались газеты, — типичный политический пасквиль». 9 мая, у решетки Александровского сада, где с Генсеком встретился Зюганов, произошла словесная перепалка. Горбачев выразил в тот день свое несогласие с рядом положений его статьи.

Остервеневшая Орда
Стреляла в спину не на шутку.
Геннадий осознал тогда
Всю цену — смелому поступку!

4. Государство

Власть — удавка,
Ее аппарат,
Законом, как палкою —
Бьет всех подряд.

Это хорошо, когда власть опирается на законы. Пока же такого — правового государства мы не построили и нами управляют не законы, а группка, облеченных властью олигархов и их менеджеры, типа Путина — Медведева. Это обстоятельство подчеркивает в своих работах внучатый зять Ельцина, миллиардер №1 Дерипаска. Так было и в рабовладельческой Греции, и там власть принадлежала аристократии.

Геннадий Зюганов, отвергнув ленинской постулат о руководящих способностях кухарки, вослед за Платоном убежден, что государством должны управлять просвещенные люди, такие, как они — философы. Не зря же Геннадий Андреевич дважды выдвигал себя кандидатом в президенты. Поправка лишь в том, что у нас, не как в Древней Греции, нет официальных рабов, что стояли, в отличие от свободных граждан, вообще, вне закона. Общаться с ними, тем паче дружить считалось делом непристойным. Их и за людей не считали. Не случайно понятие «Раб» означало — говорящее орудие. Зюганов же, аристократ, иного — коммунистического склада.

С рабами Платон не сидел за столом,
Зюганов, в спортивном азарте,
Якшался, простите, с «галерным рабом»,
Чье имя — Владимир в квадрате!

Гордился, что он ему путь указал —
В рай новый — волшебную сказку.
Что Гена? «Рабу» — Жириновский внимал
И даже синьор Дерипаска!

Обычных, а не «галерных» рабов, скажите, нет сегодня. Да, но они могут появиться завтра. Россия же всегда была — страной рабов, страной господ. И при царизме (крепостное право), и при социализме (бесплатный труд — за палочки в колхозах, отсутствие паспортов и права выезда) — тому наглядное доказательство. С мечтою о «200 душах» живут ныне, как утверждается в одном из «100 анекдотов от Зюганова» многие сановные депутаты Государственной Думы. И не шутка это вовсе, а вожделенная мечта всякого богача. Каждый второй член парламента — мультимиллионер, а 20 депутатов Госдумы от «Единой России», обладают состоянием в 660 миллиардов рублей.

Сто Крезов сегодня в России у нас.
Им деньги — бумажные листья!
Завидует ворам — обкраденный класс,
В накладе — сам граф Монте — Кристо!

Платон — ученик Сократа и пифагорейцев, увлекающихся мистикой чисел. Он — автор 30 философских диалогов («Софист», «Парменид», «Теэтет», «Государство» и других). Геннадий Зюганов в корне обошел его числом — не зря же он и математик. Его труды составили — 80 книг. И это отнюдь не мистика. По плодовитости философ Зюганов не уступает великому французскому беллетристу Александру Дюма. Правда, наш орловский классик, писатель — краевед Василий Катанов, сам выпустивший 33 издания — по одной книге на каждый год жизни Христа, утверждает, что за Дюма писали подставные лица. Ведь на подготовку одной стоящей книги уходят годы самозабвенного труда. Может это и так, если учесть что Александр Грибоедов, по существу, автор лишь одной комедии «Горе от ума», а известность получил всемирную. Но, порою, и количество переходит в качество. Ведь ни одной работы, а их у него десятки, сотни, Льва Толстого мы не назовем слабой. Да, у него были литературные секретари. В руках же Геннадия Андреевича — целый партийный аппарат, лучших, как он сам выражается, мозгов страны. Он — идеологический лидер и писать обязан по мандату долга, лишь бы толк был.

Он восемь десятков работ — голубей
В мир выпустил, чтобы служили
И, чтоб для затюканных, русских людей —
Опорою доброю были!

Позволю себе назвать темы, которые еще не осветил или подал лишь контурно Геннадий Зюганов. И опять наша речь о государстве. Судите сами. Советская страна волею Ленина — Сталина разделена на национальные образования, что всегда было и будет источником противостояния и распрей. Федеративное устройство — это мина замедленного действия. Ее взорвал, к примеру, Ельцин во имя амбициозных, явно преступных действий, что привели к национальным войнам в Чечне и других областях. Коммунистам — интернационалистам все недосуг прислушаться к голосу лидера ЛДПР Жириновского, требующего «провести административное переустройство РФ. Создать 50 краев, на экономической основе. Отказаться от национально — территориального деления». Ведь не всегда политические соперники говорят глупости.

В Америке — Штаты. Там люди равны.
Во власти — цветной, чернокожий.
У нас все на нации поделены
Такое быть дальше — не может!

По цвету лица, нас Христос не делил
Да и по нациям тоже.
В России нацмены — хозяева вилл,
Лишь русский томится в прихожей!

С 1989 года на повестке дня Госдумы стоит «Русский вопрос», но он не сдвигается с мертвой точки. Почему? Недостаточно только плакаться по геноциду государство — образующей нации. Надо действовать. Молчание КПРФ расценивается как соглашательство с партией власти. Именно об этом говорил в беседе со мною 45-летний заместитель руководителя одного из орловских предприятий Валерий Никитович (фамилия называть, по известным соображениям, не стану).

— Ты, Петр Дмитриевич, — упрекнул он меня, — все Зюганова хвалишь, а зря. О партийном лидере судят по поступкам, а не по красивым словам. Тот же Геннадий Андреевич, живет в столице, и будто не видит, что вся власть сосредоточилась в руках одной нации и у нее все деньги. Стабилизационный фонд за границей, там же и останется. На наши деньги воюет Америка в Афганистане и Ираке, Израиль с арабскими странами. И систему ПРО США в Европе построят на наши деньги и опять же их, станции слежения, чтобы не твердили американцы, направят против России.

— Нам надо восстановить РЛС на Кубе и во Вьетнаме, — поддержал начальника слесарь Николай Серафимович Яковлев, — к тому же еще дополнительно построить в Венесуэле, Бразилии. Не помешало бы место и в Африке найти. Да и зарубежные затраты инфляции не вызовут, чем нас бесконечно пугают, когда речь идет о повышении зарплаты или пенсии.

— Это правильно, — согласился с рабочим зам директора, — вот сейчас с Израилем, иудейской страною безвизовый режим установили, а с ближайшей христианской Грузией, наоборот, в конфронтации. Крым отдали и молчок. Включишь радио или телевизор — все услышишь об Америке и Европе, об Израиле, но только не о России и не о русских. Дикторы и ведущие сплошь — неграмотные. Толковали про закон об оппозиции. Где он? В той же Грузии оппозиция имеет свой телеканал, а у нас, его нет. Почему?

Вот мои рабочие, во время президентских выборов и решили отдать голоса Жириновскому. Тот, знаем это, лукавит, но все-таки ставит вопросы о загубленной стране, геноциде русских. Свою программу, обращенную к ворам — олигархам, так и озаглавил «За все ответите». И за развал промышленности, и за разор села, и за украденные миллиарды.

— Но и лидер КПРФ говорит о том же, — упорствовал я.

— Что толку. Дел-то нет. Понимаем, что боится обострять отношения с властью. Спокойно жить хочет. Положение руководителя фракции и соответствующая зарплата в Думе его вполне устраивает. Знаю я, о «партмаксимуме» — добровольном отчислении значительной части зарплат думцами — депутатами. Это хорошо, что он воюет с «синдромом кресел», исключил из партии

Геннадия Селезнева, Семигина. Открестился от лидера «Духовного наследия» Алексея Подберезкина, предпринимателя Владимира Семаго, продажного лицедея Руцкого. Все это правильно. С предателями нужно бороться. И укреплять партийную дисциплину тоже надо. Но, вот ленинцем он себя зря называет.

— Как?! — удивился я.

— Ленин заявлял, что революцию в лайковых перчатках не делают, — объяснял Валерий Никитович, — он, наряду с парламентскими методами не исключал захвата власти силой оружия. Помните, как за это его упрекал еще Плеханов? И, что ответил Ленин? Прочтите Маяковского:

Ленин в этот скулеж недужный
Врезал голос бодрый и зычный:
— Нет, за оружие браться нужно,
Только более решительно и энергично.

У нас энергично за свои национальные права дерутся чеченцы и ингуши, абхазы и осетины, приднестровцы и крымские татары, но только не русские. И не КПРФ. Она сегодня — партия соглашателей. К тому же и Марксу пора перестать кланяться.

— Удивляете. Как без него?

— Его учение — догматизм. Оно было верно в Х1Х веке, когда капитализм лишь формировался. Пролетариат, обиженный на буржуазию за кражу «прибавочной стоимости», теория которой изложена Марксом в «Капитале», был объявлен ее могильщиком. Сейчас капитализма, в понятии Маркса, нет. Заводы, фабрики стоят. Пролетарии в разброде: кто запил, а кто перестроился. Вспомните, что ответили рабочие московских заводов — ЗИЛа, АЗЛК, «Серп и Молот» лидеру «Трудовой России» Виктору Ампилову в мятежном 1993 —ем году. Он призывал их присоединиться к восставшим, а они ответили этому экспансивному, левому радикалу — революционеру, резко и прямо: «Ельцин, Гайдар, Руцкой, Хасбулатов — дерутся за власть, а нам кровь за них проливать? Пошли они все!».

Призыв Ампилова не слышат
Увы, рабочие Москвы…
— Паны, — кричат, — подраться вышли!
Им власть нужна! Причем тут мы?!

Последовало — русское ругательство! Вот вам и гегемон революции.

— Да, но и сам Геннадий Андреевич говорил: «Вы требуете выводить людей на улицы. Скажите, кто сейчас за нами пойдет? Вы хотите замены правящего режима диктатурой пролетариата. А где массовые пролетарские стачки, демонстрации, митинги? Покажите, где сейчас такой класс, который жаждет установления своей диктатуры. Классовую борьбу нельзя вызвать искусственно, она вызревает на объективной основе» Но достучаться до вождей крайних левых и объяснить им, что революции не делаются по заказу, было трудно.

— А, так называемые оранжевые революции, в странах Европы, в Киргизии, Грузии, на Украине было сделать легко?

— Но они, все организованы на деньги Запада. У коммунистов же ресурсов на революцию нет.

— А вот у Ленина — Троцкого они были.

— Но, их поддерживал мировой сионизм. К тому же и Германия.

— Вот я потому и говорю, что Зюганову никогда не придти к власти. Он, в отличие от Ленина, за рубежом не пользуется поддержкой, и внутренних резервов у него нет. Какой он марксист — ленинец, если не знает всей кухни революций. Не ведает, что всякая «революционная ситуация» подпитывается материальным ресурсом. Отсюда вывод: надо менять название партии и всю идеологию с учетом специфики современной России и уровня культуры масс. Он этого не желает понять, отсюда и неудачи на выборах в президенты. Государство — это мы. Коль мы молчим, то все старания политиков тщетны. В том числе и тобою любимого Геннадия Зюганова.

На ошибки Зюганова указывал в своей статье «Коммунистический тупик» зам главного редактора журнала «Молодая гвар-

дия», писатель Валерий Хатюшин («Во имя истины», Москва, «Голос — Пресс», 2004, стр. 465-469). Он писал:

«Всем нам необходимо помнить: капитализм и коммунизм — изобретение иудеев. Дело в том, что коммунизм планировался исключительно для евреев. Все же остальные гойские народы обязаны были через бесплатный рабский труд обеспечить «райское» существование евреев по их потребностям.

У иудеев есть два самых ненавистных человека во всем земном бытии — это Богочеловек Иисус Христос и Иосиф Сталин. Оба они, в чем не сомневается ни один иудейский «мыслитель» столкнули человеческую историю на неправильный путь, то есть затормозили движение истории к ее концу. Цель истории, по убеждению фарисеев и талмудистов всех времен (а Маркс был именно талмудическим сатанистом), восстановления «рая» на земле. Естественно — «рая» для «избранного» народа. Христос отверг этот «рай» как лживую мечту и призывал уверовать в рай на небесах (в ином мире), но тоже для избранных, для тех, кто поверит в Него — в сына Бога истинного. Сталин же, как последователь марксистско-ленинской идеи коммунистического «рая» вынужден был строить коммунизм (утраченный рай) не для избранных, а для всех трудящихся. Он являлся заложником лживой идеи «рая для всех» и понимал недостижимость этой цели. Недаром известный троцкист Раковский называл сталинский коммунизм — антикоммунистическим.

Ленин и его иудейское окружение внедряли коммунистическую теорию через отвержение Бога и, главным образом, христианской веры, так как Христос первым развенчал идею «рая на земле». Ленин прямо писал: «Чем больше расстреляем священников, тем лучше». И до чего же смешно звучат слова Геннадия Зюганова о том, что Христос был первым коммунистом на земле!

Непонятно только, чего тут больше — невежества или вынужденной лжи?».

На этот вопрос может ответить, мне кажется, лишь сам Геннадий Андреевич.

5. Народ

Мысль о рабской покорности русских пришла к юному Геннадию Зюганову, когда он с мальчишками — сверстниками смотрел в сельском клубе, который в наше смутное время сожгут, фильм о войне. Четверо эсесовцев с автоматами ведут большую колонну военнопленных. Шли они по пыльной дороге, понурые и покорные. И никто из них не бросился на врагов, не побежал врассыпную. Гена заклинал бойцов: «Ну, бегите же! Ну!».

Ну, что же вы, советские герои?
Фашистов только — четверо всего.
Ну, навалитесь вы на них — по трое
И задушите всех до одного!

Никто его не услышал — горько и больно. Но таковы реалии. 3,5 миллиона советских солдат в первый год войны оказались в фашистском плену — позор! Как такое допустил великий Сталин? Где же, хваленые, маршалы — Буденный и Ворошилов? Куда подевались бесстрашные красные командиры? Где, наконец, стальные комиссары? Напрасны заклинания. Они подобны гласу странника, вопиющего в пустыне. Позже мы узнаем, что на фронте одна винтовка или карабин приходились на 5-6 человек, гранат и тех не было. Младшие командиры, боясь ответственности, не давали приказа — стрелять. Всякая бомбежка, а тем более идущие ромбом танки вызывали у необстрелянных советских бойцов неописуемый ужас.

На танки не пойдешь с дубиной,
Коль даже волею крепки.
Нужна на силу — только сила,
Тут не помогут кулаки!

Паника — этот страшный психоз парализовал силы, волю и рассудок. Нет ничего удивительного, что каждый хорошо обученный и вооруженный немецкий солдат — ариец, с твердым созна-

нием своего национального, расового и духовного превосходства представлял собою конкистадора Писарро.

Фашисты шли, забот не зная,
Сопротивленья не встречая.
С их уст уж сыпались слова:
— Хайль, Гитлер!
И — капут Москва!

К месту вспомнить пословицу: «Русские долго запрягают, но быстро ездят!». Настанет срок и русские люди соберутся с духом, и начнется обратный отчет: враг будет повержен, победа будет за нами. Так было всегда, когда шла речь о борьбе с внешним противником. Совсем иначе выходило, когда страну переполняла внутренняя смута. Когда хваленому умнику и то было не ясно: кто твой друг, а кто — враг?

Зюганов вспоминал, как аппарат ЦК КПСС реагировал на разгул бесовщины эпохи Горбачева. Поняв суть происходящего, большинство его сотрудников возмущались, но лишь вставал вопрос о необходимости сопротивления болтуну Генсеку, как весь пар из котла куда-то улетучивался.

В своей книге «Верность», он описал попытку секретарей регионов выразить на Пленуме ЦК свое недоверие политике Генерального. И что же? «Шестерки» Горбачева, кого, в индивидуальном порядке, подкупили, кого припугнули. В результате расклад получился, неутешительным. Лишь 20 членов ЦК проголосовали против лживой перестройки — большой ломки без проекта. Сам Зюганов тогда заявил Горбачеву: «Я за перестройку, но не за перестрелку!». Секретари разъехались по домам. Проходило время, а из регионов — ни слуху, ни духу.

Трус — секретарь,
Как тот капрал,
Что гордо голову задрав,
Подчас, не чувствуя вины,
Другим кричит:

— Вперед! Вперед!
Но сам преступно отстает —
И на войне и без войны.

Но, коль секретари — вожаки ведут себя, как трусливые зайцы или премудрый пескарь, что «жил — дрожал и помирал — дрожал», то, что можно спросить с рядовых граждан. «Поэт печали и гнева народного» Николай Алексеевич Некрасов и тот, в свое время, с горечью и болью в сердце, отмечал:

Люди холопского званья —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа!

Лучшей констатацией этого утверждения великого поэта может явиться весточка, пришедшая с родины Геннадия Андреевича — села Мымрино Знаменского района. Журналистка «Орловской искры» Людмила Измайлова в своей статье «У опасной черты» от 26 марта 2008 года рассказала читателям, как голосовали за лидера КПРФ Геннадия Зюганова его земляки на выборах президента России, что состоялись 2 марта 2008 года. Вдумайтесь, пожалуйста, в эти цифры. По стране за Зюганова отдали голоса около 18, по области 22,76, а, непосредственно в отчем крае, он набрал всего — 11, 59 процента. Поистине, нет пророка в своем отечестве!

Из сотни людей, лишь 11 граждан
Признали своим земляка,
Того, кто останется в памяти каждого,
В ком теплятся совесть и честь — на века!

Село Мымрино — центральная усадьба краснознаменного колхоза «Красный Октябрь», когда-то имело 120, а теперь 50 опустевших дворов. Содержалось 1200 коров, 800 свиней, 700 овец, птицы — несчитано. Теперь все кануло в Лету. Животноводческие помещения, механические мастерские заброшены. Очаг культу-

ры, вместо сгоревшего клуба размещается в бывшем правлении. Почта и библиотека нашли приют в полупустой школе. Вместо 350 учащихся сегодня насчитывается всего 20 при 9 учителях. Магазина нет. Два раза в неделю из Хотынца привозят продукты, раз в неделю хлеб — из Болхова. Коровы в подворье — редкость, в основном — птица.

Да, Мымрино слыло — большим и богатым,
Здесь свадьбы справляли — женились ребята.
И девушки были на дело ловки.
Сегодня живут здесь — одни старики.

Доли земельные (6 га пахоты и 6 га не угодной пустоши) крестьяне продали за бесценок. Сократились и огороды — не стало сажалок и копалок. Дорога к селу — яма на яме. Вода и газ не в каждом дворе. Царствуют двойные стандарты. Взгляды на погибающее село «верхов» и «низов» диаметрально противоположны. Неоднозначны и настроения мымринцев. Кто из них имеет работу, тот боится ее потерять. О власти плохо не то, чтобы говорить, но и думать себе не позволяют. При случае, потрафляют ей — нелестно проходятся по адресу Зюганова. Что, дескать, хорошего он сделал для малой родины? За довлеющим материальным интересом не видят, как трудно приходится, вот уже 17 лет, как Зюганов возглавляет КПРФ, бороться ему с антинародными законами. И это в условиях безденежья, постоянного давления со стороны «правых» и прямых провокаций. Не забыта еще, к примеру, сегодня история с музеем в отчем доме Зюгановых. Когда, в первый раз, Геннадий Андреевич выдвинул свою кандидатуру в президенты, то в Мымрино сразу же пожаловали провокаторы. Они, поменяв голову Ленина на голову Зюганова, установили перед его домом памятник. Долго стоял он бронзовый, но с гипсовой головой — не глумление ли это?!

Когда-то в селе стоял памятник Ленину,
Взамен головы его — с целью глумления,
Жестокие люди — порочные самые
Поставили бюст с головою Зюганова.

«Музей» не получился. Его организаторы дом продали и убрались восвояси. Мымринцы тогда возмущались, теперь тревога за личное благополучие вышла на первый план — своя рубашка ближе к телу. И как заклинание произносят: «Лишь бы войны не было!». Не признается себе простой люд, что война-то на российских просторах давно идет. За землю, за собственность, за сферы влияния, за власть и большие капиталы. В период объявленной свободы мысли и слова, на селе боятся упоминания своей фамилии в газете. От коммунистов по — Беликовски открещиваются — как бы чего не вышло. Кое-кто не прочь посудачить о будто бы принадлежащих Зюганову заводах, недвижимости, кубинских гостиницах. И не утруждают себе ответом на вопрос: почему такая «информация», в том числе и в «Орловской правде» всплывает лишь в период выборной компании и не имеет продолжения впоследствии?

Кое-кто обижается, что село грязное, неблагоустроенное, а Геннадий Андреевич не приезжает и не помогает. В чем? Мостить тротуары и убирать мусор — это забота местной администрации. Ей же все недосуг. Она занята яростной критикой лидера КПРФ.

Господь, как известно, все слышит и видит:
Геннадий в селе никого не обидел.
Но отчего, средь его земляков,
Так мало друзей и так много врагов?

Ответ ясен: народ по достоинству оценивает своих патриотов лишь после их смерти. В обыденной жизни — они опасны, ибо создают излишние хлопоты, а обыватель жаждет покоя. В этой связи, хочется привести строки из газеты «Политикан». В ней некогда пролетарский писатель Максим Горький писал: «Все, что я думаю о моей родине или, правильнее, о русском народе, о главной его — крестьянской массе — причиняет мне боль и скорбь. Повсюду — беспредельная серая равнина, и среди нее жалкий человек. Он, как потерянный на своем унылом, корявом клочке земли, вынужден добывать самым тяжким рабским трудом каждую крупицу своего пропитания. И этот человек преисполняется

равнодушием, убивающую способность мыслить, запоминать, сопереживать, накоплять идеи своего опыта».

Да, забыли мымринцы, о добром и славном прошлом, что было привнесено социализмом. Мы бы еще добавили справедливые слова Валентина Распутина, что, правда сильна памятью, а без памяти нет и жизни!

6. Личность

Мы называем личностью того,
Кто в благих целях действует упрямо,
Кто — верный сын народа своего,
Как наш «Платон из Мымрино» — Зюганов!

Со мною могут не согласиться. Как, дескать, можно считать Геннадия Андреевича харизматической личностью, если большинство народа отвергает его идеи? Ответ будет таким: «Мухаммеда также на первых порах не признавали пророком в Мекке — на его родине. Жители осмеяли своего земляка и выгнали из города. Но, когда он вернулся к ним с войском, то все попадали ниц, восклицая: «Да будут славны Аллах и Магомет — пророк его!». Вывод ясен. Так называемый народ, в большинстве своем, если напрасно не лицемерить — корыстен и труслив. Он признает лишь силу и власть. Победи Зюганов на выборах, то мымринцы, стали бы величать себя — ленинцами и зюгановцами. Село Мымрино, вмиг, из глухих задворок России, превратилось бы в цветущую хрущевскую Калиновку. И без усилий Зюганова. За него бы постарались местные чинодралы, что сегодня злобствуют на него, глумятся над памятниками и своим бездействием окончательно разоряют деревню.

Невольно напрашиваются строки:

Воры народу омрачают свет,
Все жалобы бесплодно канут в Лету!
Хотя б Зюганов им прислал привет,
Да стал, хотя б на время — Магометом!

КПРФ
ДОСТОЙНУЮ ЖИЗНЬ —
КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ!
Геннадий Андреевич
ЗЮГАНОВ
Кандидат на должность Президента России!
Кандидат Компартии!
Кандидат народа!

Теперь об истоках неприязни. Геннадий Андреевич неустанно подчеркивает, что он потомок учительской династии. Ему это льстит. Его же односельчане, вечные пахари и сеятели, наоборот, видят в этом факте негативную сторону. Ведь, чтобы не толковали о бедном учителе, но жил то он легче, чем рядовые крестьяне. Те же Зюгановы получали твердую зарплату, пользовались многими льготами. Их беспощадно, как несчастных селян, не давили налогами. Они представлялись элитой деревенского общества — белой костью. Корову, овец не держали, а значит подросток Гена, не был, в отличие, например, от меня подпаском. Не ходил все лето с косою по кустам в поисках нескошенной травы. Когда Геннадий вертел «солнце» на турнике или подкидывал гири, накачивая бицепсы, в это время мы, худородные ребята, пахали и сеяли, копали огороды и рвали крапиву для свиней. Увлечение директорского сына, а отец Гены, Андрей Михайлович работал директором средней школы, пчеловодством и кролиководством, поданное писателем Житнухиным, как геройство, местными аборигенами воспринималось как баловство. Приравнивалось к занятиям — рыбалкой и охотой. Обо всем этом я подробно описал в своей автобиографической книге «Родная сторона» (Орел, 2006). Пусть меня простят за нескромность, но я честно признаюсь, что проблемы конфликта Зюгановых и, вообще интеллигенции, с односельчанами лежат в плоскости социального неравенства. Об этом я могу объективно судить потому, что сам был в ряду беднейших крестьян — хата с плетнями и крышей под солому, а так же в ипостаси директора сельской школы. Все моральные аспекты такого положения, все социальные противоречия испытал непосредственно на своем личном опыте.

Родился я в 1940, следовательно, на 4 года старше Геннадия. Моя отчая деревушка Сивково с 30 дворами находилась в Болховском районе, что соседствует со Знаменским. Когда же я работал директором Сурьянинской восьмилетки, то выпускники ее заканчивали курс средней школы в селе Красниково Знаменского района, к которому принадлежит и Мымрино.

Безрадостное детство —
Гниль, нищета кругом.
Мы жили по соседству,
Не ведая о том.

Но, если моя, совсем неграмотная, бедная мама с мужем — инвалидом и четырьмя детьми ютилась по землянкам, а позже переходила, по ее выражению, из одной хаты — гнилушки в другую, то Зюгановы сумели отстроить по тем меркам — роскошный дом. Он теперь даже под музей сгодился. Мои же, прежние избушки все растворились, исчезли с лика земли грязными действиями современных варваров. Об этом я рассказал в стихотворении «Смутные годы» («Орловская искра» №5 от 1 февраля 2006).

Хочется обратить внимание еще на два обстоятельства, что также раздражали земляков Геннадия. Первое. Он, как некогда Ленин — оба дети педагогов-руководителей, оканчивает школу с медалью. Безусловно, похвально. Селяне же усматривают в этом не его заслуги, как старательного эрудита, а кивают на положение отца — директора. Второе. В 17 лет, выпускника школы оформляют учителем математики. Сверстников — ребят понуждают называть его по имени — отчеству. Нонсенс. Опять же, все понимают, такое возможно стало благодаря, лишь заботам батюшки.

Если ко всему тому присовокупить людскую зависть к преуспевающему молодому партработнику, его роскошным, на их взгляд, квартирам в Орле и Москве, то сразу же становится понятно, что его считают удачливым «выскочкой», что со всем не из грязи вышел в князи. И, какие бы правильные вещи он не говорил, и какие бы гуманные идеи он не провозглашал — нет ему веры. Перейдя в класс партийных чиновников, в иную касту — страту, он стал окончательно чужим.

Геннадий Андреевич это отлично усвоил, а потому совсем не случайно постоянно подчеркивает, что он рассчитывает на понимание «думающих, сознательных граждан». В первую очередь молодых студентов и служащих, 70 тысяч из числа которых, он уже успел принять в ряды ленинской партии. Но честных, образован-

ных, объективно мыслящих людей, к сожалению, меньшинство. Отсюда и неудачи. Вместе с молодыми патриотами России, поэт Валерий Хатюшин говорит о своей заветной цели, так:

Одна лишь цель мне может силы дать,
Не жалко жизни, чтоб ее достигнуть:
Империю былую воссоздать,
Врагам России по делам воздать
И Храм Спасенья на Крови воздвигнуть!

Вот таково мое резюме на статью журналистки «Орловской искры» Людмилы Измайловой, что сетует: «Откуда такая ненависть к председателю КПРФ Геннадию Зюганову у его земляков? Он же за весь трудовой народ радеет. Неустанно трудится — пишет, ездит по стране и постоянно рискует жизнью».

Что касается лично меня, то я, наряду с критикой, высказанной выше, в данном очерке, присоединяюсь к мнению автора книги «Геннадий Зюганов», историка и публициста Анатолия Житнухина. Он справедливо пишет о своем герое: «Зюганов, чей дед преподавал в церковно-приходской школе и вырастил для советской власти пятерых учителей. Чей отец сеял доброе и вечное, и стоял насмерть под Севастополем и чья мать, сорок лет учительствовала в сельской школе, не случайно связал свою жизнь с партией коммунистов. С партией — победителей, партией трудового народа. И ни разу не изменил ее высшим идеалам. Он одним из первых вступил в борьбу против предателей КПСС и Советской страны и вот уже в течение почти двух десятилетий (1993-2010) находится в состоянии неравной войны с антинародным режимом».

Забот и дел его не перечесть
Он на виду — у городов и пашен.
Как здорово —
Платон в России есть!
Зюганов — совесть, честь
И гордость наша!

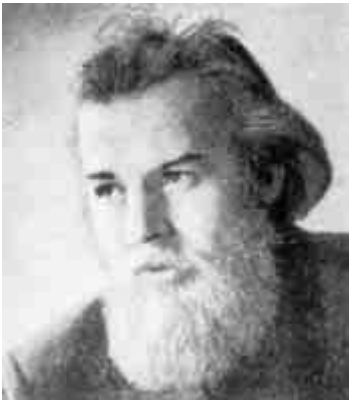
ДРОННИКОВ

(Очерк в 2-х частях)

«Поэзия есть огонь, загорающийся, в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает.
Есть люди, которые чувствуют жар, другие теплоту, третьи видят только свет, четвертые и света не видят. Но настоящий поэт сам невольно и со страданьем горит и жжет других. И в этом все дело».
(Л. Н. Толстой «О литературе», ГОХЛ, Москва, 1955 г., стр.13)

Так вот, об одном из таких поэтов, который и сам горит и жжет других», как раз и пойдет речь. Мой герой — известный орловский лирик Виктор Дронников (1940 — 2008).

Первая часть очерка о нем была написана еще в 2000, к его 60-летнему юбилею, которую во время, из-за безденежья не удалось опубликовать. Ее мы оставляем почти без купюр. Вторую часть мы подготовили, уже сегодня, по газетным материалам и отзывам хорошо знавших поэта и его творчество товарищей.



Поэт Виктор Дронников (1940-2008)

Часть ПЕРВАЯ

РОВЕСНИК

«Художник, как носитель света и правды, является высшим представителем нравственных понятий окружающей его жизни, т. е. своего народа и своего века, и иным быть не может истинный художник».

Валерий Хатюшин
(«Во имя Истины», Москва, »Голос— Пресс», 2004, стр. 7)

Вот о том: является ли поэт Виктор Дронников истинным художником — носителем света и правды, я беру на себе смелость поведать читателю в канун его шестидесятилетия. А это — юбилейная, я бы сказал, рисковая дата!

Рисковая оттого, что позади все или почти все — потеря отца, что остался «где-то там, на Одере», голодное послевоенное детство, сладкие юношеские мечты и полная тревожных исканий «самого себя» молодость. Учеба в Литературном институте и неусыпный творческий труд, успех и беспокойная слава…

А впереди лишь — неухоженная старость, прилипчивые, как рыбьи чешуйки, болезни, да ностальгия по безвозвратному, напрочь ушедшему, растаявшему «в тумане льдинкою». Один из его сборников так и называется «Путь невозвратный».

Пишу без тени иронии, с чистым сердцем, потому что и надо мною завис этот «неумолимый рок» отторжения в небытие. Ведь мы с Виктором — ровесники: оба родились в грозовом 40-ом! Летом 2000 года, одновременно, перешагнем полосу света…

Однако прежде чем уйти в забвенье, я попытаюсь использовать свой шанс нерастраченных «ясной мысли и твердой памяти», чтобы рассказать более чем 30-летней дружбы и наших далеко не безоблачных отношений с поэтом.

Можно по-разному относиться к Виктору Дронникову. При желании отыщутся в нем масса негативных качеств. И мы их назовем. Но не признать одаренности, не разглядеть у него «божьего дара» было бы полнейшей нелепицей. Ведь еще Владимир Маяковский справедливо заметил: «Я поэт — этим я интересен!». Вот и Виктор Дронников — настоящий поэт! А потому писать и говорить о нем чрезвычайно важно.

Необходимо подчеркнуть, что эти записки — не первый дебют. Я поместил в сборнике «Отчий край», давно полюбившееся ему стихотворении «Гораций», с припиской: «В. Дронникову». В поэтической книге «Русь», по его настоятельной просьбе, посвятил ему одну из глав поэмы «Сурьянино». Не мало доброго поведал также о нем в повестях «Родная сторона» и «Дым Отечества». Но все это — ненароком, исподволь, эпизодически. Время же обязывает говорить о поэте — основательнее, весомее, зримей…

1. Сурьянинский гость

Опальный Пушкин в стихотворении, посвященном встрече с лицейским другом Иваном Пущиным писал:

«И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный
Твой колокольчик огласил…»

Подобное восторженное чувство при первой встрече с орловским поэтом, произошедшей в селе Сурьянино, что расположилось в двенадцати верстах от древнего Болхова, некогда испытал и я. Правда, Сурьянинский гость был для меня — тера инкогнито. Ведь с Дронниковым, ни в Царскосельском, ни в каких-либо других лицеях я не учился. А мог судить о нем лишь по его стихам, публикуемым в местной печати.

Личных встреч я с ним не добивался. Это ему вздумалось, первым, нанести мне визит. Этот факт подчеркиваю потому,

чтобы у читателя не сложилось ложного впечатления, что будто я примазываюсь к славе «большого поэта».

Итак, «мой двор уединенный», только не снегом, а осенней листвой «занесенный» — знакомство состоялось 4 сентября 1969 года — огласил не «колокольчик», а звонкий автосигнал «газика» первого секретаря Болховского райкома комсомола Владислава Петухова.

Я работал тогда директором Сурьянинской восьмилетки. Из автомобиля вышли трое: сам Петухов, радио-организатор с неизменной «лирой» на боку, будущий известный журналист и краевед Александр Венедиктов, и русоволосый незнакомец, представившийся поэтом Виктором Дронниковым.

По русскому обычаю, гости были усажены за стол. Моя жена Валентина Алексеевна, оставив на время колыбельку полугодовалой дочурки Ирины, посвятила себя неожиданным визитерам. Ее хлопоты оказались замеченными: болховчане дружно поблагодарили хозяйку за радушный прием и обильное угощение. Сели в машину и укатили восвояси, пообещав загостившемуся орловскому поэту, на следующий день прислать за ним автомобиль. И слово свое сдержали.

Виктор Дронников в 70-е годы

Сурьянинский гость и я, оставшись наедине, посвятили себя: взаимным вопросам, воспоминаниям детства, стихам:

Он читал о кошке,
Хлебе и весне…
Свет дрожал в окошке —
Стало грустно мне.

Об отце и маме
Я ронял слова…
За оконной рамой
Тлела синева.

Проведшему ночь на Болховской земле Виктору Дронникову, тепло, прощаясь, мы вручили мешок картофеля, рюкзак капусты, а так же подарили, по его убедительной просьбе, обрамленный старинной вязью «школьный звонок». Виктор с московской поры знающий толк в раритетах, обещал нам изготовить на «Текмаше» подобный колокольчик — взамен утраченного. К месту будет сказано: слова своего так и не сдержал. **Забывчивость, рассеянность, а то и просто обман — это, как мы позже убедились, были, вообще, стилем жизни поэта Дронникова**.

Спустя годы, Виктор, беседуя со мною в Доме писателей, неожиданно вспомнил:

— Знаешь, старик, а у меня твой рюкзак, еще с Сурьянинских времен где-то валяется. Все недосуг отдать…

— Да, он уже, наверное, истлел, — рассмеялся я, — ведь четверть века минуло. Пора бы и выбросить…

— Это верно.

В свой первый визит, поэт увез с собою в Орел и мои стихи. Одно из четверостиший, так ему приглянулось, что он выучил его наизусть и превратил в звуковую визитную карточку.

При каждой новой встрече, декламировал:

Не раз стояла у угла —
Перед иконою молилась…
У Серафимого крыла
Ночная бабочка кружилась.

И восторженно добавлял: «Это — здорово! Удивительно точно подмечено! Это — твоя удача! Ну, просто — находка! Не всем поэтам она дается. А ты — счастливец! Молодчина!».

Виктор, когда ему было это выгодно, умел льстить, умел тронуть сердечную струну друга. Но с таким же успехом он сбрасы-

вал с «пьедестала» всякого, кто когда-либо осмеливался стать ему в оппозицию. Беспринципность, многоликость, а порою и мстительность — в его натуре.

Спустя время, после отъезда поэта из Сурьянино, я получаю конверт с фирменным бланком «Орловского комсомольца», в редакции этой газеты Дронников заведовал. отделом писем. Писал:

«Петр!

Отобрал шесть стихотворений. Отбирал жестко. От души понравился «Гораций». Это хорошо! Особенно 2-я строфа. В этом стихотворении ты весь! Вся душа, твой интеллект — прости за это муторное слово.

Но, ей — богу тебе следует искать себя в этом ключе… Росинки, былинки, ежевицы, чечевицы, бузина и редька — это не для тебя, не для твоего голоса.

Ты думаешь, что у тебя тенор? Нет-нет. Не тенор. Твой голос — шире и крепче…

Но тебе-то видней! Срочно напиши несколько слов о себе.

Твой — Виктор Дронников».

После этой весточки друга в «Орловском комсомольце» появились мои стихи: «Бетховен», «Озимь», «Мне грустить не пристало», «Курганы».

Приезжал я к Виктору в гости, с ответным визитом, по адресу: «Орел, ул. Медицинская, 15, кв.2». Познакомились с его женой — Аней, учительницей начальных классов, доченькой Олей, в 5 лет научившейся читать и писать.

Каменный топор, найденный в низовьях реки Скань (приток Нугря) пастухом Прохорцевым, жителем деревни Долбилово и подаренный мне, я, в свою очередь, по просьбе любителя всякой старины и антиквариата, подарил поэту для его «домашнего музея», в коем были собраны: древние книги, Библия, дореволюционные издания русских поэтов, ранние тома стихов Сергея Есенина.

Поэт подарил мне свой «Зеленый купол» (Тула, 1969) с радостной надписью:

«Петру Козину — прекрасному человеку, русскому человеку. С надеждами… Искренне —
Виктор Дронников
4. 09 —1969 г.»

Более тридцати лет минуло с той поры, но честное слово, восторженное чувство, осталось в благодарной памяти и по сей день.

2. Половодье в Орле

Незабываемой оказалось пребывание в гостях у поэта весной 1970 года. Тогда Виктор познакомил меня с известным писателем — первым ответ. секретарем Орловского отделения Союза писателей РСФСР Владимиром Мильчаковым. Этот полноватый, добродушный, уже немолодой мужчина с желтым костылем в правой руке снизошел до того, что вежливо, запросто, по-отечески, побеседовал со мною. Расспросил об основной работе, о моих творческих планах. А разговор наш у биллиардного стола, был таким непринужденным, что мне стало как-то совестно, как некогда при встрече на Дону, с великим Шолоховым, отнимать время у столь солидного и важного человека: я считал себя недостойным его внимания.

На площади Ленина, там, где ныне размещается гостиница «Салют» состоялась моя первая встреча, с тогда еще относительно молодым журналистом «Орловской правды», поэтом Василием Катановым. С ним меня также познакомил Виктор. Он же представил меня и редактору «Орловского комсомольца», своему тогдашнему шефу, прозаику Ивану Рыжову.

Дронникову я так же обязан знакомством с зав. сельхозотделом «Орловского комсомольца», будущим известным писателем Иваном Подсвировым. С добрым и улыбчивым поэтом Анатолием Шиляевым, юристом — горбуном из Мценска, будущим выпускником Литинститута, нашим ровесником Игорем Крохиным, поэтами — фронтовиками Иваном Озеровым, Александром Минаевым — бухгалтером «Союза», студентом Литинститута Львом Котюковым.

Первое апреля 1970 — величайший паводок в Орле. Вода подтопила тогда все заречные улицы. Лодки сновали вплоть до кинотеатра «Родина».

Зрелище было для стороннего наблюдателя любопытно-волнующим, но вместе с тем и грустным. Однако молодость брала свое: ведь нам не было еще и тридцати…

Разыграл надо мною Виктор «первоапрельскую шутку». Он навязал, а его настойчивость — сродни настырности, мне спор на бутылку «Шампанского», по поводу стихов Пушкина из романа «Евгений Онегин», посвященных женщинам. Дронников утверждал, что великий поэт не любил прямых противопоставлений (не зря же Виктор заочно обучался в Литинституте) и не мог написать, как считал я, таких строк:

«Чем меньше женщину
Мы любим,
Тем больше (?!)
Нравимся мы ей».

Дабы убедить меня, что вместо «больше», у Пушкина стоит глагол «легче», Дронников водил весь литературный хоровод (Шиляев, Крохин, Дронников и я) в библиотеку имени Крупской, ныне ставшей — Бунинской, где испросил томик Пушкинских стихов и… торжествовал победу!

Уже тогда я отметил про себя: неудержимое желание Виктора первенствовать, неуемную жажду подавлять своей волей и подчинять себе подобных.

Да, я оказался в проигрыше. Мне ничего не оставалось делать, как раскошелиться на «Шампанское» — **Дронников всегда и во всем оставался материалистом.**

3. Ссора

Ноябрь 1970. На семинаре молодых поэтов и прозаиков в Орле, который проводили московские литераторы: Валентин Сорокин, Николай Агеев и другие, Виктор Дронников, в своем вы-

ступлении, в частности, говорил и о моих стихах:

— Петр Козин — талантлив, но спешит, мало работает над словом, разбрасывается, подражает Дмитрию Блынскому.

Тогда, после критики в мой адрес, я забрал из Союза свои стихи.… В тот период — 14 ноября 1970 года, я похоронил свою, горячо любимую мать, а семинар проходил где-то 30 ноября: мне было тяжело читать стихи о ней, об инвалиде — отце — еще слишком свежа и глубока была сердечная рана…

В 1971 году, поработав, зам. Директора по учебной работе технических курсов в городе Ростове на Дону, сроком чуть более полугода, я вновь потянулся на родную Орловщину.. Деревня, после смерти мамы, уже не манила: ни зеленью березовых рощ, ни трелями соловья, ни тихими зорями у речных заводей с удочкой в руках. Мне нужно было забыться. Я выбрал Орел.

Прозаик Иван Подсвиров

Года два спустя, встретился с Иваном Подсвировым. Он сказал:

— Петр! У тебя много хороших стихов. Их и Анатолий Яновский в «Орловской правде» печатает. Ты собери-ка их, да и отдай на рецензию в Союз писателей. Пора тебе выходить к читателю со своей книгой. К примеру, я отдал свои рукописи. В результате в Туле и в Москве вышли мои сборники прозы. И в Союз приняли. А чем ты хуже? Не скромничай — действуй!

Вняв советам товарища, я собрал, на мой взгляд, наиболее удачные вирши и отправился в Орловское отделение Союза писателей, что размещалось тогда в здании вечерней школы, недалеко от Главпочтамта.

Первую положительную рецензию в течение одной недели на мои стихи (храню и сейчас) написал прекрасный поэт Анатолий Шиляев — бескорыстный, отзывчивой души человек.

Вторую поручили моему другу Виктору Дронникову.

Я долго ждал обещанного отзыва, но прошел месяц, затем — второй, третий, а поэту все было недосуг. Виктор находил время на многочасовые беседы за бутылкою вина, разумеется, за мой счет, но вот заглянуть в рукопись — руки не доходили. Хотя большинство моих стихов ему были хорошо известны. При вежливом напоминании, он бросил упрек:

— Ты дружишь с Яновским! Он нас, русских профессионалов, не дает в «Орловской правде», а тебя печатает. У тебя с патриотизмом не все в порядке!

— А причем тут патриотизм? — недоумевал я.

— А в этом вопросе должна быть четкая линия. Тут зевать нельзя. Сунешь палец и не заметишь, как руку по локоть обкорнают…

Всех глубинных умозаключений русского лживого патриота Виктора Дронникова я тогда еще плохо осознавал, ибо был убежден в одном, что Виктор — крайне самолюбив и просто набивает себе цену. А из меня пытается сделать зависимого от него раба — почитателя. Причем такого, который таскал бы ему каштаны из огня, то — есть чаще поил бы спиртным и безропотно внимал его «мудрым» наставлениям. Не случайно у меня родились такие гневные строки:

«Любит Виктор Дронников
Дураков — поклонников!».

У каждого, пусть и малого поэта, есть собственная гордость. Роль «прислужника» я играть не хотел. Да и по сути натуры своей я никогда не терпел рабства, ублюдочного низкопоклонства, заискивания перед «сильными мира сего». Дух свободомыслия жил и поныне живет в моей душе. Я, естественно, как и следовало ожидать, в один из дней взорвался справедливым упреком:

— Где же рецензия? — строго спросил, — ты же, в свое время, расхваливал мои стихи?

Ответ был не менее резким:

— Когда сочту нужным, тогда и напишу. Я — писатель! И могу твою рукопись полгода держать. Я должен ее тщательно проана-

лизировать. Да и опасаюсь, что ты, с моей помощью, проникнешь в «Союз», где займешь вредную мне позицию.

— Вон, как ты далеко заглядываешь! Тебя, позиция моя, не устраивает? Да, ты просто — негодяй!

— Что? Оскорблять! Пойдем к Катанову!..

После смерти Владимира Мильчакова ответственным секретарем Союза работал Василий Михайлович Катанов. Узнав о сути спора, последний стал урезонивать меня, напоминая, что Дронников — известный поэт.

— Поэтом может он не быть, а Человеком быть обязан! — переиначил я некрасовские строчки о гражданине.

— В таком случае, Василий Михайлович, — заявил обескураженный Виктор, — я никакой рецензии писать не буду.

— Да, провались ты со своей рецензией, — резюмировал я выпад бывшего друга и ретировался из здания Союза.

Поэт Владимир Перкин

После этого инцидента я надолго порвал связи со всей писательской братией: обжегшись на горячем, дул на холодную

Рукопись передали молодому поэту Владимиру Перкину, и он, не устояв перед авторитетом Дронникова, разгромил ее, о чем позже, в беседе со мною, явно сожалел. Будучи человеком совестливым, он, став редактором Приокского книжного издательства, реабилитировал свой грех в моих глазах — издал в 1978 году, по своей инициативе, мою первую публицистическую книжку очерков «На трассах пятилетки». Краткую рецензию на нее поместил в «Орловской правде» писатель Анатолий Яновский.

Ответственный секретарь Союза Василий Катанов ушел в тень, не сумев преодолеть страх перед заносчивым поэтом. Я же, как забрал из Союза в 1974 году свои стихи, так более с ними туда и не совался. Предательство Виктора настолько потрясло меня, что я, вообще, почти на 20 лет ушел в поэтическое небытие. Со-

всем не Жуковским оказался и Катанов. Его принцип: тишь да гладь — божья благодать.

4. Возвращение

Орел — это большая деревня. Потому, как я не избегал встреч с литераторами, все же частенько наталкивался, то на одного, то на другого. И большинство из них настаивали на моем возврате в поэзию, убеждая, что на Дронникове свет клином не сошелся.

Все дело решил несчастный случай. Не зря говорят: не было счастья, да несчастье помогло. В августе 1992 года я попал в авто аварию и сломал левую ногу. Три месяца в больнице, долгие месяцы на бюллетене в дому вызвали глубокие раздумья о судьбе страны после «революции 1991», над смыслом жизни. Сегодня жив, а завтра — нет. А у меня растет внук. Что я оставлю ему в наследство? Какую память о предках? Ведь я же — историк! К тому же и — поэт! Могу ли я допустить, чтобы мой родной Максимка «жил Иваном, не помнящим родства». И я взялся за родословную и за … стихи.

В 1993 году поддался на уговоры писателей Виктора Рассохина и Александра Логвинова, решил издать свою первую поэтическую книгу. Тем более что для этого уже не требовались рецензии маститых: демократы перевернули мир.

Сыграло свою роль и соперничество двух блоков: Союз писателей, к тому времени, распался на две части. Демократические литераторы объединились под главенством Виктора Рассохина, давнего недоброжелателя лауреата всех литературных премий Виктора Дронникова. Большинство же осталось верными старым консервативным традициям.

Союз писателей теперь размещался в бывшем доме купца Бакина. Там я познакомился с его ответственным секретарем Леонидом Моисеевым, удивительно обаятельным и доброжелательным человеком.

Выразив свое желание издать книгу стихов, я попросил его помочь мне в отыскании спонсоров. Здесь же и состоялась моя незапланированная встреча с бывшим другом.

Виктор предложил:

— Петр! Возьми меня в редакторы. Я твои стихи знаю. Так отчеканю — звенеть будут!

— Ты дорого возьмешь?! — возразил я.

— Нет. По обычной ставке.

Я отказался. Присутствующие при нашем разговоре две женщины — сотрудницы Союза, улучив момент, когда Дронников на какое-то время вышел из кабинета, доверительно посоветовали:

— Петр Дмитриевич! Не надумай-те соглашаться. Он, по пьянке, и рукопись вашу потеряет…

Я рассмеялся:

— Да, нет, конечно. У меня есть редакторы. А Виктором я уже ученый. Его урок я на всю оставшуюся жизнь запомнил.

5. Несостаявшаяся месть

В конце 1993 года в издательстве Орловской телерадиокомпании, под патронажем давнишней моей знакомой, еще по совместному сотрудничеству в «Орловском комсомольце» Асей Олейниковой (Никоновой) тысячным тиражом вышел в свет мой первый сборник стихов «Отчий край». По совету друзей я решил организовать презентацию книги. Она состоялась 6 января 1994 года в офисе Союза.

Леонид Моисеев от своего и от моего имени — телефон звонил не умолкая — собрал в дом Бакина едва ли не всех здравствующих писателей. Среди гостей находились и два коммерсанта, которые к моему приятному удивлению раскошелились и дополнили праздничный стол недостающими винами и закусками.

С нескрываемым удовольствием я выслушивал похвалы и поздравления. Дарил книгу. Раздавал автографы.

Здесь познакомился с зав. Отделом культуры «Орловской правды», молодым писателем Юрием Оноприенко, который не преминул пригласить меня к себе, в редакцию, пообещав написать на книгу рецензию.

Виктор Дронников, Иван Рыжов, Василий Катанов, внимательно перелистывали сборник, в котором их особенно привлекла вступительная статья Виктора Рассохина и Александра Логвинова. К тому времени, как мы уже отмечали, «Союз» распался, вследствие чего демократ Рассохин был причислен к лагерю «раскольников», а Логвинов оставался членом традиционной писательской когорты. Это и вызвало явное недоумение у «орловских классиков».

— Смотрите, как ловко их Козин объединил в своей книге, — заметил Юрий Оноприенко.

— В одну телегу впряг, — с улыбкой отозвался сатирик Леонид Моисеев, — коня и трепетную лань…

Похлопывая по обложке книги, Виктор Дронников, вдруг, спросил:

— Петр! Здесь про Сурьянино, про нашу встречу, что-либо есть?

— Нет, — отвечаю, — но в будущей книге планирую…

— Смотри, старик, непременно напиши! Такое не забывается. Как молоды мы были…

— Как искренне любили, как верили в себя, — шутливо подхватил я слова известной песни и добавил, — обязательно запечатлею для потомков. Уж, ты зазря не сомневайся.

— Верю! Но все-таки зря ты меня не взял в редакторы, — сокрушался приятель, — книга, может быть, была бы и потоньше, но гораздо целенаправленнее, звонче.…У тебя плохие были редакторы!

— Все у нас впереди. Будут и другие книги, и новые редакторы.

— Ну-ну. Дай тебе Бог хороших спонсоров.

— Спасибо.

За праздничным столом, за хмельными разговорами мы и не заметили, как подкрался вечер. А спустя некоторое время над домом Бакина уже царила звездная ночь. И как-то, само по себе, случилось так, что «прозаседавшимися» оказались двое коммерсантов и мы с Дронниковым. Остальные гости предусмотрительно разошлись.

Виктор, явно перебрав спиртного, стал настаивать на том, чтобы мы всем квартетом направились в ближайшее кафе и продолжили «сабантуй».

Один из коммерсантов, что моложе, Леонид, вывел неожиданно взбунтовавшегося поэта во двор, а тот, что постарше, Игорь Бутузов твердо сказал мне:

— Надо срочно уходить. Я не знаю ваших дел, но Дронников почему-то хочет вас еще напоить и побить…Мы это отнесли к его вздорному характеру и драки не допустим.… Однако греха лучше избежать.

— Это с Виктором бывает, — согласился я, — **неутоленная жажда мести за строптивость. Как же, ослушался, не взял в редакторы!**

— Вот в чем дело? Теперь все понятно. Идемте. А мой товарищ его еще в кафе спровадит, раз уж ему невтерпеж напиться…

П. Д. Козин с И. С. Бутузовым

И мы с Игорем Серафимовичем Бутузовым, моим новым знакомым, пешком по сонным улицам города, через Орлицкий мост, направились, дабы достойно и подобающе завершить торжество в церковь Михаила Архангела, где в это время шло праздничное богослужение. Мы не преминули приобрести и поставить свечи.

Знать Бог услышал мои молитвы — презентация книги завершилась благополучным исходом — месть не состоялась.

6. Вокруг рекомендации

Уже через год прошла очередная презентация моей новой книги «Перелески» — в том же месте и в тот же час…

На этот раз все обошлось спокойно, без эксцессов. Леонид Моисеев посоветовал мне собрать рекомендации для вступления в Союз писателей. Он сказал:

— Одну тебе даст Василий Катанов. Он и редактировал твои «Перелески» и вступительную статью написал. Другую — возь-

ми у Виктора Дронникова. Он — ведущий поэт! И без него никак не обойтись! Ты сам знаешь его характер. Не угодишь — бойкот устроит!

Тяжело вздохнув, Леонид Юрьевич продолжал:

— Он с Иваном Рыжовым меня уже доконали. Упрекают, что я «колхоз развел» — принял в Союз трех человек. А теперь — ты!

Однако, Петр, не обращай на это внимания. Дело не конкретно в тебе, а в позиции наших «классиков», которые не терпят никакой конкуренции. Им так хочется, чтобы все блага мира, в первую очередь, благосклонность к творческой интеллигенции Егора Семеновича Строева, нашего уважаемого губернатора, распространялись лишь только на них, двоих, зараженных страстью лидерства. И впрямь — настоящие вампиры! Тяжело с ними, честно тебе признаюсь. Но, это мои проблемы! А ты действуй! Под лежащий камень — вода не течет…Успехов тебе!

— Спасибо! — поблагодарил я этого благородного человека и направился на улицу Дубровинского, 92, где в 192 квартире проживал поэт Виктор Дронников. Благо у меня был повод — навестить занемогшего приятеля.

Накануне, по дороге в Брянск, с ним приключилась очередная незадача — угодил в аварию. По другой версии — был избит Карачевскими хулиганами. И вот, теперь, весь в синяках и ушибах, он залечивал «на дому» свои раны.

Без околичностей я изложил Дронникову цель своего визита. Виктор не удивился моей просьбе, сказал:

— Знаешь, старик, рекомендацию я тебе не дам, но поддержать — поддержу!

— Странно! — воскликнул я, — если уже сказал «А», то говори «Б». Раз собираешься поддержать, так лучше сделай это письменно. Не то, получается, по — Троцкому: ни мира, не войны…

— Не могу. Троцкий тут не причем. У меня есть на этот счет, горький опыт.

— Ты о чем? Или, о ком?

— Да о твоем тезке — Петре Родичеве. Я ему дал, в свое время, рекомендацию, а он, черт — е — что стал на меня плести…. Пришлось отозвать свой документ.

Так его, что?! Не приняли?!

— Принять приняли. Да только с тех пор нет мне покоя — извел клеветническими статьями.

— И он осмелился воевать с тобою, с открытым забралом?

— Выходит — осмелился. Поддержка у него в Москве, брат — писатель Николай Родичев… Фронтовик! В чести. Со связями. Может, слыхал?

— В газетах встречал фамилию. Статьи, очерки читал. Книг — нет.

Видеть и общаться не доводилось.

На этом и закончилась наша деловая беседа с «классиком». Я вручил больному свои подарки, которые он благосклонно принял и удалился.

Просить рекомендацию у Катанова Василия Михайловича не было никакого смысла. Я отлично сознавал: раз Дронников что-то решил, так оно и будет. А он задумал меня «прокатить» — в этом я не сомневался. А обещанная поддержка — это блеф! Очередная издевка, увертка, игра на нервах! В области интриг Виктор — великий мастер!

Когда я рассказал о своем неудачном визите к Дронникову своему земляку Логвинову, то он неожиданно распорядился:

— Садись за машинку. И печатай, что я тебе скажу.

Доцент Университета искусств, литературный критик и поэт Александр Серафимович Логвинов, нараспев, продиктовал мне текст своей персональной рекомендации. Ее я и поныне храню, как фетиш дружбы, как доказательство бескорыстной веры земляка в мое писательское призвание.

Кстати замечу, что на такой поступок так и не осмелился до сегодняшнего дня Василий Катанов. И это не смотря на то, что вот уже пять книг моих вышли в свет под его редакцией.

От попыток вступить в Союз я навсегда отказался. Зачем напрасно испытывать судьбу. Зачем зазря тешить себя надеждами. Я был и остаюсь убежденным в том, что солнце удачи не будет светить мне и многим моим коллегам по перу до тех пор, пока на путях к литературному Олимпу стоят монстры, подобно Рыжову и Дронникову. Благородные же Моисеевы и Логвиновы, к сожалению — в меньшинстве. Впереди меня ждали новые, еще более острые, испытания…

7. Вероломство

Заслуженный деятель искусств, отв. секретарь Орловского отделения СП России Леонид Моисеев

Леонид Моисеев, узнав о моем фиаско у Дронникова, предложил свой проект выхода из кризиса — бить врага не словом, а фактами новых побед! Подобно Михаилу Ломоносову, воевавшему с надменными немцами. Что ни год — новая диссертация!

— Свою третью книгу ты должен обязательно издать у нас в Союзе, в наших «Вешних водах», у Лысенко Александра Ивановича, — убеждал меня Леонид Юрьевич, — и тогда никакой Дронников тебе не будет помехой.

Не теряя времени, я вновь начал обивать пороги своих меценатов — автомобилистов, дабы осуществить идею моего доброго наставника.

Но наступил февраль 1995 года. Леонида Юрьевича не стало — остановилось широкое сердце русского патриота, талантливого драматурга и режиссера, благородного человека.

Скоропостижную смерть Моисеева я воспринял как личную трагедию, ибо осознавал, что навсегда лишаюсь искренней и бескорыстной поддержки авторитетного руководителя. Уже ночью сочинил стихотворный некролог и понес его в «Орловские вести», которые тогда редактировал мой земляк — болховчанин Юрий Шилов. Стихи не замедлили появиться. А, когда в Союзе решили выпустить целый номер литературной газеты «Вешние воды», посвященный памяти почившего шефа, то редактор выпуска Иван Рыжов испросил их у меня. Под заголовком «Грустный февраль» они были также опубликованы и в моей поэтической книге «Русская баня».

Февраль,
Но не вьюги, не замети….

Туман, как бывает весной,
С вершин тополей,
Ему памятных,
Пролился печальной слезой…

То плакала с нами природа
О том, кто России служил,
Кто думал о судьбах народа,
Кто так обаятелен был!

Его будут помнить читатели,
Друзья не забудут вовек…
Он с нами —
Актер и писатель,
Красивой души Человек!

Орловские писатели на юбилее Катанова (июнь, 1995 г.). Слева: Вадим Ерёмин, Виктор Дронников, Иван Рыжов, Геннадий Попов, Воскресенская, зам. губернатора Иван Яковлевич Мосякин, Василий Катанов и другие.
В третьем ряду крайний справа - Козин П.Д.

Геннадий Попов, ответственный секретарь Орловской писательской организации с 1995 г.

Но свято место пусто не бывает. У судьбы свои законы. Умер король! Да здравствует король! К власти в Союзе пришел поэт от производства, наш с Дронниковым ровесник, Геннадий Попов. Для меня он был — вещью в себе. Я лишь не плохо знал его протеже Михаила Турбина, с которым ранее работал в системе транспортного управления.

В июне 1995 года я участвовал в торжествах, посвященных 65 — летнему юбилею Василия Катанова. И здесь в Союзе переговорил с заместителем Главы областной администрации Иваном Мосякиным на предмет оказания мне спонсорской помощи. На этот шаг ранее меня неоднократно подталкивал Болховский поэт и краевед Александр Венедиктов. Он убеждал, что Иван Яковлевич наш с ним земляк и должен же он, подобно Фамусову «порадеть родному человечку». Мосякин дал добро: попросил написать соответствующее письмо на его имя.

О, наивный! Я и не представлял, какой навлеку на себя гнев литературных Богов!

Их вероломство не знало границ.… С подачи Рыжова — Дронникова, ответственный секретарь Союза поручил, совершенно незнакомой мне поэтессе Ирине Семеновой, за бабьей юбкой сподручней, написать на мою рукопись разгромный отзыв — исполненный, давно проверенный в действии прием. Ведь в свое время гениальный Лев Толстой обвинил в графомании другого гения — Вильяма Шекспира. Тут же — рядовой поэт.

Семенова сделала свое черное дело, совершенно не заду-

мываясь, что этим самым подставляет своего старшего коллегу — поэта Катанова, который дал на книгу положительный отзыв. Чему удивляться? Ведь двадцатью годами ранее также, но уже Дронниковым, о чем читателю известно, был скомпрометирован его товарищ, а мой рецензент, прекрасный поэт Анатолий Шиляев.

Столь блестящий ход литературных боссов возымел свое действие — Иван Мосякин отказал мне в протекции.

— Решай все с Поповым, — отрезал он, — мне не до ваших интриг.

Геннадий Попов в беседе со мною был, более чем откровенен:

— Зачем, ты, полез в централизованное финансирование?! У нас 7 книг членов Союза лежат неизданными — нет денег, а тут ты еще!? У тебя есть — спонсоры. Вот и занимайся с ними, а вице-губернатора и нас оставь в покое…

Так была подведена очередная черта отчуждения. Хорошо усвоив, что Попов не Моисеев, я с лета 1995, в Дом купца Бакина — ни ногой, ни помыслами.

Третья же книга стихов и поэм «Русь», хотя и в другом издательстве, а все-таки вышла: мир не без добрых людей!

8. От автора

Все предыдущие главы очерка составляют единую хронологическую канву. Это, так сказать, отражение хода событий — по вертикали: от истоков дружбы к ее сегодняшнему логическому завершению.

В последующих заметках я хотел бы остановиться на личности и конкретных поступках моего главного героя. Попытаться проанализировать мотивы их свершения, сделать соответствующие обобщения.

Считаю необходимым также коснуться ряда граней творчества поэта, его идейной направленности. То — есть рассмотреть вопрос — по горизонтали: шире и многограннее. Ровно на столько, насколько у меня, хватит скромных сил и интеллекта…

9. Слова и дела

Все люди, как и животные, делятся на два вида: травоядных и хищников. Травоядными мы называем тех, кто создает блага жизни своим неустанным трудом: на заводе, ферме, в поле, за письменным столом… Тех, кто овладевает дарами природы, не разрушая ее основ.

Хищники — это те люди, которые, во имя личного блага, используют плоды труда себе подобных.

Виктор Дронников, как раз и относится ко второй категории. Его не увидишь, как писателей — деревенщиков, подобно Василию Катанову — ни за косой, ни за плугом… «Толстовство» у него не в чести.

Очевидцы рассказывают, что, еще работая на заводе, он умудрялся перекладывать физический труд на плечи своих товарищей: поставит ребятам бутылку, а сам за проходную и был таков…

Ах! Эти бутылки! Сколько горя из-за них?! Орловчанка Валентина Семеновна Шахова, 1930 года рождения, как услышит по радио, что-либо о Викторе, так сама не своя. Выходит во двор к людям и громогласно вещает: Опять Дронникова хвалят. Какой-то «Плач» написал. Женщин жалеет, что потеряли сыновей — солдат в Чечне. Чужим, выходит, сочувствует, а собственную мать — старушку изводил — деньги на водку вымогал…

Пока Шахова вела свой монолог, я вспоминал, как летом 1977, на второй день после похорон матери Виктор, мы — Борис Попов, Александр Логвинов, Иван Подсвиров и я сопровождали поэта в поездке на новое кладбище, что на Наугорском шоссе, близ бывшего Аэропорта. А еще из головы не выходили волнующие строки:

«По глазам туманы —
На тебя лишь гляну,
Мама, моя мама,
Исповедь моя».

Подумалось: «Видимо, было в чем исповедоваться…».

Однако предоставим слово Валентине Семеновне Шаховой:

— Мы тогда, конечно, моложе были, и с матерью Дронникова вместе на железной дороге работали. Я убирала вагоны, а она кабинет обслуживала. Это тот, что оборудован макетами подвижного состава. Бывало, начнет плакать — горем делиться: сынок — поэт… лучше он простым был, да хорошим человеком. А то ни жене его, ни дочке жизнь с ним не в радость…

Раз уж мы затронули женскую тему, то нельзя не вспомнить характерный случай. Он произошел в январе 1973 года.… В кафе Отдых» встречаюсь, за стойкой прилавка, с рыжебородым, в сером костюме, — со сверкающим потом, лысиной на затылке, мужчиной. Не сразу узнал в бородатом человеке своего друга Виктора Дронникова — я впервые видел его с бородой. Справившись с шоком, задаю вопрос:

— Петрович, ты ли это?!

— Петр Козин, — Виктор широко, пьяно улыбается, — здорово, старик! Отдыхаешь? Я тоже.… Вот собрались с писателями — кутим!

Он указал рукою на столик, что располагался в углу зала и где в блаженно — заздравном настроении сидели: Владимир Перкин, Лев Котюков, Иван Подсвиров, Леонард Золотарев.

Виктор спросил:

— Петр, ты, где обосновался? Ага, вижу.… С девушкой значит.… Я подойду…

Спустя время, он не преминул явиться к нашему столику и галантно пригласил мою знакомую Любу С. потанцевать. Она согласилась. Во время танца он выражал свои восторги красотой молодой женщины. Сравнивал ее с пушкинской героиней Керн! В общем, как в популярной песне: «Ах! Какая женщина! Мне б такую!..».

Плотский инстинкт неуемной страсти возобладал над рассудком, и Виктор стал жарко уговаривать Любу согласиться с ним на тайное свидание: «Чтобы Петр ни гу-гу…».

Конфуз превзошел все ожидания — Люба ответила резким отказом, да еще отчитала за попытку «предать друга». Те слова были для Дронникова — ушатом ледяной воды на его хмельную голову.

Дело в том, что, на этот раз, поэт оказался плохим психологом. Он не рассчитывал, что в лице незнакомки встретит не просто себе подобную, а еще большую хищницу. Люба имела в своем амурном активе настоящих полковников и чиновников — секретарей. Людей денежных и с положением. Поэт Дронников, со своею неказистой бородой, сине — матовым перебитым носом, вечно опухшими, кровоточащими губами представлялся ей в образе болтливого бомжа или бича.

Но не прост Виктор. Быстро протрезвев, он понял, что дал маху и решил сохранить «красивую мину при плохой игре». Покидая кафе, на прощание, он подошел к нам и, обращаясь уже только ко мне, сказал:

— Петр! Извини! Такую женщину, как Люба нужно лелеять и беречь! Она — святая! Прости, старик, мы пошли.… Заходи к нам…

Позже Люба С. мне скажет:

— Петр, у тебя много моих фотографий. Подари одно из них Дронникову — пусть стихи напишет. Он мне обещал. Еще с Керн сравнивал! Жаль, что сам он не курчавый красавец Пушкин, скорее всего — шарж на Карла Маркса, хотя тот лысым не был.

— Нет, я думаю, аля Марксу будет приятнее принять фото непосредственно из твоих рук, — шутливо отозвался я.

В конце ноября 1975, встретившись в городе с Дронниковым, я услышал от него неожиданный вопрос:

— Бываешь в Болхове?

— Давно не был, — отвечаю.

— Я только что оттуда. Всех твоих друзей из «Болховской нови» видел.

— И Венедиктова?

— То же, — как-то не радостно буркнул поэт.

— Знаешь, Саша — хороший краевед. Ему бы надо помочь с изданием его книги о Болхове.

— Твой Венедиктов — не краевед, а короед! — грубо отрезал Виктор и продолжал, — в молью проеденной старой одежде покойников, вроде Катанова, возится, и переписывает, а точнее, списывает у них. Книги нужно писать самому, своим умом, а не компиляциями заниматься…

Причина же гнева была понятна.… По твердости характера, самолюбию, целеустремленности Венедиктов не уступал Дронникову. Нашла, как говорят, коса на камень… Александру также не нравились частые визиты Виктора в Болхов, где он под предлогом руководства литобъединением, волочился за студентками педучилища, да пьянствовал с местными журналистами, отвлекая их от работы. Конфликт был так силен и столь продолжителен, что Дронников на многие годы забудет дорогу в мои родные палестины.

С выходом в свет книги Венедиктова «Болховские куранты» его авторитет в «древнем граде» станет непререкаемым. Особенно после того, как он, будучи редактором, переименует «Болховскую новь», в газету с одноименным с его книгой названием — «Болховские куранты». Ему будет присвоено звание заслуженного работника культуры.

Союз журналистов области, в связи с его кончиной в 1995, учредит премию имени Венедиктова, а одна из улиц Болхова станет носить его имя. На здание редакции повесят Доску памяти, где он именуется… писателем, хотя официально им не являлся.

Вот таков оказался взлет «человека с лирой», посетившего 4 сентября 1969 года, вместе с поэтом Дронниковым, провинциального директора школы, что в селе Сурьянино. Не зря у меня родились такие строки:

«Золотились заново
Листья сентября.…
Ты, поэт, Сурьянино
Посетил не зря».

Слава Александра Егоровича Венедиктова в середине 90-х превзошла славу Виктора Петровича Дронникова, что последнего не могло не беспокоить. Ведь лавры первенства поэт не привык уступать никому.

Да, трезвые, волевые люди у Виктора не в чести. Зато всякий выпивоха и хулиган найдет у него защиту. Характерный эпизод.… В начале семидесятых я работал директором Орловского областного Ансамбля песни и пляски профтех — образования, что раз-

мещался на берегу Оки. По иронии судьбы, поблизости от домов, где ныне проживает поэт Василий Катанов и жил сам Дронников.

Встречаю в сквере танкистов, сидящего на скамье грустного молодого лирика Льва Котюкова.

— Что случилось, Лева? Заболел ли? — задаю я вопрос.

— Да, вот, из «Орловского комсомольца» с работы уволили. Литературному консультанту хоть мало платили, а все-таки перебивался. А теперь…. Слушай, у тебя трояка, взаймы нет? Я потом отдам….

— Трояк не решит твоих проблем, — отвечаю, — а вот серьезно помочь я тебе могу.

— Как?!

— Ты сколько в газете получал?

— Шестьдесят, да еще иногда гонорар.

— А у меня ты будешь получать восемьдесят и плюс гонорар.

— Да, ну?

— Будешь работать методистом Ансамбля. Обязанности просты: пиши свои стихи, статьи…. Да, при нужде, какую-нибудь концертную программу разработаем. А не сможешь, то я сам за тебя сделаю. Только условие — на работу приходить трезвым. Сам понимаешь, у нас педагогический коллектив, ученики…

— Это, само собой, разумеется, — согласился Лев, — а когда приступать к исполнению?

— Считай, что приступил. Пойдем ко мне. Напишешь заявление. И зарплата тебе пойдет с сегодняшнего дня.

— Спасибо, Петр. Ты — Человек!

— Благодарить будешь позже.

Так весною 1972 в штате областного Ансамбля появился новый методист, орловский, а ныне московский поэт— лауреат Лев Котюков.

Более четырех месяцев продержался у меня Котюков. За это время я устал навещать его на дому, где он устраивал скандалы своим родителям, требуя от них средств, за часть дома, завещанных ему его любезной бабушкой.

Все кончилось тем, что на мое имя из Железнодорожного районного суда пришел толстый пакет с документами, в коих были описаны все «пьяные художества» моего методиста.

От меня требовали провести товарищеский суд и о результатах сообщить в районный суд, прокуратуру и милицию…

Согласитесь — нелегкая задача выпала директору. И это в условиях тоталитарного, а не демократического, как сегодня, режима. Можно ли было тогда ослушаться? Не отчитаться перед столь авторитетными инстанциями?! Ответ однозначен — нет! Однако моя всегдашняя слабость к поэтам не позволяла предать публичному позору Льва Котюкова. Сделав достоянием гласности его хулиганские выходки в нашем педагогическом коллективе, связанным незримыми нитями с педагогами города и области, я отрезал бы ему путь ко всяким творческим успехам. Я лишил бы его ореола поэта, а главное, порядочного человека….

И я нашел, как мне казалось, верное решение. По принципу: и волки сыты, и овцы целы.… Где Леву хорошо знают? Ясно — в редакции «Орловского комсомольца»! Где снисходительнее отнесутся к его «делу»? Опять же там. Тем более что совсем недавно, им уже занимались коллеги-журналисты.

Галина Эманова, редактор «Орловского комсомольца», которой я рассказал о сути вопроса, полностью разделила мою точку зрения и приняла от меня пакет, пообещав, что с Котюковым они разберутся.

Вроде бы найдено оптимальное решение? На этом инцидент должен был быть исчерпан. Но, не тут-то было. Подзуживаемый Виктором Дронниковым, как позже признается в том сам Лева, бывший методист стал проявлять ко мне агрессивные чувства. Его упреки сводились к тому что, почему я не уничтожил, не сжег компрометирующие его документы?! Вот тогда я, впервые, уяснил для себя глубинную правдивость пословицы: «Не сделав добра — не получишь зла!». Хотя, признаться честно, я и позже, не раз, обжигался на привитой мне родителями с детства чувстве доброты и гуманного сострадания. Ее, мою природную доброту, нещадно эксплуатировали всякие непорядочные люди типа Дронникова.

Уже в 1994 году, встретившись с известным московским поэтом Львом Котюковым и вручая ему книгу «Перелески», я спросил его о причине визита в Орел.

Поэт ответил и добавил:

— И отца, и маму схоронил. А знаешь мои родители, ты же у нас нередко бывал, тебя очень уважали.

— За то ты грозился меня избить…

— Да не я. Это все Дронников меня настраивал! Это ты ему чем-то не угодил…. А со мной все ясно — пить надо было меньше…

Эта грустная история еще раз подтверждает, как Виктор Дронников умудряется расправляться со своими оппонентами чужими руками. Ведь был же избит критик Александр Логвинов! И суд был! А Дронников вышел из воды сухим — прикрылся третьими лицами.

Ай, да Витя! Но по законам природы хищники, чтобы успешно вести охоту, сбиваются в стаю. Вот и Дронников объединился в этих целях с Рыжовым и Оноприенко. Застолбили за собой всю орловскую прессу.

В 1995 году, в дни празднования 50-летия Победы, я передал в «Орловскую правду» подборку своих стихов о войне. Зам редактора Александр Макушев, без обиняков, в присутствии своего коллеги Ивана Закаблука, сказал:

— По мнению зав отделом культуры Оноприенко и литературного консультанта Дронникова твои стихи — слабые. И в праздничный номер их давать нельзя.

Нонсенс. В январе 1997 года я передал очерк «Венедиктов» редактору Анатолию Кононыгину. Тот, в свою очередь, Оноприенко. И что же? Очерк о Болховском друге напечатан не был. Хуже того, против меня был настроен Болховский журналист, мой давнишний товарищ Альберт Лущенко, ранее напечатавший обо мне немало хвалебных статей. Это на него в отчете редактору о причине не опубликования материала сослался Оноприенко.

Редактор газеты «Орловская правда» Анатолий Кононыгин, 1990-е годы

— Я дал почитать «Венедиктова» Лущенко, который с ним работал и хорошо знает, — оправдывался Юрий, — и он сказал, что Козин написал больше о себе, чем о своем герое. А зачем нам Козин?!

Именно, зачем? Ведь сочинил же, в свое время, обо мне Виктор Дронников такие пошлые строки, как:

«Нужны стихи нам Козина,
Как ноге — занозина!»

Ведь точно сказал! Для хищников его типа — стихи Васичкина, Козина, Гунали, Лущенко и многих других несоюзных поэтов — «занозина» и при том — большая.

В то время как Дронников и иже с ним — деградировали, спились, творчески выдохлись, эти поэты создавали и создают все новые произведения. И не хуже у них все получается, чем у профессионалов. Есть от чего ломать копья.

Та же Ирина Семенова, после разгрома по заказу, используя свое положение литконсультанта еженедельника «Просторы России», наложила вето на публикацию моих стихов в этой газете.

Несколько лет назад газета «Поколение» опубликовала статью о трагической судьбе поэтессы Аиды Гунали, которую все та же Ирина объявила графоманом, дабы закрыть дорогу несчастной женщине в большую литературу. Помешать ее вступлению в Союз писателей. И опять же она это делала по заказу «хищников от литературы».

7 октября 1995 года, как свидетельствует автограф, поставленный Аидой Гунали на своей книге «О букваре и чудо детворе», я побывал у нее в гостях. Поэтесса призналась:

— Зачем я нашим «классикам», такая калека, нужна? Одни со мною хлопоты. Они больше о себе думают.

И, вот, когда я читаю высокопарные статьи Рыжова — Дронникова о многострадальном русском народе, невинно попранном, мне вспоминается печальная человеческая (она инвалид 1 группы) и поэтическая судьба Аиды Гунали…

Сколько лицемерия, фальши открывается сразу в простран-

ных опусах наших героев. Теперь несколько строк из серии «кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку».

… 19 апреля 1996 года Виктор Дронников публикует в «Орловской правде» панегирик «Родное слово», посвященный 60-летию друга:

«Иван Алексеевич Рыжов, русский писатель. Мне радостно о тебе писать. И юность, и молодость наша шли рядом. Почти по одним тропинкам, одним улицам. И матери наши знали и уважали друг друга. И нам с тобой пришлось учиться в одной школе, в одном институте. И работать на одном заводе, в одной редакции. И сейчас мы с тобой в одном творческом союзе — Союзе писателей России».

Не правда ли трогательно? Но, всегда ли было так? К сожалению, факты говорят иное. Вот пример. В 1972 году Виктор и Иван Подсвиров ушли из «Орловского комсомольца», где возглавляли отделы, на писательскую работу. Тогда, после смерти Владимира Мильчакова, стал вопрос: кому возглавить «Союз»? Как поведал мне об этом событии писатель Анатолий Яновский, было две кандидатуры — Рыжова и Катанова.

Писатель Анатолий Николаевич Яновский

«Старая гвардия» в составе Яновского, Громова и Афонина были за признание своим шефом номенклатурщика Ивана Рыжова. «Молодая поросль» в лице Подсвирова и Дронникова этому воспротивилась и решила идти во — банк… Вчерашние подчиненные настрочили в обком КПСС объемистую «телегу» на своего бывшего редактора Ивана Алексеевича. В ней они дали ему уничижительную характеристику: «Рыжов — диктатор, что он «прижимал их, мешал творчеству» и что он — непорядочен и честолюбив…»

В результате — скандал! Шефом Союза стал добродушный и мягкий по характеру, что и было нужно молодым, поэт Василий Катанов. Казалось, живи и радуйся молодежь! Поддерживай своего кандидата, словом и делом. Но, не таков Дронников. Не проходит и месяца, как, не поладив с шефом Союза, он пишет на него эпиграмму:

«Вася — Вася! Глаза — незабудки,
Ладаном — за версту…
Вертится, как прости …ка,
На Мильчаковском посту».

И вот, вся тебе благодарность за то, что Василий Михайлович, в свое время, как признавался мне сам Дронников «вытащил его с завода». Не счесть, сколько за последние годы выпало неприятностей на долю русского патриота, поэта и краеведа. Особенно памятна критическая статья журналиста «Орловского вестника» Игоря Свеженцева «Катавасия». И, что же? Может быть, с природной напористостью Виктор дал достойную отповедь очернителю! Ничуть не бывало — ни одной печатной строчки в защиту своего протеже!

И так же, как они с Подсвировым «кинули» Рыжова, также Виктор предал и своего нового шефа.

У Дронникова, как у Англии — нет вечных врагов, а есть — вечные интересы. И они — меркантильные. В словах — ложь, за спиной — нож…

10. Страх

Мало кто задумывался над тем, что поэт Виктор Дронников — глубоко трагическая личность. Весь «трагизм» заключается в том, что как испуганная ворона куста, так и он боится всякого свежего, трезвого и разумного человека. Ему и хмель нужен, чтобы убить в себе парализующий его волю «страх». Страх не успеть, отстать, опоздать, страх засветиться в криминале.… Одних приводов в милицию «по пьяной лавочке» не счесть. Но, есть причины «страха» и серьезнее. Все та же Валентина Семеновна Шахова, давняя подруга мамы Виктора, рассказывала:

— Этот хваленый поэт и от армии отвертелся. Схитрил. Умеет лапшу на уши вешать. Сам, как бык здоровый, а больным прикинулся….

Версию пенсионерки Шаховой, еще ранее, раскрыл передо мною писатель Анатолий Яновский. Пригласил он меня летом 1975 поехать с ним в творческую командировку к Ивану Музалеву, педагогу и журналисту. В город Дмитровск, историю которого тот описал.

В загородном пионерском лагере побывали. Выступили перед ребятами: Яновский с прозой, я со стихами…

Дмитрий Блынский и Анатолий Шиляев

После приятного и обильного угощения в лес, в сосновый бор потянулись. Прилегли на мягкий мховый ковер и… разговорились.

— Вот Дронников евреев костерит. Дескать, не патриоты они России, — с горечью вздохнул Анатолий Николаевич, — а я этот самый еврей, например, всю войну прошел. Орловщину освобождал. С Дмитрием Блынским, которого ты боготворишь, в бытность его еще пацаном, встречался. Котелок каши ему с ротной кухни дали. И награды и ранения имею. А Витя — молод, да не зелен! Чтобы не служить родной Отчизне, как тот же матрос Блынский или ты с Шиляевым — дальтоником прикинулся. Не различаю, мол, никаких цветов — ни красного, ни желтого…. И все тут!

— А, как же он до сих пор ни под трамвай, ни под машину не угодил? — удивился я, — ведь светофоры для него, выходит, — излишняя роскошь?

— Вот: именно, как?! — рассмеялся писатель, — к тому же и шилом по городу снует взад-вперед. И все под мухой! Да просто мудрит Витя. Вот тебе и — патриот России!

И еще один разговор о русском патриоте во лжи Дронникове. Он состоялся, на этот раз, с Анатолием Шиляевым 9 февраля 1981 года. Эту дату запоминать не пришлось, так как в этот день поэт побывал у меня в гостях и запечатлел автограф на своей книге «Зеленый берег»: **«В первый день командирской учебы — Петру Козину. Дружески. Автор. 9 февраля 1981 года».**

Дело в том, что ежегодно (в течение нескольких лет подряд) мы, офицеры запаса по нескольку дней занимались «командирской учебой», то в кабинетах и залах Дворца строителей, то отрабатывали: тактику, топографию и автоматно-пистолетные стрельбы на Лужковском военном полигоне.

Прозаик Иван Рыжов

И, каждый раз, мы с Анатолием Шиляевым оказывались вместе. И вот, в тот памятный зимний день, поэт поведал мне о своих встречах с Дмитрием Блынским в Переделкине. Дмитрий Иванович сам навестил тогда своего молодого коллегу по перу — Анатолий проходил службу в Подмосковье. Помимо прочего, зашел разговор и о дальтонике Дронникове.

— Есть такой грех за Виктором. Он не случайно стихотворение «Шла девочка слепая по цветам» написал, — рассказывал Шиляев, — это как бы его собственная печаль по утраченным краскам бытия…

— Но разве можно быть поэтом, не ведая о красках мира, о семи цветах радуг? — спросил я друга.

— Теоретически, да, — был ответ, — ведь писал же Бетховен музыку, будучи глухим. И слепые вышивают узорочье. Больше, конечно, по наитию, на ощупь…

— Толя! — обратился вновь я к поэту, — ведь ты секретарь партийного бюро писательской ячейки?

— Н-да, это так.

— Почему же Дронников, будучи по натуре карьеристом, это можно судить по его неустанной борьбе за выбивание «премий и званий», до сих пор не в партии?

— Он не хочет.

— Отчего? Из-за пьянки?!

— Скорее из-за страха разоблачения.

— Ложного дальтонизма?

— Возможно и это. К тому ж Виктор — эгоист! Ему в тягость выполнять партийные поручения. У него собственное «Я» на первом месте. Он не знает понятия «НА», а признает лишь — «ДАЙ». Его Иван Рыжов, к примеру, знаешь, как величает?

— Нет

— **Стрелком!**

— Почему?

— Да потому, что есть у Вити деньги, нет ли у Вити денег. Есть ли у него сигареты, нет ли их у него, он просит у всех и вся: «Дай взаймы!», «Дай закурить!». Таков уж этот феномен — наш Витя Дронников! Вечный стрелок! Да только не в мишень целится, как мы с тобою на Лужковском полигоне, а к товарищу в карман!

Вот таким было резюме безвременно ушедшего (погиб в автомобильной катастрофе) замечательного поэта и бескорыстного друга Анатолия Шиляева.

Еще несколько штрихов к теме о ложном патриотизме.

В 90-е годы орловские писатели: Леонид Моисеев, Иван Подсвиров, Игорь Лободин, Петр Родичев неоднократно выступали со статьями об утраченной родине, о геноциде русских представителями «богом избранного народа». Иван Рыжов обрушил на читателя целый каскад коротких рассказов на ту же тему.

Внес свою лепту и Виктор Дронников, подвизавшийся на защите русского актера Владимира Фролова «от ненавистного деспота», главного режиссера театра имени Тургенева господина Голубицкого. Суть проблемы превосходно раскрыл в своем юмористическом рассказе «Про то, как Попося Фофосю в депутаты пропихнул» сатирик Леонид Моисеев.

Попося — это Голубицкий, а Фофося — актер Фролов. Кстати, я лично знаком с бывшим депутатом Государственной Думы Владимиром Фроловым. В 1990 году, в течение недели, мы занимались вместе с ним на курсах партработников. Он представлял партийную организацию драмтеатра, а я секретарствовал в тринадцатой школе. И статьи Фролова направленные против его шефа читал. В своем импровизированном бенефисе заслуженный артист России Владимир Фролов, в последний день учебы, изобразил меня.… И я впервые посмотрел тогда на свой образ со стороны — за что благодарен талантливому актеру.

И гуляли мы с Фроловым по городу. И конечно не мало говорили о Дронникове, коего он боготворил за моральную поддержку. Но, вот из газеты «Орловский вестник» редактируемого тогда Дмитрием Порушкевичем, раздался слабый голосок журналистки Людмилы Хочунской упрекающего поэта Дронникова в антисемитизме. По ее мнению Виктор не должен был намекать на то, что будто актера Фролова преследуют евреи только за то, что он — русский…

И что же? Дронников предупреждению внял, и с тех пор, ни о каком «тлетворном влиянии сионизма» в печати, по крайней мере, не распространялся. Хотя за бутылкою вина с «хорошим другом» по-прежнему бил себя в грудь: «Я — русский патриот! А они, мою Родину распродали по частям!». Жаловался, что у его коллег по перу Ивана Рыжова и Леонарда Золотарева жены — еврейки. И от них ему в Союзе покоя нет.

Считаю уместным высказать свою точку зрения по отношению к евреям.

…Евреи в моей жизни сыграли позитивную роль. И за примерами недалеко…

Профессор Пронштейн и доцент Люксембург дали глубокие исторические знания, когда они учили меня в Ростовском на Дону государственном университете. Писатель Анатолий Яновский вырастил из меня журналиста (дал рекомендацию в СЖ) и поэта (публиковал стихи).

Поэт Виктор Рассохин принял активное участие в моем возвращении в лоно поэзии. Мэр Орла Ефим Вельковский, будучи руководителем автотранспортного предприятия, неоднократно оказывал мне спонсорскую помощь.

Зав Железнодорожным РОНО, в бытность директором тринадцатой школы Георгий Мацкевич стал моим добровольным донором, когда мне для операции потребовалась кровь.

И список можно продолжать. Есть, к сожалению, и негативные примеры. А главное нельзя согласиться, что окружение президента, большинство членов правительства, финансовых воротил — миллиардеров, работники средств массовой информации — бойцы идеологического фронта, как мы недавно выражались, являются представителями одной активной, но малой нации в ущерб государствообразующей — русской.

Но, кто виноват? Писатель Иван Подсвиров, в этой связи, писал: «Мы как бы стеснялись говорить об излишней доверчивости и наивности русской души, готового подчас хитрого властолюбца принять за своего заступника, отпетого лжеца — за праведника, властителя дум людей». *(«Орловская правда» от 11 января 1995 «К свету, к истине»)*.

Под «хитрецом и лжецом» Подсвиров, наверняка, подразумевал и лживого патриота Виктора Дронникова. Согласитесь, разве это не кощунство упрекать Козина за дружбу с евреями: Яновским и Рассохиным, а самому воспевать сиониста Меня или брать себе в литературные наставники Владимира Соколова (Гольдберга). Более того, низкопоклонствовать перед губернатором Строевым, чья родословная, по утверждению еженедельника «Орловские новости» имеет еврейские корни.

Выходит, что положено Виктору — не положено Петру. Удобная позиция, не правда ли?! Ларчик же просто открывался. Дронникову хотелось бы стать властителем дум русских, т. е. большинства. Да, простите, кашка тонка. Для этого надо, подобно экс-министру информации Миронову или поэту Валерию Хатюшину, идти на риск, на самопожертвование. Нужно, как говорил Лев Толстой «бороться и лишаться». Но на такие жертвы Виктор Дронников не способен, ибо живет в вечном страхе за себя и свое «корытное» благополучие.

Воронежец Анатолий Жигулин, с горечью признавался:

«Меня поэзия не кормит,
Она лишь поит иногда».

Несчастный, ему следовало бы поучиться у орловца Виктора Дронникова. Его поэзия не только поит-кормит, но и приносит солидные дивиденды. Да, такие, что позволяют обустроить особняк в деревне Селихово — под будущий провинциальный музей народного поэта. Что касается музея — квартиры в Орле, то и здесь все в ажуре. Лепные украшения, благодаря стараниям Алексея Пахомова и других сотоварищей, уже сегодня украшают потолок квартиры поэта.

Поговаривают, что и бюст уже заготовлен. Так, что остается лишь грянуть Юбилею или скоропостижно почить, и слава — обеспечена.

11. Юбилей

18 августа 2000 Дронникову исполнилось 60. На следующий день, выпавшем на субботу, в газете «Орловская правда» О. Юрьев (псевдоним Юрия Оноприенко) опубликовал информацию «Во мне любовь и озаренье».

Автор писал: «Редкий и счастливый случай — поэт уже при жизни стал классиком. Это о Викторе Дронникове, чье шестидесятилетие отмечала вчера Орловщина. Поэт большой творческой мощи и яркой человеческой индивидуальности, он всегда неповторим и зорок. Практически все местные газеты откликнулись на юбилей. Сразу по нескольким телеканалам и радио прошли посвященные ему передачи. Шли поздравительные телеграммы из Москвы. Например, лидер КПРФ Г. А. Зюганов написал Дронникову: «Ваши произведения свидетельствуют о честной гражданской позиции, высоком поэтическом таланте».

Журналистка молодежной газеты «Поколение» И. Казимирова в заметке «Излишеств я не желал» сообщала: «Вчера интеллигенция Орла, родные и друзья поздравляли орловского поэта Виктора Дронникова с 60-летием. С утра в помещении областной администрации Виктора Петровича поздравил Е. С. Строев. Он вручил юбиляру Почетную грамоту, денежную премию и роскошный букет роз. И, конечно, Егор Семенович в поздравительной речи сказал о неиссякаемом таланте нашего знаменитого земляка.

Вспомнил, как интересно он выступал на празднике в Орловском Полесье. Пожелал ему дальнейшего творчества и здоровья.

В начале 60-х Виктор Дронников публиковал свои первые стихи в нашей газете, которая тогда называлась «Орловским комсомольцем». В 66-ом году вышел его первый сборник «Колыбель». Потом были «Зеленый купол», «Земля-кормилица», «Яблоня», «Путь невозвратный». У поэта очень лиричные, глубокие стихи, пронизанные тонким мироощущеньем, пропитанные его осознанием бытия и оттого так трогающие и даже ранящие душу. Когда читаешь их, рождается чувство, что каждая строка буквально пропущена через его сердце.

В момент чествования В. Дронников подарил нашему губернатору свою последнюю книгу «Складень», где, кстати, есть вступительная статья Егора Семеновича, в которой он называет поэта орловским самородком.

… После официальной части я спросила Виктора Петровича:

— Как вы чувствуете себя в такой важный день?

— Необычно. 60 лет — это дата, и ощущенья действительно очень необычные. Тем более глава администрации поздравляет не каждый день.

— Много ли в жизни сбылось ваших заветных желаний?

— Да, много, потому что излишеств я никогда не желал. Я — поэт, мое желание — писать стихи. Еще — чтобы были друзья, был тыл».

В качестве, давнего друга, я написал к юбилею Виктора Дронникова стихотворение, которое назвал «Ровеснику»:

«Мы волосы успели отрасти,
Которые давно уже седые:
Нам не было еще по 30-ти,
Когда с тобою встретились впервые.

В душе кипел волнений сладких жар.
И до всего и вся нам было дело.
Как рыцари: ударом — на удар!
Обидчикам мы отвечали смело.

И вот теперь, как грянул Юбилей,
Мы стали осмотрительней и строже,
Терпимее друг к другу и мудрей,
А может быть немного толстокожей.

Но дух поэзии с годами не угас,
Его микроб нас продолжает мучить.
И я горжусь,
Что раньше и сейчас,
Ты в нашем цехе — запевала лучший!

Тебе нести за проходную песнь
Такой волшебной и могучей силы,
Чтоб до глубинки доходила весть:
В Орле живет —
Большой поэт России!

Это стихотворение, вполне искреннее, вкупе с очерком, я планировал выпустить отдельным изданием. Но автор предполагает, а финансы располагают. В отличие от «классика» я не спонсировался господином губернатором. Жизнь же не стояла на месте. Менялось бытие, а за ним вослед приходили иные мотивы, другие песни. Дронников, обуянный славой, эволюционировал вправо, все больше отделяясь от народа, по существу, превратился **в придворного поэта**. Недвусмысленно, верноподданнически утверждал:

Е. С. Строев

Земля Тургенева и Фета,
Любовью Строева — согрета!

Дела же в экономике области шли все хуже. Во многом виною тому была власть, а поэт, пребывая в эйфории, не хотел замечать этого, он все более славил «Егор — пашу», ибо понимал, что на всесильном губернаторе завязано его сытое благополучие. Такое поведение поэта наш почетный гражданин Орла Геннадий Зюганов, к сожалению, ошибочно называет «честной гражданской позицией».

Так, совершенно, объективно родилась вторая часть очерка. Чтобы избежать упреков в преднамеренной критичности по отношению к товарищу за его былое «предательство», вторую часть очерка я целиком построил на документах. На отзывах других его приятелей или недругов с кем в творчестве или в жизни у него пересекались пути. Предоставляю право читателям самим отделить зерна от плевел.

Часть ВТОРАЯ

«ГЕНИЙ ЭПИТЕТОВ»

«Среди нас по …улочкам Орла ходит уникальный, бесподобный **гений эпитетов**».

Ю. Оноприенко о Викторе Дронникове, «Орловская правда» от 26 октября 2007 г.

1. Противостояние

Журналист и прозаик Юрий Оноприенко

Живой рассказ о поэте и публицисте Петре Ивановиче Родичеве я впервые услышал, как помнит наш читатель, от самого Виктора Петровича Дронникова, когда наведывался к приятелю за рекомендацией.

Что меня поразило? Это то, что нашелся писатель и человек, который публично и открыто, «лицом к лицу, как в битве следует бойцу», выступил против всесильного — за ним сам Строев — литературного авторитета.

«Могущество его» подтверждал в своей статье «Откуда есть, пошла Орловская писательская организация и как она живет — дышит» сам секретарь Союза Леонид Моисеев («Вешние воды», № 40, октябрь 1994 г.). Он писал:

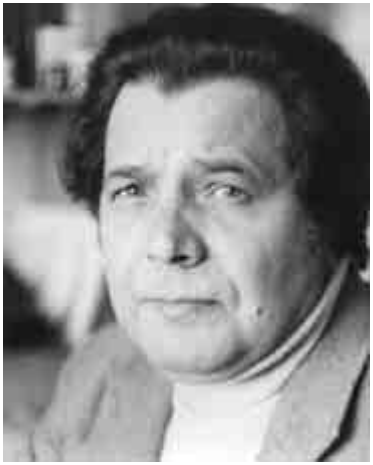
«Виктор Дронников — один из самых известных поэтов современной России. Его поэзия гражданственна и душевна. Он удостоен премии Союза писателей России за поэтический сборник «Осенняя дубрава». Днями его книга «В пречистом сиянии» выдви-

нута на соискание Государственной премии России».

«Так шутка ли с Лауреатом многих премий скрещивать копья?» — рассуждал я. Правда в характеристике Леонида Юрьевича, данной уже Петру Родичеву в той же статье, есть часть ответа на мой вопрос. Судите сами:

«Петр Родичев — автор страстных, гневных и нежных поэтических откровений о нынешних днях России. О русском духе, о кричащих противоречиях современности. Поэт яркий, тревожащий: покоряющий искренностью».

Естественно, мне было любопытно узнать поэта «покоряющего искренностью»….



Петр Родичев – редактор журнала ЗАЛП

Первая встреча с Родичевым состоялась 31 января 1995 года. В этот день мой новый знакомый, к тому же тезка, подарил мне книжку «Листобой». Автограф был кратким: *«Петру Козину — на все доброе. П. Р. 31.01.95 г.».*

Когда я побеседовал с выпускником Палехского художественного училища и Литературного института имени А. М. Горького, автором ряда книг поэзии и публицистики, когда прочел его поэму о войне, то ясно понял — у Дронникова достойный противник! Поражали: высокая гражданственность, тонкий лиризм и взыскательная образность сродни поэзии Дмитрия Блынского. Да они и по образованию одинаковы: оба художники, поэты и публицисты!

В августе того же года я получил от Родичева «Русские струны», а когда прочел эту прекрасную книгу, то окончательно убедился, что тезка не только не уступает, а в плане художественной публицистики стоит на голову выше незаслуженно вознесенного стихотворца.

Если же судить по литературному багажу, по филигранной работе над словом, по болезненной взыскательности к точности и краткости, то ему, безусловно, нет равных в Орле. А, уж по трезвости, никто не станет отрицать, — он один из светлых умов России. Он просто не пьет. И по нездоровью и, вообще, по неприятию всего «спиртного».

Родичев обрек себя на воловий, ежедневно — каторжный труд. Он не только пишет свои книги, но и редактирует, правит, рецензирует материалы многочисленных авторов. Много хваленых лауреатов в Союзе, а как возникла необходимость серьезной работы — составление Антологии поэзии Дмитрия Блынского, то без Петра не обошлись. Это ему во многом обязан выдающийся земляк своей великолепно оформленной книгой «Я полон света», в коей было опубликовано и мое стихотворение «Памяти Дмитрия Блынского». Она вышла в издательстве «Вешние воды» в 1997 году.

Даже великий Сергей Есенин поблагодарил бы Родичева за ту борьбу, которую он ведет против его «Узиновления» местными краеведами, что за деревьями леса не видят: за временными женами — губителями забывают о главном — самом выдающемся юбиляре.

В этой связи статья Родичева «Облетевший сук», помещенная в его книге «Русские струны» и посвященная творчеству Дронникова выглядит как естественное отражение той строгой взыскательности к слову, которое, вообще свойственно писательской натуре критика, редактора литературно — аналитического журнала «ЗАЛП».

Нам ли, знающим Виктора и его поэзию не ясно, что он спился. Перестал работать всерьез, утратил чувство реальности и, подобно, пресловутому вождю и писателю Леониду Брежневу, держится на плаву лишь за счет былых заслуг, да льстивых восхвалений приятелей по застольям. Вон, как разливался все тот же Иван Рыжов в статье «Поэт», посвященной еще 55-летию Дронникова («Орловская правда», от 18 августа 95 г.). Он писал:

«И кто мог подумать, что в хулиганистом мальчишке, драчуне, заводиле во всем растет нежный большой поэт, лауреат Пушкинской и Фетовской премий.

… Я счастлив, что есть рядом Виктор Дронников. Особенно, в те минуты и часы, когда горячо говорим с ним о прекрасном, вечном, о высоком искусстве, когда он читает свои стихи».

Рыжову вторил Оноприенко:

«Праздник продолжался в санатории «Дубрава», куда пригласил всех гостеприимный директор Воловиков. И опять стихи, опять звуки гармошки — ведь песен на стихи Дронникова сложено — немало». («Орловская правда» от 26 августа 1995 г. Информация — «Порог осенен, осиянен»»).

Это очень приятно, когда друзья воздают тебе — юбиляру хмельную хвалу. Есть от чего утратить критичность к себе и своему творчеству. Факты же вопиют: литературное наследство поэта уместилось лишь в одном 524 — страничном томе «Путь невозвратный», вышедший в 1996 году. Тридцатилетний, в два раза моложе, Сергей Есенин дал миру целых 8 томов!

По объему печатных листов писатель — инвалид Родичев вдвое — втрое обогнал его.

За последние 20 лет Виктор ничего кроме конъюнктурных — «Плача» да «Разбоя» не сотворил. Утопил в вине свой талант, честь и совесть. Вон, как он расписался о народе:

«В стране, где пьет один за двух,
Где каждый третий — пятым продан…».

И после таких уничижительных строк Дронников попрежнему считает себя русским патриотом. Пытается полемизировать с редактором журнала «ЗАЛП». В ней же больше брани, чем истины. Нет, противостояние: Дронников — Родичев не в пользу первого.

В № 1 «ЗАЛПА» за 1999 год Петр Родичев помещает статью об адаптанте, которая разоблачает соискателя всевозможных премий. Мы публикуем ее в сокращении.

2. Мутации адаптанта

«Если попытаться, одним словом дать моральную характеристику адаптанта, то таким словом будет «сверхнаглость».

Е. Стариков, «Адаптанты», Наш современник, №2, 99 г.

Долгие годы выдававший себя за русского патриота орловский поэт Виктор Дронников эволюционировал поистине да «наоборот». Отмечая нынешний Женский праздник «молвил он, сверкнув очами»: «Как я ненавижу антисемитизм!». Позиция!

Однако логика попиралась при этом лишь на первый взгляд.

— Ты хитрый! — подметил как-то за бутылкой один, из не боящихся Дронникова.

— Да, я хитрый, — согласился он, явно польщенный, — еще в школьные годы, бывало, ударю кого — пацаны ждут меня после уроков, чтобы отлупить. А я — к учительнице под бочок — та провожает меня.

— И в армии ты не служил, — прямо за «жабры» берет, косившего во время призыва, под слабовидящего.

— Ну и что? — как от пустяка отмахнулся лукавец. — Я кошку застрелил из мелкашки — за то, что голубя моего съела — прямо в глаз! — кошкодерство вдали от солдатских тягот и лишений приравнивалось к суровой службе Родине…

Позже в 60-80 — х, увиливание от нее и честного труда будет велеречиво заболтано им в тогда еще модных стихах об отце — фронтовике, о России, о земле — кормилице. О подлинных тружениках, на которых смотрел квадратными глазами упавшего с Луны — сквозь рефлексии дармоеда. Тем не менее, и с этих позиций он удачно вырулил под бочок — и Литфонда и обкома комсомола и «перестройки». «Ты пиши стихи, — скажет он знакомой поэтессе, — а мне это больше не нужно, — я буду делать деньги». И примется терзать спонсоров — и сам, и через подставных лиц.

Будет сшибать тогдашние миллионы, набивать ими кубышку. К примеру, за парочку их сбудет люберецкому ковровому боссу Зорникову некий фабричный «гимн». А в 90-х, вовсе не оккупационных для него лично, — вообще процветет. И, словно шантеклер (петух — фр.) распустит радужный хвостище мнимого, им самим организованного «лауреатства» под беззастенчивые ко — ко, восклицания на публику: «Как я совладаю — со Строевым, с Ганичевым…».

Но «совладал» он, крайне завышено осознавший свои притязания на доход в виде славы, только с двумя печально известными типажами — с Нарциссом и Сальери. Маковое зернышко его литературной одаренности надежд на успех не оставляло, а зависть — фобия перед потенциальными соперниками неотступно овладевала помыслами.

В результате анонимной волей Дронникова, из орловского литпроцесса в разное время, были изъяты или не допущены туда еще на взлете, литераторы: Ю. Арбузов, А. Бельский, А. Боженков, А. Гунали, Г. Болтунов, В. Васичкин, А. Венедиктов, Г. Головатый, В. Дорохина, В. Зеленченков, П. Козин, А. Коренев, З. Минакова, В. Найденов, А. Невров, А. Пахомов (пробился в СП лишь к 70 годам). Также: Н. Перелыгина, О. Сафонова, В. Сувакин, В. Суханов, С. Тарасова, Л. Шубина, С. Шульдешов, В. Щекотихин, И. Юрова и др.

(Более 25 жертв «классика» насчитал Родичев. Я же, наивный, полагал, что это лишь моя «позиция» Дронникова не устраивает. Прим. П. К.).

В этом списке должны быть еще двое — безотказный подручный Дронникова по литобъединению. Г. Попов и непомерно протежируемая сверху И. Семенова, все равно не усвоившие в его бурсе даже азов грамотного версификаторства.

Отторгались пишущие и по мере проявления ими божьего дара, и по несговорчивости. Одному не хотелось водить, легко присасывающегося к чужому карману, по пивнушкам. В ночь — полночь доставлять для него «градусы». Другому — обеспечивать отделочными дефицитами бытового, а затем и дачно-строительного плана. Третьему казалось унизительным — по несколько месяцев

ждать отзыва на стихи — тоже за мзду. (Последнее, вновь обо мне — П. К.).

Помимо размежевания с нравственностью, *он десятилетиями «бил по своим» — активно вытаптывал вокруг себя творческий подрост и, значит, способствовал осуществлению масонской установки на подрыв русской национальной культуры.*

В усилиях по олегендированию своего имени он всегда был горазд и на банальные «вкрапления» в провинциальную скуку. То спровоцирует драку, то — зарастет диким волосом а-ля «барбудос», то появится в моднячей камуфляжке и швейковском капелюхе, предписанном ныне униженному воинству.

Посвятив себя сионизму (вспомним восклицание неофита «Как я ненавижу антисемитизм!»), он укрепил его позиции в орловской глубинке».

3. Охотник за «Эпитетами»

Читатель помнит, как еще в 1969, «Сурьянинский гость» превратил в открытие мои строки: *«У Серафимова крыла ночная бабочка кружилась».* Уже позже, в 1995, встретившись со мною на ленинской улице, поэт воскликнул:

— Петр, с тебя бутылка!

— Это, за какие заслуги? — недоумеваю я.

— Да, я, вот, только что с заседания редакции антологии «Первые салют». На правах редактора я включил в нее твое очень удачное стихотворение о фронтовике.

— Какое же?

— Название уже не помню — голова кругом. Но я хорошо запомнил такие фразы, как: «Свежесть синевы» и «Вдохнул красу рассветной силы».

— Ясно. Это из «Косаря».

— Да, да. Кажется так. Очень яркие, запоминающиеся эпитеты.

О том, что Дронников — истинный охотник за чужими эпитетами мне было давно и хорошо известно. В личных библиотеках

его квартир на улицах — Медицинской и Дубровинского, я видел огромное количество тонких сборников молодых поэтов. Все они были испещрены его пометками. Руководя литературными объединениями в Орле и на периферии, он также отмечал в рукописях начинающих авторов наиболее красочные перлы. Выписывал и запоминал. Позже, видоизмененными, они появлялись в его собственных виршах. В этом, собственно, нет ничего крамольного, если бы не голословное утверждение его сотрапезника Юрия Оноприенко. Того самого, кто подобострастия ради окрестил его «Гением Эпитетов».

О том, что далеко кулику до Петрова дня, на мой взгляд, весьма доказательно высказался литературный аналитик, поэт Петр Родичев. В 2002 году он выпустил в свет объемный сборник публицистики «Ничто не ново под Луной». В нем он поместил статью **«Великолепный мрак чужого сада»**, предварив ее пушкинским эпиграфом: «И часто я украдкой убегал в великолепный мрак чужого сада…» В ней он раскрыл творческую «кухню» собрата по перу. Родичев писал:

«Вся лирика о любви к матери — фальшивка. В «творчестве» Дронников ограничился подражаниями: у Мандельштама украл прозвище коня «Чалый», так тот звал Куприна. У Пушкина — широколиственную дубраву. Оцененную Ю. Оноприенко в долларах строку «Трется месяц о столбы» — образ этот написан Есениным на 70 лет раньше — «За сухое дерево месяц зацепился». «Ноздри, как розы» украдены у Васильева, у Корнилова образ «облако зноя», у В. Соколова — «облако света». Его фраза: «Что жизнь? Мгновение всего лишь». Это из песни «Жизнь — это миг между прошлым и будущим». В посвящении «Сестре Шуре» напрямую подражает Есенину. В поэме «След» — Михаилу Дудину, его известной песне о снегирях («Это память опять от зари до зари…»). У Дронникова: «Это было в краю порубежной земли». Выражение «Со всех сторон» заимствовано у Рубцова «Со всех сторон надвинулись они».

«В огороде капусту режут бабы под горло» — Есенинский образ — «под горло режут лебедей». Сиренью заращен весь сбор-

ник «Путь невозвратный» и «Складень». А также и «На птичьих кругах». Когда говорить не о чем, — говорят преимущественно о погоде, деревьях, о птицах.

С «замираньем в сердце» — Дронников, «с замираньем летит на звезду» — у Есенина. «Я убит в феврале» — подражание Твардовскому — «Я убит подо Ржевом!».

«Складень» — с моей точки зрения — «Подкладень» и последний — «На птичьих кругах» — самостоятельного значения не имеют. Это перепечатки былого из «Пути невозвратного» и 8-ми прежних сборников».

Цитировать Родичева можно бесконечно. Мне же хочется остановиться на фактах «перепечаток». Как-то, еще в советские времена, будучи в Союзе, я стал невольным свидетелем формирования Дронниковым будущей книги. Он брал свои ранние сборники, отрывал у них обложки и ряд ненужных листов. Затем складывал воедино. Присовокуплял к ним два-три десятка свежих стихов, размашисто писал на титле новое название и все это выкладывал перед машинисткою Ниной. Та печатала текст.

— Витя, но это афера, — урезонивал я.

— Ошибаешься! — ничуть не смущался приятель, — есть тридцать процентов новых вещей и … достаточно. Упускать же возможность напечататься в срок нельзя. В другой раз урежут. Да и платят за печатные листы, а не за оригиналы.

Вот почему, мне кажется, ведающему об этом Родичеву пришла в голову фраза: «Складень» — это… «Подкладень».

Родичев пишет:

«Относительно «Складня» удивляет присутствие в нем в качестве «составителя и редактора» И. Я Мосякина и — благословляющего Е. С. Строева. Заласкали имитатора поэзии».

И самого стихотворца сделали доверчивым и нежным. Приручили. Так и приходит в голову пословица: «Ласковый теленок двух маток сосет». О причинах «отеческого радения поэту» со стороны губернатора и его зама, мы остановимся ниже. И опять же — только документы и факты.

«Стыдобушка»

Любительница орловской литературы из деревни Пешкова Знаменского района Екатерина Алексеевна Шамарина опубликовала в «Орловском вестнике» № 9 от 28 февраля 2007 года статью «Ваня Рыжов сказал бы: «Стыдобушка». Разгневанная автор писала:

«Публичные наскоки писателей друг на друга с желанием как можно посильнее уколоть, унизить, обругать, обозвать умаляют в глазах читателя достоинство, человеческую сущность обеих сторон.

Помню, Петр Родичев в «Вешних водах» опубликовал свои обиды на Виктора Дронникова. Тот припечатал противника в «Орловской правде», стараясь тоже ударить побольнее. У читателя после знакомства с такими видами «творчества» остался горький осадок. Поколебалась вера в достойных преемников русской литературы, не смотря даже на признанный талант.

Поверьте, читателю ужасно неприятно, когда один талантливый писатель обзывает на всю область другого не менее талантливого литератора попугаем. Сравнивает с грязной мухой. Рисует сатирический образ «худ и бледен, желт и зелен», да еще диагноз ставит: душевнобольной».

Права Шамарина. Но не менее прав и Карл Маркс, утверждавший, что жизнь — это борьба, а литература от жизни неотделима.

В газете «Орловская искра» от 22 марта 2006 года были опубликованы два письма на одну тему: «Власть и ее апологеты». Первое из них принадлежит перу журналистке Л. Измайловой, под заголовком «Что с нами стало, люди?». Автором второго под названием «Флюгер» является орловец В. Гончаров.

Вот краткое изложение из них…

4. «Юпитер сердится….»

С болью сердца за коллег — журналистов **Л. Измайлова** пишет:

«Редактор газеты «Город Орел». Юрий Лебедкин позволил себе покритиковать губернатора области Егора Семеновича Строева. На смельчака яростно обрушились: писатель — переселенец из Казахстана А. Загородний («Орловский вестник») и поэт Виктор Дронников («Орловская правда»).

Содержание их материалов, в том числе и автором которого является Дронников, вызывает серьезные возражения. Меня, прежде всего, поразила позиция, отношение ко всему этому самого Строева. Неужели он настолько ослаб, что нуждается в чьей-то защите? И неужели он работает без ошибок? Или в эпоху хвалимой нынешней властью демократии, плюрализма мнений «озвучивать» надо лишь мнение власть имущих?

И еще. Зачем Лебедкину ставят в вину то, что он, будучи в свое время обласкан тем же Строевым, теперь стал столь неблагодарным? В одном из выпадов на его публикацию приводится известная фраза: «Сократ мне друг, но истина дороже». Но ссылка-то односторонняя, т. е., когда суть разговора касается Лебедкина, то эта фраза не работает.

Редактору припомнили и его статью «Выборы без выбора». Почему? В чем он пошел против истины? Ведь тогда любому рядовому избирателю было яснее ясного — в списке претендентов на пост губернатора альтернативы Строеву и впрямь не было! Не похоже, что есть она и сейчас. Преемников, видимо, настоящих не готовят. Разве это хорошо?

Из всех, кто обрушился на Лебедкина, я дольше всех знакома с Дронниковым: довелось работать в одной редакции. Помнится, по молодости был он человеком честным и справедливым. Он талантлив, как поэт. Почему же в эпоху «демократии» так изменились люди? То ли более набирает обороты ситуация, когда кто платит, тот и заказывает музыку? И те, кому на кусок хлеба кинули по ложечке икры, готовы сегодня уже черное выдавать за белое, жестоко обидеть ближнего, своего коллегу?

Чуть что, даже по адресу друг друга, «рыцари пера» способны сегодня с воя перейти на лай. Как не сослаться еще на одно крылатое выражение: «Юпитер, ты сердишься? Значит ты не прав». Л. Измайлова».

Прочел печальную заметку Измайловой и вспомнил свои стихи, что я сочинил и подарил поэту, еще в давнюю пору:

«Тебе везет…
На всем готовом
Свои ты книги издаешь.
У них же лишь —
Обложки новые,
А содержание все то ж…».

Да, попробуй Дронников не стань на защиту своего благодетеля «Егор — паши», Ведь мигом может залететь под фанфары. В лучшем случае — уйти в небытие. Он же, по его собственному выражению, хитрый и выгоду свою не упустит. Что касается Юпитера, то до него поэту и дела нет.

5. Флюгер

— Каких только людей в жизни не встретишь! — начал свое повествование В. Гончаров, — мне чаще всего встречались честные, порядочные, интеллигентные. Всегда приятно общаться с ними. И до глубины души бывает обидно, когда кто-то из них предает элементарные принципы порядочности. Начинает служить «по выгоде».

Есть у меня товарищ. Вместе работали на заводе, были активными комсомольцами. Даже судьбы «подранков» войны у нас схожи. Речь идет об известном орловском поэте Викторе Дронникове.

Естественно, мы были на «ты». И вот мне говорят, что в «Орловской правде» опубликован его материал, весьма дурно пах-

нущий. Прочитал публикацию. Сначала не поверил в авторство Дронникова. Куда же занесло вас (не могу произнести «ты») Виктор Петрович, в порыве демонстрации беспредельной преданности губернатору?

Вы своими умозаключениями оскорбили своих ровесников и их родителей. Унизили их человеческое достоинство и вызвали чувство брезгливости у своих бывших товарищей. Да и к Строеву своим угодничеством вызвали обратную реакцию у значительной части народа. Строев действительно немало делает для области. Но это его служебная обязанность. И этого не отрицают, критикуемые вами Юрий Лебедкин и его отец Виктор Михайлович. Так что не было никакой необходимости в вашей дополнительной характеристике.

Речь идет о другом. Мы помним последние нормальные выборы руководителя областной администрации. Никто не вправе отрицать, что именно благодаря всеобщей поддержке, прежде всего коммунистов и их сторонников, он получил наибольшее число голосов. И не требовалось никакого административного ресурса. Или кого-то подводит память?

Но где все это теперь? Действительно, сейчас выборы без выбора. И так по всей вертикали власти. Так что Лебедкин прав. Вы упрекаете его за намек о слишком откровенной перемене партийности Строева: был первым секретарем обкома Компартии, а стал лидером «демократов». Но ведь это так и есть. Одновременно, вы подло (!) сравниваете партийные билеты с желтыми кружочками Буратино. Это уже предел безнравственности! Должен вам заметить, что если бы не Советская власть и Компартия еще не известно, кем бы вы стали. И кто бы вам предоставил бесплатное жилье? Может быть, вы купили бы его у «Экостроя»?

И кто дал вам право оскорблять несколько поколений подлинных патриотов нашей Родины, обеспечивших ваше будущее? А насчет желтых кружочков, то вы их вполне заработали своим холуяжем! За целую полосу бесчестья вас, конечно же, хорошо отблагодарят.

Вы, скорее всего, не читали книг В. М. Лебедкина, в которые нет ни одного плохого слова в адрес Строева. Так что грубость гу-

бернатора в его адрес никак не характеризует должностное лицо с положительной стороны. Что касается демократии, то она, как говорят «у нас не ночевала». Это подтверждает, кроме всего прочего, отношение в губернии к оппозиции. Никакого диалога. Наоборот — всемерное подавление инакомыслия с помощью, прежде всего, контролируемых средств массовой информации, что неминуемо ведет к авторитаризму, диктатуре.

Подобные вам, Виктор Петрович, и способствовали тому, что наш губернатор стал считать себя непогрешимым и не подлежащим никакой критике. Без нее же утрачивается чувство меры у чиновников. Народу непонятна великая дружба губернатора с «Экостроем», которому беспрепятственно выделяются лучшие земельные участки с коммуникациями, а эффект от их использования не просчитывается.

Виктор Петрович! Не спешите с оценками. Можно попасть в неловкое положение. Например, чего стоит ваше утверждение «ни тогда, ни сейчас альтернативы губернатору Егору Строеву не было, и нет». Позволительно спросить: с каких это пор подобная ситуация стала оцениваться как положительная?

Что же касается в целом оценки выступления Юрия Лебедкина в газете «Город Орел», то хочу заметить, что никому, даже губернатору, не позволено оскорблять и унижать своих сограждан. Считаю, что открытое письмо Ю. Лебедкина Егору Строеву правомерно. А его отец, Виктор Михайлович, вправе гордиться своим сыном.

По своему былому авторитету вы, Дронников, изрядно прошлись грязными сапогами подхалима. Но это уже ваша проблема. **В. Гончаров**».

6. «Эпоха — не погода»

«Орловская искра» в № 47 от 28 ноября 2007 года поместила материал бывшего первого секретаря Орловского обкома комсомола, а ныне известного журналиста и прозаика Владимира Афонина, посвященный при — СТРОЕ — нным орловским писателям под броским заголовком «Сколько платят — столько стою?».

Эпиграф гласил: «Газета «Орловская правда» 26 октября 2007 опубликовала литературную страницу, посвященную поэту Виктору Дронникову. Захлебываясь от восторга, его друг писатель Ю. Оноприенко пишет: «Абсолютно уверен, что в скором будущем — можно начинать даже сейчас — на Орловщине появятся Дронниковские чтения. Среди нас по … улочкам Орла ходит уникальный, бесподобный гений эпитетов… Мы все войдем в эпоху Дронникова — и будем известны как его друзья и единомышленники».

— Вот так! — восклицает Владимир Афонин и продолжает. — Не больше, не меньше. Не знаю, право, во что вы войдете (От вас всего можно ожидать!), но позвольте заметить «друзья-единомышленники», что ЭПОХА — ЭТО НЕ ПОГОДА на дворе. И не личное ощущение жизни, которые при определенных обстоятельствах могут меняться дважды на дню. Один мой товарищ, высказывая свое мнение по поводу подборки стихов Дронникова, заметил:

«Кукушка хвалит петуха,
Собрата хвалит выпивоха,
Холуй вознесся на верха —
Такая на дворе эпоха!».

Я знаю Дронникова не меньше, чем Оноприенко. Но, прочитав подборку его стихов, не могу так возвышенно трубить ему прославление. Кое-какие вещи просто корежат душу, потому что это не стихи, а политический заказ. А местами, — откровенный холуяж! Восхваляя, Путина, он унизительно говорит о настоящих гениях России:

«Соскучился по Ленину? —
Тогда сбивай кресты…
Соскучился по Сталину,
Тогда в ГУЛаг спеши».

Надоели эти мотивы ГУЛага. Как можно перечеркнуть величайшие преобразования и подвиги всего советского периода и не

замечать опустошительной разрухи современной России? Из каких окон вы смотрите на жизнь? Наша реплика:

«Ты над стихом корпел и мучился,
По уму-разуму, видать, соскучился.
Душа поэта не вся измерена:
Сейчас за Путина, а был — за Ленина.
Отец за Сталина — на поле брани,
А ты на Сталина — ушатом дряни.
Не мажьте грязью,
Во что мы верили…
Ты не соскучился еще по Берии?»

В одном стихотворении поэт говорит:

«Не лезу под чужую крышу,
На чем стою — того и стою».

Но тут же рядом помещена придворная ода нынешнему губернатору. Так и просится эпиграмма:

«Я писал стихи народу,
А теперь — начальству оду.
Свое кредо я не скрою:
Сколько платят —
Столько стою!»

Позволим себе еще одну реплику:

«Своих отцов покинул ты редут,
И твой побег вовеки не забуду я,
Тебе, конечно, премию дадут
За твой талант —
О прошлом словоблудие».

Я всегда сдерживаюсь от односторонней оценки деятельности губернатора. Но откровенный подхалимаж в стихосложении,

направленный в адрес действующей власти отвергаю решительно. С чувством брезгливости прочитал я посвященное Строеву стихотворение Дронникова «Русский колодец»:

«Я побывал в твоем краю…
Люблю я родину твою.
Ты здесь во всем…
Ты растворен,
Полями, далью, небесами…
Здесь все твое: трава, цветы…
Вся Русь от края и до края».

Завершим разговор с родоначальником «новой эпохи» дружеской эпиграммой:

«Я посетил твои края
И корни рода унавозил.
Теперь в стихах зарылся я,
Как плодовитый жук в навозе.
Я не полезу на бугор,
А то, боюсь, инфаркта схватишь….
Я о тебе пою, Егор,
Пока ты деньги щедро платишь.
Пусть говорят, что я — холуй,
Пусть говорят, что я — уродец.
Живи и с властью не балуй —
Такой сегодня мой колодец!

Такие, братцы, времена. Такая на дворе эпоха**! Владимир Афонин**».

7. Последний визит

Одно время я работал в центральной бане Орла. Ее посещали, в том числе, и знакомцы Виктора Дронникова, кои много говорили всякого — худого и доброго — о страстном стихотворце.

Сам же он, если и мылся, то в элитных саунах и в общественную «мову» не заглядывал. В отличие от Толстого и Пушкина, Чехова и Маяковского, Шаляпина и Гиляровского наш поэт не был любителем «вкусного пара». Ему, видимо, хватало и винных паров. Их же у него было предостаточно. И сам зарабатывал неплохо, и друзья не скупились на «хмельное зелье». И начальство баловало премиями.

Занятый своими семейными и литературными заботами, я не наведывался ни в Союз, ни в редакции газет. Если и печатался, то чрезвычайно редко. Тем не менее, в двух, вышедших в свет повестях «Родная сторона» и «Дым Отечества», я писал, хотя и не пространно, кое-что и о Дронникове. Ясно, что эти вести доходили и до него, как до меня ход его дискуссий в прессе.

Как бы то ни было, но старый друг, информированный моими клиентами, а затем, после увольнения, просто товарищами по «парной», вспомнил обо мне. Уже в июне 2008 мой приятель — банщик Яковлев Николай Серафимович, вдруг, озадачил меня вопросом:

— К тебе Дронников заходил?

— Куда? — не понял я.

— Домой.

— Как!?

— Он обещал, что зайдет. Дело в том, что он специально приходил в баню, чтобы с тобою, по его словам, по душам поговорить.

— О чем?

— Этого он не сказал. И очень огорчился, что тебя не застал.

— Будем считать, что визит не состоялся, — засмеялся я.

— Выходит, так. Но, ты ему позвони. Телефон его у тебя, наверное, есть.

— Как не быть.

Выбрал время. Набрал номер домашнего телефона. Представился.

— А, это ты, Петр, — слышу в трубке глуховатый голос, — а я лежу. Сердечко прихватило. Я к тебе в баню приходил. Хотел даже на квартиру к тебе сходить, да адреса не знаю. Тебе не говорил, друг твой, вроде Серафимовичем зовут!?

— Сказал. Потому и звоню.

— Побеседовать бы надо. Я в библиотеке Бунина был. Твои книги смотрел. Да и Катанов информировал. Ты молодец, пишешь. Издаешь. Видать, спонсоры тебя не бросают.

— Мир не без добрых людей.

— Это верно. Но, ты заходи, поболтаем по-стариковски. Сурьянино вспомним. По телефону, сам знаешь, много не скажешь. Я все время дома. В Союзе редко бываю.

— Хорошо, как-нибудь загляну.

Заглянуть не успел…

Банщик «Серафимыч» (Яковлев Николай Серафимович)

8. Смерть поэта

Из радио и телепередач узнаю, что скончался известный орловский поэт Виктор Дронников и, что прощание с ним состоится в Доме писателей 24 августа 2008. Вместе с другом Сергеем Шмелевым прибываем к назначенному сроку. Тело покойного было установлено в просторном банкетном зале Дома купца Бакина, где еще в 1994-95 годах я презентовал свои книги.

Собравшихся литераторов, администраторов, друзей и знакомых было немного. Не более трех десятков человек. К гробу уложили гвоздики. Тело усопшего, обложенное цветами, у меня вызвало ассоциацию со смертью пчелы, о которой есть одноименное стихотворение почившего поэта:

«Поистерла крылышки пчела
В луговом цветущем бездорожье.
В венчике ромашки умерла,
Как уснула труженица Божья.

Без вести пропавшая в лугах —
Жизнь пчелы, как Божия отрада!
Пчелы умирают на цветах —
Лучшей доли и желать не надо».

«Хочешь познать обман — крикни, что ты велик...» Виктор Дронников (газета «Вешние воды», №40, стр. 3, октябрь, 1994 г.,)

Такова, выходит, доля и у моего старого приятеля. О последних днях жизни поэта поведал мой знакомый, еще по презентации, тот самый, что спас меня от агрессии незадачливого редактора, Игорь Серафимович Бутузов.

— Виктор последние месяцы тяжело болел, — сообщил Игорь Серафимович, — 18 августа он отметил 68-летие. Я по телефону поздравил его с Днем рождения. Виктор, зная о том, что я служил в танковых частях, пробовал шутить: «Игорь! А не завести ли нам танк, что стоит в сквере Танкистов? Да не прокатиться ли в нем по орловским проспектам!». «Как-нибудь, в другой раз, — так же шутливо отозвался я, — а пока выздоравливай».

Естественно, он по случаю именин не устоял, выпил. Сердечко-то и не выдержи. А через несколько дней, его не стало.

На похоронах поэта выступил губернатор Строев. Он сказал:

— Сегодня мы прощаемся с великим поэтом! Память о нем будет долго жить в сердцах родных и друзей, у почитателей его яркого таланта

Гроб с телом Виктора Петровича Дронникова положили рядом с могилою матери на Наугорском кладбище Орла.

9. «Имя поют мое!»

Дежурный репортер Юрий Оноприенко, вначале в «Орловской правде», а 27 августа 2008, в «Орловском вестнике», об-

ложка которого была украшена портретом усопшего седобородого старика, публикует некрологи, посвященные памяти Виктора Дронникова.

В том же «Вестнике» под заголовком «Такое сердце биться перестало…», избегнув кавычек и ссылок на авторство Некрасова, он приводит в качестве эпиграфа фразу:

«Смерть — самых лучших — выбирает
И дергает по одному.
Еще один ушел во тьму…».

Опять непонятно: кому принадлежат эти, на мой взгляд, глупейшие строчки? Ясно, что не Николаю Алексеевичу — поэту печали и гнева народного. Он то знал, что костлявая старуха — смерть косит всех подряд — «мы все умрем, людей бессмертных нет». И, в первую очередь, беднейшие слои народа. Часто в молодом возрасте. Самых обездоленных и незащищенных. К таковым Дронникова отнести никак нельзя. И 68 лет жизни для закоренелого поклонника Бахуса, согласитесь, это — роскошь!

Да, пусть простит меня за такое мнение мой «ушедший во тьму» приятель. Однако дадим волю фантазии другому, уже «застольному» его сотоварищу. Оноприенко витийствует:

«Нас покинул лучший поэт Орловщины. Мастер точнейшего эпитета. Человек прожигающей страсти, верный и любящий сын России. Как страдал он за судьбы страны, сколь бездонна была его тревога за русских, за Русь, за все ее народы!

Своя у каждого Россия!
Но в черный день, забыв свое, —
Какое сердце не просило
Победы Божьей для нее.

Виктор Петрович Дронников родился в деревне Жилино под Орлом 18 августа 1940 года. Первые стихотворения были опубликованы в 1962 году в газете «Орловский комсомолец», где он позже работал. Окончил Литературный институт имени Горького, там

познакомился с Николаем Рубцовым. Обрел учителей, безгранично поверивших в него. Один из них, поэт Владимир Соколов, характеризуя творчество нашего земляка, убежденно утверждал: «Дронников — русский поэт в самом светлом и благородном понимании этих слов. Он никакой не «традиционалист» или «новатор». Он просто мастер, отвечающий перед Фетом и Буниным. Он просто неподдельный поэт, один из немногих тончайших лириков России».

Кленовых листьев сотовый багрянец,
Березовых — сухая желтизна.
Калины холодеющий румянец —
Все оттеснит небес голубизна.
Она везде печалинку о лете
Отыщет и поможет прозвенеть.
Но не сумеет в предзакатном свете
Заставить лист опять позеленеть.

Виктор Дронников дважды выдвигался на государственную премию, и лишь лживое безвременье девяностых остановило его в шаге от лауреатства: власти очень тогда не любили поэтов — патриотов. Позже правоту патриотических писателей признали — и Дронников получил премию ЦФО, приравненную к государственной. А уж иных литературных премий самых разных уровней не перечесть и по пальцам обеих рук»

(Игривая скороговорка: «не перечесть по пальцам обеих рук», явно не к месту в официальном некрологе). Юрий же в своем амплуа. Он продолжает славословить друга:

«Он был признан при жизни. С годами его величие будет только расти. Учредятся в Орле Дронниковские чтения. Станет он в ряд с классиками — земляками. (На этот счет есть у нас большие сомнения).

Но мы знали его живым. Помним его заразительный смех. Его жгучие бескомпромиссные речи. Его стройную юношескую фигуру и серебряную патриаршую бороду. Виктор Петрович многим был другом, а многим и недругом — переломы истории не терпят оттенков и полутеней.

Страною правит окаянство…
Все больше сирот и калек.
Суженьем русского пространства
Закончился двадцатый век.

С истиной не поспоришь! Тут и мы готовы под строками поэта подписаться. Оноприенко убеждает нас:

«И недруги уважали его — уваженье дается поневоле. Даже мирный (?), далекий от искусств обыватель возгорался душой, когда слышал, как читает Дронников свои стихи. Как зовет к правде и любви. Его чувство русского слова было редкостным. Душа была щедрой: он дарил прозаикам сюжеты. (Ну, впрямь, как Пушкин Гоголю «Ревизора» — шутка).

Он искренне восхищался найденной у приятеля удачной метафорой. (Это так — сужу по себе). Но никому не прощал фальши, шаблонности и казенщины. Ни в текстах, ни в поступках. И ответом ему было всеобщее (?) признание. (Вот только критик Петр Родичев и иже с ним, другого мнения).

Мне жизни жаль…Ее так мало…
Я б отдал жизнь, в конце концов,
За то, чтоб только просияло
России скорбное лицо.

Он не ушел — он вознесся. (Куда ж, поэта, занесло?!). Друг милый, Орловщина и Россия с тобой не прощаются. Ты навсегда среди нас.

Спутались явь и сон…
Птицами был спасен.
Птицами был спасен,
Ввергнутый в забытье.
Вышел в осенний сад —
Птицы на взгляд летят,
Птицы на взгляд летят,
Имя поют мое!..

10. Резонанс

Да, если верить Виктору Дронникову, что птицы «имя поют» его, то вот иное происходит с людьми. Судите сами. Кроме Оноприенко, а за это он молодец — поступил по дружески, ведь никто из писателей, тем более из представителей народа — почитателей поэта, не стал в печати превозносить его имя. И не по скромности, а исходя из бытовой совестливости. Не за что! Ведь всем известно, что усопший служил не народу, а власть имущим.

Движимый чувствами уважения к таланту Дронникова, не признать таковой неразумно и абсурдно, я решил, отбросив личные обиды, откликнуться на смерть поэта добрыми стихами. Передал их ответственному секретарю Геннадию Попову, сказал:

— Вы же будете готовить, как прежде Леониду Моисееву, специальный номер, посвященный памяти Дронникова. Вот и поместите их в своих «Вешних водах».

— Мы не планируем такого выпуска, — последовал ответ.

— Почему?

— Так.

Передал я также свои вирши и редактору газеты «Город Орел» Алексею Кондратенко, с которым меня, в день прощания с поэтом, познакомил писатель Леонард Золотарев. И, что же? Они опубликованы не были.

Грустно, но не смертельно. Я поместил стихотворение в своей книге и облегченно вздохнул. Ведь таким образом, я выполнил свой долг перед старым приятелем.

Вспоминаются стихи поэта Р. Азина, опубликованные в «Орловской правде» от 26 июня 1996 года:

«Пока живет поэт большой,
Его все критики «кусают»…
Но лишь уходит в мир иной —
Великим дружно объявляют!».

«Великим» Дронникова объявил лишь губернатор Егор Строев. Услужливый Оноприенко окрестил его «гением эпитетов». По этому поводу у меня родились даже такие строки:

«Хотя не свершил
Он великих открытий,
Но «Гением» слыл
У своих фаворитов!».

Сам я согласился с оценкой Ивана Рыжова, данной им поэту по случаю его еще 55-летия, в «Орловской правде» (август 1995) и назвал Дронникова — «большим поэтом». И это определение искреннее. Не то бы я, простите за откровенность, не стал бы огород городить. Да, да. Не стал бы тратить уйму времени и сил на подготовку этого длинного и многопланового очерка.

Более того, я ввязался в полемику с критиком Петром Родичевым, признававшим за Дронниковым лишь «маковое зернышко одаренности». В корне не согласился с такою оценкой. Какой высокий градус не имей личная неприязнь, но объективность должна торжествовать. Таково мое кредо.

Мне приятно, что данную точку зрения разделял (в марте 2010 и он ушел из жизни) поэт — земляк Александр Логвинов. Доказательством тому служит такой эпизод. В период «раздрая 90-х» непримиримый оппонент Дронникова поэт Виктор Рассохин утверждал, что он пишет не хуже, а то и лучше непомерно захваленного лауреата.

Выслушав товарища, кандидат филологических наук, доцент Университета искусств, поэт и литературный критик Александр Серафимович Логвинов твердо заявил:

— Виктор! Твой тезка — Дронников написал десяток отличных стихов, а ты всего — три — четыре.… Вот и вся арифметика! И незачем тут, как говаривал гоголевский городничий, стулья ломать!

Это сказал писатель «битый!» Дронниковым, о чем мы рассказывали выше. Было отчего, всем троим, нам лишь весело посмеяться. Позже поэт — демократ Рассохин станет терпимее переносить лидерство своего тезки.

Да, я считаю, что Виктор Петрович был лучшим запевалой нашего поэтического цеха. Обо всем этом я откровенно и прямо сказал в своих стихах, приуроченных к 60-летию поэта в 2000

году. А, когда, через восемь лет его не стало, я добавил к ним такие строки:

С тех пор прошло уж восемь долгих лет…
Нет более ровесника со мною.
Я без него хожу встречать рассвет,
Туда, где Орлик шепчется с Окою.

Пусть не всегда мы дружно жили, пусть,
Но без него так — пусто и тревожно,
И к сердцу подступает камень — грусть,
Что жизнь, как молодость,
Вернуть уж невозможно.

Орел, 24 августа 2008 г.

11. Эпилог

Юрий Оноприенко много раз публично добивался узаконивания в Орле т. н. Дронниковских чтений. Существовали де Ленинские, Пушкинские, Тургеневские и прочие чтения. Почему же не почтить вниманием и нашего прославленного поэта.

Как-то мой друг Сергей Шмелев обмолвился:

— По орловскому телевидению шел разговор об учреждении Дронниковских чтений. Выходит, Оноприенко добился своего.

— Сомневаюсь, — ответил я, — если они и будут, то ненадолго.

— Почему?

— Да, потому, что новые хозяева жизни не допустят, чтобы юные славили русского поэта. Ведь Дронников был нужен им, как метко заметил критик Петр Родичев, когда он **«бил по — своим!».** Он был нужен им живой! Теперь — другое дело. Он будет замолчан. Ведь ряд его патриотических стихов прямо направлены против нуворишей жизни. Прочти его строки о современных старушках:

«Как будто с холерного пира
Бредут, выбиваясь из сил.

Как будто они не от мира,
А жители этих могил.

Неясному зову послушны,
Часами стоят у оград…
Нет места им в жизни бездушной,
И нет им дороги назад…».

Понравится ли единороссам — демократам, что устроенная ими жизнь — бездушна, что народу хотелось бы вернуться назад, к социализму? Ясно — нет. Или его стихотворение «Моление о витязе»:

«За ушедшего на битву,
За последний русский край
Я шепчу одну молитву:
— Витязь мой, не умирай…

Сколько русской крови льется…
Господи, не покидай
Всех, кто бился,
Всех, кто бьется
За последний русский край».

Хотел ли Дронников того или нет, но, как большой поэт он не может быть не искренним. Совесть, нет-нет, да и пробивает. Этого не спрячешь. И еще есть причина…

— Какая?

— Дронников не создал, к сожалению, великих произведений. Суди сам: кого мы называем великим? Того писателя, за которым, как шлейф, тянется слава, хотя бы одного из его творений. Когда мы говорим: Пушкин, то подразумеваем, в первую очередь, его бессмертного «Евгения Онегина» или «Бориса Годунова». И, соответственно, Грибоедов — «Горе от ума». Лермонтов — «Герой нашего времени». Гоголь — «Мертвые души» или «Тарас Бульба». Некрасов — «Кому на Руси жить хорошо?». Тургенев — «Записки охотника», «Дворянское гнездо». Толстой — «Война и мир». Горь-

кий — «Мать», «Фома Гордеев». Есенин — «Анна Снегина», его лирика. Маяковский — «В. И. Ленин», Твардовский — «Василий Теркин».

Визитной карточкой Исаковского стала песня «Катюша», Суркова — «Бьется в тесной печурке огонь…». Сафронова — «Шумел сурово Брянский лес».

Какую поэму или какое же стихотворение Дронникова можно считать «ударными»? К сожалению, кроме десятка лирических стихов об отце и маме — ничего нет. Поэмы — слабые. И не удивительно! Ведь о войне писал человек сам не нюхавший пороху, не тянувший солдатской лямки. Не ощутивший холодок стали — ни пушки, ни автомата…Стихи же, не пропущенные через душу, известно, всегда обречены на неудачу. Может его стихотворение «Разбой», направленное против агрессии НАТО по отношению к братьям — сербским славянам и является пиком его творчества?

Если это так, то почему мне, при чтении этого произведения, видится «разбой» учиненный Дронниковым в Орловской литературе? **Тридцать способных литераторов замолчаны или сметены «в корзину». Ни одного, взращенного им поэта**. А ведь истинный учитель — наставник, каковым называл, порой, себя Виктор просто обязан вырастить себе подобного и даже лучшего, чем он сам! Опять незадача для насыщения эпитета «Великий».

Но, возможно, стихотворение «Плач» именно то, что нужно? Но, знакомясь с ним, мне все кажется, что это слезы не по невинно убиенным «злыми чеченцами» российских мальчиков — воинов, а страдания поэта по зря растраченным годам, отравленными «зеленым змием».

Какая-то виртуальная реальность получается. Так сказать — бесовщина. А может, дело не в Викторе, а во мне? Ведь я являюсь, по образному выражению литературного критика «Орловского вестника» Игоря Свеженцева, всего лишь — «рядовым Орловской лиры»? И мне просто не дано понять дела и поступки «сильных мира сего»? Где уж уразуметь «рядовому» заботы выдающихся и великих!

Однако, как историк, я знаю, что без «рядовых» не бывает побед ни у генералов, ни у маршалов. Известно, что мудрые полководцы всегда щедры и великодушны, даже к достойным противникам. Своим же солдатам — героям они дарят, снимая со своей груди — ордена. Вручают золотые часы и портсигары, делятся деньгами и… последней краюхой хлеба.

И опять незадача! Почему наш «литературный генерал» такой жадный? Сколько получил премий, их даже Оноприенко не в силах сосчитать, а не одной из них, подобно Шолохову, не передал — в библиотеку, что его прославляет. Ни в детский сад, где навязывают для чтения его стихи. Ни в филармонию, где исполняют песни на его вирши?

— Тут ты прав, — согласился со мною Сергей Иванович Шмелев. — Теперь я понимаю, почему на его похоронах было так мало людей. Того же Александра Венедиктова, его оппонента, вышел провожать в последний путь весь древний Болхов. Об этом тот же Оноприенко и писал. Дронникова же лишь одни официальные лица. Юра же все продолжает твердить о какой-то народной любви. Ясно, лукавит, приятель!

— Выходит, теперь и тебе понятно, что Дронниковские чтения — это сладкий миф. Почти два года прошло со дня смерти Виктора Петровича. Более года, как состоялись политические похороны его покровителя Строева. Но, ни дома — музея в Селихово, ни квартиры — музея в Орле у поэта так и не появились.

— Да! — улыбнулся приятель, — а ведь Дронников, несомненно, полагал, украшая свои хоромы, что он, как Пушкин, памятник себе воздвиг нерукотворный.

— И рукотворный тоже.

— К тому же и бюста все еще не установили.

— И вряд ли, когда установят. И все-таки…

— Что?

— Да, то, что с его кончиной, завершилась 40-летняя эпоха, что началась с нашей с ним встречи в багряно — лиственном сентябре 69-го. Какие бы не жгли нас противоречия и обиды, а признать приходиться, что хотя подлинным гражданином Отечества Дронников не стал, но поэтом, вне сомнения, он был интересным.

РЕДАКТОРЫ «БОЛХОВЧАНКИ»

Как тачанку — ростовчанку,
Нашу гордость и красу,
Я газету «Болховчанку»
В доброй памяти несу.

Мы ее «Коммуной» звали —
Коммунизм стучался в дверь…
Позже — «Новью» величали
И «Курантами» теперь.

«Б. К.» начала издаваться в 1918. В стране полыхала гражданская война. Но уже в ходе классовых битв, болховчане закладывали основы мирной жизни. Создавали комбеды, рабочие коммуны. Отсюда не случайно ее изначальное название — «Болховская коммуна». В конце двадцатых появились первые товарищества по обработке земли — тозы, сельхозартели, а позже — колхозы и совхозы. Возникло МТС. Газета всегда стояла на переднем крае борьбы за новую жизнь. Не прекращала она выходить и в годы Великой Отечественной войны. В штате редакции работали грамот-

Журналисты у здания редакции «Болховские куранты», 1996 г.

ные, преданные делу партии и социализма люди. К сожалению, ушедшие годы оставили много белых пятен, правда, одно из них удалось ликвидировать. В 2003 ветеран — газетчик Василий Константинович Игнатов подарил нам свои воспоминания, опубликованные под заголовком «Газета молодости нашей, газета, без которой нам не жить». Вот строки из нее:

— Родился в 1921, в многодетной семье Болховского кожевенника. Старшая сестра Раиса в 1924 году стала первой комсомолкой, возглавив комсомольское движение в районе. Я же, после окончания киношколы в 1940 уехал во Владивосток, где вступил в Красную Армию. Будучи командиром взвода саперного батальона, строил укрепрайоны на границе с Маньчжурией — над Амуром бродили тучи хмуро….

В декабре 1943 года при форсировании в брод реки Сайхун, из-за сильного переохлаждения и крайнего истощения у меня отнялись ноги. Долго лечился в госпиталях. Затем участвовал в боях. В одном из них, при освобождении Маньчжурии и Кореи получил тяжелую контузию. В результате был признан инвалидом войны.

В 1946 вернулся в Болхов. В райкоме партии, где становился на учет, узнали, что я внештатно сотрудничал с фронтовыми газетами. Обрадовались.

— Вот и пойдешь работать организатором радиовещания, — сказали мне. — У нас как раз это место вакантно.

Журналист «БК» В. Зулидов

Два года проработал радио — организатором. В 1956 стал заведующим отделом писем, а затем возглавил сельхоз — отдел».

Именно, на те годы и приходится мое знакомство с Игнатовым и его коллегами.

Однако следует отметить, что история газеты, жизнь и творческая деятельность ее первых редакторов и журналистов, все еще ждет своего исследователя — летописца.

О тех же, кто возглавлял Болховскую «районку» с начала 50-х, когда я впервые взял ее в руки, до наших дней и будет мой рассказ.

БЕЛИКОВ

Шесть десятилетий прошло с той памятной поры, когда я впервые открыл для себя районную газету. На ее страницах часто публиковались материалы, посвященные труженикам ферм и полей колхоза имени Чкалова, моим землякам.

Редактор Михаил Михайлович Беликов

Встретив знакомую фамилию, я приходил в восторг: печатное слово имело магическую силу. Мы верили в истину каждой строчки. Если о ком, что «пропечатали», то так оно и было. Во мне, тринадцатилетнем мальчишке, впервые начавшем «крапать стихи», особое любопытство вызывало творчество местных авторов. Одним из них был Анатолий Гладких. Как сейчас помню его стихотворение «Бабье лето», где описывались серебряные росы на поблекшей траве и тягучая паутина, срывающаяся и улетающая под ветром с пестрых макушек луговых цветов. «Вот мне бы так научиться писать, — мечтал я, отмеривая быстрыми шагами все шесть верст полевой проселочной дороги по пути в школу из Сивково в Репнино. Хотелось увидеть «живьем» самого поэта…

Мечта сбылась осенью 1955 года после публикации на страницах районки моего первого стихотворения «Капуста» и нескольких заметок. Я впервые ступил на порог редакции «Болховской коммуны». Здесь и произошла моя встреча с Анатолием Сергеевичем Гладких, который в ту пору, являлся заместителем редактора. Секретариат возглавлял Владимир Николаевич Анисимов, а отдел писем Василий Константинович Игнатов. Они и представили меня редактору Михаилу Михайловичу Беликову.

…За т-образным столом сидел средних лет симпатичный мужчина и читал «Правду». Увидев нас, отложил в сторону газету и, сняв очки, протянул руку.

— Ну, здравствуй, селькор! — сказал он, — рассказывай, как дела в школе, в колхозе?

— Вот, принес заметку о лыжных соревнованиях, — сбивчиво начал я объяснять цель визита.

Быстро пробежав глазами протянутый тетрадочный лист, он улыбнулся:

— Хорошо. Оставь. Напечатаем. Ты расскажи, как мама, папа живут?

— Мама работает по наряду. Отец — инвалид.

— Пенсию получает?

— Нет.

— Плохо, — вздохнул редактор. — Ты чаще нам и в другие газеты пиши. Гонорар не пустяк. Все для родителей помощь.

— Буду стараться.

— Вот и молодец! А как будешь в городе, обязательно заходи…

Получаемый гонорар здорово выручал меня. Осенью 1957 года на районном слете рабселькоров меня поощрили денежной премией. Так Беликов заботился о молодых авторах, старался поддержать их.

В следующее лето, после опубликования корреспонденции «Дымят трубы», бичующей местных самогонщиков, я был подвергнут физическому оскорблению со стороны отца и сына Ефи-

мовых. Когда об этом стало известно в районе, в Сивково приехал сам Беликов. Он не только встретился с хулиганами, но и провел беседу с руководством колхоза и сельсовета на предмет защиты чести и достоинства корреспондента. В «Болховской коммуне» была опубликована редакционная статья «Об этом нельзя молчать». В ней рассказывалось о том, как местные самогонщики учинили расправу над селькором за то, что он «лучом правды осветил их подленький быт».

Михаил Михайлович сделал мне предложение поработать в газете. Это было моей мечтой, но призыв в армию помешал ее осуществлению.

Прошло девять лет. Беликов успел поработать в райкоме партии, председателем одного из колхозов и вновь вернулся в газету. Я, отслужив три года в ракетных частях и проучившись шесть лет в Ростовском — на — Дону государственном университете, с дипломами журналиста и историка возвратился в родные края. Приехал не один, а с молодой женой, ждущей ребенка.

Надо было найти работу. Отправился в Болхов. В заветном доме на Земляной горе меня с радостью встретили друзья — газетчики. В ответ на мою просьбу «взять в журналисты» Беликов сказал: «С газетой успеешь. Книгу о земляках, верю, еще напишешь. Но для этого не обязательно числиться разъездным корреспондентом. У тебя — семья! Поработай-ка директором школы».

— Но меня заведующий РОНО и в учителя не берет. Говорит, что нет мест.

— Это поправимо, — улыбнулся редактор, — ты пока побеседуй с ребятами, расскажи им о Ростове, а я наведаюсь в райком партии.

Спустя три часа с приказом в кармане на редакторском «газике» я был доставлен в село Сурьянино, где последующие три года директорствовал в местной школе, а моя жена Валентина Алексеевна была командирована в Гнездиловскую участковую больницу, где проработала медсестрой до ухода в декретный отпуск.

Можно смело сказать, что своим счастьем и благополучием на родной земле мы с супругой всецело обязаны прекрасному человеку и журналисту, ставшему впоследствии настоящим другом нашей семьи, Михаилу Михайловичу Беликову. Не проходило и месяца, чтобы он не посещал наш дом. Нередко баловал дочурку Ирину конфетами и грушами. Держал ее на своих крепких руках.

В газете регулярно печатались мои статьи и стихи. Их часто редактировал сам Беликов. И хвалил, и ругал — всякое было. Он советовал не терять мне чистоту юности, по-прежнему оставаться непосредственным и искренним.

— Это чувство крайне необходимо поэту, — подчеркивал он.

Уже работая в Орле, я узнал, что Михаил Михайлович умер, как говорят, на рабочем посту — не выдержало напряжения широкое сердце этого чудесного, внимательного и чуткого к людям редактора и человека.

Не было в редакции газетчика, в личной судьбе которого не принял бы сердечного участия их редактор. Ему обязаны многим поэты Анатолий Гладких, Евгений Селиверстов, Викентий Войнов, прозаик Виктор Шелястин, публицист Владимир Вылугин, с кем мне доведется одно время работать на Орловском радио. Не вырос бы до известного краеведа и ставший, после Игнатова, радио — организатором, Александр Венедиктов, которого Беликов перевел в штат редакции.

Во время наших встреч он живо интересовался и моим творчеством:

— Как продвигается работа над книгой о твоих земляках? — часто спрашивал он.

— Собираю материал.

— Поспешай, — наставлял он, — молодость скоротечна. Я верю в твой талант, в твои силы и способности.

Честно скажу, без такой поддержки и доброго участия Беликова мне трудно было бы осуществить свою мечту. Помимо четырех сборников стихов, я написал массу очерков и две повести о земляках: «Родная сторона» и «Дым Отечества». Всего издал десять книг. В память же о славном редакторе — друге — поэму

«Селькор», опубликованную в сборнике «Отчий край». Вот маленький отрывок из нее:

«Здороваясь,
Редактор мне с укором, —
Что не заходишь? —
Мягко говорит, —
У нас всегда
Для дорогих селькоров
Один в дверях —
Зеленый свет горит!
И расцветет лучистою улыбкой:
— Просматривал вчера твои
«грехи».
Дадим,
Подправив кое-где ошибки,
Твои в газету —
Новые стихи».

Таким добрым и мудрым «с лучистой улыбкой», навсегда остался в благодарной памяти Михаил Михайлович Беликов — мой первый редактор и настоящий Человек!

ГОЛОВИН

Подчас, рискуя головой,
В печатном деле — исполин,
Готов был ринуться на бой,
Во имя Правды — Головин!

Николая Андреевича Головина, без всякой натяжки, называли патриархом отечественной печати, мужественным борцом за дело чести и справедливости. Еще бы! Он — живая история, образец для подражания многим поколениям советских журналистов. Вот, как об этом писал в «Орловской правде» от 21 июня 1994 года ее корреспондент Юрий Трошин:

Журналисты «Орловской правды».
В первом ряду, в центре с костылем в руках – Николай Головин

«В МГУ, где я учился, при освоении курса партийно-советской печати, нам попался на семинаре вопрос, связанный с принятием в январе 1954 года постановления ЦК КПСС «О фактах зажима критики в Кромской районной партийной организации Орловской области». Его суть немало определяло систему взаимоотношений между партийным комитетом и его печатным органом. Как отмечается в сборнике «Советская печать в документах», дело дошло до того, что, стремясь приукрасить действительное положение дел, показывать в печати жизнь района только с положительной стороны, секретари райкома сглаживали критические выступления газеты. Требовали вычеркивания особо острых мест из материалов уже готовых полос.

В постановлении также говорилось, что Орловский обком КПСС необоснованно снял с работы редактора районной газеты «Ленинский Путь» Головина. За зажим критики, неправильное отношение к печати первому секретарю Кромского РК КПСС Чешенко объявлялся выговор, а Головина было предложено восстановить в должности редактора».

Вот так, возможно, сам того не желая, Николай Андреевич Головин прославился на всю страну, как принципиальный борец с коньюктурщиками от партии. Безусловно, эта борьба оставила свой след на личной судьбе коммуниста. Ему, вместе с семьей, пришлось все-таки покинуть Кромы. В конце 60-х, он уже работал заместителем редактора и одновременно зав отделом партийной жизни «Болховской нови». Парт — аппарат не привык проигрывать, а потому к редакторскому посту его более не допускал, ибо он, как шутят в таких случаях: «Вооружен и очень опасен!».

Удивительно другое: в отличие от многих своих коллег, притупивших перо в газетных баталиях, Головин по-прежнему оставался смелым и неуемным искателем истины. Всегда остро и принципиально ставил насущные вопросы жизни и добивался их решения. Невольно вспоминается бессмертный Лермонтов, писавший:

«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя,
Богатыри — не вы!».

Редактору Беликову по душе была позиция его зама. Будучи сам, по натуре, честным и справедливым, он находил в лице Головина достойную поддержку, а не только, умиротворяющее понимание и сочувствие. На это были способны другие, но Николай Андреевич «головой», не зря же он носил фамилию — Головин, стоял, когда надо, за своего шефа. И не только за него…

Вспоминается драматическая ситуация произошедшая со мною. Опубликовал я в областной комсомольской газете статью «Где вы, шефы?», в которой подверг резкой критике «за формальное шефство», не только двух председателей — колхоза и сельсовета, но и райком комсомола. На страницах «Орловского комсомольца» началась острая дискуссия. Это задело за живое и работников РК КПСС. Секретарь по идеологии Баланичев недвусмысленно угрожал оргвыводами.

— Но, Козин прав, — убеждал Головин разгневанного партийца, — он поступил как принципиальный товарищ. К тому же он — профессиональный журналист. Не мог же он молчать.

— Вам Николай Андреевич, вижу, нравится, что Козин пошел вашими стопами!

— Как?!

— Да, он, как некогда вы, через голову райкома партии переступил. Вынес сор из избы. Почитай орловские газеты и узнаешь, как с его подачи, нас поносят. На нашем отрицательном примере учат других. Я прямо сказал Петру Дмитриевичу, что нам не журналист, а директор школы нужен. Жаждет печататься, пожалуйста, есть «Болховская новь». Его никто не лишает этой трибуны.

— Да, но если вы его накажите, он и в «Правду» напишет.

— И прославится, как вы?!

— Все возможно, ибо честь и, правда, на его стороне.

Замечу, что хотя мне и пришлось уйти с работы, но партийного взыскания я не понес. В этом немалая заслуга редактора Беликова и принципиальная позиция большевика — ленинца Головина.

Как-то Николай Андреевич спросил меня:

— У тебя в Сурьянино гостил наш секретарь редакции?

— Владимир Николаевич?

— Да, Анисимов!

— Было такое.

— Он тебе случайно не поведал о своей романтической истории?

— Какой?

— Об обмене женами со своим приятелем — юристом.

— Говорил. И впрямь — водевиль!

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Ведь от их флирта пострадали дети. Они их ведь тоже обменяли по своему выбору. Тебе и карты в руки — напиши на этом сюжете драму.

— Простите, Николай Андреевич, — засмеялся я, — тут талант Гоголя нужен.

— Да и ты лыком не шит! — в упор, глядя на меня поверх очков, словно испытывая, серьезно изрек зам редактора.

В 90-е годы, будучи на пенсии, Николай Андреевич, уйдя из газеты, стал работать редактором Болховского радио. Так, в одной из его передач рассказывалось о жизни коллективов с непрерывным циклом производства, в том числе местного хлебного комбината и сыродельного завода. Содержательным было выступление главы Михневского сельского Совета Петрова, подводящего итоги молоко — сборщиков. Среди них на первом месте оказался мой зять и друг, житель поселка Калиновский Василий Илларионович Бондарев. Действительно, не было ни одного волнующего горожан и селян общественно значимого вопроса, мимо которого прошла бы редакция радиовещания, руководимая Головиным.

Не оставляла в покое редакция и нарушителей общественного порядка, бичевала расхитителей и мошенников. Сообщалось, в частности, что механизатор Кузнецов, за управление трактором в нетрезвом состоянии, оштрафован — на 15 тысяч рублей. А дежурная автозаправочной станции Лобкарева, допустившая обсчет водителей, оштрафована, без малого — на 44 тысячи рублей. Этот факт стал поводом для специального обращения радио — редакции к работникам сферы обслуживания района.

В статье «Сила живого слова» («О. П.» от 21 июня 1994) областной журналист Юрий Трошин писал:

«В последних радиопередачах особо отмечены: 75-летний юбилей ветерана спорта Фалеева, мастер прикладного искусства Гридина, соревнование — турнир, посвященный памяти воина — афганца Николая Винокурова, выход книжки местного поэта Петра Козина».

Действительно, вышедшие в 90-е годы, один за другим, три моих поэтических сборника: «Отчий край», »Перелески», «Русь» были не только прокомментированы на радио, но и читались в его передачах мои стихи, посвященные родному краю.

Примечательной была и моя последняя встреча с Николаем Андреевичем. Он сильно хромал, неизменно опираясь на коричневый костыль. Это факт в сочетании с его стальным по силе характером давали нам основание называть Головина, как известного восточного полководца-завоевателя Тимура — «железным хромцом».

Остановив на улице Ленинской, ветеран журналистики строго спросил меня:

— Петр! Надежды Беликова оправдались, ты написал и выпустил в свет, в отличие от наших виршеплетов: Войнова и Гладких, Венедиктова и Селиверстова, книги стихов о земляках, но, а где проза? Тот же Венедиктов уже две брошюры издал.

— Саша, молодец! Будет и у меня.

— Как выйдет, а в это я верю, так сразу неси. Мне местный материал позарез нужен. Я знаю, все, что ты напишешь, непременно, будет с перцем. Именно то, чего в нашей постыдной жизни, сейчас так не хватает.

Радио — редакция «Говорит Болхов» делала все возможное для того, чтобы всячески способствовать развитию и процветанью родного края, наиболее успешному решению экологических и социальных проблем. В этом несомненная заслуга «железного хромца» Николая Андреевича Головина, который, к сожалению, так и не дожил до выхода в свет моих повестей, тех, что он назы-

вал «с перцем», посвященных землякам — болховчанам: «Родная сторона» и «Дым Отечества».

Обращаясь к истории отечественной печати, Юрий Трошин, отмечая вклад в нее старейшего журналиста Головина, писал: «Нельзя не заметить, что цена печатного слова в нашем обществе всегда была достаточно высока. И лишь сейчас, в пору наступившего безвременья, оно, как и все в нашей жизни, подверглось большой инфляции. И неудивительно, что малейшее критическое выступление часто воспринимается с такой яростью, что объект его, на котором, порой, что называется, и пробы ставить негде, опрометью бежит в суд. И там поднимает вопрос о защите своей мнимой чести и достоинства».

МАТЮНИН

Был он —
Далеким от культуры
И журналистом — не бог свет:
Он не прозаик, не поэт,
Он — ставленник номенклатуры.

С Евгением Матюниным, еще относительно молодым человеком, (отчество его, за ненадобностью, не знаю до сих пор), я познакомился в конце 60-х. В ту пору он возглавлял сельхоз-отдел, от коего все журналисты, как могли, старались «отбояриться». Почему? Да, потому что в сельскохозяйственном районе, каковым является Болховский край, он — основной в редакции. Чтобы наполнять газетные страницы свежим материалом, нужно было дневать и ночевать у тружеников полей и ферм. Со связью было плохо, а с транспортом — того хуже.

В послевоенные года в распоряжении редакции был вороной конь. Летом — пролетка, зимой — легковые сани. Журналист Игнатов, что до Матюнина возглавлял сельхоз-отдел, вспоминал:

«На село, мы выезжали почти каждый день. Днем материал возьмешь, ночью напишешь, утром сдашь и опять в командировку. Добирались на лошади. Овес и зерно для нее закупали, а сено заготавливали сами, дружно выходя на сенокос. Командовал этим транспортом конюх Василий Первышин. Уже потом появился мотоцикл с коляской».

Замечу, что в конце 60-х, благодаря авторитету редактора Беликова, райком партии распорядился выделить редакции легковую машину «ГАЗ— 69», кою величали «козлом». Козел — животное смелое и находчивое, а главное, обладающее способностями преодолевать ущелья и кручи. Такой моторный «козел» и был для местных газетчиков подлинной находкой. Ведь им нередко, как вспоминал журналист Зулидов, приходилось, за неимением автобусного сообщения со многими населенными пунктами, прибегать к услугам авиации, что было накладно. Однако, один «козел» на десяток журналистов — погоды сделать не мог.

Отсюда ясно, что перед Матюниным стояли весьма серьезные задачи по обеспечению газеты новейшей сельскохозяйственной информацией. Не привыкший к таким трудностям, Евгений спал и видел, как бы найти место, что — будет легче, а главное — круче, сытнее. И он, к слову, заметить, будучи безнравственно самоуверенным, подобного настроения от своих коллег не скрывал.

Матюнин переехал в Болхов, после упразднения Знаменского района, где находился в штате номенклатуры. На новом месте, учитывая связи, сразу же был обеспечен новой квартирой и работой. Его влиятельные родственники, проживающие в Москве, наведывались в райком партии, и естественно ангажировали «своего протеже» на предмет «восходящей звезды» на партийном Олимпе.

В то время: Первым секретарем Болховского РК КПСС работал Кривопишин Семен Степанович (умер в 2005), Вторым —

Жучков Анатолий Яковлевич, Третьим (по идеологии) — Баланичев Иван Васильевич. Ба! Знакомые все лица!

Они то и предлагали Матюнину должность инструктора райкома, но тот решительно отказался — мало платят. И вот, однажды, Александр Венедиктов сразил сообщением:

— Знаешь, старик, а Матюнин все же добился, своей цели.

— Никак в партийные секретари вышел? — недоумевал я.

— Пока не секретарем, а зав организационным отделом его таки сделали.

— И оплата его устроила?

— Еще бы, чуть меньше третьего секретаря.

— Выходит, что в вашем полку убыль.

— Ха-ха! — рассмеялся Александр, — журналист он никакой, а потому — невеликая потеря. И Женька Селиверстов и другие ребята хоть сейчас его воз потянут. И гораздо с большим успехом. Не пропадем!

О том, какие у меня, директора Сурьянинской школы, сложились отношения с заворгом РК КПСС Матюниным, я подробно описал в своей повести «Дым Отечества». Любознательный читатель всегда имеет возможность зайти в районную библиотеку и ознакомиться с ее содержанием. Или найти нужные страницы в Интернете, на сайте книжного издательства. Потому не вижу смысла повторяться.

Замечу лишь, что после кончины Беликова, Евгений Матюнин вновь окажется в «Болховской нови», но уже в качестве ее редактора.

О Матюнине — редакторе мне сказать нечего, ибо в годы его правления, я весьма редко заглядывал в дом на Земляной горе и встреч с ним сознательно не искал. Пользоваться слухами — не в моих правилах. Забывать прошлые обиды мне помогают стихи прекрасного русского поэта Константина Ваншенкина:

«К чему копить ничтожные обиды,
Им не давать исчезнуть без следа,
Их помнить, не показывая вида,
И даже улыбаться иногда.

Они мелки, но путь их страшно долог,
И с ними лучший праздник нехорош.
Они, как злой блуждающий осколок:
Болит внутри, а где — не разберешь

Вот отчего я их сметаю на пол,
Хотя не все, но большую их часть.
Осколок только кожу оцарапал,
А мог бы в сердце самое попасть».

ВЕНЕДИКТОВ

Да, слава в прихотях вольна,
Как огненный язык она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает,
А на другой уже видна.
Александр Пушкин

Эти замечательно точные, глубокомысленные строки великого поэта, не без сарказма, в откровенно долгих беседах напоминал мне патриот Болховского края Александр Егорович Венедиктов. Журналист и краевед, человек беспокойного сердца, он всю свою сознательную жизнь посвятил возвеличиванию памяти земляков. Все тех, кто в малой или большей степени способствовал процветанию и славе родной земли.

На страницах двух его книг «Болховские куранты» и «России сердце не забудет» мы встречаем имена великих преобразователей Руси Ивана Грозного и Петра Великого, народного защитника Ивана Болотникова и знаменитого ученого-историка Николая Карамзина.

— Да, поистине, «слава в прихотях вольна», — с огорчением замечал Александр, — вот они плоды демократии. Еще вчера мы восхищались мужеством профессионального революционера Козырева и авроровца Шилина, а уже сегодня нас убеждают, что

Октябрьская революция была ошибкой. И они уже злодеи, а не герои. Кое-кто уже открытым текстом выдает жесточайшую по своей сути теорию о бессмысленности пролитой крови в годы Великой Отечественной войны.

Сам Венедиктов был твердо уверен: ничто не проходит бесследно, если труд и жизнь человека без остатка отданы во имя чести и славы Отечества.

Как хороши, как свежи, будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.

Эти строки Игоря Северянина вспоминаются при рассмотрении судьбы неутомимого краеведа. Был он сильным человеком. Непрестанно боролся, гордо принимая хвалу и хулу. Мечтал создать Книгу памяти болховчан. Подарить землякам новую, переработанную и дополненную историю города и края. Однако этим планам не суждено было сбыться: укатали Сивку крутые горки. Едва дотянув до 60-ти, в расцвете таланта, под звон милых его сердцу курантов он навсегда оставил этот грешный, противоречивый мир.

Болховский краевед, редактор «БК» (1990-95) Александр Егорович Венедиктов

В целях увековечивания памяти, на здании редакции «Болховские куранты» ныне установлена мемориальная доска. Президиум Союза журналистов области учредил специальную «Венедиктовскую премию». Отныне его имя носит

одна из улиц древнего города. В местном краеведческом музее нашлось почетное место для фотографии и книг известного краеведа. Слава, эта вечная капризница, уже после смерти, наступившей 26 сентября 1995 года, — нашла своего героя.

Болхов — его колыбель. Здесь он начал и завершил свой путь, в лишний раз, подтвердив русскую поговорку: «Где родился, там и сгодился». Побывавший тут в конце ХУ111 века академик Василий Зуев отмечал, что сей город, стоит на высоком и неровном месте, по левую сторону реки Нугрь, впадающей за 15 верст в Оку. Длиной версты на три, шириною на полторы. Церквей в ней каменных 14 и 8 деревянных. Сверх того два монастыря. Хлебопашцев и ремесленников 5370 душ. Главные их промыслы суть кожевенные и юфтяные.

«Невелик наш город, — признавался Венедиктов, — но, как из ручейков собираются полноводные реки, так из городов, подобных Болхову, вся Россия».

Обладая феноменальной памятью, Александр держал в голове бесчисленные имена, даты, события. С большим удовольствием слушали его гости из Москвы и Петербурга, Киева и Орла. «Вот здесь покоится Макарий Глухарев, — вздыхал он у ямы, заросшей травой, — язычники нашего времени расправились со многими святынями города. Не обошли и вечного покоя настоятеля монастыря, самого просвещенного человека наших мест, автора книги «Лепта».

Большие знатоки старины писатель Василий Катанов и журналист Алексей Макашов в своих книгах отмечают высокое подвижничество Венедиктова. Так оно и есть. Именно его усилиями возросла память земляков о генерале Лаврове, которому поставлен памятник, о поэте Апухтине, чье имя носит одна из улиц города. О декабристе Кривцове, народном артисте России Иване Переверзеве, Герое Советского Союза Безменове.

Будучи селькором районной газеты, я нередко бывал в Болхове, который вызывал у меня восхищение древними храмами. Плыл над городом бой курантов, установленных на колокольне, ныне действующего Спаса-Преображенского собора. Веяло стариной от краснокирпичных стен, высоких холмов и рвов. Меня манил белый двухэтажный дом на Земляной горе. Здесь размещались — редакция и типография. В лад с первою книгой краеведа

газета сменила свое имя. За более чем полвека сотрудничества с газетой, я сошелся с такими профессиональными работниками, как: Николай Головин, Анатолий Гладких, Владимир Анисимов, Виктор Шелястин, Владимир Вылугин, Евгений Селиверстов. Это — неутомимые летописцы края. Их вел за собой мой первый редактор Михаил Михайлович Беликов. Именно он, в 60-е годы, принял на работу в редакцию Александра Венедиктова.

Первая наша встреча состоялась в десятом доме на Земляной горе. Это имело место в августе 1968, когда я, после окончания Ростовского Университета, вернулся в родные края. Передо мною предстал среднего роста, плотно сложенный, с темными, вьющимися волосами и живым, выразительным взглядом серых глаз 33-летний журналист. В ту пору он был организатором местного радиовещания. И всегда имел при себе переносной магнитофон с микрофоном, которые он в шутку называл «лирой». Позже он станет заведовать отделом писем, затем работал ответственным секретарем, а с 1990 до самой кончины в девяносто пятом — редактором.

Едва ли не все болховчане, а их 13 тысяч, знали его в лицо. Здоровались на улицах. Звонили. Заглядывали в кабинет, если нужда. Он удивительно мог совмещать беседу с посетителем и правкой какого-либо материала.

В помощи никому не отказывал. Боролся за каждого правого. Своей лучезарной улыбкой и к месту вставленной шуткой, успокаивал виноватого.

Когда в 1978 году у меня вышла в свет небольшая книжка очерков «На трассах пятилетки», то мы достойно презентовали ее в его Болховском доме, где я переночевал. Познакомился с его семьей. Бытом жизни. Восхищала библиотека. Она не была такой богатой, как, например, я видел в квартирах орловских писателей — Дронникова, Родичева, Логвинова, тем более, Василия Катанова. Однако была куда солидней и полноценней, чем у меня. Тома БЭ. Словари. Справочники. Старинные фолианты. Рукописные издания. Пыли на книгах, как это случается в домах преуспевающих невежд, не было — автор неустанно работал с ними. Часто день путал с ночью.

Так же в семейном кругу мы отметили с ним мой первый сборник стихов «Отчий край». Александр, как мне казалось, искренне

радовался моей удаче. Доказательством тому явилась опубликованная в печати его рецензия с многозначительным заголовком «Жизнь, как высокая гора». Я прочел о себе: «Много лет назад мне довелось с ним познакомиться, когда он работал директором Сурьянинской школы и частенько заглядывал к нам, в редакцию. Его уже тогда отличали настойчивость, свой взгляд на жизнь».

«Настойчивость, свой взгляд на жизнь» — эти качества были присущи и ему самому. Это они позволили Венедиктову не сломаться, довести дело до конца. Вывести к свету, к людям свои интересные книги.

Александр нередко заглядывал ко мне в Сурьянино. То привезет с собою генерала Родина, когда-то освобождавшего это село. То орловского поэта Виктора Дронникова, ищущего в провинции новые таланты, а то и «комсомольского генерала» Владислава Петухова. Перезнакомит. Определит план действий. Наметит общую канву бесед. Вдохновит на творческое сотрудничество, а сам уедет в колхоз — на фермы, в поля. К людям. От того его газета всегда находилась на самом гребне жизни. Публикуемые в ней материалы отвечали духу времени и пространства.

Как-то он прочитал мне стихи Василия Жуковского, который не только знал мою Сурьянинскую обитель, посещал ее, но и посвятил селу такие любопытные строки:

Веселый есть приют
Близ Болховской дороги,
Там вас Пенаты боги
С дарами счастья ждут.

Там светлый пруд и сад,
Дом старый с мезонином,
И негр Плещеев с Ниной,
И близок Болхов град.

Под липою весной,
Зимой подле печи
Вам Жучка в епанчи
Петь будет век живой:

И будет Суринам
Убежищем веселья.

Суринамом поэт Жуковский называл село Сурьянино, которое тогда принадлежало Плещееву. Затем оно ненадолго перешло к Протасовой. Уже позже его хозяевами станут дворяне Юрасовские.

Стихи Жуковского, написанные им в 1814 году, волнующие сердце рассказы Венедиктова о жизни местных помещиков, побудили меня к написанию поэмы «Сурьянино», которая была опубликована в моей книге «Русь» в 1995 году.

Когда я покинул «убежище веселья», переехал на жительство в Орел, то Александр навещал меня в городе. Привозил с собою, если не смог прислать по почте, газеты с моими опубликованными материалами. Балуясь, по его выражению, стихами сам, вдохновлял меня на издание поэтических книг. Об этом можно судить по его строчкам, посвященным мне и присланным в Орел, вместе с его, во весь рост, фотографией:

Пусть голос твой
Звенит, подобно стали,
Пусть путь тернист,
А впереди — подъем.

Пусть кажется подчас,
Что нервы сдали,
Но вновь труба зовет
И мы на бой идем!

К фото — приписка: «Дорогому другу Петру Козину, с уважением — твой Александр». Мне приятно, что краевед и редактор Венедиктов считал меня, как впрочем, и я его, своим другом. Наша дружба лежит своими корнями в общей любви к родному краю, взаимно обогащающими творческими встречами. Не наша вина, что на нее в последние годы налетели тучки легких обид и разочарований.

«Почему мне глава района Краличев не дал денег на книгу, а тебя финансировал?», — задавался вопросом краевед, — я живу и творю непосредственно в Болхове, а ты в Орле. Это — несправедливо!».

Может и так. Но в святом писании не зря говорится, что каждому воздается по делам его. И Венедиктову будет, наконец, воздано по его заслугам, а они несомненны, но, к сожалению, уже после смерти.

Мне не довелось участвовать в его похоронах. Но я внимательно читал все отчеты об этом печальном событии. Тронуло, что ученики, поклонники таланта, передавали из рук в руки гроб с телом усопшего. И так на всем пути следования, усыпанного цветами и политого слезами. Вот уж поистине: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем!». Это восклицание репортера не случайно. Последние годы редактора «Болховских курантов», заслуженного работника культуры России были испытанием на выдержку. Вечное безденежье. Выбивание кредитов, бумаги, зарплаты. Заботы о сохранении тиража. Сопереживания за судьбу народа, разоренного Отечества тяжелым грузом легли на впечатлительного, с горячею душою патриота, уже немолодого человека. И этот непомерный груз надломил его: сердце ж оно — не камень…

Наш общий с Александром наставник и большой друг, выдающийся писатель Василий Катанов сравнивал творческую судьбу Венедиктова с участью Болховского поэта 30-годов Евгения Сокола:

Весна березы распирала соком,
Поля в испарине лежали, как в дыму,
Шел по земле поэт Евгений Сокол.
Кому известен он?
Да — никому!

Забыты его радости и беды,
Нигде его стихов не издают.
Лишь только —
В добром сердце краеведа
Его судьба
Найдет себе приют.

Отзывчивое, пламенное сердце краеведа Венедиктова вобрало в себе мужество и доблесть не только Евгения Сокола, но боль и страдания многих и многих его безвестных земляков. Да будет Александру Егоровичу наградой — вечная память благодарных жителей древнего русского края.

«Да, он ушел,
Но не пропал бесследно,
Мне часто чудится,
Что он живой,
Когда читаю книги
Краеведа —
Я «Болховских курантов»
Слышу бой!».

СЕМЕНОВ

Когда в Таджикистане мирном,
Вдруг зазвучал войны набат,
То он оставил Припамирье,
И переехал в Болхов — град.

Судьба журналиста Юрия Васильевича Семенова неотделима от судьбы великой страны, которая именовалась — Советский Союз. Все было хорошо, пока торжествовала идея братской дружбы народов. И стало совсем плохо, когда эта идея была развеяна штормами горбачевской перестройки (1985—1991). На смену интернационализму пришел крайний национализм. Настроение части коренного населения отдельных советских республик неожиданно стало круто меняться. В лице русских людей, приехавших к ним десятилетия назад поднимать промышленность, сельское хозяйство и культуру, кое-кто уже видел не старшего брата, а, стыдно сказать, угнетателя и поработителя. Западные пропагандисты, через своих агентов, добились желаемого — посеяли зерна межнацио-

Редактор (1995-96) «БК»
Юрий Васильевич Семенов

нальной вражды. «Активизировалась» национальная элита. Уже в 1990 году в Таджикистане начиналась, по сути дела, гражданская война. Клан шел на клан. Принадлежность граждан к некоренной нации воздействовала на них, как красная тряпка на свирепого быка. В такой невыносимой обстановке вражды русским, подобно Семенову, неожиданно, оказавшимися иностранцами, следовало искать пути спасения. И мать — Россия, как это было всегда, в дни суровых испытаний, протянула своим соплеменникам руку помощи.

В далекие же, сороковые все было иначе. Весь мир страны Советов казался, за вычетом грозовых военных лет, безоблачным и чистым. Юрий Семенов родился в Припамирье Таджикистана, в 1949, на берегу реки Сурхоб (Красная вода), в поселке Гарм. Через некоторое время родители переезжают с суровых гор в субтропики Вахшской долины и свою трудовую биографию он начинает в далеком 1966 году уже на Курган-Тюбинском трансформаторном заводе — учеником токаря. Затем работал техником-метереологом, учителем русского языка в национальной школе. В 1974 году заочно оканчивает отделение русского языка и литературы Таджикского государственного университета.

С 1972 года Юрий ступил на тропу журналистики в качестве корреспондента — переводчика городской газеты «Коммунист Курган — Тюбе» и не сходит с нее по сегодняшний день. Правда, энергичного, не по летам, серьезного и вдумчивого журналиста неоднократно выдвигали на партийную и комсомольскую работу. С 1973 по 1977 он — второй секретарь горкома комсомола, затем — помощник первого секретаря Хатлонского обкома партии Касымова. Но в душе он всегда остается журналистом. В 1977 — 1981годах Семенов — собкор ТАСС — Таджик ТА (Таджикское телеграфное агентство), затем в течение трех лет трудится заместителем редактора областных газет «Курган —Тюбинская правда» и «Новый Хатлон». В 1989 — 90 он — редактор отдела советского строительства журнала «Коммунист Таджикистана».

Переломным в судьбе русского журналиста в Таджикистане явился 1990-ый. В марте этого года, вместе со своей семьей, в которой, к тому времени, было уже четверо малолетних детей, дабы

уберечь их от пламени разгорающейся гражданской войны, он переезжает на жительство в город Болхов, где становится заместителем редактора районки. Тому поспособствовал заведующий сектором Орловского обкома партии Юрий Ветров. После неожиданной кончины Александра Егоровича Венедиктова в 1995 году Семенов возглавил районку, уже с новым названием — «Болховские куранты». Первая его забота — увековечивание памяти своего коллеги, писателя — краеведа, подлинного патриота родного края. Юрий Васильевич, опираясь на поддержку членов областного общества охраны памятников и председателя горсовета В. Н. Шичаокина, добивается присвоения имени Венедиктова, улице, где он родился и жил — бывшей Пионерской. На здании редакции была установлена памятная доска.

Взамен краеведа,
Семенов главредом.
Редакция в сонме
Тревожных забот:
Беднеет, нищает
Российский народ,
А острое слово
Опять под запретом.

Но, не таков Семенов. Он проводит независимую линию. Коллектив редакции, при нем, не только единоличный учредитель газеты, но и получает право выбора своего шефа. Доверие товарищей, он подкрепляет острым пером. От него достается не только ворам, взяточникам, бандитам, но и новоявленным бюрократам — чинушам местного разлива. Однако не допускает голого критиканства и верхоглядства. В основе материалов только живые факты. Борется за действенность выступлений. Налаживает обратную связь с читателем. Проявляет также и хозяйственную жилку, облагораживает редакционный сад.

По предложению своего заместителя Олега Смуглова, Юрий Васильевич берется за омоложение кадров районки, где средний возраст сотрудников тогда превыщал 60 лет. Принимает на рабо-

ту молодых и способных активистов печати. Именно тогда в штат газеты, в частности, была зачислена учительница Однолуцкой школы Светлана Викторовна Глотова, нынешняя редактор «Болховчанки».

Слыл сдержанно — мягким
Редактор Семенов.
К вселенским печалям
Отзывчив, не глух,
Корректен в общенье,
Улыбчив, не сух…
Не зря ж его звали —
Второй Добросклонов!

Но не долго радовались коллеги. Всего, чуть более года, он пребывал в руководящем кресле. В душе их доброго редактора все более над карьерными соображениями брал верх отцовский долг. Дети подрастали. Мужали. Их надобно учить. Но, где? В Болхове, кроме педагогического колледжа других учебных заведений нет. На семейном совете было решено: переехать на жительство в областной центр, где жизнь ответственней, но шире возможности. Работать предложили в «Орловской правде». С жильем — хуже. На городскую квартиру средств не было. Пришлось окончательно раскошелиться и приобрести в поселке Куликовский простой деревенский дом. Благо был при нем большой приусадебный участок — мечта самодеятельного садовода— любителя. Он благоговел перед неземною красой южных цветов, любовь к которым поселилась в его сердце еще с мальчишеских лет, проведенных в горах солнечного Таджикистана, ставших теперь необыкновенно далекими. Сегодня в саду Семенова — сотни видов цветов: роз и нарциссов, лилейников и ирисов, ярких тюльпанов и древовидных пионов, вплоть до экзотической сакуры. Он, с нескрываемым наслажденьем выращивает и с большим удовольствием дарит их друзьям и знакомым.

Встает он рано по утрам,
Когда еще спит Куликовка.

Заря играет над поселком,
Как некогда в далеком… Гарм.

Да, там текла Сурхоб — река,
Вода ж в ней красная от века…
Теперь ему родней Ока:
Свобода — счастье человека!

Цветовод из Куликовки Юрий Семенов

Да, Юрий Семенов, не смотря на все горести и печали, выпавшие на его долю, считает себя состоявшимся и вполне удачливым. Любимая работа — много лет он уже является редактором отдела сельской жизни ведущей областной газеты. В рабочих командировках исходил, изведал все медвежьи углы ставшей дорогой и близкой Орловщины. Его дом поистине — приют трудов и вдохновенья. Дети стали на ноги. Приобрели профессии. Особенно радует, что старшая дочь Елена пошла по его стопам. Сегодня она — собкор «Орловской правды» по северо-восточным районам области (Болховский, Мценский, Новосильский, Корсаковский). Многие годы работает журналистом в «Болховских курантах» и его сноха (сестра жены Ирины Анатольевны) Елена Позднякова.

Болховские коллеги, как старого друга, нередко навещают его в Орле. Делятся своими переживаниями и мыслями. Просят совета, а порою, содействия, помощи. Он никому не отказывает в том, ибо знает по себе, как это важно во время получить помощь и поддержку. Благорасположенье, вниманье к людям, природное

обаянье — таковы основные черты характера этого поистине русского человека.

Мне довелось познакомиться с Юрием Семеновым еще в пору его работы в отчей газете. Мой земляк и приятель Александр Венедиктов как-то сказал мне:

— Петр! Ты знаешь, у меня в замах работает молодой, но очень способный и опытный журналист. Это Юрий Семенов — беженец из Таджикистана. Он, там, на руководящих постах в областных и республиканских изданиях работал. За ним я, как за каменной стеной — стилист превосходный. Главное же умеет наладить контакт с людьми. Мне остается больше на организационных вопросах заострять внимание. Творческие заботы — его прерогатива. В общем, молодец парень!

Позже, этот молодец — парень побывает у меня в гостях. Об этом я рассказал в повести «Жар малиновый». Да, в том памятном 2003, он, по обыкновению, дал и мне добрый совет, сказал:

— Петр Дмитриевич! Ты издаешь книги. Удовольствие, понятно, дорогое. Чтобы удешевить — запишись на курсы. Овладей программами. Научись макетировать. Тут и издателям удобнее с тобою работать и карману легче.

С разумностью наставленья не поспоришь. Но, вот беда. Мой старый компьютер не внимает моим желаньям. Он оказывается неспособным работать, как подобает. Сам же я, подготовленный на уровне «чайника», инициативы не предпринимаю. И, попрежнему, использую свой персональный компьютер лишь как печатную машинку.

Задумав подготовить цикл очерков «Редакторы «Болховчанки», я нанес визит Семенову. Это случилось в «Татьянин день» 25 января 2010. Чтобы он остался в памяти, я подарил ему «Русскую баню» с автографом.

— Это ничего, что стихи, я обязательно прочту, — сказал он, — ты молодец, что книги пишешь. Я, вот, больше текучкой занимаюсь.

Он указал на подшивку «Орловской правды». На первой странице одной из газет, за № 4 от 15 января 2010, я увидел красоч-

ный снимок. На нем фотография губернатора области Александра Козлова, вручающего Юрию Семенову по случаю Дня печати, Благодарность губернатора — за многолетнюю плодотворную творческую работу в средствах массовой информации. Рядом с губернатором земляк-болховчанин, председатель облсовета Иван Мосякин.

Я не удержался от того, чтобы вослед за покойным другом Венедиктовым не произнести до боли знакомую фразу:

— Ты, Юрий Васильевич, вправду — молодец!

— Это, как понимать? — насторожился приятель.

— Да, так! Ты — достойно прославляешь мой отчий край!

— Да, Орловщина, — серьезно ответил журналист, приехавший два десятка лет назад из тревожного Таджикистана Юрий Семенов, — но и мне она давно уже стала второй Родиной.

СМУГЛОВ

Когда на Востоке
Враждебные силы
Отвергли Россию
И русскую речь…
Он в Болхов приехал —
По воле Пророка,
Чтоб честь и семью
От беды уберечь.

В послужном списке журналиста Смуглова есть сухие, но крайне выразительные строки: «За оказание активной помощи органам внутренних дел Джизакской области в укреплении законности, правопорядка и борьбе с преступностью наградить заместителя главного редактора газеты «Джизакская правда» Смуглова Олега Викторовича Почетной грамотой МВД Узбекской ССР (1991 г.)». Подобною наградой за деятельное участие в общественной жизни, он был также удостоен Джизакским городским комитетом

комсомола. Самое поразительное в том, что эти факты были взаимосвязаны с событиями 1991, когда рухнул, будто по мановению волшебной палочки, Советский Союз и дала глубокую трещину, воспетая восточными акынами великая братская дружба народов некогда великой страны.

Редактор «БК» (1996-2003) Олег Смуглов

Олег Смуглов вел себя, как подлинный гражданин, этим вызывая ненависть у поднимавших голову отпрысков шейхов и баев, кои считали русских завоевателями их Отечества. И, хотя он причислял себя не к великорусам, а к обрусевшим в Азии немцам — это его отнюдь не спасало от угроз и преследований. Вот почему не стоит удивляться, что, в 1992 году Смуглов вместе со своею семьей оказался, волею злой судьбы, в дотоле неизвестном среднерусском древнем граде Болхове.

Олег родился 21 апреля 1954, в городе Янгиюле Узбекской ССР, где провел всю сознательную жизнь, за вычетом лишь 1972-74 годов, когда он проходил действительную воинскую службу в составе группы Советских войск в Германии. Здесь же, без отрыва от производства (сотрудничал в комитете по радиовещанию и телевидению) окончил Джизакский педагогический институт и очное отделение журналистики Ленинградской высшей партийной школы.

С 14 декабря 1992 по 12 марта 2003 он работал заведующим отделом писем, заместителем и редактором газеты «Болховские куранты» Затем, в течение полутора лет являлся обозревателем областной газеты «Поколение» по Болховскому району. С 15 августа 2004 по сегодняшний день Смуглов трудится корреспондентом группы информационных программ радиовещания ГТРК «Орел».

Возглавляемые им «Болховские куранты» дважды (1999-2000) становились победителем областного конкурса «Острое перо». В 2003 «Болховчанка» конкурсом СМИ «Вся Россия» была признана лучшей районной газетой страны.

Такое «признание» не рождается на пустом месте. Это результат труда коллектива журналистов и его редактора, стремящихся свои выступления сделать — действенными, а газету — боевой. Доставалось «на орехи» — хапугам, взяточникам и бракоделам, независимо от занимаемых ими постов. Будь они влиятельными бизнесменами, высокопоставленными чиновниками или людьми «в пагонах». Не ломали шапку и перед учредителями. Когда, к примеру, глава администрации района Краличев потребовал сверстанную газету приносить ему, как в стародавние советские времена, на просмотр и на «добро», Смуглов ответил твердым отказом:

— Цензура СМИ отменена.

— Как, в таком случае, я могу реагировать на ваши промахи? — обиделся тот.

— Как все — через суд, — отрезал редактор.

О смелости на грани отчаяния говорит и такой факт. Счел Олег Викторович разумным заменить герб Болхова — невнятный и невзрачный, на соборную башню с курантами. Задумано — сделано. Газета вышла под новым титлом. Увидев такое самоуправство, Краличев пришел в негодование:

— Райсовет — учредитель, а потому только он в праве решать, что хорошо, что плохо. Немедленно верните в заставку прежний герб.

Герб вернули, но редактор упорствовал, требовал пересмотра дела. И добился своего. На очередном заседании райсовета Николай Антонович Краличев, надо отдать должное его порядочности и самокритичности, стоя перед депутатами с двумя газетами в руках, сказал:

— Смотрите: какой вариант лучше? Я считаю, что Смуглов прав. Раз газета носит название «Болховские куранты», то будет логичнее выпускать ее с соответствующим титлом — заставкой. Депутаты единогласно проголосовали — «За!».

Были и творческие победы. Редактор научил коллег уходить от штампов и стиля, более похожего на школьное изложение того, что видишь. Ввел такое понятие, как: аналитика — размышления, анализ, предложения. Он обновил работу с читательским активом. Создал двухгодичную школу молодого журналиста с выдачей соответствующего документа за своей подписью и печатью газеты. Организовал постоянные выезды редакционного коллектива в сельские поселения и в трудовые коллективы города. Это его начинание получило название — «Хождение в народ».

Смуглов держался, как мог, за старые кадры. Но такие из них, как опытный работник газеты Виктор Шелястин по несколько раз в год брал отпуска, в том числе и за свой счет. Опять же по причине возрастного недомогания. Потому совсем не случайно в штате редакции появлялись молодые сотрудники.

Всему бывают в жизни сроки,
На все имеется предел…
К чему напрасные упреки,
Что штат газеты молодел?

Журналисты «БК». 2003 год. Первый ряд (слева): фотокорр. Игорь Безменов, корр. Елена Семенова, зам ред. Светлана Глотова, редактор Олег Смуглов, бухгалтер Нина Ивановна Карпухина, ответ. секретарь Борис Комаров, курьер Ольга Хуренкова. Второй ряд (слева): завхоз Николай Добарин (мастер на все руки), водитель Владимир Хуренков, корр. Елена Позднякова, Людмила Рыбакова, оператор компьютерного набора и верстки Елена Тулкина, радиоорганизатор Лидия Хомякова, корректор Татьяна Шепелева, оператор Ольга Сазонова.

Молодых газетчиков Смуглов подбирал из числа «внештатных корреспондентов», тех, что полюбили печатное слово. И, естественно, были высокообразованными. Такие, как педагог Людмила Рыбакова, сегодняшняя заместитель редактора, операторы компьютерного набора и верстки: Елена Тулкина и Ольга Сазонова, корректор Татьяна Шепелева, радио — организатор Лидия Хомякова.

По мнению Олега Викторовича в пору его редакторства сложился прекрасный коллектив. Тон в нем задавили: его заместитель, педагог Светлана Глотова, мастер на все руки, неутомимый помощник в хозяйственных делах, завхоз Николай Добарин, фотокорреспондент Игорь Безменов, ответственный секретарь редакции Борис Комаров, водитель Владимир Хуренков, опытнейшая бухгалтер Нина Ивановна Карпухина, курьер Ольга Куренкова, корреспонденты: две Елены — Семенова и Позднякова.

Считаю своим долгом отметить, что редактор Смуглов ценил мое творчество, как автора — земляка. В «Литературных страницах» регулярно печатались мои стихи и очерки. Газета поздравила меня с 60-летием. Опубликовала воспоминания о моей селькоровской работе под заголовком «Первая колыбель». Дала статью об Александре Венедиктове «Защитник старины». Помещала и другие материалы.

С уходом Олега Викторовича из редакции мы встречались крайне редко. Вот почему я так обрадовался, когда он, предварительно позвонив, оказался у меня в орловской квартире. Данное событие произошло 19 ноября 2009 года

В этот день поэт Альберт Петрович Лущенко и журналист областного радио Олег Викторович Смуглов побывали у меня, на 5-ое Августа, 21, с краткосрочным визитом. Еще у дверей, Олег сделал мне строгое замечание:

— Чаще квартиру проветривай — никотином несет! — и решительно добавил. — Бросай курить — здоровее будешь!

— Не спорю, — соглашаюсь с упреком, — а ты бросай пить — больше проживешь.

— То же, верно. Завязывать надо, — соглашается гость.

— У нас на святой Руси, — продолжаю аргументировать свою мысль, — всякий по-своему с ума сходит. Одни ударяются в аму-

ры или злоупотребляют наркотиками, другие — нещадно пьют или азартно курят.

— Каждому — свое! — философски подводит итог нашему спору с Олегом его приятель Альберт, — амуры и водка — наш бич! Ха — ха!

Олег — высокорослый, крепко сбитый, спортивного вида 55— летний мужчина. В его душе, как заметил Маяковский, — в буче, боевой кипучей — не было места унынию. Решительно усевшись в кресло, он по-хозяйски распорядился:

— Показывай, что ты там о нас, Болховских редакторах, сочинил!

Ознакомившись с очерками о Беликове и Головине, Матюнине и Венедиктове, с набросками стихов о Семенове, он сказал:

— Дело хорошее задумал. Кроме тебя, видно, в Болхове больше некому написать. Ты же молодец! И единственная среди нас, редактор — женщина Светлана Глотова, а я беседовал с нею, твою идею одобрила. Только, вот…

— Чего? — насторожился я.

— Да ты, к примеру, высек Юрия Семенова за то, что он, сотрудник сельхоз — отдела «Орловской правды», верно, служил Егор — паше.

— Так оно и было.

— Не совсем. Тот же Семенов, еще, будучи, зам редактором, написал острый материал, направленный против Тихомирова, директора конезавода, если не изменяет память, фельетон назывался: «На лихом коне, с шашкою наголо!». Это у него, в свое время, укрывался от врагов Строев. Не побоялся угроз подручного губернатора!

— Не знал.

— Не все ты знаешь и о Венедиктове.

— Что?

— Как я, прибыв с семью из Средней Азии в Болхов, устроился на работу в «Куранты».

— И как же?

— Прихожу. Трудовую книжку, два диплома о высшем образовании показываю. Я же ко всему прочему — политолог. О такой

профессии в Болхове никто не слышал. Он посмотрел и вздохнул:

— Это превосходно. Но, к сожалению, вакансий нет.

— Когда будут, скажите? — спрашиваю.

— Да!

Уходя, с Земляной горы, подумал, что Александр Егорович из вежливости, лишь обещал. На поверку вышло иначе. Прошло всего пару недель, как в мой дом, что на метеостанции появился он сам. Оказался человеком слова и дела — не поленился придти. Сдержанно улыбается, говорит:

— Приходи. Нам молодые кадры нужны. В редакции большинство — старики. Будешь заведовать отделом писем. Вот так и вырисовался сотрудником. По смерти краеведа, когда редактором стал Семенов, меня назначили его заместителем. По уходу Юрия вышел в редакторы.

— Этапы боевого пути.

— Именно, этапы, — принял шутку Олег. — Венедиктов, светлая ему память, искренне радел за честь города и его бесценных реликвий. Помню, надругались варвары над священными могилами — украли надгробные плиты. Александр Егорович провел журналистское расследование и установил виновников. Позвал меня с собою, предупредил, чтобы был на чеку — «от расхитителей всего можно ожидать». Вору, прямо в глаза, заявил:

«Плиты верни сам, дабы избежать огласки, не жди позорного суда». При этом усовестил: «Ты же — болховчанин, так будь патриотом своего края!».

— И в результате?

— Дело выиграл — плиты уложили на прежнее место.

— Чудеса.

— Именно. Или такой факт. В период октябрьских событий 1993, я уже собрался ехать в Москву, чтобы стать на защиту Белого дома. Надо было видеть, как возмущался, вернее, как горячо страдал Александр Егорович, когда уяснил, что его прежний кумир Ельцин, на поверку оказался душителем России. Как день ясно, что эти переживания и стали во многом причиною его скоропостижной смерти.

— И ты ездил в Москву?

— Не пришлось.

— Почему?

— Не пустил Венедиктов. Он прямо вцепился в меня, заявил: «Там не шутят — стреляют! У тебя же четверо детей: кто кормить их будет?». Ни отпуска, ни отгулов не дал, а еще пригрозил: «Не послушаешься — уволю по статье — за прогулы!».

— Можно сказать, что он спас твою жизнь?

— Считай, что так. Ты мою натуру знаешь — сидеть, сложа руки, я не умею. И обязательно кому-нибудь врезал! Естественно, получил бы сдачи!

— Ну и дела.

— Хуже губернаторского! — рассмеялся Олег. — Тот же Строев, как ты пишешь в стихах, спокойно заседает в Сенате. При комфортной квартире. Богат и сыт. А мне, после увольнения с редакторского поста, чтобы выжить, пришлось заново трудоустраиваться. Прихожу в «Орловскую правду» к главному редактору Кононыгину — получаю отказ.

— Знаете, Кононыгин Анатолий Сергеевич, кандидат наук, председатель правления РУСО, — вставляет свое слово Альберт Лущенко, — он о Строеве и других критическую книгу написал. Я читал — весьма интересно!

— Я говорю, что он не зачислил меня в свой штат. А, вот молодой редактор «Орловского комсомольца» Тюрин, не испугался, хотя я ему, обо всех негативных сторонах его шага поведал, на работу таки взял. Крепким оказался парень! Порядочным журналистом — истинный последователь «железного хромца» Головина. За что и хвалю!

— Но, ты же сейчас на орловском радио работаешь? Мы с женою каждую неделю, по утрам, а то и вечерами, твои интересные репортажи с большим удовольствием слушаем. В особенности, Болховские очерки.

— Верно. Тружусь в эфире. И тема жизни твоих земляков у меня завсегда — на первом плане.

— Молодец!! — в унисон с его панегириком Тюрину, поблагодарил я товарища, — ты стал патриотом Болховского края.

— Да! Это есть, не спорю. Но коренных болховчан — этих купцов, кожевенников и сыроделов я, признаться честно, недолюбливаю.

— За, что такая немилость?

— За их скаредность и мелочность, за неприятие чужаков.

— А, если конкретнее?

— Пожалуйста, Иду я как-то по улице на автостанцию. И задираю голову кверху. Обозреваю здание редакции, что на Земляной горе. «Что!?» — ехидно так спрашивает меня мой попутчик, Болховский сторожил, — жалеешь, наверное, что тебя с редакторов погнали?».

— Нет, — отвечаю, — просто радуюсь.

— Ха-ха! Это ж, чему?

— Да, тому, что не зря свои годы здесь растратил. Редакцию, третьим в области, после Ливен и Мценска, на компьютерный набор перевел, котельную и гараж построил, сад в порядок привел. Перевел на природный газ здания редакции и типографии. Заасфальтировал двор, обнес его забором из вольерной сетки. Разбил цветники. Добился второй машины. На «Москвиче» было трудно ездить по полям и бездорожью. Много еще чего доброго сделал.

— Ну-ну, — неопределенно отозвался недоброжелатель, — а то без тебя мы бы пропали.

— На каждый «чих» не наздравствуешься, — обронил фразу Альберт, — а без тебя, действительно, газета стала скучной. «Литературная страница», едва, не раз в год. Рубрика «Родимый край», ранее процветающая, заглохла. Вы с Глотовой обновили редакцию в точности как некогда Беликов с Венедиктовым, да наоборот.

— Что ты имеешь в виду? — задаю вопрос Лущенко.

— Будто сам не знаешь. При прежних редакторах журналистами работали, кто? Правильно — только мужчины, а теперь — только женщины.

— За то, какие красавицы! — не удерживаюсь от шутки, — но их приобщил к журналистике молодой редактор Смуглов.

— Верно. Светлана Викторовна только одну Зорину приняла.

— Посмотри свежие номера, — не унимался Альберт, — в каждой газете призывы: надо сеять, надо убирать, надо работать, надо организовать. А, как следует это все делать, как добиваться лучших результатов — ни слова. Невольно вспомнишь острое перо Головина или того же Смуглова, что не чиновников, ни новоявленных буржуев, ни милиции, ни прокуратуры не боялся — уличал в противоправных действиях. Теперь все — тишь и гладь, да божья благодать.

— Но, в редакции, в основном, работают учителя, — высказал я свое мнение, — по педагогическому опыту знаю: они наперед батьки в пекло не полезут. Дисциплина и послушание для них — превыше всего.

— Верно, им тоже надо спокойно трудиться, чтобы хлеб заработать, — твердо сказал Олег. — У них — свои семьи, свои дети. Свои заботы и печали. Да, Петр, тебе все-таки самому, надо встретиться с Глотовой. Она лучше нас о своих делах и текущих проблемах расскажет. К тому же и снимки привезет, и свое фото то же. Свежей не было, так она обещала сфотографироваться.

— Прекрасно, — поблагодарил я товарища за содействие, — их портреты лишь украсят мою книгу.

— Это, как раз, я имел в виду.

— Олег! В посвящение на своей подарочной книге «Глумление» я написал тебе — «Журналисту Божьей милостью». И это не перебор. Но, почему ты сам ни одной книги, в отличие от нас с Лущенко, выпустившие уже по десятку сборников, не написал?

— Лучше быть хорошим журналистом, чем плохим писателем, — отрезал Смуглов, — это не я, а еще Максим Горький сказал.

Отлично сознавая, что это был брошен камешек в наш с Альбертом огород, я, тем не менее, спокойно отреагировал:

— Но, тот же Горький утверждал, что каждый человек способен написать хотя бы одну книгу — о самом себе.

— Мне это не нужно. Я не Виктор Дронников, который называл себя поэтом серебряного века, типа Блока, а его, кроме Орла никто в России не знает.

— Очень жаль, — подытожил я нашу затянувшуюся беседу.

ГЛОТОВА

Из женщин, то –
Первый редактор,
Железный явила характер:
Нет в «Болховке» больше
Мужчин,
Остался водитель — один!

Редактор «БК» (2003-2010)
Светлана Глотова

О том, что первая женщина – редактор «Болховских курантов» Светлана Викторовна Глотова уволила последнего сотрудника – мужчину, фотокорреспондента Игоря Безменова, совсем недавно, я узнал от ее протеже Олега Смуглова. Ведь именно с его подачи в 1995 году, бывший шеф «Болховки» Юрий Васильевич Семенов ввел в штат редакции ее, учительницу Однолуцкой школы. И, вот теперь, по истечении 15 лет, в редакции, хоть шаром покати, не отыщешь ни одного журналиста – мужчину. Начал реформу по их искоренению Смуглов, а окончательно завершила сей процесс Глотова. В штате работников газеты остался ныне лишь ее персональный водитель.

Хорошо это или плохо? Вопрос не праздный. Есть о чем поразмышлять. Действительно: журналистика, книгопечатание – это прерогатива мужчин или женщин? Ответ нам дает мать – история. Она подтверждает истину, что сим делом из века в век занимались в основном представители сильного пола. Судите сами…

Кирилл и Мефодий – первые книгопечатники на Руси. Николай Новиков – первый журналист – книгоиздатель. Из «Летописи

Орла» узнаем, что Иваном Сытиным открыта первая в Орле типография. И, что первую книгу – сочинение «Нечто для размышления о молитве и сущности христианства» написал и издал И. В. Лопухин. Первыми историками Орла были – Басов и Пясецкий. Редакторами орловских газет, за малым исключением, трудились мужчины. И первыми селькорами были Иваны, а не Татьяны. В стране Советов существовали специфически женские издания. Например, журналы: «Крестьянка», Работница», «Советская женщина», но в их штате было не мало «Рыцарей пера». В той же, нынешней «Орловской искре», возглавляемой Полянской, помимо ее и Рощиной в редакционную коллегию входят двое мужчин: Мельник и Балакин. Как говорят, и Ежу понятно, что только сочетание мужского и женского начала в природе и человеческом обществе, дает жизнь всему сущему. Газета – живой организм. И ей свойственны те же принципы. Однополые браки не дают потомства.

Светлана Викторовна из истории педагогики знает, что еще в 60-70-е годы прошлого века в прессе шли дискуссии на тему: «Мужчины уходят из школы». Ее феминизация нанесла процессу воспитания не малый вред. А разве сегодня мы не убеждаемся, что в неполных семьях, как правило, больше всего страдают мальчишки. Зачастую они становятся на путь преступлений. Газета без мужчин – это, что неполная семья. Не бывать ей действенной. Разве случайно, что последние годы «БК» стали бесконфликтными. Безусловно, это устраивало руководителей уезда: Краличева, Данилова, это теперь на руку и Кириллову. Но, что благостно для власти, то горько для народа. Печать должна быть «народным заступником». В этом ее основная общественная функция. Об этом, нам кажется, из-за инстинкта самосохранения, забыла редактор Глотова. Не то она не стала бы избавляться от мужчин, как потенциальных носителей природной агрессивности. Истинно следуя сталинской формуле: «Есть Человек – есть проблема, нет человека – нет и проблемы!».

В старинных русских трактирах официантов — мужчин звали не иначе, как «Человек». Это звучало уничижительно. Не случайно, долгие годы пребывавший «в людях» Алексей Пешков,

ставший великим пролетарским писателем Максимом Горьким с пафосом бросит фразу: «Человек – это звучит гордо! Уважать надо Человека!».

Да, мужчин надо уважать, несмотря на все их недостатки. Не зря же нас церковь учит терпимости. Что церковь, если в ставшей народной песне есть такие верные слова: «Пускай любовь не раз обманет. Пускай она печалью станет. Но, как на свете без любви прожить?». Сотрудницы нынешних «БК», в основном, женщины – одиночки. И они, конечно, хорошо понимают, что жить без любви, как и без мужчин трудно. Даже в быту бывает, что гвоздя некому забить, а не то чтобы тяжелый шкаф передвинуть. Да и колесить в командировках по сельскому бездорожью женщинам – журналисткам совсем не просто. Порой заедает тоска по сильному мужскому плечу.

П.Д. Козин на приеме у зама редактора «БК» Людмилы Рыбаковой

НИКОЛАЙ СТАРЧЕНКО

(Очерк)

Его умом все остро схвачено:
Светла эпитетов река…
В лесной Осинке,
Что на Брянщине
Пророс талант у паренька.

Редактор газеты «Орловский комсомолец» Николай Старченко, 80-е годы

Как-то, в начале 80-х, я заглянул в отдел культуры «Орловской правды».

— Чего принес, – поинтересовался его заведующий писатель Анатолий Яновский, — стихи или прозу?

— Стихи, — отвечаю.

— Зря. Поэзией у нас Дронников ведает, то его хлеб. Он же наперед себя никого не пустит, сам отлично знаешь. Тебе уже сорок, пора за повести приниматься. И знаний и опыта достаточно. Это ты своими статьями и брошюрой «На трассах пятилетки» уже доказал. Говорил же, дельно, художественно напишешь, помогу издаться. Вон, — Анатолий Николаевич показал взглядом на сидящего напротив, казалось, совсем еще юного литературного сотрудника, — Николай Старченко на десяток лет моложе, а у него книга рассказов выходит.

— В Приокском издательстве?

— Бери выше – в «Молодой гвардии». Не в какой-то там, оружейной Туле, а в самой столице — Москве. А это означает, что вскоре его примут в наш «Союз». Причем, минуя областное отделение.

— Здорово! Молодец!

— Да, чего там, — скромно улыбнулся молодой журналист, — первые опыты. До настоящего мастерства еще далеко. Уверен, я читал ваши материалы в газете, вы серьезнее меня напишите.

С той памятной беседы прошли долгие годы, прежде чем я осуществил свою мечту и пожелания старшего друга Анатолия Яновского. У меня, действительно, вышли в свет несколько повестей. И наиболее «серьезная» из них – «Глумление». «Только от одного заголовка, — как призналась мне друг из Углича Галина Куликова, — озноб охватывает. Когда же прочла, то страх обуял и за судьбу страны, и за свою, и твою жизнь».

Действительно, как-то предвосхитил Николай Старченко, я создал «серьезные» вещи, но вот вопрос: лучше ли они его книги «Будет день», вышедшей в 1983 году? Вряд ли. Более того, перечитывая его короткие, но удивительно яркие рассказы из сборника, я убеждаюсь, что Николай обошел меня в плане художественного воплощения. Он подлинный талант. Из славной когорты, как говорили в советские годы, писателей-деревенщиков.

Николай Николаевич Старченко родился и вырос на Брянщине, в лесной деревушке Осинки. Он, как было отмечено, моложе меня, а потому ему не довелось испытать военное и послевоенное лихолетья. Однако все тугие узлы сельской жизни его не минули. Одни путешествия его родителей в поисках лучшей доли за Урал, в Сибирь и обратно чего стоили. Воспитанный на дедовских былях, он навсегда остался верен родительским корням. Будучи студентом Ленинградского университета, а после, уже работая то в партийной прессе, то, редактируя молодежную газету, он всегда находил время побывать в дорогих его сердцу краях. И не преминул прихватывать с собою молодую жену – ленинградку и своего любознательного сына Алешку.

Примечателен рассказ из его деревенского дневника «Взгляд» о Грише – безруком, который крайне возмущался тем, что устроители памятника героям – кавалеристам «волынят время».

— Задачи, — зло буркнул Гриша, — всюду задачи.

Когда Николай рассказал отцу о памятнике и о Грише – безруком, то он сказал сыну:

— Обиду земляка — инвалида понять можно. Когда мы в военкомате получали свидетельства ветеранов войны, то по дороге Гриша запричитал в голос: «Один я остался на весь район из фронтовиков 19 года!». И это правда. Статистика прямо страшная для тех, кто девятнадцатого года рождения. Из сотни ушедших на фронт живыми возвращались только трое. Да и то, как он – калеки.

Любопытна судьба ровесника журналиста селянина Федора Евтехова, который, в отличие от него, однодетного, обзавелся пятью ребятишками. Старший, десятилетний мальчуган философствовал с младшими на тему, что самое главное. И сам же заключал, что главное – это машины. Без них опять бы в рабовладельческий строй попали. Ему возразил ленинградец Алешка:

— Нет, самое главное – это земля и вода.

Младший же Федин сын, лет четырех, засопел и картаво, но напористо выпалил:

— Самое главное – это длова!

Он, будучи деревенским, уже понимал, что дрова – это огонь, тепло и сама жизнь.

В своих провинциальных записках «Родная сторона» я сетовал, что мы русские живем «Иванами, не помнящими родства». Оказывается, Николая жгла и мучила эта же тема. Он как-то решил на старых, неухоженных могилах своих прадедов поставить новые кресты. Отец решительно возразил:

— Вот могилы деда и бабушки не забываешь – это хорошо. А это не советую. На тебя еще и письмо куда-нибудь в инстанции могут написать. Мол, с образованием, журналист, а кресты ставит…

Старченко — младший вспылил:

— Вот так и получается, что сегодняшние дети дальше своих родителей ничего не знают! Вроде до них и жизни в истории не было!

Кто же виноват в такой несправедливости? Тут не на родителей надо сетовать или, как я, историк, на крепостное право, разобщающее крестьянские семьи, а на нашу былую советскую власть. Об этом в 80-е не мог прямо указать журналист из Осин-

ки. Теперь можно. Судите сами. Вся история страны у нас начиналась с 17 – го года. Все цари, что ее управляли ранее, разве кроме Петра Первого, были представлены в негативном плане. Культура и литература зиждилась на авторитетах Пушкина и Толстого, Гоголя и Некрасова. Но и их не все произведения доходили до нас. И как я поражаюсь сегодня вновь изданными фолиантами ранее мне неизвестных авторов давней старины. Оказывается и до коммунистов на Руси жили гении, а не только эксплуататоры и поработители, что однозначно – никчемные люди.

Не менее выразительно для нашего времени звучит рассказ молодого литератора о «бесхозных», как окрестил их местный лесник, ребятах, что годами нигде не работали. Не по сердцу им был труд на земле, вот и подвизались они за плату жечь сучья на зимних делянках.

Старший артельщик, объяснял Николаю:

— Мы не лентяи. Все официально работаем в ПМК. И участковому так объясняем.

— В райцентре, что ли?

— Зачем так далеко? – с терпеливой ехидцей объяснял парень, — ПМК переводится так: пока мама кормит.

Тогда такой ответ озадачил Старченко. Сегодня представителями ПМК – пруд пруди. Голодно, но зато – свобода. От труда, от обязанностей. И стыдиться не нужно. Все на кризис и безработицу можно списать.

Побывал Николай в гостях у одноклассника. Беседовали о насущном. Дед приятеля слушал, слушал, да и высказался:

— Вот сижу и думаю: какие же сейчас говорки за столом? Бывало, вон лык я хороших там-то надрал, вон гвоздя купил, подсвинка удачно продал. А сейчас про кино, про науку да, про книги.

— Те, ваши разговоры тоже хорошими были, — вежливо заметил журналист.

Дед, видно, недослышал и обиженно ответил:

— Оно ясно, что ваши разговоры лучше. А вот все же вырастили вас!

Старченко невольно подумалось: большая отрада – сказать вот так в старости: «А все же вырастили вас!» И еще: о чем будут разговоры у наших детей?».

Выразительно прекрасны этюды молодого писателя о красном ручье детства, о матери, об июльской ржи, о жаворонках и проталинках. Об охоте на вальдшнепов и тетеревов. О любимом псе по имени «Босой», что провожал и встречал его на станции, где и нашел свою погибель от рук хмельного бездельника. О бесконечных дорогах в школу и на рыбалку, о заветных лесных тропинках и ручьях. О голубом бездонном небе и ярких солнечных закатах.

Что еще написал Николай Старченко о родимой стороне, я не ведаю. В Орле он не живет. Давно умер наш общий наставник Анатолий Николаевич Яновский. Помнится, что в год ухода его на пенсию в 1983 году писатель получил новую квартиру на Курской. И мы с Николаем помогали ему перевезти туда его вещи и мебель. Николай ненароком заглянул в зеркало шифоньера, сказал:

— Гляжу на свое лицо, и оно меня поражает. Оно такое радостно-удивленное, доброе-доброе, такое почти детское, видно потому, что идет весна, а весной у людей – детские лица.

Вот таким красивым и загадочным, по-детски с удивленным и добрым лицом и запомнился мне молодой журналист, редактор «Орловского комсомольца», что родом из сказочно — лесной деревушки с русским именем — Осинки.

УЗНИК ОСВЕНЦИМА

(О песеннике Орловского края Григории Иванове)

Парнишкою юным, изведал Григорий,
Как зло и как страшно гудит крематорий,
Как в зеве печи, безудержно горят
Колодки и кудри орловских девчат.

Григорий Иванов

Заведующая сельским клубом Валентина Прохорцева настойчиво уговаривала меня принять участие в смотре художественной самодеятельности.

— У вас есть хорошие стихи, я их читала в газетах, — убеждала она, — о войне, об отце, о маме. К тому же вы директор школы и ваши слова, я уверена, ребята горячо воспримут. Поэзия, как бальзам — лечит и воспитывает, а не только развлекает.

Было мне в ту пору 29. Я, как выражались тогда, еще не вышел из комсомольского возраста. Молодой задор давал о себе знать, и я согласился.

Сельская молодежь, действительно, со свойственным юности энтузиазмом восприняла мою декламацию собственных стихов. Меня не замедлили выдвинуть на районный смотр, что пришелся на 22 декабря 1969 года. В Болховском Доме культуры, где он состоялся, было полным-полно зрителей. Присутствовал на нем, в качестве члена жюри, и работник Орловского дома народного творчества, известный поэт-песенник Григорий Иванов. После концерта он отыскал меня, сказал:

— Петр Дмитриевич, я хотел бы с вами побеседовать. Не возражаете?

— Нет, — отвечаю я, глядя в открытое, совсем не интеллигентское лицо, еще относительно молодого мужчины, — но тут такая толчея.

— А мы погуляем с вами по улице. Там, конечно, свежо, но мороз слабый, не замерзнем.

— Хорошо, — отвечаю.

Мы быстро оделись и вышли, на залитую огнями Ленинскую магистраль. Григорий Фролович безо всяких обиняков похвалил мои стихи. При этом признался, что еще ранее он ознакомился с моими публикациями в «Болховской нови» и в «Орловском комсомольце».

— Особенно мне понравилась ваша «Озимь», — отметил он, — она только что напечатана в «Орловской правде». Эту газету я даже с собою прихватил. Свежо, непредвзято. Образно. И все-таки меня больше трогают ваши стихи о войне. О вашем инвалиде — отце и безутешном горе матери, стоящей над пеплом своего родного дома. Видно потому, что сам многое пережил — едва в крематории не сгорел.

— Как?! — воскликнул я, с интересом вглядываясь в его грустные глаза и коренастую, среднего роста, рабочую фигуру, — разве вы воевали?

— Нет. Тогда я еще годами не вышел. Но в фашистский капкан угодил. Долгие месяцы томился в Освенциме. Все круги ада прошел. Да, что зря говорить, я вам лучше стихи свои, называются «Березки — бжезинки», прочитаю. Не утомлю?

— Что вы? Буду только рад!

Читал Григорий выразительно, с волнением:

Не ветер гудит у Карпатских предгорий _
Я слышу, как будто гудит крематорий.
Я слышу колодки — стучат и стучат
И в пламени вижу орловских девчат.
Из черного пепла подруги встают,
Войну проклиная, и долю свою.
И гневно звучит каждой узницы сердце:
— Не повторись на планете Освенцим!

Березки — бжезинки,
Березки — бжезинки
Свисают, как жемчуг,
Холодные льдинки.

— Здорово! — не сдержался я от восхищения и признался, — я так не смогу. У меня все проще, примитивнее.

— А вот самоуничижением заниматься не надо! — осадил меня поэт Иванов, — хватить с нас немцев. Это они нас быдлом считали. Русский же человек — талантлив. И в России, больше гениев, чем в Германии. Их, к примеру, Гете с Байроном, и в подметки нашим Пушкину с Лермонтовым не годятся.

— Смелое утверждение! — улыбнулся я.

— Как есть, — не смутился Григорий и спросил, — вы книгу не собираетесь издать?

— Вы что? Рад и тому, что хотя в газетах изредка печатают.

— Напрасно. Пессимизм — плохой советчик. Впрочем, вы молоды. Я-то лет на 15 вас постарше, а то же лишь недавно издался. В 1967, в Туле у меня небольшой сборник вышел.

— Как называется?

— «Земляки мои» О нас с вами, об орловцах.

— Не читал?

— Не беда. У меня несколько книжек с собою — подарю, но с двумя условиями.

— Какими? Вы меня просто озадачиваете.

— Именно, чтобы зря не скромничали. Первое: вы начнете готовить рукопись будущей книги. Второе: непременно приедете в Орел на областной смотр. Мы вас уже выдвинули, как самодеятельного чтеца. С декламацией у вас, действительно, на редкость хорошо. Поэты свои стихи, по обыкновению, нудно читают, а вы как подлинный артист.

— Спасибо на добром слове! — засмеялся я.

— По заслугам и награда! — не смутился Иванов.

Вышло все так, как и предсказывал Григорий. Поздно, но я все же выпустил в свет свои вирши. И не одну книгу, а целых три. И второе условие было выполнено. В январе 1970— го, во Двор-

це железнодорожников Орла, я с успехом выступил на областном смотре и был удостоен Диплома 3-й степени. На подаренной мне книге «песенник орловского края», как назвал Григория Фроловича писатель Иван Подсвиров, сделал дарственную надпись: «Петру Козину на добрую память от автора. Гр. Иванов». Затем у меня появится его повесть «Зеленая балка».

Что касается песен Григория Иванова, то они облетели всю страну. Член союза композиторов, профессор Рыжкин писал: «Песни на стихи орловца Иванова, разнообразные по жанрам, по настроению, написанные на отличном художественном уровне, служат полезным вкладом в репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов».

Когда я узнал о смерти поэта Григория Иванова, то еще раз перечитал его книги. Вот как бывший узник Освенцима, а затем юный партизан писал о своей девушке, с которою ходил в разведку:

А пули срезают ветки.
И стонет от раны ветла.
В то утро твоя разведка _
Последней разведкой была.

В то утро в лесу Спадщанском
Мы дали три залпа подряд.
И молча с тобою прощался,
Винтовки сжимая, отряд.

ЭМИЛЬ КИО

«Ведь обмануть меня не трудно,
Я сам обманываться рад».
А. С. Пушкин

Иллюзионист Эмиль КИО

Кудесники и маги, святые и юродивые, волшебники и чародеи всегда были любимы на Руси. Даже самые несимпатичные из них — чернокнижники и шаманы, колдуны и ведьмы вызывали у людей большой интерес. Причина ясна. Все они, не от мира сего, несли в себе загадку, тайну, что порою была «за семью печатями». Разгадать сложнейшую головоломку, раскрыть сущность, секрет тайны — неустанная потребность ума и души человека.

Наблюдая за фокусами и трюками цирковых артистов, в том числе мастеров иллюзионного жанра, зритель понимает, что его обманывают, что все происходящее на сцене, есть, не что иное, как игра воображения. Все это ловкая манипуляция их материалистическим сознанием. Но, так уж выходит, что мифы и небыль очаровывают, волнуют душу. Не зря великий Пушкин восклицал: «О, что за чудо, эти сказки?!».

Династия

В псевдониме, взятом основоположником династии народным артистом РСФСР Эмилем Теодоровичем КИО, лежат японские корни: СоунКИО, ТоКИО, КИОто. Это названия крупных

городов островной державы. Здесь он бывал и не раз. Началась же его артистическая карьера в далеких двадцатых и тридцатых. На его представления с любопытством взирал писатель Михаил Афанасьевич Булгаков. И, несомненно, чародей КИО стал предвестником Воланда — одного из основных героев знаменитого романа «Мастер и Маргарита». Сегодня в одноименном художественном фильме мы можем узреть данные мессиром Воландом сеансы черной магии, когда кружатся над партером и ложами Варьете самые натуральные червонцы. Отделяется с полной шеи конферансье плачущая голова. Неизвестно, как и куда исчезают люди — скромные служащие сцены и буфетного прилавка.

КИО был знаменитым иллюзионистом мира, которого не могли превзойти фокусники Бухареста и Каира, Лондона и Токио. Газеты многих стран словно состязались в сенсационности заголовков о его гастролях. «КИО — загадка XX века» — писали японцы. «Если вы хотите убедиться, что чудеса существуют, идите на гастроли КИО», — призывали еженедельники Дании.

«То, чего никогда не видели варшавяне», — выносили в газетные заголовки поляки. Всемирный клуб фокусников в Лондоне поставил его имя первым на красной Доске почета. Международная ложа артистов театра Варьете в Копенгагене присудила ему свою золотую медаль. Раньше ею, обладали лишь знаменитый жонглер Энрико Растелли, английский клоун Чарльз Риверс и воздушный гимнаст Кадона.

И вот, в декабре 1965, ночью в Киеве, после представления Эмилю Теодоровичу, вдруг, стало плохо. Усталый организм сдал в самом зените утомительной артистической славы. «Тело умершего актера, — вспоминает журналист Е. Гортинский, — привезли в цирк для прощания, когда декабрьский рассвет еще не прокрался в город. На манеже пахло пустотой и опилками. За кулисами, встревоженные необычной суматохой, лаяли дрессированные собачки. Директор цирка звонил в аэропорт, договариваясь о самолете. Не дождавшись первых трамваев, молча приходили актеры. А вечером по фасаду, как ни в чем не бывало, вновь скакал веселый фейерверк светящихся букв: «Кио, Кио, Кио».

Младший сын Игорь с телом отца улетел на похороны в Москву. А старший, которого, как и отца, тоже звали Эмиль, надевал черный фрак иллюзиониста, готовясь выйти на залитый огнями манеж, — он должен был заставить себе улыбаться. И заставил. Публика смеялась и аплодировала. Отец говорил, что нервы актера должны быть крепче нервов зрителей. Наблюдая за молодым Эмилем, его поведением на сцене Е. Гортинский тогда написал материал, который так и назывался «Улыбка актера».

Маг и Валентина

Эмиль КИО знакомится с женой журналиста – Валентиной Козиной

Спустя три года, после смерти отца и первого самостоятельного дебюта на сцене Киевского цирка, а именно в марте 1968 года Эмиль — младший оказался с гастролями в Ростове на Дону. Здесь и произошла наша, можно сказать, случайная, но, безусловно, памятная встреча. Да не одна, а целых три. Вместе со мною его мягкую, сдержанную, но всегда загадочную «актерскую улыбку» могла созерцать и моя молодая жена Валентина. Она, по выражению Эмиля КИО, так восхитила его своей скромной красотой, что он непременно пожелал с нею познакомиться. Фотокорреспонденту Виталию Маслию ничего не оставалось, как выполнить волю гостя и запечатлеть этот волнующий акт. Будучи по натуре весьма застенчивой моя красавица — жена, что видно на снимке, опустив, очи долу, молча внимала любезностям молодого человека, что был почти ровесником ее мужу. Эмиль 1938 года рождения,

тогда, как я был всего на два года (1940) его моложе. Но оба родились мы летом — в июле месяце. Видимо общая принадлежность к Раку и подвигла Эмиля Кио быть столь учтивым. Он счел своим долгом провести нас в гримерную комнату Ростовского цирка, где и познакомил с очаровательной женой, своею постоянной ассистенткой — актрисой Элеонорой Прохницкой. Та вела себя гораздо раскованней, чем, не избалованная вниманием знаменитостей, моя жена.

Уже в период новой встречи, Эмиль Кио подарил нам свою персональную Фотографию с автографом: «Валентине и Петру Козиным от Эмиля КИО. Ростов-Дон. 23 апреля 1968 года». Этот снимок, наряду с другими, и сегодня хранится в нашем семейном архиве. Как, впрочем, уверен, и в его.

«Наш гость — Эмиль КИО»

Именно так была озаглавлена моя статья, опубликованная в областной милицейской газете «На боевом посту» за № 15 от 4 апреля 1968 года. Привожу ее с рядом купюр:

«Клуб Ростовского следственного изолятора 19 марта (1968) был переполнен. В гости к чекистам приехал «волшебник» КИО. Этот молодой, симпатичный человек в очках, обладатель волнистых каштановых волос и удивительно приятных манер, едва поднявшись на сцену, сразу же овладел вниманием аудитории.

Эмиль Кио увлекательно рассказал слушателям об истории иллюзионного искусства, уходящего своими корнями глубоко в древность и связанного с яркими именами египетских магов и индийских факиров. Их эстафету затем приняли: известный французский иллюзионист Роберт Гуден и его отец Эмиль Теодорович КИО, который не раз бывал у нас в Ростове, покоряя любителей цирка своим таинственным, но всегда оригинальным и захватывающим искусством. За сорок лет своей сценической деятельности он создал девять интересных программ, которые неизменно пользовались огромной популярностью, как, в СССР, так и за ее рубежом.

И вот теперь его сын — Эмиль Эмильевич КИО, продолжая славные традиции отца, создав два года назад свой собственный аттракцион, приехал к нам в Ростов, восхищая благодарного циркового зрителя чудесными, полными необычайности фокусами.

Увлечение же ими сам актер относит к двум — трем годам своей жизни. Он помнит, как его привели в зал и посадили в первом ряду. Мальчик очень обрадовался, когда на манеж вышли папа и мама. Но вот папа заставил залезть маму в ящик и стал распиливать ее большой пилой. Малыш заревел во весь голос и кинулся через барьер на арену. Теперь, по семейной традиции, он сам пилит своих ассистенток на манеже, к великому удовольствию тех мужчин, которых жены «пилят» дома. Если же говорить серьезно, с 1961 года он работал в аттракционе отца, а в 1966 выпустил свою программу.

Эмиль КИО не только талантливый артист цирка, но и способный инженер — градостроитель. По его дипломному проекту построена одна из площадей Рязани, за которую выпускник Московского инженерно— строительного института имени Куйбышева Э. Э. Кио был удостоен медали Министерства высшего и специального образования СССР.

Эмиля ожидала блестящая карьера ученого, но страсть к цирку победила. Тут совсем не к месту выражение, что «природа на детях гениев отдыхает». И сам Эмиль — младший и его брат Игорь, с 1945 года рождения, к которому отошел аттракцион покойного родителя, оказались достойными продолжателями дела своего знаменитого отца. Братьям не надо было завоевывать имя. Оно принадлежало им с рождения. Им нужно было лишь сохранить его, что порой бывает много труднее.

После успешного дебюта в Киеве, а затем, два года назад, в Ялте, Эмиль Кио вместе с женой — актрисой Элеонорой Прохницкой, ставшей незаменимой помощницей, посещает с гастролями Куйбышев, Ленинград, Сочи, Минск, Одессу и вот теперь Ростов. Отсюда путь за океан — в Мексику и на Кубу.

После своего выступления Эмиль КИО показал нам несколько интересных трюков из своей программы. Здесь фокусы и с

перерезанным канатом, который, как по волшебству оказывался целым, с потерянным кубиком в пустом футляре. Фокус с исчезновением из ящика утки, манипуляции с игральными картами и другие.

Все поражает, волнует, восхищает. Эмиль работает чисто. И действительно в его отточенных движениях и чародействах не заметишь и малейшей оплошности. За всем этим большой труд мастера. По его же выражению: «Цирк — это сознательное преодоление самим же тобой придуманных трудностей». И после таковых, он возвращался с манежа с блестящими на лице бусинками пота. Манишку нужно было сразу вывешивать для просушки, облачаться в халат и идти в душ.

Эмиль Кио признался в беседе со мной, что его искусство основано на ловкости, новейших достижениях науки и техники, и на отвлечении внимания зрителя. Однако нельзя сбрасывать со счетов и личные качества артиста. Ведь от степени его виртуозности и высокого класса мастерства во многом зависит успех на манеже.

После того, как Эмиль КИО закончил демонстрацию фокусов, благодарные зрители — сотрудники изолятора — вручили знаменитому гостю цветы и благодарственное письмо.

В заключение нами с большим интересом был просмотрен цветной фильм из жизни в искусстве династии КИО. Он назывался «Двадцать минут в мире иллюзий».

Визит замечательного мастера советского цирка Эмиля Кио к чекистам прошел с большим успехом. Мы от всего сердца пожелали своему почетному гостю новых достижений в искусстве и счастья в личной жизни».

Петр Козин, наш спецкор».

Заметим, что мой материал в газете был проиллюстрирован тремя фотографиями. На одной, из них, можно увидеть начальника Ростовского «Централа» подполковника Чернова и нас с КИО. Когда, уже в апреле, я вручал Эмилю номер газеты, и массу наших совместных фотографий, то он растроганно заметил: «Ни одна Ростовская газета так хорошо и полно не подала меня. Отделались лишь короткими информациями. Ваши же чекисты молодцы!

Спасибо за организацию статьи». Я, улыбаясь, пожал плечами:

— Это не моя заслуга.

— А кого же?

— Майора Бойко, редактора газеты «На боевом посту». Анатолий Федорович давний, еще со времен вашего отца, поклонник. И это он поручил нам с фотокорреспондентом Виталием Маслий подготовить этот материал. Он же и контрамарками на ваши спектакли в цирке снабдил.

— Вот оно, что! Передай и майору мою благодарность.

— Будет выполнено! — по-военному четко отрапортовал я.

Два Юбилея

В марте 2008 исполнилось ровно 40 лет со дня нашего знакомства с Эмилем КИО, а в июле этого же года он справлял свой 70-летний юбилей. Об этом я прочитал в «Российской газете» № 157 от 24 июля 2008 года. Под рубрикой «Цирк» журналист Александр Авдеенко опубликовал большой материал «В чем фокус?». Автор писал: «Попробуй еще поищи такую профессию! Построить всю свою жизнь на откровенном обмане, втирания очков населению и вышестоящим инстанциям, при этом получать за это награды, регалии, славу и прочие почести.

Таковы профессия и род занятий народного артиста РФ Эмиля КИО, бессменного председателя Союза цирковых деятелей с самого его основания. Выглядит он подкупающе солидно и представительно. Сразу видно — человек ученый. И пришел сюда, на цирковой манеж, показать всем нам, что мы, с нашим материалистическим сознанием, чего-то в этой жизни совсем недопонимаем. Он предлагает нам ее иное измерение».

Далее автор рассказывает о сценической жизни династии КИО и более всего, конечно, об Эмиле — младшем. Мы не станем повторяться. Эта тема, надеюсь, мною скромно, но освещена. Хочется обратить внимание читателей на такое явление, как — путь к Славе. Он же не всегда усыпан розами. Да и сами розы, известно, с шипами.

Вот и примеры. Отдыхали летом 1974 года, мы с Валентиной и дочкой Ириной на Черном море, в Севастополе. Там в это время проходил фестиваль «Крымские зори». И чудо! На Учкуевском пляже наши лежаки, на протяжении недели, оказывались рядом с креслами Иосифа Кобзона, его белокурой молодой жены и такой же, как наша Ира пяти-шести летней дочери. Мы вместе с актером десятки минут выстаивали в очереди, чтобы купить детям воды и фруктов в близлежащем павильоне. Никогда не здоровались, хотя наши дети изредка перебрасывались друг с другом репликами. Если Кобзона знали все, то скромного директора Золоторевской средней школы, что на Орловщине, где в ту пору я работал, кроме жены, не знал никто. И еще. Окружающие дамы, любуясь литою фигурой знаменитого певца, заходящего в воду в своем неизменном парике, так и сяк рядили: какая это по счету у Кобзона жена, то меня волновало другое. А именно: чеченец или ингуш по — национальности Иосиф? Ведь его представляли, как заслуженного артиста Чечено-Ингушской АССР. Да и имя, как у Сталина, кавказское.

Лишь спустя много лет я узнал, что Иосиф Кобзон — представитель Бога — избранного народа, как и КИО. В эти же, 70-е, Эмиль имел также звание заслуженного артиста, но только уже, Северной Осетии. Путь к признанию всей Россией у артистов был еще впереди. И сегодня, когда певца Николая Баскова именуют народным артистом Украины, а в России он долго числился всего лишь заслуженным, то невольно понимаешь верность выражения: «Нет пророка в своем Отечестве». Я отбрасываю бытующее мнение, что в национальных окраинах бывшего СССР регалии можно было легче заработать или просто — купить. Все трое — талантливы. Чины же людьми даются, а люди могут обмануться.

Что касается Эмиля Кио, то свои «регалии» он заслужил, в том я лично убедился, своим неустанным трудом. Достаточно заглянуть в его рабочие тетради. Александр Авдеенко пишет: «Это поразительные документы. Здесь запечатлена вся его цирковая жизнь с самых первых шагов. Запечатлена она с протокольной четкостью. Все цирки, где работал, все программы, все выступле-

ния перед зрителями. Их к Юбилею набралось — 14 096. В одной только Японии выступал в 150 городах. Знали ли вы, что в Японии их столько? А про село Старо-Казачье или Утканосовку, так же, как про Лещиновку, или СПТУ № 79 слышали?».

Теперь, да. Любознательный читатель, надеюсь, с моей легкой руки, теперь будет знать и о том, как нынешний мэтр цирка, «волшебник» КИО, еще в молодые годы, сумел покорить своим искусством даже работников печально известного Ростовского «Централа».

ЮРИЙ ВОРОБЬЕВ

(Ливны — талантами дивны)

Переплыть можно синее море,
За спасение, Бога любя,
Но сложнее вселенского горя
Превозмочь нам бывает себя!

Слава тем, кто напрасно не хнычет,
Коль приходит лихая беда.
Лишь над тем засияет звезда,
Кто во мгле пути выхода ищет!

Юрий Воробьев

Об одном из тех, кто, еще в юные годы, попав в беду, стал инвалидом первой группы, но не сломался, а, преодолев отчаяние, благодаря труду и вере, помощи родных и близких, нашел свой путь во спасение и будет наш рассказ. Мой герой — это пятидесятилетний житель города Ливен Юрий Петрович Воробьев.

Мое заочное знакомство с ним произошло летом 2005. Заглянул как-то ко мне на квартиру, что на 5-ое Августа, 21, мой старый приятель, самодеятельный поэт и публицист Валерий Яковлевич Часовитин. Поговорив о том — сем, он вынул из портфеля небольшую брошюру и подал мне, сопроводив просьбой:

— Это первый сборник стихов Юрия Воробьева. Прочти и составь отзыв. Поддержи добрым словом начинающего поэта.

Отбросив все дела, ведь речь шла о больном человеке, я выполнил просьбу товарища, написал обстоятельную рецензию, которую, с чувством исполненного долга и передал заказчику. Не

прошло и полгода, как в январе 2006, усилиями издателя Дмитрия Павловича Щипакова вышла в свет уже вторая книжка Юрия Воробьева «Светла печаль». Открываю ее, и глазам не верю: моя рецензия превратилась в предисловие сборника. Вот оно.

ХУДОЖНИК И ПОЭТ

Поэтов и писателей иначе называют художниками слова. Однако случается, как это имеет место с творчеством известных орловских поэтов Дмитрия Блынского и Петра Родичева, что они одновременно являются мастерами кисти и пера. Первый из них окончил Федоскинскую художественную школу, а второй Палехское художественное училище. Причем оба они — выпускники Литературного института имени Горького в Москве.

Последний сборник Блынского «Я полон света…» и книга Родичева «Русские струны», вышедшие в издательстве «Вешние воды», снабжены картинами и рисунками самих авторов.

Эту традицию продолжил молодой ливенский поэт Юрий Воробьев, выпустивший недавно в издательском Доме «Орлик» свой первый поэтический сборник «Между небом и землей». На 36 страницах книжки сумели вместиться полсотни стихов и десяток его выразительных рисунков. Способность к рисованию он оттачивал, обучаясь на отделении станковой живописи и графики Московского заочного народного университета искусств. Однако литературного образования, в отличие от своих старших собратьев по перу он не получил, а потому говорить о нем, как о сложившемся мастере слова еще рановато. Как «одна снежинка еще не снег», так и одна книжка, хотя и наполненная зрелыми мыслями о смысле жизни, еще не дает право на столь смелое утверждение. Творчество поэта Юрия Воробьева находится в развитии, а путь на Парнас усеян не толь розами, но и шипами. Это прекрасно понимает сам автор. Не случайно он пишет: «Счастье — словно мотылек, через открытый ставень — залетевший на огонек — не трогайте руками!».

Вообще стихов о радостях детства, счастливой юности, всепроникающей силе любви, героических буднях, о торжестве открытий и светлых мечтаниях очень мало. Зато о бедах и печалях

предостаточно. Более того, едва ли не большинство стихов — это крик души. Свою родную мать он просит:

О, не печалься,
Прости за все на свете,
За те ошибки, что нельзя исправить,
Порою даже собственные дети,
Всего больнее сердце ранят.

А самой ужасной ошибкой пятнадцатилетнего подростка, едва успевшего сдать экзамены за 8 класс, явилась незадача попасть под трактор. В результате — травма позвоночника, инвалидность. Не один год провел в нейрохирургическом отделении ряда больниц. Все это время рядом с ним была мама. Благодаря ней, он выжил. Окончил экстерном 10 классов. Отсюда и появилась в стихах его горькое «Прости».

Смыслом жизни для Юрия стали занятия живописью, а позже, уже в 30 лет он стал сочинять стихи. Поэт грустно признается:

Если честно, хвалиться нечем,
Все, как есть, начистоту.
То сердце болит, а то печень,
Но до утра еще дотяну.
И может быть, нарисую картину
И хоть две напишу строки.
А сердце свое — одну половину —
Я всю изведу в стихи.

Вторую «половину», полагаю, он дарит кисти.

Если тело мое стало веткою,
Также высохло и заострилось,
То душа моя, став Жар-птицею,
Улетело б давно, наверное,
Да вот крыльями зацепилась.

Тоска одиночества: «нет, мне осмыслить не дано, того, что происходит в мире» или «Со мною все: окончен счет и решена задача» порою доводят поэта до отчаяния. Как спасение является образ Христа:

Чтобы наши дети тоже
Жили в счастье и любви
Тихо губы шепчут: «Боже,
Сохрани нас и спаси!».

В другом стихотворении он более чем откровенен:

На свете дорог очень много,
А по сути, лишь два есть пути.
Первый к свету ведет, к Богу,
А другим? Ну, зачем мне идти?

Поэту сегодня 45, и в свои пионерские годы, он, возможно, утверждал по — Марксу: «Религия — опиум для народа!». Ныне, он определил для себя обратное, восклицая: «Боже, Боже, дай мне сил устоять, когда гвозди начнут забивать». Таковы метаморфозы бытия.

Украшением сборника, я считаю стихотворение, посвященное его родной деревушке Воротынск, которое манит к себе его больное сердце:

Есть под Ливнами Ливенка — речка,
На той речке село есть одно,
Отдаю ему сердце навечно,
В мыслях там, если мне нелегко.

Здесь на окнах зимой чудный иней,
И блестит, как оклад, в серебре,
И весь мир удивительных линий
Видел я на морозном стекле.

Хорошо в это время, ребята,
Разговоры вести по душам,
Хорошо, когда теплая хата
Отдых дарит усталым сердцам.

Следовало бы напомнить автору, что поэзия, как и «Восток — дело тонкое». Тут необходимы знания по технике письма. Размер, форма, образность играют не последнюю роль, наряду с идейностью и гражданской позицией автора. Одно условие — это писать стихи в свой дневник, который вы называете «Амбарной книгой души моей», а совсем другое издаваться, выходить к свету, отдавать свои строки на суд людям. Тут заложена большая ответственность. Впрочем, мне импонирует жизнеутверждающая скромность:

У дома в селе Воротынск – поэт Юрий Воробьев с мамой и племянником

Я уже о
многом не прошу,
Я уже на «малое» согласен.
Утром лишь в окошко посмотрю,
И пойму, что мир опять прекрасен!

Петр Козин,
член Союза журналистов России.
Орел, 7 августа 2005 г.

Перечел я свою статью и невольно испытал неловкость. Тому две причины. Первая: мой материал был бы к месту в качестве предисловия к первому сборнику «Между небом и землей». Ведь именно из него я цитировал вирши поэта. Но, причем, тут книжка «Светла печаль»? Кстати, опубликованные в ней стихи были также невысокого уровня. Вторая: издатель, видимо, во избежание недоразумений, чрезвычайно преувеличил мои скромные способности. На задней обложке сборника он начертал**: «Светла печаль» — вторая книга Юрия Воробьева. Лучше чем сказал о нем Петр Козин в отзыве «Художник и поэт» на страницах этого сборника, наверное, сказать не удастся».**

Не мудрствуя лукаво, помимо официального отзыва, я, через Часовитина, направил в Ливны отдельное письмо, в котором честно и прямо указал автору на его промахи:

Дорогой Юрий!

Работая над рецензией твоей книжки, я невольно многократно перечел ее, а потому могу судить о твоих стихах по существу. Они — слабые, как ты сам признаешься — «это бредни усталой души» (стр.17). Название сборника аморфное, неопределенное. Что значит: «Между небом и землей»? Судя по стихам (стр.20) в этом пространстве грустит твоя душа. И она, конечно, рвется к небу! Туда, где Бог. Не так ли? Люди — эгоисты! И сам ты не устоял перед соблазном прославить себя, поместив свой портрет на первой обложке и бездумно повторив его (стр.30). На эгоизме, жажде бессмертия замешаны все религии мира. Но, не зря народная мудрость гласит: «Бог-то Бог, да не будь сам плох!». У тебя хорошо обстоят дела с графикой. Вот и ищи себя в этом ключе. Ты уже в выставках участвуешь — это прекрасно! Но, в 33 года, подобно Илье Муромцу, до того лежавшему на печи, ты пошел к людям со стихами, как наш герой с булавой. Он победил потому, что являлся былинным богатырем. Обладаешь ли ты его силой? Ответ очевиден: нет.

Юра! Ты прости меня, но, решив писать, тем более издаваться, ты должен знать, что литература — дело жестокое и она требует полной самоотдачи. В овладении любым ремеслом должен быть пройден путь ученичества. Тебе 45, но твой «час ученичества» еще впереди.

Самая большая беда, что ты не любишь читать книги, не переворачиваешь, подобно Маяковскому, тысячу тонн словесной руды, ради единственного слова. Без этого не может быть успеха. Настоятельно советую изучить такие книги, как: «Мартин Идеен» Джека Лондона, «О поэтическом мастерстве» Михаила Исаковского, «Семью Зитаров» Виллиса Лациса. Уверен, прочтя их, ты задумаешься, что значит браться за перо.

Кстати, в Орле живут и творят большие писатели. Среди них, автор 35 книг Василий Катанов и единственный в области литературный критик, редактор аналитического журнала «ЗАЛП» Петр Родичев. У обоих — огромные личные библиотеки и оба они — заядлые книгочеи. Ведь, как учитель до тех пор остается таковым, пока учиться сам. Так и писатель. Коль он не изучает чужих трудов, то обречен на новое изобретение велосипеда. Юра! Ты заметил, что я не делаю скидок на твою инвалидность. Тот же Родичев так же инвалид, а работает, словно каторжник — дни и ночи. И создает шедевры. Не молод и не совсем здоров Катанов, а считает истинным счастьем, лишь вдохновенный труд.

Что значит переломанный позвоночник, я знаю не понаслышке. Открой мою книжку «Отчий край» (стр.33). Из стихотворения «Памяти отца», в 33 года ставшего, как и ты — «безногим» ты узнаешь о преодолении им своего недуга через физический труд. Он, сидя на коленях, рубил дрова, плел севалки и лапти, ремонтировал инструмент, отбивал косу, копал огород. Заметь, мой батя, будучи грамотным и великолепным сказочником (нередко сам их придумывал) не взялся подобно нам, за перо. Стихами баловаться в ту голодную пору было грешно и стыдно, и он брался, обеими руками: за топор, подпилок и лопату.

В заключение замечу, что твоею путеводной звездой должен стать человеческий и литературный подвиг Николая Островского, автора романа «Как закалялась сталь». Сумей, как он сделать полезной жизнь тогда, когда она становится невыносимой. Не пытайся играть на чувствах сострадания людей дорогих и близких. Переиздавать твою книгу нет смысла. Гораздо полезнее написать новые стихи. И пусть они родятся в ночной тишине. А назовешь ты свой новый сборник не иначе, как «Мелодии ночи».

Искренне — Петр Козин
Орел, 8 августа 2005 г.

Юрий, как я того хотел, не внял моему пожеланию, а потому его вторая книга вышла не под рекомендуемым названием «Мелодии ночи», а своим, образным сочетанием — «Светла печаль». В ней содержалось всего 15 стихотворений и небольшой рассказ «Содом и Гоморра». Меня уже никто не просил дать на нее отзыв. Он появился в Литературной гостиной «Сакской газеты» (Крым) от 7 ноября 2007 года. В обзоре, под заглавием «Как слово наше отзовется» местная журналистка Е. Яковлева писала:

«Как появляются стихи? Из чего плетутся образы, ткутся строки, нанизываются рифмы? Как описать это чудо — рождение поэзии?

— Стихи приходят как мысли: вроде понятно, но необъяснимо, — улыбается Юрий Воробьев, поэт и художник, — вдруг возникает строчка: «Встрепенется непугано птица…», за ней другие в рифму и вот — новое стихотворение:

Встрепенется непугано птица,
Треснет старый обугленный пень.
Слышишь: снова становится тихо —
Даже эху откликнуться лень.

В списке лет и поломанных судеб
(Словно буря по лесу промчит)
Вновь ветвями узорчатых кружев
Ветер словно на спицах промчит.

(Казалось, все звучит благозвучно. Однако компьютер красным цветом подчеркивает слово «непугано». Ясно, что надо писать — «непуганая» или «напугано» птица. Но тогда теряется образ, смысл и, соответственно, размер стиха. К тому же нет рифмы в перекрестных словах: «судеб» и «кружев», «птица» и «тихо». Эти детали явно не продуманы автором, его редактором и рецензентом. Примечание П. К.).

Как делают первый шаг к поэзии? Кто-то осваивает поэтическую речь еще в детстве, кому-то язык лирики открывается вме-

сте с первой любовью.… О Юрии, наверное, тоже можно сказать, что его подтолкнула к стихам любовь — любовь к жизни.

В пятнадцать лет он получил тяжелую травму позвоночника. Больницы, операции. Последнюю Юрию делали в Сакском военном санатории и, отправляясь сюда из родной Орловской области, он ничего тогда не взял — только Евангелие. И вдруг в размышлениях о жизни и смерти, о суетном и Вечном родились первые поэтические строки. «Это было чудо, — говорит Юрий, — оказалось, что мысль можно выразить кратко, емко, образно».

Говорят, что «стихи — проза ленивых». Это не о Юрии. Главное для автора — рост: творческий, духовный, считает он, иначе «твой потолок кому-то станет полом». Очень важно для поэта общение с профессионалами, их советы, критика. Если считаешь себя поэтом — читай, учись у любимых авторов. Сам Юрий очень любит Тургенева и Чехова, Рубцова и Блока. Близки ему темы духовности, лирика, посвященная природе.

Многие стихотворения Юрия Воробьева графичны: несколько штрихов — и видишь яркий образ. Это не случайно: ведь рисовать он любит с детства, мечтал стать художником. Портреты, пейзажи, жанровые зарисовки, выполненные тушью, карандашом, акварелью — лаконичны и в то же время наполнены пронзительной лиричностью. Сам Юрий считает, что ему еще учиться и учиться, но главное, думается у него есть. Он видит мир глазами художника. Крым для Юрия стал духовной родиной, любит он и наш маленький городок.

Петр Козин у картин художника Юрия Воробьева

— В Саки (здесь в конце 30-х годов по тем же причинам, что и Юрий Воробьев, бывал мой отец Дмитрий Иванович Козин — прим. П. К) я приезжаю практически ежегодно, с 1980 года, — говорит Юрий, — город меняется: дороги хуже, а свадьбы богаче. Стало больше дорогих машин. А еще молодых мам, но, увы, практически все, не стесняясь, курят. Город можно сделать садом — и перспективы у него есть — но главное, чтобы к лучшему менялись люди. Ведь настоящая жизнь проходит внутри человека. Есть люди, которые объездили весь мир, а в душах пусто. А возьмите святых старцев: жили уединенно, на одном месте, но их мысль объемлет Вселенную!

За последний год у Юрия Воробьева вышло несколько сборников, он номинируется на международную премию в области искусств «Филантроп». В числе учредителей этой премии такие известные деятели искусств, как: Сергей Михалков, Ирина Архипова, Юрий Антонов, Михаил Жванецкий, Юрий Соломин. Но публикации для него не самоцель: как признается Юрий, гораздо интереснее процесс творчества.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал Тютчев. Пусть стихи и рисунки Юрия Воробьева найдут теплый отклик в душах читателей.

Е. Яковлева.

На страницах Сакской газеты, кроме статьи Е. Яковлевой помещены более десятка стихов и 5 графических рисунков. Среди них автопортрет Юрия Воробьева. Наиболее удачной считаю такую поэтическую зарисовку:

Меняет осень свой наряд,
С пустых полей печалью веет.
И облаков тускнеет взгляд,
И листьев золото ржавеет.

Здесь, как выражаются читатели Елена и Виктор Демченко из Херсона, все есть: и блеск жемчужин интересных сравнений и бриллианты чувств. А вот, наконец, стихотворение «Светла печаль», давшее название второму сборнику Воробьева:

Светлой краской, легкой тенью,
Тонкой кистью прикоснусь.
И рисуя с наслажденьем,
Разукрашиваю грусть.

Наступает вдохновенье,
Ничего уже не жаль.
Было грустным настроенье,
А теперь — светла печаль.

Не все меня убеждает в этих строках, но в целом, мысль передана и она не оставляет равнодушия.

СТРОКИ ИЗ ПЕРЕПИСКИ

Когда в 2006 у меня вышли провинциальные записки «Родная сторона», то я не преминул через Часовитина, друга ливенского поэта по несчастью — Валерий перенес инфаркт и вместе с ним ежегодно проходили курс реабилитации в пансионате «Березка», передать ее Воробьеву.

Юрий не замедлил отозваться. Вместе с двумя сборниками «Благоухание доброты», он прислал мне письмо.

Здравствуйте уважаемый Петр Дмитриевич!

Огромное Вам спасибо, за подарок, за вашу книгу о родных местах, о малой родине. Читал ее и смотрел карту Орловской области, пытаясь отыскать вашу заветную деревеньку Сивково. Родная сторона — родная страна. До этого, я прочитал книгу ливенского автора Николая Привалова «Нас моря соленые качали». Самому хочется написать нечто подобное. Более всего меня сейчас волнует и интересует, что же произошло со всеми нами, с огромной страной у нас же на глазах? Мы все являемся, пусть маленькими, но свидетелями Большой истории, что происходит у нас на виду. И может, в силу этого трудно понять ее и разобраться во всем. Пусть остаются свидетельства от людей, что жили в это время, как вы и

ваша книга. Хочется верить, что появится новый Лев Толстой, который поможет разобраться во всем. Объяснит нам, кто мы такие люди — человечки есть? И почему на наши головы обрушивается ныне столько бед и несчастий? Хотя может быть вся история мира заключена в короткой фразе Евангелие (Рим 3.23): «Все согрешили и лишены слова Божьего». Вот в таком бесславном мире мы живем и сами являемся причиной греха. Все вместе ищем правду, а каждый в отдельности — обходные пути. Почему?

Ваш пример из «Родной стороны» о Тургеневе показался мне интересным. И разговор с полковником Федотовым об обязанностях жены — то же. А главное Вы — ваше свидетельства, как человека и писателя, который жил и живет на данном историческом этапе, где хорошее и плохое так густо замешано в единое целое. И когда одни всегда будут говорить: «Да!», а другие «Нет!». Одни — плакать, другие — славить!

Еще раз спасибо за книгу!
С уважением Ю. Воробьев
Березка, май 2007 г.

Прочел я это письмо и невольно подумал о Юре: философ, да и только! И еще. Как мало он образован. Ведь его письмо мне пришлось редактировать. С грамматикой явные не лады, что не удивительно. Экстерном окончить старшие классы десятилетки, это все равно, как комментировал некогда Пушкин: «Мы все учились понемногу: чему-нибудь, да как-нибудь!». Но, какие зрелые мысли! И Евангелие то у него завсегда в ходу. Своего интеллекта не достает, так он Божьим словом точку поставит. Мыслитель, далеко пойдет.

Лично я тогда не ответил Юрию, а часто наведывавшемуся в Ливны Валерию Часовитину наказал передать ему мой привет и благодарность за письмо и книги. Три года миновало с той поры. В апреле 2009 у меня вышла поэтическая энциклопедия «Русская баня» и я решил, наконец, вновь порадовать стихотворца — философа очередным подарком, приложив к нему письмо следующего содержания:

Дорогой Юрий!

Как быстро бежит время. Казалось, что совсем недавно, (с августа 2005, когда это было, минуло четыре года), я рецензировал твою первую книжку «Между небом и землей» с 30-ю твоими стихами и десятком интересных рисунков. И будто вчера (апрель 2006) читал вторую — «Светла печаль», с моим предисловием, где, вместе с рассказом, всего-то 15 «проб пера». И будто только сегодня прочел твое письмо (май 2007) и подаренный кассетный сборник «Благоуханье доброты», на форзаце которого ты начертал:

Как вражий флот на абордаж,
Беру я все на карандаш:
Вдруг это пригодится,
Чтоб Правде научиться!

Свое благородное стремление ты углубил строками письма: «Больше всего меня волнует, что произошло с нами, с огромной страной? Трудно понять и разобраться. Может когда-то появиться, новый Лев Толстой, который объяснит нам: кто мы такие и почему на нашу голову обрушилось столько бед и несчастий?». Затем ты уповаешь на Бога. А зря! Не Всевышний Боже, а именно корыстолюбивые люди, организовавшись в стаю, творят зло, а чтобы противостоять ему, по — Толстому (читай «Войну и мир»), честные люди должны сделать то же самое — объединиться. Вот и вся мудрость.

Подробные ответы ты можешь найти в замечательной книге профессора Альфреда Мирека «Красный мираж. Палачи Великой России». У автора ведется повествование до 1991 года. Что произошло с нами после, можно найти объяснение в сотнях книг. Для меня откровением, например, стало повествование сильнейшего человека планеты 60-х годов, чемпиона мира по тяжелой атлетике, журналиста и писателя, депутата Государственной Думы 90-х годов Юрия Власова «Русь без вождя». Много полезных сведений, о близких к нам днях, я получил из книги Анатолия Житнухина «Геннадий Зюганов». Найди их и прочти. А пока же, я думаю, тебя может в некоторой степени просветить моя повесть «Глумление», которую я тебе высылаю.

Юра! Еще в августе 2005 я подготовил письмо, что, надеюсь, передал тебе Валерий. Оно критическое. Ты должен знать, что Щипаков и Часовитин со многими читателями — доброжелателями тебя перехвалили. С какою целью, разберись сам. В двух книгах (тогда я не ведал, что Воробьев в 2006, с помощью активного и предприимчивого Д. П. Щипакова, издаст еще две — «Затоскует душа о небесном» и «Ищу себя»), у тебя опубликовано лишь три печатных листа — это начало пути. Собери волю в кулак и подобно воину-инвалиду Николаю Островскому создай свою «Как закалялась сталь». Понимаю, что сотворить такое у тебя маловато знаний и жизненного опыта. Однако книгу о родной стороне, как ты мечтаешь, и как это сделал я с Приваловым, ты написать сможешь. Поезжай на лето в Воротынск, к маме и Ливенке — речке. Поговори с земляками — старожилами. Запиши их воспоминания. Собери фото. Зарисуй милые пейзажи, ты это хорошо умеешь. Почитай на эту тему других авторов, поучись, и берись за дело. Мучайся и страдай, но рисуй и пиши. И пусть эта книжка станет твоим вкладом в культуру славного Ливенского края.

Прошу выслать мне свое фото и пару рисунков. В своей новой книге я планирую поместить о тебе короткий очерк, и мне его, надо будет проиллюстрировать.

С дружеским приветом — Петр Козин.
Орел, апрель 2009 г.

Спустя три недели, в начале мая, я получил от Юрия бандероль с книгою и пространным письмом. Привожу отрывки из него.

Уважаемый Петр Дмитриевич!

Большое спасибо вам за сборники и доброе внимание. Книги прочел на одном дыхании. Ваше «Глумление» — это готовый сценарий многосерийного фильма о жизни школы, где на фоне неблагополучных детей, «благополучные» педагоги заняты только своими личными делами. Их воспитанники — массовка. Так в семьях бывает: надо совместно воспитывать детей, а их родители озабочены лишь выяснением отношений между собой. И самое

большое потрясение в жизни подросток и юноша испытывают в самом начале жизненного пути, когда на их глазах постоянно ссорятся два самых близких ему человека — папа и мама.

Главный герой повести Василий Павлович Горичев вызывает сочувствие и симпатию, но напоминает Дон-Кихота, борющегося за правду, но не понятно — какую? Просто, Правда — это Справедливость. И на какой платформе можно построить Единство, о котором вы пишите в письме? На определенных этапах общие интересы могут объединять самых разных людей. От бандитов до церковников. Затем, каждый требует своего кусочка пирога. К примеру, Иван Тургенев и Лев Толстой начинали с взаимного уважения, дружбы, а потом дело едва до дуэли не дошло. Ваши герои с приставкой «анти» тоже вызывают сочувствие и жалость:

Как до совести к вам достучатся,
Как поведать вам сердце свое?
Но безумные годы промчаться,
Все проходит на свете — все!

Понимаю, лирика тут не поможет. Верно, говорила вам о том ваша знакомая — адвокат. И мне приходилось слышать такое: нужны — факты, справки, свидетельства, бумаги. В жизни-то все иначе. Нам интереснее стихи поэта Сергея Есенина, чем его довольно безалаберная жизнь. А он есть — кумир миллионов!

Из книг, рекомендованных вами в письме от 8 августа 2005, я смог прочитать и даже перечитать только «Мартина Идена» Джека Лондона. Поражает упорство героя в достижении поставленной цели, как и весьма печальный финал! Замечаю, что и сам я переживаю подобное, пусть не в реальной жизни, а духовно, в мыслях своих.

Травму я получил рано, и мне очень хотелось дожить до 2000 — конца второго тысячелетия, что представлялось маловероятным, но дошел, дотянул. Заглянул в 21 век. Горько лишь то, что я увидел в нем, принесло мало радости. И так во всем, что хотелось знать, рано или поздно, узнавал. Однако, что становилось ясным, приносило больше печалей, чем счастья. Конечно, мои мысли о

жизни более отвлеченные, но в то же время, после травмы я сразу попал в нейрохирургическое отделение, где лежали, в основном, пожилые люди. Лежали подолгу. Поэтому жизнь узнавал из первых уст, да еще сразу — с ее конца. Потом поездка в санаторий. Наконец, встреча с Книгой из всех книг — БИБЛИЕЙ! Есть внешние обстоятельства, подвигающие к тому или иному поступку, а есть внутреннее состояние души. Сердце человеческое не следует сбрасывать со счетов. Во всяком случае, когда Каин убил своего брата Авеля, то многих сегодняшних проблем — расовых, религиозных, социальных еще не было. Но, он все равно убил брата своего. Отсюда вытекает: единство часто может быть формальным, как в семье, где люди живут под одним кровом, носят одну фамилию, но каждый занят своим делом.

Отвечаю на ваши вопросы:

1. Премию «Филантроп» выбить просто невозможно. Я посылаю вам Положение ее, и вы сами в этом убедитесь. Там очень серьезное жюри во главе с Иосифом Кобзоном. В первую очередь ценится — мастерство. Соперничать с теми, кто вначале окончил Литинститут, художественный Вуз и только потом став инвалидом, очень трудно. Д. П. Щипакову я благодарен за издание пяти моих книг. В последней из них, кою высылаю Вам, собраны почти все мои рисунки. Не все в ней мне нравится. Особенно смущают многочисленные отзывы. Это не моя вина. Книга издавалась при моем согласии, но без моего участия. Где находить деньги на издание — не знаю сам. Об этом вам Валерий Часовитин лучше расскажет.

2. Мама помогает мне одним — своим существованием и заботой. Проведу у нее лето. Она может потратить на мои книги две-три пенсии. Хозяйство она еще держит. Силы у нее, однако не те, и мне на нее порою смотреть больно. Спасибо за внимание к ней и привет.

3. Я как раз перечитывал «Обломова», когда на старый адрес пришла ваша бандероль. Начинал с Павки Корчагина, потом увлекся Остапом Бендером. Но мой любимый автор все-таки Чехов. Хотя с удовольствием читал Бунина, Тургенева, «Золотую розу» Паустовского. Кстати в вашей «Родной стороне» меня поразили мысли о трех тысячах «Захаров» Тургенева, у Обломова же

крепостных было всего — 300 душ. А вот Паустовский без них обошелся, хотя обходил и объездил все, где только было можно.

Рисую мало. Переписываю лишь то, что сделал раньше.

4. Дружу с ливенским поэтическим клубом при библиотеке «Геликон». Молодые коллеги по перу часто наведываются теперь в мою новую квартиру № 2, что на улице Карла Маркса, 151-А. Более не с кем. Д. Щипаков отошел от дел, я лишь изредка звоню ему. Областное общество инвалидов ВОИ объявило конкурс — надо поучаствовать.

5. Здоровья особого нет, но грех жаловаться. Тем более что я сейчас живу в новой квартире, из которой могу самостоятельно выбираться на улицу, что было мечтой всей жизни. На 49 году я стал счастливым человеком.

Теперь о состоянии души. В одном журнале читатель задает пространный вопрос о положении дел в стране и просит дать краткий и ясный ответ.

— Кто не плачет, тот не видит! — ответили ему.

Прошу прощение за длинное письмо. Благодарю за подарки и поддержку. Завтра, 6 мая, собираюсь поехать в пансионат «Березка» На случай сообщаю номер своего сотового телефона. Всего вам, доброго!

С уважением — Ю. Воробьев.
Ливны, 5 мая 2009 г.

И в этом письме, как в стихах, мне пришлось исправлять ошибки. Рукописи Юрия Воробьева напоминают исписанные стихами страницы тетрадей малограмотного, но чрезвычайно талантливого поэта — самородка Алексея Кольцова. Первое время, как мы знаем, это смущало редакторов — газетчиков и Василия Жуковского, кто принял живое участие в его творческой судьбе. Но, когда они, все поправили, то увидели, что имеют дело не просто с сельским автором лирических песен и частушек, а с поэтом — мыслителем, причем, с большой буквы. Так и в нашем случае. Небольшая правка и перед нами предстает уже не новичок — стихотворец, а подлинный философ. Последняя его книга, объемом,

более чем в 8 печатных листов так и озаглавлена «Философские размышления, стихи, рисунки» (Орел, 2007 г.).

Когда же я познакомился с его постулатами, то пришел в восхищение, усовестившись, что еще в 2005, я советовал ему пройти свой «Час ученичества». Он, подобно Мартину Идену с успехом, прошел его за два — три года. То, что сочинил Юрий о «Гуманизме», «Правовом государстве», «Героях», «Смирении и согласии». О «Зависти», «Печалях», «Обидах» и прочее, буквально поразили мое воображение глубиной и лаконичностью. Я понял, что он перерос своих учителей — наставников Дмитрия Щипакова и Валерия Часовитина. В том числе и меня. Признаться честно, сам я до подобных философских умозаключений явно не дорос. А потому комментировать его мудрые изречения не стану.

Наряду с книгою, Юрий прислал мне четыре своих новых стихотворения: Старушка, Черный ворон, Шмель и одно без названия, с просьбой — поправить, что я и сделал. Особенно тронуло мое сердце первое из них — «Старушка».

Печален о житье рассказ
Старушки, что с сумой:
Ее слеза не на показ —
Заплакал бы любой…

Трудилась с самых юных лет,
Все — на ее плечах:
И молодой страны рассвет,
И лет военных страх.

И после снова — боль и труд
На благо всей страны…
Звучит ее укором суд:
— Мы больше не нужны!

Мудро и просто сказал поэт о сегодняшних стариках и старушках, живущих на нищенскую пенсию. О тех, кто вынес на своих плечах индустриализацию и коллективизацию 30-х годов, во-

енное лихолетье 40-х, возрождение Целины в 50 и 60-е. Кто честно поверил в идеалы социализма, строя «светлое будущее», а теперь, в конце пути, оказался с тощей сумой — брошенным нынешней властью на произвол судьбы.

Познакомился с «Философскими размышлениями» Юрия Воробьева и мой друг Сергей Шмелев. Он так же остался доволен содержанием книги, не смотря на то, что половина ее была перегружена, как о том с горечью писал мне сам Юрий, сердобольными, но порою бессодержательными, лицемерными отзывами. По этому поводу наш философ сказал определенно: «У нас скорее пожалеют, чем помогут. На Западе скорее помогут, чем пожалеют».

20 мая мы позвонили в «Березку». Поблагодарили Юрия за письмо и книгу.

«БЕРЕЗКА»

Светозарное чудо — «Березка»
Повстречаться с тобой каждый рад,
Не спроста же — Пансионат,
Все зовут твоим именем звонким!

П. К.

«Нет, я живу счастливо!»

Ю. П. Воробьев

В полсотни верст от Орла и в десятке километров, на юг, от райцентра Свердловского района поселка Змиевка располагается реабилитационный пансионат «Березка». Свое звучное имя он получил от окружающей его белоствольной рощи величавых русских берез. Они всюду. То стройно и чудно обрамляют длинные, ухоженные аллеи, то одинокими красавицами стоят у входов зданий оздоровительно-лечебного заведения, а то, собравшись веселым хороводом, глядятся в тенистый, поросший камышом и осокой пруд.

Увлекшись беседой, мы с другом Сергеем Ивановичем Шмелевым, не заметили, как проскочили дорожный указатель и оказались у самой границы соседнего Кромского района. Житель села Никольское, (здесь, в грозовом 19-ом, впервые в области, возникла одна из сильнейших комсомольских организаций во главе с ее первым секретарем, верным делу коммунизма Семеном Чесноковым), объяснил нам, что наш крюк — в семь верст.

— Езжайте обратно, — сказал он, — проедете Марьевский пруд, затем минуете село Козьминское (родина кузины отца приятеля — Ивана Сергеевича Шмелева, где они как-то гостили — П. К.), а там, за пригорком, по правую сторону, увидите решетчатую вывеску — «Березка».

Никольский механизатор не обманул нас. Следуя его наставлениям светло-зеленая «Ока» моего друга, вскоре вырулила на стоянку автомашин у скромного здания пансионата. Русские бе-

лые красавицы склоняли к нам свои длинные, зелено-пушистые, плакучие ветви.

В «Березку», по ранней договоренности, мы приехали на встречу с ливенским художником и поэтом, а теперь, как оказалось, еще и философом Юрием Петровичем Воробьевым. Первым здесь, мы увидели нашего орловского товарища Валерия Часовитина. Он сидел с партнером за шахматным столом, что стоял на широкой асфальтированной площадке. По обыкновению культурно-приветливый, на этот раз, он выглядел невеселым и озабоченным. Видимо, наш визит его совсем не радовал. Валерий Яковлевич не пожелал помощь нам отыскать Воробьева, сославшись на незаконченную партию, а потому Сергей Иванович сам направился в здание, где отдыхал наш визави. Я же, увидев на пруду, что был всего в 20-30 шагах, рыбака, тот час отправился к нему, чтобы полюбопытствовать его уловом.

Подойдя вплотную к любителю «карасьей ухи», я обнаружил, что он выудил уже доброе ведро золотистых карасиков.

С рыбаком

— Как видите — мелкота одна клюет, — с огорчением объяснил мне пожилой мужчина, — крупных особей директор пансионата вечерами сетью вылавливает.

— Надо же чем-то больных кормить, — улыбаюсь я.

— Не о них — о себе он больше думает, — откровенничал рыболов, — если хотите, то берите у меня рыбу, я еще наловлю. Жор только начинается.

— Что вы! — отмахнулся я, — моя жена, по опыту знаю, с мелочью не станет возиться.

— Как хотите, — рыбак ловко забросил удочку к другому бе-

регу. И тут же, едва крючки достигли дна, поплавок качнуло в сторону. Рывок и карась повис над водой.

— Мгновение, ты — прекрасно! — услышал я голос Сергея, бегущего к нам с фотоаппаратом в руках, — не опускайте красавца. Сейчас я его с вами и запечатлею.

Блеснула вспышка — есть первый фотокадр.

— Пойдем к дому, — позвал меня Шмелев, — там нас уже философ заждался.

Знакомство поэтов: Петра Козина и Юрия Воробьева. Май, 2009 г.

В инвалидной коляске сидел маленький, щупленький, еще моложавый и довольно симпатичный мужчина. Он скромно улыбался, отвечая на приветствие. Мы благопристойно обнялись, и я слегка пожал слабую мягкую руку ливенского живописца.

— Мы с Часовитиным вас ждали завтра, — сказал Юрий, — на открытие 15— го Фестиваля искусств и спорта среди инвалидов областного ВОИ.

— Понимаю, — объяснил я, — но в день соревнований вам с нами некогда будет поговорить, — а теперь, накануне, нам никто не помешает это сделать.

— То же правильно, — согласился поэт.

— Как себя чувствуешь? — интересуюсь я.

— Вроде, нормально, — отвечает философ, — природа способствует вдохновению.

— Пишешь, что-нибудь?

— Больше читаю.

— Я тебе тут свои «Перелески» привез, в ней поэма об отце моем — твоему, если можно так выразиться, коллеге по несчастью. Он, как и ты перенес травму позвоночника и ездил на коля-

ске. Но, не на такой удобной колеснице, как твоя модель, а менее совершенной — с ручками. Тяжело ими двигать по проселочной дороге, но я подталкивал его сзади — выбирались куда надо. На речку Лабосынь — за хворостом для корзин и лыком для плетения лаптей.

— Знаю. Видел такие коляски не раз.

— И в Саках, что в Крыму, он подобно тебе на лечении бывал.

— Интересно. Я часто туда езжу. После «Березки» — второй приют отдохновения.

— И, честно признаться, потому я стал принимать участие в твоем творчестве, что у меня перед глазами стоял отец. Его безрадостная судьба.

— Разделяю ваше чувство. Вы писали мне о том в письме.

— Петр Дмитриевич, — засуетился с фотоаппаратом Шмелев, — дайте я вас при вручении книги запечатлею.

— Изволь, — шучу я.

Мы долго позировали перед фотообъективом, пока Сергей Иванович не оказался удовлетворенным сделанными снимками. Затем к нам присоединились — Часовитин с отдыхающим соседом. Молодой и юркий парень — инвалид потребовал, чтобы мы все способствовали ему, пока он нас не снимет на видеокамеру.

Наконец, когда мы с Юрием остались наедине, я стал ему читать главу из поэмы об отце «Китаево».

Петр Козин читает Юрию Воробьеву главу об отце-инвалиде из поэмы «Перелески»

Тридцать седьмой! Жестокая судьба
Вновь бедняка ударила под дышло —
Отец навзничь упал с прогнившей крыши —
Расколот позвоночник! Навсегда!

Прямой наводкой Сивково бомбили,
Отец над пеплом, горя не тая,
Молил судьбу, чтоб и его убили!
Чтоб больше с ним не мучилась семья!

Уехал. Мы мотались по землянкам,
В 47-ом перебрались в свой дом.
Посыпал снег.
В сенях оставив санки,
Вошел — отца увидел за столом.

Он весь пропах ржаным,
Духмяным хлебом,
А на столе уж суп давно застыл.
Отец не ел. Он не хотел обедать.
Он ждал меня. И вот явился сын.

Он плача обнимал, и я запомнил
Его слова, что душу теребят:
— Прости, отца! Любви я не достоин…
Сыночек мой, люби родную мать!

Не каждая снесет такого груза,
Чтоб с четырьмя,
Без хлеба, без угла.
Я — инвалид — безногая обуза!
А тут война жестокая была.

Закончив декламацию, я передал книгу Воробьеву, сказал:

— Дальше самостоятельно прочитаешь, прозой добавлю. Отцу в отличие от тебя пенсии не платили, а семью облагали на-

логами наравне с другими — здоровыми селянами. И обустроенной под выезд коляски, как тебе, квартиру не представили. И путевками в пансионат не баловали. Ему было не до книг — они не кормят. Он занимался тяжелой, порою непосильной для инвалида физической работой — копал и сажал огород. На коленях рубил дрова и отбивал косу, которой и сам косил вокруг дома. И многое другое.

— Да, — тяжело вздохнул Юрий, — все это ужасно. Если честно, то я, в сравнении с вашим отцом, живу счастливо.

— Истина всегда познается в сравнении, — философски заметил я, — хотя, знаю, и тебе не сладко.

— Меня книги с живописью дух поднимают.

— Кстати, автор предисловия твоей пятой книжки Часовитин верно написал: «Трудно вынести физическую боль, но еще труднее чувствовать себя беспомощным, лишним в этом мире. Не раз скреблась мысль: «А зачем жить? Надо — ли если уж не повезло?». Преодолеть себя — это самое трудное в жизни».

— Но, я преодолел себя, хотя это было нелегко.

— Молодец! — похвалил я, и попросил — покажи мне свои рисунки?

— Они у меня в комнате.

Петр Козин и Валерий Часовитин

К нам подошли Часовитин со Шмелевым. Валерий, узнав о моей просьбе, сказал:

— Да, художественные картины Воробьева у нас в фойе висят. В рамках, под стеклом. Пойдем, посмотрим.

Пока Юрий добирался до дома, мы втроем обозревали цветные полотна с видами пансионата.

— В графике пейзажи выглядели четче, — заметил я, вспоминая репродукции Юриных книг.

— Да, это не мои картины! — озадачил нас, ехавший на коляске художник, — это письмо других авторов.

— Валера, выходит, ты нас в заблуждение ввел? — упрекнул товарища Сергей.

— А я думал, они — твои, — сконфузился Часовитин.

— Мои рисунки, я говорил, в моей комнате. Поедем — те, покажу, — Юрий ловко и энергично взялся руками за сверкавшие овалы колес.

В маленькой, узкой комнатушке философа и художника, где только и нашлось место для просторной кровати, тумбочки и стула, мы увидели и сфотографировались на фоне графических зарисовок художника.

— Юра, — говорю я ему, — ты в жизни гораздо красивее, чем на автопортрете. И черты лица мягче и округлее. Картину надо переделать.

— Согласен, переделаю. Это — давний набросок.

— Теперь Валера, — обращаюсь к Часовитину, — с тобою будет о заголовке к предисловию разговор.

— Что, плохой?

— Я бы сказал мягче, он не удачный, не продуманный.

— Как?

— Ты, по ассоциации с выражением «Воробьевы горы» дал заголовок — «Воробьева горы».

— Да и что?

— А то, что не учел, что выражение «Воробьевы горы» в Москве — это малые горы. Понятия — «воробьиная ночь» — это короткая ночь, а река «воробью по колено» — это мелкая речка. Сам же писал, в стихотворении, под тем же названием, что:

А Юрий двойную берет высоту —
Свой трудный двуглавый Эльбрус!

Неувязка получается: то Воробьевы горы, то Эльбрус? В 1963 году меня, секретаря комитета комсомола Ивановского педагогического института, пригласили на студенческую свадьбу. Старшекурсница Элла Соловьева выходила замуж за тезку нашего поэта — Юрия Воробьева. И, что же? Досужие юмористы — поэты повесили в зале, прямо над головами молодоженов красочный плакат. На нем было начертано:

Хоть лучше будет вам вдвоем,
Но, все же жаль немножко:
Была ты Элла, — Соловьем,
А стала, вдруг, — Воробышком!

— Ха-ха-ха! — приняв шутку, засмеялись хозяева и гости.

— И еще два замечания. Первое. Почему один и тот же куплет повторяется дважды? Ведь это не песня с припевом? Второе. Ты пишешь:

На светлых вершинах лежат снега,
Искрятся следы в стихах,
И забывается боль в ногах,
Становится тверже рука.

Уже не говорю о неточном образе. В перекрестных словах: «снега» и «рука» — нет рифмы.

— Я сам об этом думал, — неожиданно признался Юрий, — но, как я вам писал, редактировали и выпускали книгу без меня. Я бы обязательно поправил.

— Понятно, — заключил беседу Сергей Иванович, — дали маху и Часовитин и редактор Щипаков. Пора откланиваться. Сроки поджимают.

Когда мы уже садились в машину, к нам подошел Валерий Яковлевич, сказал:

Сергей Шмелев, Юрий Воробьев и Петр Козин в «Березке»

— Петр Дмитриевич! Ты знаешь, Юрий о тебе, как о писателе, очень высокого мнения.

— Ясно, это твоя работа.

— Нет. Он судит по твоим беседам с ним и по книгам, конечно.

— На то Воробьев и поэт, чтобы суть поэзии понимать и все расставить по полочкам, — рассмеялся Сергей Иванович, — к тому же он и — художник

— Вы забыли, Юрий Петрович, еще и — философ! — принял шутку Валерий Часовитин.

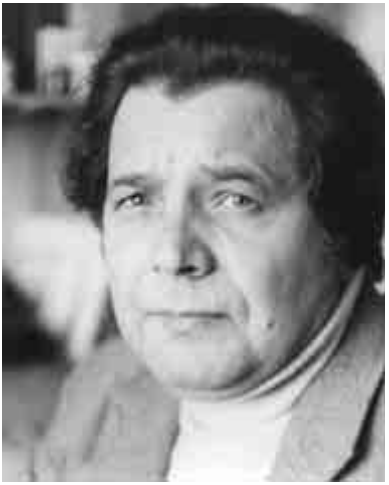
Автомобиль дал газ и, нам показалось, что белоствольные чудо — березы помахали нам на прощание своими плакучими ветвями.

У березы

С ЛЮБОВЬЮ К РОССИИ

(Некролог)

Памяти писателя – патриота
Петра Ивановича РОДИЧЕВА.



Петр Родичев –
редактор журнала ЗАЛП

16 октября 2009, на 71 году жизни, скончался русский поэт-гражданин, автор 16 ярких книг, страстный публицист, редактор литературно – аналитического журнала «ЗАЛП» Петр Иванович Родичев.

Не обласканный официальной властью за свои политические убеждения и бескомпромиссный, нелицеприятный характер, а потому без всякой помпы, подобно некогда почившему известному поэту Алексею Апухтину, он был тихо и незаметно упокоен, но не в Петербурге, как Апухтин, а на скромном Наугорском кладбище Орла. Одно было у них общим – за гробом шли только друзья, родные и близкие.

Сам я услышал о смерти писателя и друга, лишь вечером 10 декабря, благодаря орловским телевизионным новостям. Вдова поэта Раиса Васильевна Рожкова, в телефонном разговоре, объяснила, что, не смотря на все усилия, найти мой телефон и адрес ей не удалось. Узнав о готовящейся книге памяти, и получив предложение написать о нем, долго раздумывал, как озаглавить свой очерк, о писателе, названном в кругу друзей «Неистовым Родичевым». Ведь, в свое время, критика Белинского, как его, за горячность и неуступчивость в споре, называли не иначе, как «Неистовым Виссарионом».

В сознании вырисовывался образ прикованного к скале легендарного Прометея, у которого, прилетавший орел выклевывал печень. Ведь Родичев, сраженный инсультом и инфарктами, с кардиостимулятором в сердце, поистине приковал себя к рабочему столу. Он, словно Титан, по образному выражению Маяковского «единственного слова ради перерабатывал тысячи тонн словесной руды», а потому создавал настоящие литературные шедевры.

Его публицистика, отраженная в полемических статьях сборников «Ничто не ново под Луной» не имеет себе равных в орловской литературе. Его патриотические сборники «Русские струны», «Ветер тревоги», «Лебяжий луг», нашли свое широкое распространение не только на Орловщине, в Москве, в Иванове, на Украине, но и на юге России. Ростовские друзья неустанно просили: «Пришли родичевский «ЗАЛП». И я посылал. Они делали ксерокопии и распространяли среди местных любителей поэзии. Так, что о забвении поэта, чего долгие годы добивались его недруги, не может быть и речи.

Думалось мне также дать своему материалу заголовок «Корчагин наших дней». Это было бы верно. Ведь еще с молодых лет, подверженный сахарному диабету, он мог передвигаться лишь с помощью костыля. Потому и жил затворником в стенах своего рабочего кабинета, озаренного лишь светом его глубоких мыслей и поэтических образов. Большой книголюб, он постоянно был в курсе литературных новаций, покупал и выписывал серию московских и иных литературных газет и журналов, научных изысканий и художественных книг таких выдающихся мастеров слова, как: Василий Белов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Валерий Хатюшин, Валентин Пикуль.

Некогда издатель сборников «Благоуханье доброты» Дмитрий Павлович Щипаков и сегодня, судя по выступлению на орловском телевидении, благодарен ему за деловую помощь и поддержку. Молодые поэты засыпали писателя своими виршами, и он находил время, чтобы помочь, отделяя в их строчках зерна от плевел.

Лично я благодарен Петру Родичеву не только за строгое и умное редактирование моих повестей «Дым Отечества» и «Глум-

ление». За глубоко — аналитические предисловия к ним. Не только за теплые отзывы, в том числе в журнале «ЗАЛП», но и за дружеское участие к моей судьбе. Когда я подвергался остракизму со стороны официальных «литературных генералов», он безо всяких обиняков стал на мою защиту. Когда же, я подвергся суду за нелицеприятную критику чиновников от педагогики, то он не только отправил в адрес судей свое благоприятное мнение обо мне, но и предложил свои деньги для уплаты штрафа. Правда, этот добрый жест друга, я отклонил, ибо знал, что Родичев сам постоянно живет в нужде. Обходится мизером в одежде и питании. Всю инвалидную пенсию и литературное пособие от губернатора, он тратил на издание книг и журнала ЗАЛП, главного детища своей яркой жизни.

В этой связи удивляешься поистине «гражданскому подвигу» его жены Раисы Васильевны, которая ни чего не получая от мужа в семейный бюджет, не допуская упреков, шла на самопожертвование. Нередко часть своей скромной зарплаты библиотекаря она передавала на издание его творческих работ. Да, прав Николай Некрасов, когда восклицал: «Есть женщины в русских селеньях!». Нам остается лишь низко поклониться этой благородной и мужественной женщине. Ее забота о муже и друге, ее многолетнее терпение и подвижничество, больше, чем любовь.

Но, к сожалению, в жизни не бывает, даже роз без шипов. Не всегда были безоблачными наши отношения с тезкой. Не всегда я был согласен с ним в оценках характеров его оппонентов. Например, я разделял идею, что Дронников, чрезмерно увлекшийся «зельем», деградировал, как поэт. Тем не менее, считал и считаю, что Виктор Петрович – человек талантливый, а совсем не графоман, как определил его критик. Об этом я подробно пишу в своем большом очерке «Дронников».. Холодно встретил я также и документальную повесть «Свой», в которой Родичев нелицеприятно отзывается о брате Николае.

В этой связи памятен такой эпизод. Как-то наш общий приятель, поэт Николай Круглов сообщил, что собирается посетить Петра Ивановича на дому. Он спросил: «От тебя что-либо передать?». «Да, — ответил я, — скажи тезке, что я пишу рецензию на

его повесть «Свой», а озаглавил ее, не иначе, как: «Бей «своих», чтобы чужие боялись!». Круглов весело рассмеялся, но все сделал так, как я ему сказал. Позже, встретившись с Родичевым, я убедился, что он не обиделся, а разделяет мой юмор. При этом писатель разъяснил:

— Верно, что твои старшие братья Александр и Иван, о которых ты поведал в повести «Родная сторона», тоже не сахар, но ты, в отличие от меня, отзываешься о них — оправдательно мягко. Но твои братья – не писатели, как мой Николай. И, конечно, не публичные политики.

— Это так, — согласился я, — простые люди.

— Вот-вот. Именно. Они же не претендуют на высокий интеллект. Не выдают себя за честь и совесть России.

— Конечно.

— Мой же «старшой» — ментор. Но, все равно из твоей критики, я сделал вывод.

— Интересно, какой?

— А, я переделаю повесть «Свой», по примеру Джека Лондона, написавшего «Мартина Идена» в биографический роман.

— Роман – это здорово!

Эту беседу я привожу в укор тем, кто считает, что Петр Родичев был подвержен мании величия и не терпим к критике в свой адрес. Более того, он никогда не становился в позу обиженного, если считал ее справедливой. Он, безусловно, высоко одаренный писатель, но, как все люди, по закону логики, и ему свойственно ошибаться.

Родичев, действительно, сделал несколько набросков биографического романа, но смерть, а она всегда некстати, помешала ему его завершить.

Третьим вариантом моего очерка стал заголовок «С любовью к России». Им я и предваряю настоящий материал. И, считаю это правильным. Ведь вся жизнь, все творчество писателя Петра Родичева проникнуты глубочайшей любовью к несчастной Родине, оказавшейся ныне под властью либеральных чиновников – демократов.

В сборнике «Ветер тревоги» (Орел, 2006) поэт с горечью пишет:

«На Россию придет похоронка в ООН,
Дескать, русских остался один миллион –
Безработных, бесправных, больных, —
Да и те
Доживают, ограбленные, в нищете…
Все у них отобрал – даже не криминал,
А еврейская блажь –
Интернационал!
Постепенно дотаял народ в тупике
С демократией –
Притчей в любом языке».

Таких пронзительно гневных стихов у Родичева не мало. Поэт – герой, он вечно сражался с врагами России. С теми, кто осквернил память великого поэта земли русской Сергея Есенина («Узиновление Есенина»). Родичева, как и Есенина «более всего любовь к родному краю (всегда) – томила, мучила и жгла». С теми, кто предал забвению имя легендарного молодогвардейца – орловца Сергея Тюленина («Дом – сирота»). В посвященной ему поэме «Стремнина», автор клеймит нынешних спекулянтов:

«Страну Советов, посадив на мель
И тихой сапой учиняя смуту,
Мечи перековали на валюту,
Набили ею собственный кошель».

Поэт не терпел «Обрезание России», что он высказал в своих раздумьях, навеянных новой книгой Сергея Ивановича Федорова. Потому строки его стихов «Россия тает, как свеча… Она вскормила палача», перекликаются с рефреном песни трагических лет «Вставай страна огромная»:

«Стали мы колониальным раем –
В год по миллиону умираем,

Терпим, уподобленные шелку,
А пенять бы нам – не втихомолку.

Знаем, кто свалил страну Советов,
Кто еще поплатится за это…».

Петр Родичев гордится талантом русского народа, первым вышедшим в космос, создавшим первые в мире атомные станции и ледоколы. Поэт взывает к чувству патриотизма:

«Блажен, кто бдит
И больше чтит свою Державу.
Пусть заграница попыхтит
Без наших русских ноу-хау!».

Всей своей жизнью и неиссякаемым вдохновенным творчеством Петр Родичев доказал, что он плоть от плоти русский человек. Совесть и разум – вот мерило его души. Вослед за Есениным поэт признавался: «Тяжелее, чем камни я нес свою душу». Она же у него была широкой, вмещала в себе радость и боль всего народа необъятной России».

ПЛЕННИК ГИППОКРАТА

(Очерк в письмах)

Хоть сам, как вол,
Полсотни лет тружусь
В печати и на ниве просвещенья,
Но, Константином, подлинно горжусь,
Он для меня –
И честь, и вдохновенье!

Доктор медицинских наук, профессор, член – корр. РАЕН, заслуженный деятель науки России Константин Сергеевич Жижин

На сайте Российской академии естествознания сегодня можно прочесть краткую справку о моем герое. Она гласит: «Жижин Константин Сергеевич, доктор медицинских наук, член – корреспондент, профессор, Заслуженный деятель науки и образования Российской академии естествознания. Обладатель диплома «Золотая кафедра» и высшей национальной награды в сфере медицины и здравоохранения – Золотой медали Гиппократа «За преданность профессии и долгу».

Автор 10 книг и монографий, 128 научных, 250 научно-популярных и публицистических статей. 40 лет занимается проблемами гигиены детей и подростков. В 1985 году успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата, а в 1999 – ученой степени доктора медицинских наук. Был руководителем диссертационных работ восьми соискателей и аспирантов.

Аспирантка Егорова Н.А. успешно защитившая диссертацию кандидата медицинских наук в 2004 году под его руководством стала дипломантом Международного конкурса работ молодых ученых в номинации «Медико-педагогическая новация».

К.С. Жижин увлекается живописью, фотографией, прикладными видами художественного творчества, музыкой. Имеет вторую профессию журналиста».

Вот о том, как мы с ним овладевали «второй» профессией и пойдет речь.

Ростов

В 60-е, я учился на историческом факультете Ростовского на — Дону государственного Университета, а Константин Жижин — в медицинском институте. Когда при кафедре журналистики РГУ, на базе высшего и незаконченно – высшего образования, был организован факультет общественных профессий, то мы стали с ним студентами его газетного отделения.

Смотрю сейчас на совместную фотографию журналистов — выпускников 1967 года и отмечаю про себя, что далеко не все из нас тогда были «парнями бравыми». Например, старосте курса, вдохновенному армянину Тер – Минасьяну, инженеру Жибуре перевалило за 50-т. Под сорок: Рысеву, Яковлеву, Цебоеву, Фоменко, Кондратенко, Гаврилову. За тридцать многим другим. О Косте можно было сказать словами Маяковского, как о «молодом – 22 летнем»». Я был на пяток лет старше. Не удивительно, что относительно равный возраст и объединил нас.

Константин Жижин – студент ФОПа РГУ, 1967 г.

Мы выпускали свою газету «Молодой журналист». На ее страницах староста Тер – Минасьян как-то дал характеристику нашей работы. О друге моем он написал следующее: «Жижин К.С. Не знаю как к врачу, но попасть на его журналистский зубок – опасно!». И обо мне: «Козин П.Д. Затмил всех числом статей». Действительно, будучи официаль-

но нештатным корреспондентом «Вечернего Ростова» я активно участвовал в рабочих рейдах и много писал на морально – этические темы. Часто публиковал свои материалы так же в «Молоте» и «Комсомольце». Ряд зарисовок и очерков были даны на страницах милицейского органа «На боевом посту», где я проходил предэкзаменационную практику. Один из рабочих фотоснимков, где представлен факт знакомства моей жены Валентины с артистом Эмилем КИО, я подарил тогда Косте и он сохранил его до наших дней.

Моя всеядность не всегда нравилась старосте и другим товарищам, но финал оказался успешным. По всем дисциплинам на государственных экзаменах, я получил только отличные оценки. Таким образом, количество переросло в качество. Костя же акцентировался сугубо на медицинские темы, а потому его результаты оказались скромнее, хотя каждая публикация его материалов в печати имела научно-общественный резонанс.

По окончании Вузов мы разъехались. Я уехал трудиться на Орловщину, Костя оставался в Ростове, а затем, согласно направлению, окажется в далекой Чувашии.

Сурьянино

В 1979 я написал, в 1996 отредактировал и лишь в 2007 издал, наконец, свою большую повесть «Дым Отечества». В ней я рассказал о своем становлении как учителя и директора сельской школы. В частности, о том, как, будучи несколько месяцев без жены, которая дорабатывала до декретного отпуска в Гнездиловской участковой больнице, что в 30 верстах от села Сурьянино, я питался нерегулярно, чаще всего всухомятку – хлебом и рыбными консервами. О том же я тогда поведал в своем письме и молодому врачу. И пожалел. В пришедшем на мое имя эпистолярном послании Костя дал волю кредо Гиппократа – «не навреди».

Здравствуй Петр!

Ну, вот видишь, все в твоей жизни устроилось. Я рад этому. Искренне, по-хорошему завидую. Идет к концу и моя учеба.

Скоро, как и ты, выйду на собственную дорогу. Обуревают те же сомнения и волнения, что мучили тебя. Было предварительное распределение: записался я к черту на кулички, в самое пекло – в противочумную сеть здравоохранения. Так что будущее – светло и прекрасно! Шучу!

Пытаюсь прорываться в центральную печать. Стал популярным обитателем порогов областной газеты «Молот». Изредка она меня тешит вниманием. Но, это просто от лености мозгов моих или потому, что не хочу писать обо всем, а только в медицине вижу своего конька. Ну, а редактора мне говорят, что газета – не сводка последних событий с поля боя медицинского фронта.

Завидую я тебе, черт бы тебя взял! Со стороны все у тебя так складно: и директорствуешь, и жена есть и все прочее. Бог мой! У меня все в зачаточном состоянии. Впрочем – кто тебя знает, каково у тебя на душе? Если напишешь об этом – буду рад.

И еще… Дурака с едой не валяй! Разве мне тебе говорить, что желудок твой – враг твой! И такое легкомысленное отношение к нему выйдет тебе боком! Не обязательно есть по-человечески, если нет условий, то соблюдай хотя бы регулярность. Ритм – самое главное, вернее одно из главного… Видишь, как я растрезвонился! Но ты задел меня за живое своей безалаберностью по отношению к своему здоровью. На будущее мой тебе совет: не дружи с медиками. Пиши.

Твой Костя

«Заботливый друг Костя! – думал я тогда. Хотя знал, что он сам добровольцем угодил в противочумную сеть и если потребуется, кого спасать, не раздумывая, ринется помочь. И уже наверняка о собственной безопасности забудет, и чума ему, видно, не страшна!?».

Поиск

Закрутила, завертела чересполосица жизни. Наша переписка надолго оборвалась. Что стало с моим другом, где он? Я не ведал. В 2007, будучи в Ростове, где гостил у земляка – орловца

по отцовской линии, есаула Александра Борисова, я вознамерился отыскать пропавшего приятеля – журналиста, имея целью подарить ему «Дым Отечества», в коей добрая страница была ему посвящена. Ездили по старому адресу. Наводили справки – все тщетно. Так ни с чем я и возвратился в Орел. Только благодаря моему товарищу по истфаку полковнику УВД Иосипчуку удалось, наконец, достичь искомого результата. Мой, некогда, молодой и незабвенный романтик Костя, хоть поздно, лишь в феврале 2009, но все-таки, откликнулся.

Донские вести

«Дорогой Петр, — писал он, — не сердись за мое молчание. В последнее время пребываю в какой-то не очень объяснимой прострации. Все в жизни идет не так, как хотелось и думалось, поэтому не ясно: о чем писать, чем делиться?

Я никогда не забывал тебя. Наше общее фото с ФОПа у меня в рамке на стене. Какие у нас тогда были колоритные натуры: Жибура, Тер — Минасьян, Рысев…! Знаешь, учеба на ФОПе оставила больше впечатлений, чем учеба в мединституте. Не знаю, как ты, а я об этих «журналистских» годах учебы вспоминаю с большою охотой и теплотой. И, видимо, оттого, что мы были все разные, а потому – яркие и неповторимые в творчестве.

Твой друг Александр, звонивший мне, сказал, что ты написал книгу, где упоминаешь обо мне. Интересно было бы увидеть этот твой труд. Борисов разъяснил, что ты кому-то презентовал повесть, и он мог только упомянуть о ее существовании. Вот такая незадача.

Что произошло в моей жизни? В 1999 защитил докторскую диссертацию. Три, из моих, десяти книг изданы массовым тиражом в местном издательстве «Феникс». Ты их можешь увидеть на моем сайте в Интернете. Долгое время преподавал в мединституте, теперь, будучи на пенсии, работаю обычным преподавателем медицинского колледжа.

Женат дважды. От первого брака имею двоих, а от второго 4-х детей.

Кстати, я звонил тебе по мобильнику, но все — пустой звук. И еще ранее писал на Сурьянинскую школу. То же все напрасно. Пиши на электронный адрес, если соберешься – это быстрее. Правда, отвечать мгновенно не смогу: у меня нет выхода в Интернет из дома. Я работаю в интерне – салоне областной библиотеки, а там бываю регулярно, но не часто. Обнимаю. Константин».

Эта «Донская весть» меня чрезвычайно обрадовала и вместе с другом Сергеем Шмелевым мы не замедлили отослать в Ростов шесть моих книг. Созвонились по сотовому телефону, и ответ не заставил себя ждать. Теперь уже не просто Костя, а ученый муж Константин Сергеевич Жижин, наряду с тремя книгами, прислал мне также и теплое письмо: « Петр! Получил твою посылку с литературой. Еле дотащил. Ну, ты и молодец! Мои труды гораздо скромнее по объему. К тому же они специфичны и я выбрал с трудом три из них, которые может воспринять мозг беллетриста, коим ты по праву, в отличие от меня, являешься. В высылаемых книгах есть хоть малая толика, но смысла, который может пригодиться тебе или твоей молодежи, которая владеет ЭВМ. О поэтической энциклопедии «Русская баня», как ты просишь, я напишу свой отзыв. Это, действительно, твой хороший ход – опоэтизировать прозу жизни. Мы, в самом деле, многое потеряли, активно оцивилизовываясь и обособляясь в своих отдельных квартирах и частных домах.

Еще раз, спасибо за книги. Обнимаю, Константин. 20 апреля 2009, Ростов-Дон».

Горечь

Казалось – далеко не полночь,
Мой друг и крепок и здоров,
Однако в переливах слов,
Его угадываю горечь.

Он званьям, почестям не рад:
Все – мишура и маскарад…

Есть хочет сытно детвора,
В кармане же его – дыра!

В первых письмах, написанных от руки, Константин, как оказалось, лишь разминался. И больше шутил. К примеру, на мои восторги по поводу того, что он взрастил 6 детей и ныне окружен едва не взводом уже их наследников, тогда, как у меня всего – одна дочь и двое внуков, то мой друг не преминул процитировать Грибоедова: «Иметь детей, кому ума не доставало!?». Подразумевая при этом, что все они есть хотят. И это в период массовой безработицы и дороговизны цен. Когда сами ученые – доценты и профессора, при всех их высоких регалиях имеют лишь дыры в карманах. Впрочем, не станем ставить телегу впереди лошади, а предоставим слово самому Жижину. В своем письме от 2 мая 2009, на этот раз, оно было набрано на компьютере, через один интервал, мой друг, показал себя подлинным мастером эпистолярного жанра.

«Дорогой Петя! – обращаясь, как к другу юности, писал он, — спасибо тебе за память обо мне. Повторюсь: еле дотащил твои труды до дома! Ну, ты – ваятель, однако! Если ты не разыгрываешь меня в отношении моего отзыва о «Бане», то я сделаю его. Это, действительно, важное в нашей жизни. Мы сегодня осовременились себе на голову по многим позициям, а зря. Баня не только способ общения, единения и обмена мнениями. Если в бане организован сухой пар, что, кстати, взяли за основу организаторы саун, пришедших к нам из Скандинавии, то наши березовые, дубовые, еловые, можжевеловые и прочие веники чрезвычайно хороши. Они привносят в парильное отделение фитонциды – сложные эфирные соединения растений, которые обладают бактерицидным свойством. Представь себе – в еловом или сосновом бору бактерий всех видов в 100 раз меньше, чем в городском воздухе, особенно это касается серьезного возбудителя туберкулеза – бациллы Коха. Вот так. Баня оздоравливает организм естественным образом!

Теперь о том, что касается твоего стремления «зажечь» меня писать о себе, семье и работе?! По — моему, это дело пустое. И все же, как видно, без этого не обойтись. Я залпом прочитал твою

повесть «Дым Отечества». И что хочу сказать: я далек от желания выдавать себя за литературоведа или критика, то есть не мне судить о твоих литературных дарованиях. Но, вот по сути того, что пережил ты на первом отрезке своей профессиональной жизни, я хотел сказать несколько десятков слов.

Моя судьба, как и твоя в Сурьянино, на первом этапе складывалась не совсем удачно. Я конечно, не испытывал трудностей с трудоустройством, с жильем, так как в то время был один, и попал по распределению в ведомство Горьковской железной дороги (ГЖД). Ехал работать простым врачом по гигиене труда, а меня в службе решили сделать начальником узловой (районной по-граждански) санитарно-эпидемиологической станции Канаш в Чувашской АССР. И я, законченный козел (!) в свои 24 года, не имея ни опыта организатора, ни знаний психологии людей сдуру согласился. Вот тут-то все и началось.… На эту должность, как потом, оказалось, «раскатали» губу два местных претендента. Много чего произошло за год моей работы, в итоге меня с помощью Горкомов ВЛКСМ и КПСС и даже местного отдела КГБ сместили с должности… с просьбой к службе ГЖД услать для отработки положенных для молодого специалиста трех лет куда-нибудь подальше от орденоносной Чувашии. И даже место определили: станция Зуевка, что в Кировской области. То есть ближе к Воркуте. Видишь, как разозлил местных правителей! Но главный санитарный врач Горьковской ЖД, с которою мы до сих пор, переписываемся (Ей уже 88 лет и живет она уже, не в Горьком, а у сестры, в Калуге) утирает местным властям нос. Перетаскивает меня на должность врача – эпидемиолога в Горький – в Дорожную СЭС (это организация вроде Областной СЭС по гражданским меркам), то есть я становлюсь автоматически начальником над той чувашской шушерой, которая командовала моей судьбой в Канаше! В Горьком я дорабатывал (даже переработал год!) свой срок молодого специалиста. Может быть, я в этом городе и остался, если бы не заныли родители. И таким образом через четыре года «ссылки» в Поволжье я вернулся в Ростов.

Так вот, сообщив тебе все это, что я добавил твоему мировосприятию? Какая для тебя и всех остальных читателей новость

в том, как сжирают неугодного и не очень опытного специалиста? Так стоит ли все это детализировано описывать, тем более, издавая книгу за свой счет? Если даже, к примеру, были бы деньги, то, что их нельзя израсходовать более полезно? А с другой стороны, у нас в семье мы мало говорили о житье — бытие. Сколько я не просил в молодости отца и мать, хоть что-то оставить в записях о своей жизни и работе – все напрасно. А ведь они с 1908 и 1914 года рождения – вся история страны, ее становления, у них была перед глазами. Они же были участниками ее строительства… но? Не так давно копался в старых альбомах и нашел фото отца (там ему на вид лет 20!) рядом с … Калининым! То есть, Петр, жизнь семьи прошла как-то стороной, без запоминающихся деталей. Вроде бы жили, творили, и вроде бы, нет. Вот так…

Хочу сказать, что твой «Дым» оказывает мне дидактическую помощь в работе преподавателя. Как пример привожу студентам мое письмо к тебе, и твое письмо ко мне, где ты говоришь, как в 1999 выкарабкался с диагнозом рак желудка. Не бойся, что открываю тайну нашей личной переписки. Такт я соблюдал и соблюдаю. Просто у нас со студентами затевается часто разговор о том, что у них нерегулярное питание, что они едят пирожки, жаренные на фритюре (какие и мы ели в студенческую пору), запрещенные для продажи в учебных заведениях. А потом, как у тебя, через 35-40 лет и возникают такие болячки, как рак желудка. Суть же в том, что во фритюре (разогретом до 200 градусов Цельсия растительном жире или подсолнечном масле) при его постоянном нагревании – до черноты с повышением кислотности на один процент образуется и оседает на поверхности пирожка, чебурека, пончика ароматический углеводород. Это: 3,4 бенз(а)пирен, канцероген, химический агент, способствующий развитию рака желудка. Латентный же (скрытый) период развития рака желудка 35-40 лет. Так что все точно укладывается в теорию: 40 лет назад я тебя предупредил, а сейчас ты мне пишешь, что выкарабкался. О том же ты подробно сообщаешь в главе «Раковый корпус» читателям своей другой большой и поучительной повести «Глумление». Видишь, твои книги играют и на твой, и на мой авторитет. Конечно,

все это грустно, и я шучу, может быть не очень уместно, но слов из песни не выбросишь…

Я тебе по телефону говорил, что твои книги пропахли дымом. Такое впечатление, что ты их пишешь у костра, но оказывается, что ты нещадно куришь…Петя, пристрастие к папиросам и сигаретам – верный рак легкого. А эта зараза скоротечная. Не надо ждать 30-40 лет, через два-три месяца все приходит к печальному финалу. Я не собираюсь морализировать, на сей счет, пропагандист здорового образа жизни я слабый — (скромность всегда украшала моего друга – П.К). Дело твое, но неужели же не хочется пожить дольше, подольше творить на ниве литературы, раз у тебя это хорошо получается, раз у тебя есть друзья-спонсоры? Зачем сокращать свой век?!

Ты задал вопрос: профессор я или не профессор? Не знаю, для какой цели тебе это нужно, так вот: я ушел из медицинского университета, так как мне девять лет обещали ходатайствовать перед РАМН о присвоении звания профессора, после защиты докторской диссертации. Но только обещали …9 лет! Таким образом, на медицинском поприще я дослужился только до ученого звания доцента.

Сейчас я работаю простым преподавателем в медицинском колледже. Стал членом Российской Академии Естествознания, мне присвоили звание профессора. Потом, я там же стал членом – корреспондентом и Заслуженным деятелем науки и образования РАЕ. Эта организация — общественная. Тут, в отличие от РАМН, за звания ничего не доплачивают. Сегодня могу претендовать на звание Академика РАЕ, но для этого надо лично выезжать в Москву, а командировочными может пользоваться только директор колледжа и ее зам (кстати, ее сын!). За свой же счет ехать – кишка тонка. Я тебе говорил: за 40 лет работы в медицине я заслужил 4 700 рублей пенсии и 11 000 рублей сегодняшней зарплаты преподавателя. Тут с поездками в Москву за свой счет не распрыгаешься… Я, вообще, удивляюсь твоему оптимизму! На какие шиши ты до сих пор раскатывал и собираешься дальше раскатывать по стране (я это так понимаю по твоему желанию вновь приехать в Ростов)? В городе, ничего, собственно, не изменилось. Может, разве, что все мы стали более хамовитее и подлее.… Хотя я ро-

дился и вырос на Дону, но у меня жизнь здесь, даже после защиты докторской диссертации, кроме горечи ничего не вызывала и не вызывает. Особенно сегодня, когда до конца осталось не так много, а в кармане как была, так и по-прежнему свищет – одна дыра… Пиши, если надумаешь. Обнимаю – Константин, .2мая 2009, Ростов-Дон».

Я — светлым днем,
А не за полночь…
Письмо от друга прочитал
И подступила к горлу горечь,
А к сердцу – хладная печаль…

Подумал: жизнь нас утомляет,
Всего — то нам под старость жаль:
То снега, что давно растаял,
То жарких рощ, что увядают
И более не украшают –
Дорогу в голубую даль.

Чего же Косте не хватает? –
О том сегодня разговор…
Цыплят по осени считают:
Он же – и Доктор,
И член – корр.

И 10 книг его бесценных,
Пера достойны Авиценны!
И золотом весьма богата
Его медаль – от Гиппократа!

Всерьез же говорить не станем
О дырах, что в его кармане…
Ведь черных дыр, то знают Боги
И во Вселенной слишком много…

О том ли стоит горевать?
И я решился написать…

«Дорогой Костя! Порадовал ты меня своим письмом, хотя в целом оно — пессимистическое. В нем ты открыл ряд неизвестных страниц своей биографии. Это для меня, как ты выражаешься «беллетриста», крайне важно. И еще показал себе мужем науки. Ведь ты поступил, подобно Ломоносову, вначале метавшему чернильницы в сторону наглых правящих, ущемляющих его права, господ – немцев, а затем избравшим тактику «битья интеллектом», что ни год, то – новая диссертация!

Твои 128 статей (лишь у Авиценны их 300), собранные в 10 книг – это десять атак против ныне правящих господ демократов, что ограничили тебя в звании «профессора медицины». Извини, но меня так и подмывает стать на позицию Фамусова, бросившего упрек Скалозубу: «Помилуйте, а Вам чего недостает? Давно в полковниках, а служите недавно!». И припомни, что он ответил: «Не жалуюсь – не обходили, но за полком два года поводили!».

Тебя же в медицинском вузе — не два, а целых девять лет за нос водили…. Не спорю, обидно. Однако, на мой взгляд, не очень. Ведь нам неизвестно до сих пор: досталось ли Скалозубу «выйти в генералы?». А ты, ты все-таки стал, как и великий Ломоносов — профессором… естественных наук. Уверен, что и — в Академики, выйдешь!

Верно, заметил бессмертный Грибоедов: «Чины людьми даются, а люди могут обмануться!». Хотя, сам понимаешь, эти «люди» действуют сознательно. По их теории «русские» не могут быть выше их – представителей «бога избранного народа». Тем более, богаче их. Возможно, я напрасно тебе об этом говорю, ведь ты, в отличие от меня – историка и обществоведа, «ученый доктор», а большинство интеллектуалов – аполитичны. Но, это – твой выбор! И не мне о том судить. Главное ты сделал: внес посильный вклад в науку и этим обессмертил себя! С чем и поздравляю!

1. О вреде пессимизма

Отсюда вывод – долой пессимизм! Жизнь прожита не зря! А, если к тому добавить, что ты дал стране 6 добрых ребят, то совсем

— отлично! К тому же воспитал и дал знания сотням учеников, что вообще – превосходно!

Жил в ХУ!!! веке на Украине великий ученый – педагог Сковорода. Он ходил пешком по стране, часто в лаптях и худом свитке, создавал летучие школы. Обвораживал умом и глубокими познаниями. Ему деньги – он не брал! Ему высокие посты и должности – он отказывался. Почему? Объяснял просто: всякая служба связывает язык, а свобода мысли и чувств, для него – первостепенно. Так и умер – бедным, но знаменитым! Сковорода был оптимистом, а уныние считал делом вредным для педагога, каковым и ты сегодня являешься.

2. О твоих книгах

Мы с Сергеем Ивановичем Шмелевым, который для меня как для Карла Маркса Фридрих Энгельс – и друг, и соавтор, и спонсор, просмотрели и кое-что прочитали из трех твоих умных книг.

Первая. «Бодибилдинг» я бы определил, как гимнастику с утяжелителями. Названием работы ты отдал дань «Западничеству». Не беда. Главное твои советы начинающим спортсменам весьма полезны — зятю пригодятся. Хотя политика проглядывает. На стр. 9, ты пишешь: «Культуристы безапелляционно заносились в списки изменников Родины». Это кивок в сторону власти Советов. В общем, поступаешь, как Солженицын, написавший рассказ под названием «Бодался теленок с дубом!». Извини за параллель, но то, что сделали коммунисты худого, это в сравнении с поступками нынешних «капиталистов-демократов» — семечки. Надеюсь, что согласишься.

Вторая. «Экспресс-диагностика подсознания». Эту работу мы сочли для себя наиболее существенной. Если ранее мы темперамент людей классифицировали по — Гиппократу: холерик, сангвиник, меланхолик, флегматик, то теперь познакомились с 16 психологическими типами личности. Глава 12 взята на заметку. И, несомненно, некоторые твои положения об особенностях прояв-

лений темперамента в личных отношениях будут использованы в наших будущих очерках.

Третья. «Медицинская статистика». Этот специфический учебник, используя выражение американского писателя Джека Лондона — «не нашего ума дело». Формулы и таблицы, всевозможные коэффициенты корреляции, кластерный анализ, дивизивные варианты кластеризации и прочее, прочее с нашим уровнем познания медицинской науки – несовместимы. Так, что зря не сетуй. Не по Сеньке шапка!

3. Жив курилка!

Нарисованный тобою образ поэта, пишущего свои мадригалы у костра, меня здорово позабавил. Я в свое время написал большую статью о том, как долго и почему я курю? Она до сих пор нигде не опубликована. Идея ее в том, что я не могу сочинять, не куря. На упреки друзей, обычно отвечаю перефразированной фразой философа Декарта: «Курю, значит – думаю. Думаю, значит – существую». В моем понимании – творю!

На обложках моих книг: «Родная сторона», «Русская баня» и «Жар малиновый» воспроизведена художественная фотография моего ученика, а затем выпускника МГУ фотокорреспондента Павла Горбатько. Он же, еще в феврале 2000, в канун моего 60-летия, опубликовал в центральной газете железнодорожников «Гудок» мой портрет с гаванской сигарой в зубах, под которым значилось: «Жив курилка!». Снимок комментировался заметкой Юрия Пажина «Бросай сигары — будешь жить?». В последнем абзаце автор утверждал: «Выкуривающие не менее 3 сигар в день, (а я выкуриваю за этот срок, по три-четыре пачки сигарет), в 8 раз больше рискуют заболеть раком легких, по сравнению, с некурящими».

На странице 104 – ой, моего первого поэтического сборника «Отчий край», который я тебе высылаю, ты найдешь стихотворение «Папиросы». Оно тебе объяснит причины моей вредной привычки. Морализацию на этот счет отвергаю. Оправдываюсь при этом ссылкой на идею сказки, которую рассказывала Емельяну

Пугачеву старая калмычка (Пушкин «Капитанская дочка»). В ней ставится вопрос: почему Ворон, питаясь мертвечиной, живет 300 лет, а Орел, что пьет живую кровь всего лишь 33 года? Когда Орел решил пойти путем Ворона и спустился вниз с небес к павшему животному, то клюнул раз-другой и заявил: «Чем жить 300 лет и питаться мертвечиной, лучше раз напиться живой крови». Так и я: чем жить 100 лет и ничего не писать, лучше умереть раньше, да оставить после себя книгу — память дорогим внукам. Таково мое кредо, дрогой доктор. Уж, извини!

4. О раке

Константин Сергеевич! Я никогда не был снобом. Никогда не работал на авторитет. Напротив мне чрезвычайно приятно, что твои студенты услышали хоть что-то, пусть даже негативное обо мне. А потому – зеленая улица: цитируй, комментируй, просвещай!

О том, как у меня диагностировали «рак желудка», а на поверку оказались две язвы, как ты уже упомянул в письме, подробно можно узнать из главы «Раковый корпус». Она опубликована в книге «Глумление». После выхода в свет, мы со Шмелевым сочли своим долгом вручить ее в качестве презента моему доктору-спасителю, заслуженному врачу РФ Абрамову Леониду Дмитриевичу. Кстати, он оказался земляком, родом из Гнездилова, где одно время в участковой больнице медсестрой работала моя жена Валентина Алексеевна. Его деревня — вблизи, отчего Сивково. Абрамов так обрадовался подарку, что не отпустил нас из кабинета до тех пор, пока мы не упились спиртным, хотя на поверку оба – непьющие. При случае наведаемся к нему и с «Русской баней». Он поистине мудрый, благородный доктор и достоин внимания!

5. Сразил откровением!

Моя жена не литератор, а потому, когда я прочел ей твою фразу: «на какие «шиши» раскатываешь по стране?», то она ее восприняла буквально, как твое нежелание видеть меня в Росто-

ве. Я пытался убеждать супругу, что это просто «крик души» униженного и оскорбленного нынешними властями большого ученого, она же все твердила:

— Да Саша Борисов, совсем не богач, а тебя не один год уговаривал, как вот и сейчас пишет: «Всегда рад видеть тебя на Дону. Приезжай, когда есть возможность и на сколько захочешь», а твой ученый Костя за 40 лет — раз встретиться не желает. Нонсенс!

И смех и грех! На будущее будь осторожен с дамами. Их легко сразить откровением. У баб же, как гласит русская пословица: волос долог, да ум короток. Меня ты ничем не удивил. Объяснять тебе: откуда у меня средства? – долго не стоит. Я уже ранее писал, что меня кормит жена на доходы от мелкой торговли и дачи. Все лето и осень я занимаюсь заготовкой, а она продажей грибов. Отсюда и публикуемые в книгах «Записки грибника и рыболова». Приятное совмещаю с полезным. К тому же и спонсор в активе, и кое-кто книги у меня покупает. Тот же донской атаман Юдин приобрел мои «Донские очерки» на 4 тысячи рублей. Веду же я скромный образ жизни. Не пью. Одеваюсь без роскоши. Пенсия моя, на тысчонку, больше. Мой стаж не 40, как твой, а 50 лет. Ведется он с 15 годов, когда я зарабатывал еще трудодни в колхозе. И в бане три года, будучи на пенсии, отработал. В общем, выкручиваюсь.

Я пришел к выводу, что тебе не хватает знаний обо мне. Их пополнит высылаемая тебе — главная и самая дорогая моему сердцу книга — «Родная сторона». В ней – истоки моего жизненного и творческого пути. Безотрадная судьба моих прекрасных родителей. Отца – инвалида и вечной труженицы – матери. В отличие от тебя я оставил своим внукам родословную рода Козиных.

6. О главном

Меня твои ранги «профессора» и прочее интересовали не по причине конъюнктурных соображений, я принимаю друзей и в бомжовском одеянии. Дело в ином. Я готовлю сейчас новую книгу, а называться она будет «МОИ СОВРЕМЕННИКИ». О политиках и писателях – земляках, об актерах и журналистах, о родных и близких. Обо всех тех, кого знаю и кто дорог мне. В том числе

и о тебе — друге Косте. Потому и выбиваю информацию. Я просил прислать мне свою краткую биографию – ее нет. Уговаривал подарить фото – не реагируешь. Любопытствовал о судьбе Тер — Минасьяна, Рысева и прочих корифеев ФОПа – тоже молчишь. Вот почему я так обрадовался твоему последнему письму. В нем хоть что-то, но есть для очерка.

Ты правильно заметил, что я наделен чувством юмора, без него не может быть стоящего литератора, а писателем себя я не считаю. Истинных художников слова у нас по пальцам можно перечесть. Однако это совсем не означает, что журналисты, как мы с тобою, должны скромно помалкивать. Коль не можем по-соловьиному, так по скворчиному будем петь. Они то же – прекрасные весенние птицы. Жду ответ. Твой – Петр Козин.17.05.09г.».

Дорогой Петр!

«Жена у тебя умница. Это в отношении ее слов, что не хочу тебя пригласить в Ростов погостить. Просто некуда. Не жить же тебе в гостинице! Там, где живет семья— две комнаты в 40 кв.м. на пять, а с некоторого времени на шесть человек. Та же однокомнатная квартира, где обретаюсь я, — это склад строительных материалов…

Ты упрекаешь меня, что я не могу сообщить ничего о Рысеве и Тер – Минасьяне. Что сообщать. У них другие профессиональные интересы. К тому же они другой возрастной группы. Они – сокурсники, но до друзей (в моем понимании) тут далеко. Не знаю, как у тебя складывалось в жизни с друзьями, а у меня всегда неважнецки: просьбы были на рубль, а ответная помощь – на грош, да еще с претензией, что заставляю напрягаться. Посему я привык надеяться только на свои руки и голову. Но, с каждым прожитым годом, я все явственнее ощущаю — они (руки и голова) не дорого стоят в блатном Ростове.

Насчет моей аполитичности ты в корне неправ. Я вырос в семье старого большевика. Работал на таких руководящих должностях, куда без партбилета не допускали! Помню разговор со вторым секретарем горкома КПСС, при очередном моем назначении: почему, выйдя из комсомола, я, до сих пор не подал заявление в

КПСС, у тебя же отец 50 лет в партии? Считаю, что до КПСС еще не созрел.…Ну-ну, созревай скорее, а то не утвердим в должности – нам неуправляемые начальники не нужны…

Один из феноменов нашей семейной жизни я отношу к определенной степени зомбированности партийцев той поры. Но отец, кроме партийного билета, который берег, как зеницу ока, ничего не имел, как и требовала партия от истинных коммунистов. Я его практически не видел дома рядом с собой ни в детстве, ни в юности. Он все «пахал» на партию. До фанатичности, до самозабвения. Представь себе, партия приказала разорвать отношения с набожными родственниками, и он более 30 лет не общался со своими родными, но богомольными сестрами!

Командовал громадным объемом продснабжения, а на партийном съезде, идя с докладом к трибуне, упал в проходе, потеряв сознание, от истощения. Поистине — второй Цурюпа! Только на склоне лет, в брежневскую эпоху аллилуйщины, восхвалений и всеобщего «одобряемся», он малость прозрел. Но было уже, как и всегда, поздно. Было ли в эру КПСС лучше по сравнению с нынешним временем? Несомненно, хотя бы потому, что соблюдалась видимость справедливости… Хотя бы потому, что мы с тобою получили высшее образование, имеем крышу над головой. Хотя бы потому, что не успели оболваниться до предела массовой культурой, не стали наркоманами, мафиози. Что будет с нынешним поколением – страшно подумать! Массовое оболванивание через теле – и кино-продукцию, наркотики, свобода нравов. Та же литература сведена до уровня комиксов, до уровня «урви — от жизни все, любой ценой и сейчас…». Ты, что всерьез считаешь, что твои книги кроме друзей, да родственников лишь твоего возраста (!) будет читать кто-то из молодых? Жду ответа. Твой — Константин».

… Прочел я это грустное откровение друга, но памятуя о данной ему характеристике Тер – Минасьяном, что «попасть на его журналистский зубок небезопасно», решил все проверить сам. Размышляя о том – не иссяк ли у «доктора медицины» еще порох в пороховницах, попросил приятеля написать к моему юби-

лею очерк о нашей с ним дружбе. Свою просьбу я облек в форму виршей.

Сочинил куплеты, не раздумывая, уложил их в конверт, и послал в Ростов.

Константину Жижину

Вот и лето прошло.
Стерлись осени краски.
К нам стучится в окно
Новогодняя сказка…

Значит – время мечтать
Не о море и бригах…
А о том, как издать –
Юбилейную книгу!

По веленью Богов
Она выйти готова,
В ней лишь нет –
Твоего…
Да, да – веского слова…

Пусть увяз ты в делах,
По ночам плохо спится…
Старожилу Орла,
Подари хоть синицу…

Мне не нужен журавль,
Что в безоблачной выси…
Не далекая даль –
Только свежие мысли.

Как синицы в саду
Всегда рады рассвету,
С нетерпением жду —
Из Ростова привета!

Врач ВМФ СССР Константин Жижин, 70-е годы

Согласись, Костя, это неплохие стихи, ибо они родились под давлением обстоятельств и стреляют как почки под весенним солнцем. Вылетели подобно пулям из горячего пистолета. Время идет, а от тебя – ни рецензии о бане, ни очерка о друге.

Знаю: сам виноват — задержался с ответом. Но молчу я намеренно, чтобы напрасно не раздражить ученого мужа. Ведь надо дать время созреть плоду – большое видится на расстоянии.

И о том, жена лишь знает,
Как тоска меня съедает…

Ну, а теперь оставим на время лирическую страницу и перейдем к прозе жизни.

Я внял твоей критике и в Ростов, на этот раз, не поехал. И не только потому, что оказался на мели – более тридцати тысяч мы истратили с благоверной на то, чтобы покрыть дачу шифером, а обе крыши гаражей — современной пленкой. В шесть тысяч обошелся ремонт моего автомобиля. К тому же я еще менял права, проходил медкомиссию (на одни сердечные таблетки истратил добрую тысячу!) и техосмотр, а это, сам знаешь удовольствие дорогое….

Дело в том, что мне хотелось, коли праздновать, то, как и умирать – с музыкой. То — есть иметь возможность порадовать друга новою книгой, где он сможет воочию себя лицезреть. Без подарка приезжать – пустое дело. И хотя приятель есаул Борисов и обиделся на меня, но я, подобно некрасовскому мужику, которому в башку, коль засядет «какая блажь – не выбьешь, упирается, все на своем стоит!».

Лето и осень (прочтешь в «Записках грибника и рыболова») были неурожайными на грибы из-за засухи. Заработал всего 10 тысяч целковых. А на издание не менее 50 тысяч нужно. Как видишь арифметика совсем не в пользу творчества. Хотя книга, в основном, готова.

Дело за тобой. Пиши и высылай. Не забудь копии оставить, не то не ровен час — почта подведет. Всякого ныне от властей ждать приходится.

Мы с тобою живем –
От зарплаты к зарплате…
Строев – знаешь о том,
Заседает в Сенате!

Он сменился в лице —
Спесь доводит до шока!
Хоть богат, волей рока,
И живет во дворце!

Снова в трансе Егор –
Зря не дремлют ребята,
Уж готов приговор –
Отозвать из Сената!

Да, сейчас, как сообщает областная коммунистическая газета «Орловская искра» началась массовая компания по отзыву Егора Строева из Сената. Туда его устроил новый губернатор Козлов. Порадел «родному человечку».

Вот и все о новостях и о себе. Пиши.

Петр.

Орел, декабрь 2009 г.

В канун года Тигра, а именно, 31 декабря 2009, в 22 часа 54 минуты я получил из Ростова эсемеску. Костя сообщал: «Петр! Удачи и здоровья! Живи и дальше так, чтобы не повадно было другим!».

Расшифровка сути мысли пришла в конце января. – Костя выслал мне свой очерк, коей он озаглавил «Слово о друге». Читатель сможет ознакомиться с ним в разделе книги «Голоса друзей».

Да, мой собрат по перу, остался верен своей приверженности к острому слову. Как прежде, он — прямолинеен и искренен в оценках дел и поступков своего героя. Однако, на этот раз, в нем победили – рассудочность и трезвость мысли. Лейтмотив очерка можно вложить в такие строки:

От заметок в стенгазете
До «Записок» в Интернете,
Тяжким был –
И в этом суть —
У селькора к Славе путь!

О какой «Славе» речь? Дело в том, что благодаря очерку друга, мы узнали, что в Интернете появилась моя книга – провинциальные записки — «Родная сторона». Это важное событие мы отметили 3 февраля 2010, в очередной день рождения дочери Ирины. Вся семья, в первую очередь, внуки Максим и Настя были чрезвычайно рады увидеть свои фотографии на экране компьютера. Костя оказался подлинным пленником Гиппократа. Он не только не навредил, а напротив, вдохновил меня, своими открытиями в очерке, на новые поиски в жизни и творчестве. Более того, он принес счастье в мой семейный быт. Вот так поступают настоящие друзья! Тем более, если они – доктора медицинских наук!

Боевой корабль военврача Константина Жижина

ЛЕТОПИСЬ ОРЛА

О том, как жили наши предки
И, как теперь идут дела…
Как град наш цвел,
От века к веку —
Читаю Летопись Орла…

Большой любитель старины, почетный автотранспортник, 80-летний земляк — болховчанин Иван Алексеевич Лукьянчиков в дни рождества 2010 принес мне для ознакомления огромный фолиант, сказал:

— Тебе, надеюсь пригодиться эта документальная литература об истории нашего города и края. Будет полезно, если ты в своей книге поместишь, хотя бы небольшую рецензию на этот огромный труд наших архивариусов.

— Ого! — воскликнул я, — здесь 500 страниц убористого текста. Месяца не хватит, чтобы изучить.

— Зачем изучать? — возразил он, — уверен, что ты, как историк, уже и так о многом знаешь по книгам Басова, Пясецкого, Катанова. Пробежишься по страницам и, наверняка, что — ни будь, для себя интересное найдешь, чего у них нет. Ведь летоисчисление ведется до наших дней. Книга ценою в 700 рублей. Не станешь же ты урывать на ее приобретение со своей пенсии. Я же тебе даю ровно на столько времени, сколько понадобится для работы.

— Спасибо! — поблагодарил я друга, — оставляй, почитаю.

Любитель старины – болховчанин Иван Алексеевич Лукьянчиков в 70-е годы

Чтение заняло не один день. Однако, несмотря на научность и документальность, на сухость изложения, мате-

риал оказался довольно любопытным. Тем более что редактором летописи основных событий 1566 — 2000 «ОРЕЛ ИЗ ВЕКА В ВЕК», выпуска издательства ОРАГС 2003 года, была моя старая знакомая, заслуженный работник культуры РФ Ася Петровна Олейникова. Еще в памятные 70-ые мы плотно сотрудничали с нею в редакции областной газеты «Орловский комсомолец». Возглавляли один и тот же отдел школьной жизни. С одною лишь разницей: она была штатной, а я внештатным заведующим. Больше того, Ася Петровна стала издателем моего первого поэтического сборника «Отчий край», вышедший в 1993 году.

И вот теперь передо мною лежит труд, возглавляемого ею, авторского коллектива, в составе: А. А. Ветошко, А. А. Воробьева, Л. Л. Корчева, Л. Н. Марковичева, О. С. Пантелеева, И. В. Рыжова, О. М. Трохина.

Для подготовки столь солидного издания был создан также редакционный совет. В него вошли: Е. С. Строев (председатель), Н. А. Володин, А. А. Мерцалов, И. Я. Мосякин, М. Г. Михайлов, В. И. Уваров. Члены редакционной коллегии: Т. Н. Старых (ответственный за выпуск), В. Е. Амелин, С. Т. Минаков, С. В. Фефелов.

Все они — уважаемые, эрудированные люди. Вспомнилось знаменитое замечание великого русского полководца Михаила Илларионовича Кутузова, брошенное им, в грозном 1812 году, в адрес воинов его доблестной армии: «С такими молодцами, да отступать!».

Но не воины Кутузова, ни орловские летописцы совсем не думали об отступлении. Их цель — только вперед! Только — на линию огня! Тем более что издание было приурочено к 60-летию освобождению Орла от немецко-фашистских захватчиков и 225-летию со дня образования Орловской губернии.

В аннотации говорится: «Книга рассказывает о наиболее значимых событиях, происходящих в экономической, политической, общественной, социальной, культурной жизни Орла. С момента основания города и до завершения XX века и второго тысячелетия во всей их сложности, многогранности и порой противоречивости на основе принципов историзма и объективности. В «Летописи» представлена информация, отражающая различные

аспекты развития Орла. Города, сыгравшего, не только в прошлом значительную роль в экономическом и духовном развитии страны, но и по сей день занимающего заметное место в новом демократическом Российском государстве. Книга адресована широкому кругу читателей, преподавателям и студентам, учителям и учащимся школ, колледжей, гимназий. Всем, кто интересуется историей родного края, историей малой Родины».

Все семь авторов — составителей взяли на себя ответственность за подготовку архивных материалов по годам. Отсюда и несколько моих небольших поэтических резюме. Самый большой отрезок времени пришелся на долю А. А. Ветошко.

1. Орел (1566 — 1800)

Указом Грозного завещано:
Стоять град — крепости века.
Там, где Орлея и Ока
Образовали междуречье.

Явились воеводы разом:
Ростовский — князь и Безобразов.
Затинщики и пушкари
Справляли службу до зари.

Чтобы татары — лиходеи,
Свиной дорогою не смели
Идти к Москве, творя разор,
Они готовили отпор.

Броды Оки и брод Орлеи,
Что именуется — Царев.
Встречали степняков —
Гиреев,
То звоном сабель,
То огнем!

Лжедмитрий 1-ый
Занял город,
Болотников здесь также был.
Второй Лжедмитрий —
Лютый ворог,
Отсюда в Болхов
Путь торил.

Когда в Орле
Не стало войска
И жители ушли в разброд.
Его дотла спалил Лисовский,
В нем 20 лет не жил народ.

Сам гарнизон
Стоял во Мценске.
И лишь в году 38-ом
Об этом стало нам известно,
Был заново отстроен он.

Остроги строились и церкви,
А там и перепись прошла…
Топил ногайцев,
Крымцев в реках
Надежный полк Туренина!

Нет, не одним ратным делом жили орловцы. Когда взамен денежного содержанья им были пожалованы земли, они занялись землепашеством. Земля без навоза — мертва. Возникла необходимость в развитии скотоводства. Отсюда истоки кожевенного и суконного производств. Маслоделия и сыроварения. Необходимость в завозной соли.

Выращенное зерно надо было молоть — появились на реках мельницы. Из муки надобно печь хлеба — появились хлебопекарни. Для коней требовалась сбруя, подковы — возникли кузни и мастерские.

Избыток хлеба надобно продавать, Для его извоза в соседние пределы потребовались суда. Возникли верфи по их строительству. Развивалась торговля между жителями право и левобережья Оки и Орлика. На смену стихийным базарам, строились торговые ряды. Нужны были не только временные переправы — настилы и лодки, но и постоянные мосты. Тем более что с Петровских времен угроза Москве с юга была сведена к нулю. В обилии требовался лес, а его в нашем подстепье не хватало. Древесину завозили калужане. Следовало налаживать дороги.

Моя мама часто повторяла: камень, что лежит на одном месте и тот мхом обрастает. Тем более живой организм города. Он постоянно нуждался в притоке новых сил, в обновленье. Для ознакомления с Указами царя и распоряжениями воевод, с надписями на иконах и молитвами. Для знания письма и счета купцам и прочим торговым людям была необходима грамотность. Открывали 2-3-х классные, а затем и 4-х классные школы. Чиновные учреждения, монастыри и церкви нуждались в более квалифицированных кадрах. Так появились духовные семинарии и светские гимназии.

Город подвергался наводнениям, часто горел, его сокрушали голод и мор. Но, он подобно сказочной птице Феникс вновь восставал из пепла. Строились кирпичные заводы купцов Малыгина и Коробова. В 1810 году их будет восемь.

Обо всем этом мы находим в скупах строках летописи.

По городской реформе 1699 года, проводимой Петром 1, в посад получили право записываться служилые люди и крестьяне, жившие в городах. Так в Орле не случайно появились посадские улицы.

В 1719 образована Орловская провинция в составе Киевской губернии. В 1725 — год смерти царя Петра 1, в Орле 7 семьям купцов — виноделов принадлежало 6 заводов, а в 50-х годах таких семей числилось 14 и у них имелось 14 заводов — так пополнялась государева казна.

1729 год — учреждение Герба Орла «В синем поле белый город, на воротах которого черный одноглавый орел с золотой на голове короной». В 1733 учреждена полиция. В 1744 в Орле проездом в Киев находилась императрица Елизавета Петровна с на-

следником престола Петром Федоровичем. Ранее здесь бывали Иван Грозный, Петр Великий. 16—18 июня 1787 года Орел посетит и Екатерина 11.

В 1772 году образованы — Крестительское, Ахтырское (Никитское) и Борисоглебское кладбища. Ведь население Орла перевалило за 70 тысяч.

Указом Екатерины 11 от 28 февраля 1778 года учреждена Орловская губерния. Первым губернатором ее стал князь Н. В. Репнин. В Орле насчитывалось 2500 домов. Первым правителем Орловского наместничества в составе 13 уездов назначен А. С. Лопухин. В 1792 город состоял из 5 частей и 30 кварталов. 12 декабря 1796 года орловское наместничество упразднено. Образована губерния с центром в Орле.

13 апреля 1797 года в связи с коронацией Павла 1 поэт А. И. Клушин (1763—1804) написал торжественную «Оду», а орловские купцы собрали 3 тысячи рублей для помощи больным и бедным.

Около 1786 года при губернском правлении появилась первая книжная лавка. Она принадлежала коллежскому асессору Н. И. Попову и находилась под покровительством масонов. После запрещения деятельности масонских лож Екатериной 11 лавка прекратила свое существование. Она была опечатана полицией, обнаружившей в ней из имевшихся 110 книг 38 — масонского содержания, выпущенной типографией Н. И. Новикова.

В 1800 для старообрядцев, присоединившихся к Православной Церкви, построена каменная часовня во имя Успения Пресвятой Богородицы.

Так усилиями А. А. Ветошко история края была доведена до 1819 года. Эстафету принял А. А. Воробьев. Его исследования заключены в рамках 1820 — 1865 годов. Заканчивает век Х1Х и открывает ХХ — Трохина О. М.

2. Орел в XIX веке

«Ведь не даром,
Москва, спаленная пожаром,
Французам — отдана».
М. Ю. Лермонтов

Когда дошел слух до Орла,
Что Бонапарт уже в России…
Наперекос пошли дела —
Купцы торговлю прекратили.

Глядели люди в окоем,
На Запад, где сгущались тучи…
Всяк помышлял о доле лучшей
И о спасении своем.

Но дни смятения ушли.
Узнал народ,
Что бьет французов,
Их гонит прочь с родной земли
Главком Российский —
Князь Кутузов!

Не зря столица отдана —
Месью погибель в ней находят.
Орел коней за удила —
Ей в помощь шлет свои подводы.

На них — подковы, сухари,
И сапоги, и полушубки…
Нет, вся Россия не сгорит,
Коль кони есть,
Овес и крупы.

И коли, Армия жива,
И гордый дух ее не сломлен.

Но главный госпиталь Орла
Уж ранеными переполнен.

Орел несчастным помогал.
Здесь каждый вел себя геройски.
И хлопотал — не уставал,
Среди больных —
Поэт Жуковский.

В годину горькую в Орле проживала семья композитора Михаила Ивановича Глинки, которому в ту пору шел 8-ой год. Через много лет он вспомнит, как тревожным набатом гудели колокола орловских церквей.

В грозовом году родился детский писатель Бурнашев Владимир Петрович. Он известен мне по книге «Кавалерист — девица Дурова».

9 марта 1813 года в Орле родился историк Тимофей Николаевич Грановский. Умер в 1855. В мае 1814 года по распоряжению герцога Александра Вюртембергского в Орел прислано 1200 пленных французов, их содержание возлагалось на население города. Мои земляки и к бывшим врагам относились с пониманием и сочувствием. Ранее лечили их в своем госпитале.

Война войной, а культурная жизнь города не затихала. В 1812 карачевским купцом Иваном Сытиным открылась типография. Он издатель всех орловских книг. В 1819 стала работать его собственная типография. Первая книга — сочинение И. В. Лопухина «Нечто для размышления о молитве и сущности христианства» была отпечатана в губернской типографии в 1814 году.

26 сентября 1815 года открыт первый постоянный городской театр на 500 мест. Основателем и владельцем его являлся граф С. М. Каменский. В его труппе в 1822 играл великий русский актер Михаил Семенович Щепкин. В 1816 начал выходить журнал «Друг россиян и их единоплеменников обоего пола, или Орловский Российский журнал», являвшийся первым в Орле периодическим изданием.

28 октября 1818 года (в своем доме) Орла родился писатель Иван Сергеевич Тургенев. Умер 22 августа 1883 во Франции.

В 1822 году на Оке купцом Ф. С Вязьмитиновым построен первый большой (28 метров длиной) баржевый мост, соединивший ныне Советский и Железнодорожный районы. 1 мая 1823 состоялось торжественное открытие городского сада. В этом же году Орел посетил император Александр 1. В ночь с 21 на 22 января в Михаила — Архангельской церкви находилось его тело, которое, после смерти, перевозили из Таганрога в Петербург.

В 1829 проездом в Арзрум останавливался в доме генерала Ермолова великий поэт А. С. Пушкин. В 1834 году учреждена Орловская публичная библиотека. В 1837 орловский мещанин, продавец старых книг и лекарственных трав Дмитрий Иванович Басов (1798—1868) начал писать записки по истории Орла. В 1841 — 1846 в Орловской гимназии учился писатель Н. С. Лесков. 6 декабря 1843 года открылся Бахтина кадетский корпус. В 1930 на его базе создается первое в стране танковое училище.

2 октября 1843 года родился Пясецкий Павел Иванович, доктор медицины, художник, писатель. 28 апреля 1845 открыт Орловский древесный питомник. 10 мая 1846 года появилась на свет Федотова Гликерия Николаевна, великая актриса. В 1848—1851 в Орле жила Мария Александровна Вилинская, будущая писательница Марко Вовчок (1833—1907).

9—10 января 1856 в Орел к умиравшему брату Дмитрию приезжал Л. Н. Толстой. 16 сентября 1859 года родился Русанов Николай Сергеевич, революционер — народоволец. 18 апреля 1861 года у Троицкой церкви похоронен генерал Алексей Петрович Ермолов, рожденный в 1877 году, герой Отечественной и Кавказской войн. В 1862 помещик Болховского уезда, бывший декабрист С. И Кривцов утвержден почетным попечителем Орловской мужской гимназии.

9 июня 1863 года открыт первый в городе водопровод, а 1 февраля 1864 — первый общественный банк Орла.

15 августа 1868 открылось движение поездов по Московско-Курской железной дороге. 9 августа 1871 года родился писатель Андреев Леонид Николаевич, а 3 ноября 1875 — полярный исследователь Русанов Владимир Александрович. 29 января 1881 года родился писатель Зайцев Борис Константинович, а 26 апреля 1886

поэт — сатирик Потемкин Петр Петрович. В 1889, 4 июня закончено строительство артезианского колодца.

С ноября 1889 по август 1892 в «Орловском вестнике» работал писатель И. А Бунин, будущий лауреат Нобелевской премии.

15 ноября 1892 «открыто телефонное действие». 9 октября 1893 Орел посетил протоирей Иоанн Кронштадтский (1828—1908), обладающий даром исцеляющей молитвы. 25 ноября 1896 года впервые в Орле в городском театре состоялся сеанс кинематографа. 31 января 1898 года образовано отделение попечительства о слепых.

3 ноября 1898 года в Орле открылось трамвайное движение. 18 мая 1899 Орел посетила Великая княгиня Елизавета Федоровна Романова.

21 августа 1900 года умер Пясецкий Гавриил Михайлович, преподаватель Орловской духовной семинарии, исследователь истории местного края.

3. Орел и Россия в XX веке

Век XX —
Век бурных страстей,
Век мятежных, крутых переломов.
Век машин
И больших скоростей,
Век, то правых,
То левых уклонов.

Век, когда расстреляли
Царя,
В подчистую, дворян истребили.
Век XX —
Россия в огнях,
Отовсюду — враждебные силы.

То свирепствуют немцы окрест,
То Антанта грозится

Войною.
От соборов святых
Не идет
Благовест —
Все порушены
Злою судьбою.

Днепр — в крови,
Заштормил Тихий Дон.
Вся Кубань,
Словно в пьяном угаре.
Стал ареной борьбы
Каждый скит, каждый дом —
На Руси зло творят комиссары!

Брат на брата,
На сына отец,
Поднимают кинжалы и сабли.
В дулах ружей —
Горячий свинец.
Страх кругом —
Убивают и грабят.

Стоном стонет земля,
Безутешен народ:
Знать Великую Русь
Проглядели!
Кремль набатом зовет:
— Коммунисты, вперед!
С вами всюду —
И Троцкий, и Ленин!

Приутихла гроза…
Вот уж Ленина нет.
Сгинул Рыков,
Расстрелян Бухарин.

Троцкий Мексике отдал
Последний привет
Но набат все сильней:
— С нами Сталин!

У крестьян, как и встарь —
Ни земли, ни двора,
У рабочих —
Обещанных фабрик.
Но кричат коммунисты,
Как прежде: Ура!
Коммунизм —
Наилучший подарок!

Вот войною на Русь
Вновь приходит беда.
Жмут фашисты
На «Тиграх» свирепо.
В пепле — села лежат,
И в дыму — города…
Из еды только —
Свекла да репа.

Но встает, поднимается
Русский народ,
Расправляет могучие
Крылья.
И с гранатой в руках
Воин падал на дзот,
Чтоб о счастье мечту
Сделать былью.

Победили!
О мире и счастье поем.
Любим Родину
Страстно и нежно.

Обещает Хрущев:
«К коммунизму придем!»
«Космос наш!» —
Аплодирует Брежнев.

Только более всех
Говорил горячо,
Запродавший страну,
Иноверцам,
«Лучший немец»,
Генсек, президент Горбачев,
Влез на танк
Новый деятель —
Ельцин.

Отличился вполне
Наш лукавый Борис —
СССР развалил
В миг единый.
Покатилась Россия,
Да кубарем вниз…
Демократии нет
И в помине.

Ни заводов, ни фабрик:
Держись гегемон! —
Безработица, голод, болезни.
Крах колхозам…
Под шелест
Трехцветных знамен —
Опустели
Родные деревни.

Хочется верить, что XXI век станет веком роста и расцвета России, а также нашего славного Орла. Нашего чудесного края, подарившего Отечеству золотое созвездие писателей, множество Героев в боях за Родину.

БАННАЯ СТРАНИЦА ОРЛА

Губернатор Орловской области Александр Петрович Козлов

«Летопись Орла» новейшего периода, то — есть XXI века, несомненно, будет продолжена. В ней найдут отражение события февраля 2009 года, когда Указом Президента РФ Д. А. Медведева, Егор Строев был освобожден от своих обязанностей, а губернатором области стал бывший заместитель Министра сельского хозяйства А. П. Козлов. Тщусь надеждою, что в «Летопись города» будет занесена и такая запись: «В апреле 2009 изданы книги Петра Козина: поэтическая энциклопедия «Русская баня» и повесть «Жар малиновый». Они и есть — «Банная страница Орла».

15 апреля 2009, мы с литератором Сергеем Шмелевым передали на имя губернатора Козлова (вместе с книгами) письмо следующего содержания:

Уважаемый Александр Петрович!

Средства массовой информации (в частности газета «Красная строка») сообщили о вашем глубоком огорчении по поводу неудовлетворительного состояния бань на Орловщине, где даже в ряде райцентров таковых нет. Мы полностью разделяем Вашу озабоченность. В подтверждение тому, будто по воле Бога и вашему желанию, только, что вышли в свет две моих книги: «Русская баня» и «Жар малиновый», которые мы вам с удовольствием дарим.

Обе они на волнующую тему бани, как важнейшего изобретения человечества и главного врачующего средства. Баня — суть гигиены и здоровья, предотвращения эпидемий. Здоровье же на-

рода — национальное богатство страны.

Образцом, в этом плане, являются финны. Судите сами.… Здесь на 5 миллионов населения приходится 1 (один) миллион саун. Их них 800 тысяч частных и 200 тысяч — общественных. Финны взяли на вооружение постулат греческого философа Платона, утверждавшего: «Государство обязано заботиться о сооружении общественных бань!». У нас в Орле, все наоборот. На 320 тысяч населения приходится всего три муниципальных бани. Одна на 107 тысяч человек — нонсенс! Так называемая Железнодорожная (3-я) прекратила свое существование, а первая, вторая и четвертая бани, наполовину вытеснены частными офисами. Как это происходило подробно описано в моей повести.

Нам приятно, что вы, как государственный муж, осознаете свою личную ответственность за профилактику здоровья населения. Действительно, тут никакими законами капитализма, основанными лишь на извлечении валютной прибыли, не отмахнуться. Тому яркий пример средневековой Европы, где религия запрещала бани. Потому здесь только за три года чума (!) унесла четверть населения Европы — 25 миллионов человек. Случись у нас такое несчастье — убытки государства возрастут в геометрической прогрессии по сравнению с нынешними мизерными дотациями МУП БПХ со стороны города и области. При этом цены билетов в баню составляют от 90 до 270 рублей, что не под силу рядовому обывателю.

Не станем более утомлять вас цифрами. Другие разящие факты вы найдете, если пожелаете, в моих книгах.

Позвольте выразить надежду, что вы дадите указание переиздать книги, если конечно найдете нужным, большим тиражом, чем мои 100 и 200 экземпляров. К тому же их необходимо хорошо проиллюстрировать.

Вместе с моими товарищами: редактором В. М. Катановым и рецензентом С. И. Шмелевым мы желаем вам здоровья и успехов в Вашей многотрудной работе по сбережению народа вверенной вам губернии.

Петр Козин,
Орел, 15 апреля 2009 г.

Через месяц на мое имя из областной администрации поступило письмо от 15. 05. 2009. № К — 1417—1-6:

Уважаемый Петр Дмитриевич!

Департамент образования, культуры и спорта, рассмотрев Ваше обращение к Губернатору области по вопросу переиздания книг «Русская баня» и «Жар малиновый», сообщает, что в Законе Орловской области от 05.12.2008 г. № 836 —03 «Об областном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов», расходы на издательскую деятельность в социальной сфере не предусмотрены.

Руководитель Департамента Л. А. Сальникова

Прочли мы со Шмелевым данную отписку, иначе не назовешь сие строки госпожи Сальниковой, сам губернатор не удосужился черкнуть пару теплых слов, и пришли к заключению, что нас не поняли: мы про Фому, а нам про Ерему. Разве главное о чем мы сообщали Губернатору — это переиздание книг?! Из сути нашего письма ясно, что мы были и остаемся озабоченными состоянием орловских бань и высокими ценами на их посещение. Книги же, даст Бог, будут размещены в Интернете, чем наше авторское честолюбие и будет удовлетворено. А вот, что будет с горожанами, если из-за грязи они подвернутся эпидемиям? — это вопрос не праздный!

Учитывая, что сам губернатор промолчал, понятно: Козлову не до Козина, при его занятости, хотя наши фамилии — суть одного корня, мы решили прибегнуть к помощи специалиста. К авторитету в области гигиены — доктору медицинских наук, работавшему ведущим преподавателем кафедры гигиены Ростовского на Дону государственного медицинского Университета Константину Сергеевичу Жижину. Он же, член — корреспондент, профессор РАЕН, в отличие от формалистки Сальниковой, не пожалел времени и сил, написал для нас обстоятельную статью, которую мы предлагаем на суд читателей, в том числе и нашего уважаемого губернатора.

«СЛОВО ВО ЗДРАВИЕ БАНИ»

О русской бане написано не мало: рассказы и стихи, песни и частушки, пословицы и поговорки: «Баня — мать вторая. Баня — мать родная», «В бане помылся, как заново родился». Баня — неотъемлемая часть не только национального быта, но и русской народной культуры. Долгое время она была и сегодня еще кое-где остается непременным атрибутом важнейших событий в жизни русского человека с момента его рождения и до проводов в последний путь. В северных говорах сохранились выражения: «Бабушка банит (банится), т. е. повивает, занята повиванием новорожденного. Банная молитва, т. е. молитва для родильницы (роженицы) и другие.

Баня была обязательной частью русского свадебного обряда (накануне венчания и на другой день свадьбы). Ее посещение сопровождалось особым церемониалом. Отсюда, в частности, поговорки и пословицы: «По рукам, да и в баню», т. е. «решено, договорились» о решении, принятом по взаимному согласию и осуществленном без отлагательства. «Не холостому на женатого, баню топить», т. е. следует поступать, как положено, по обычаю: «Ложка в бане не посуда, девка — бабе не подруга».

Баня была и остается лекарством от многих болезней: «Баня парит, баня правит. Баня все правит. Коли бы не баня, все бы мы пропали. Без бани бурлак пропал. Пар костей не ломит, а простуду вон гонит».

Личный врач императрицы Елизаветы Петровны португалец Санчес в 1778 году писал в своем трактате: «Не уповаю я, чтобы сыскался такой врач, который не признавал за полезное парную баню. Всяк ясно видит, сколь бы счастливо было общество, если б имело нетрудный безвредный и столь действенный способ, чтоб оным могло не токмо сохранять здоровье, но исцелять и укрощать болезни, которые так часто случаются. Я с моей стороны только одну Российскую баню, приготовленную надлежащим образом, почитаю способной к принесению человеку столь великого блага. Когда помышляю о множестве лекарств из аптек и химических лабораторий, выходящих и привозимых изо всех стран света, то

многократно желал я видеть, чтобы половина или три четверти оных, всюду великими расходами сооружаемых зданий, превратились в бани Российские, для пользы общества».

Баня была традиционно включена в ритм размеренной крестьянской жизни. Банный день (суббота) считался таким же обязательным к соблюдению, как праздничный день (воскресение), постные дни (среда и пятница). Помни день субботний: иди в баню. Постничай по средам, ходи в баню по субботам, т. е. все делай в свое время. Очищение в бане, завершавшее трудовую неделю, было вхождением в праздничное состояние: «Баня все грехи смоет: баня смоет, шайка сполоснет».

Посещение бани было своеобразным ритуалом, регламентированным социально предписанными правилами поведения (в том числе и речевого). Он основан, как на многовековом житейском опыте, традициях, так и на суевериях, уходивших своими корнями во времена славянского язычества. Баня (мыльня, мовня, мовь, лазня) была известна у славян уже в У-У! веках. Само слово баня является общеславянским заимствованием из народной латыни. Бальнеология — раздел курортологии, изучающий свойства минеральных вод.

Правилам этим старались следовать, чтобы баня пошла на пользу, а не во вред. Тем, кто направляется в баню, окружающие приветливо желают: «Легкого (вам, тебе) пару! Легкого пару без угару! Пар вам легкий! Легко тебе попариться! Смыть с себя художества, намыть хорошества! Шелковый веник вам!». В ответ сдержанно — вежливо благодарят. Специального ответа не требуется, достаточно дружелюбного взгляда, согласного кивка. «А булочник — старичок весело кричит: «здравия желаю Сергей Иванович! В баньку? Это хорошо, пар легкий!» (И. Шмелев «Лето Господне»). «А почему вы с корзинкой? — предварительно осведомился Рубенс. — Иду в баню. — Ну, желаю вам легкого пара!» (Ильф и Петров «12 стульев»). Телеведущий: «А вы что желаете, человеку, идущему в баню? В. Солоухин: «Легкого пару. А когда из бани идет, то — с легким паром!». (Из телепередачи «Тема», 1994, 27 сентября). В старых московских банях у банщиков были свои, «профессиональные» пожелания, не без расчета на чаевые.

Солидных клиентов встречали словами: «Легко вам попариться — желаем супруге понравиться!» (Е. Иванов «Меткое московское слово»). Пожелания продолжались и в самой бане: «Пар вам бояре! Пар в бане! Пар в баню, чад — за баню!».

Парильщика, наливающего в чан воду, приветствовали: «Заливанье тебе!». На что следовал ответ: «Гулянье тебе! Сиденье — к нам! (С. Максимов «Крылатые слова»). Тому, кого парили, желали: «Болезнь в подполье, а вам здоровье!». Или «Болезни в землю, мощь в тело, а душа заживо к Богу!». «И все молодцы (парильщики) в один голос закричали: «Радость — то нам, какая! Мы с вас Сергей Ваныч, остатнюю болезнь, какая ни есть скатим!» (И. Шмелев «Лето Господне»).

Матери и бабушки, обливая детей водой, приговаривали: «Вода б книзу, а сам бы ты кверху, т. е. расти большой. С гуся вода, с тебя худоба на пустой лес, на большую воду (от старинного наговора, когда спрыскивают в болезни водою). «А дедушка как обольет меня! — хвалился он перед Колей. — А я хоть бы что! — С гуся — лебедя вода, с нашего Ванечки вся худоба!— добавляла мама». (В. Куприн «Братец Иванушка»).

Возвращающегося мужа из бани встречают приветствием — поздравлением: «С легким паром! Или реже — С теплым паром!». Банщик — клиенту: «Веничек ваш домой завернем, чтобы сумления не становилось у хозяйки, где были? С легким паром — с! (Е. Иванов «Меткое московское слово»). Дворник с большим почтением приговаривал: «С легким паром честь имеем поздравить!» (И. Горбунов «Отжившие типы»). «Мой папа очень любит париться в бане. А когда он выходит из парной, дел ему говорит: — С легким паром! — Спасибо! — Легкий пар и легка жизнь, молодцом всегда держись!» (Из рассказа студентки, 1997 год).

Предложение помыться в бане путнику с дороги или соседям в банный день наравне с угощением входило в понятие широко известного русского гостеприимства. Накормил, напоил и в баню сводил, т. е. оказал все знаки вниманья гостю. Соседи, гости, помывшись, попарившись, благодарят: «Спасибо хозяева за баню: На пару, на бане! На мыльце — белильце, на шелковом веничке, малиновом паре!».

У древнерусских врачевателей «объем оказываемой медицинской помощи был весьма скуден. В соответствии с уровнем медицины того времени древнерусские врачи занимались, главным образом, терапией, используя в качестве лекарственных средств и отечественную флору, и привозные лекарства. И, тем не менее, к терапии следует отнести и широко практиковавшееся лечение в банях. Бани занимали большое место в народной жизни, как одно из средств сохранения здоровья. Еще в «Повести временных лет» древнерусский историк, повествуя о путешествии апостола Андрея по «словенской земле», писал: «Видех бани древены, а пережъгуть с румяно, и совлокуися, и будут нази, и облеются квасом усияным, и возьмут на ся прутье младое, и бьются сами, и тогося добьют, едва слезут се живы. И облеются водою студеною, и тако ожиуть. И то творят по вся дни». Естественно, что банным лечением широко пользовались и средневековые терапевты. Но отнюдь они были не единственными специалистами, активно использующими это бальнеологическое средство оздоровления организма. Можно с уверенностью утверждать, что и у специалистов — хирургов, как их тогда называли — резадников, наряду с оперативными методами лечения, видное место занимало и пребывание в паровой (парной) бане. Это было составным элементом лечения таких, например, заболеваний, как кила (грыжа) — ее вправляли лишь после банных процедур, или, кровопускание, или лечение нарывов и ран.

В годы становления Советской власти, в годы гражданской войны в России, и особенно в годы Великой Отечественной войны против фашизма, хорошо налаженное банное хозяйство на передовой и в тылу спасало тысячи жизней от неминуемых инфекционных заболеваний. Главным образом от бича тех времен — сыпного тифа, туберкулеза. И дико наблюдать сегодня, в XX! веке, в условиях повальной коммерциализации здравоохранения в стране, повального разрушения санитарно — эпидемиологической службы и банно-прачечного хозяйства, как нарастающий вал беспризорности. Резкого снижения уровня жизни, бомжевания населения не виданные даже в первые годы после Октябрьской Революции, провоцируют сыпнотифозные, педикулезные,

туберкулезные эпидемии в ряде областей центра страны. На первый взгляд, вроде бы мы шагнули далеко вперед, создав человеку домашний банный комфорт в виде ванной комнаты.

На самом же деле мы живем в ауре самообмана: микроклимат настоящей бани никогда в точности не повторить в домашних условиях. Стало быть, ванная комната поможет вам смыть телесную грязь, но никогда не позволит оздоровить ваш организм, вашу душу так, как это делает настоящая баня.

В этой связи, считаю выход книг о русской бане Петра Козина своевременным и полезным, его переживания за низкое состояние бань в Орле, понятным. Тем более что озабоченность писателя распространяется на судьбу банного дела всей России.

Резюмируя данный краткий экскурс в историю русской бани и ее оздоровительного влияния на население Руси, можем отметить, что, как и каждое бытовое явление, имеющее глубочайшие исторические корни и восходящее к доисторическим временам. Гигиеническая традиция ухода за телом на ее ранних этапах никогда не будет нами раскрыта до конца из-за отсутствия достоверных и бесспорных источников.

Как мылись наши далекие первобытные предки до освоения ими огня и в первые века после этого, мы никогда в полной мере не узнаем. В равной степени мы до сих пор не можем, бесспорно, установить, какой — печной или банный — обычай омовения имеет исторический приоритет. Мы можем опереться только на исследования лингвистов, которые давно уже установили, что само слово «баня» вошло в русский язык только в X! веке и по происхождению было иноязычным. В то же время слово «печь» имеет праславянское происхождение и восходит к доисторическим временам.

Знаток русского языка В. И. Даль также подчеркивал: «Нынешнее слово «баня, паровая купальня — новое». Казалось бы, все говорит за то, что омовение у печи — первично, а в бане — вторично. Однако не все так просто. Вполне убедительны приводимые контраргументы, что первоначально печи в избах были малы и не могли вместить в себя человека для парки. Да и использование печи для парения могло произойти в результате сокращения

лесных массивов и переноса парения из бани в печь, в избу.

Видимо, к настоящему времени, этот вопрос нельзя считать окончательно решенным.

К. С. Жижин,
доктор медицинских наук.
Профессор РАЕН.

Наше мнение, во многом совпадает с выводами ученого. Хотя бы таким, например, что общественная баня никогда не заменит ванную, что сегодня вопросы гигиены находятся в забвении у власть имущих. Печально лишь, что «доктор» оставил в стороне социально — финансовый аспект пользования банями. Впрочем, это скорее дело политиков, а не ученых.

ДРАМА ФЛАГМАНА

(к портрету В. Н. Иконникова)

«Как хорошо быть генералом,
Как плохо СТАВКУ проиграть!»
«Генералиада»,
«Орл. Искра», 20.01. 2010 г.

Василий Николаевич Иконников — подлинный флагман орловских коммунистов. Он — Первый секретарь горкома и второй — обкома КПРФ, руководитель фракции «Ленинцев» в областном Совете народных депутатов. Симпатичный с короткими усиками, в неизменных очках, не скрывающих его зоркого взгляда на окружающее, с умным и выразительным лицом, ровным, но твердым, всепроникающим голосом, он производит впечатление харизматического лидера. Ведет же себя, однако, ненавязчиво скромно. Внимателен и рассудителен. Собеседнику своей воли не навязывает. В позу ментора не становится. Умеет внимательно слушать и дельно убеждать. Не скроем, что вместе с приятелем Сергеем Шмелевым мы, неоднократно, попадали в ауру обаяния, слушая его речи на митингах или на индивидуальных встречах. Не случайно областная коммунистическая газета, публикуя на своих полосах портреты, кандидата в мэры Орла, публично выдвинула тезис-убеждение: »За нашего Иконникова краснеть не придется!». Тем самым, можно сказать, «иконизировала» его личность. К слову заметить и было за что…

Это, именно, с подачи руководимой им фракции в областном Совете началась непримиримая борьба с местными коррупционерами. Есть и результаты: Егор Строев в феврале 2009 освобож-

ден от губернаторства, его первый зам Виталий Кочуев осужден на 8 лет. Нашли свое место на нарах также господа: Олег Козлов и Владислав Долуда. Первый губернаторский зам Игорь Сошников, скрывающийся от правосудия в Израиле, объявлен в международный розыск. Такая «очистительная деятельность» флагмана орловских коммунистов не осталась не замеченной в самих верхах. Президент Дмитрий Медведев включил Иконникова в свой список 500 лиц — резерв управленческих кадров страны.

Данная новость смутила многих: не собирается ли Василий Николаевич на повышение в Москву? Но, нет. Иконников публично заявил: «Дорогие земляки! Я родился и вырос в нашем городе, здесь живет моя семья, родители, мой сын. Я люблю Орел так же, как и вы, и для меня нет посулов, которые бы заставили уехать отсюда. Мы всегда будем вместе!». Благородная позиция — не убавить, не прибавить. «Орловская искра», будучи уверена в победе на выборах своего «Героя», не преминула довести до сведения читателей его фразу: «Все знают: орловские не сдаются! В. Иконников». Энергичная и весьма осведомленная журналистка газеты Валентина Остроушко публикует злободневные материалы под громкими заголовками: «У «Едра» истерика», «Губернатор и прокурор сдали город». Выдвинутый властями кандидатом в мэры Виктор Сафьянов был назначен Александром Козловым, вначале советником губернатора, а затем, в нарушение всех норм демократии, исполняющим обязанности мэра Орла. По принципу: «Куй железо, пока горячо!».

Кто же таков: Сафьянов? На этот вопрос дает ответ автор пародии «Генералиада», обошедшейся «О. И», по суду, в 30 тысяч рублей:

«Служил чиновник в Ленинграде
Районом он руководил,
Но, видно, сильно этот дядя
Народу там не угодил.

Был генералом недоволен
Руководимый им район,

И был он послан и уволен
В наш черноземный регион.

Варяга с помпою встречали
Элита, местные тузы…
Верхи поддержку обещали,
Но выбирают— то низы:

«Мы здесь не лаптем щи хлебаем!
Мы — красный пояс на Руси!
Погенеральнее видали —
Не веришь? — Строева спроси!».

Как быть бедняге — генералу?
Весь генеральский лоск пропал,
Попал он в Питере в опалу —
Да и в провинции попал!».

Однако не верилось, что это так. Ведь в новом стихотворении неизвестного автора («О. И.» от 10. 02.2010) «Волшебник изумрудного Колпина» прямо утверждалось:

«С утра он в столице, в Госдуме, в Кремле,
С министрами на совещании,
А вечером вот он, в эфире, в Орле
Во всю раздает обещания.

Налево пойдет — интервью раздает,
Направо — снимает чиновника,
Продажная пресса ему подпоет,
Добьёт и затопчет виновника…

Орловского зрителя фальшь не берет,
Мы с детства закормлены сказками,
На выборах скажет свободный народ:
— Не верим! По — Станиславскому».

Ах! Уж этот «свободный» народ! Это, тот самый «народ», который допустил развал СССР и разграбление страны. Кто отдал

власть иноземным нуворишам. Кто спокойно взирает и терпит геноцид государство — образующей нации. «Народ», о котором московский поэт Валерий Хатюшин с гневом сказал:

«Жалкий, затурканный сброд,
Молча поляжет в гробы,
Лишь патриоты — народ,
Все остальные — рабы!».

И это не открытие Хатюшина. Еще за полтора столетия до него великий поэт Михаил Лермонтов с грустью восклицал:

«Прощай немытая Россия —
Страна рабов, страна господ!».

И, вот, наконец, наступило время итогов выборов мэра Орла 14 февраля 2010 года. Победу на них одержал бывший глава Колпинского района, Санкт — Петербурга, Виктор Викторович Сафьянов. Он набрал 54, 75% голосов, тогда, как Василий Николаевич Иконников лишь 33, 71%. «Власть выиграла выборы у народа», так констатировала данный факт газета «Орловская искра» от 17 февраля 2009. Однако, не взирая на то, что кандидат коммунистов уступил своему сопернику свыше 20% голосов — такова цена драмы, заместитель председателя Госдумы РФ, профессор МГУ И. Мельников твердо заявил: «Какими бы ни были цифры, рейтинг и авторитет Иконникова выше!».

Но, кто же подорвал «рейтинг и авторитет» главы орловских коммунистов?

На этот вопрос отвечает «ОИ»: «Единороссы». Они обман сделали методом политической борьбы, а людей — заложниками своих невыполнимых обещаний. Власть скатилась до откровенного шантажа. Было объявлено: если победит кандидат от КПРФ — выгоним с работы, не дадим Орлу денег, начнутся конфликты между городской и областной структурами. В тяжелые для страны время она тратила огромные деньги — миллионы, не на нужды народа, а на политические провокации. Например, в Орле

появился клон «Орловской искры». В листках — «Искра», «В час пик» бывшего редактора частной газеты «ОВ» Виктора Балакина, под псевдонимом В. И. Ульянов (игра под Ленина), лживой «Правды ЛДПР». В «Орловской правде» (редактор А. Н. Тихонов) опубликованы сведения порочащие Иконникова. На 57обращений его штаба с жалобами на нарушения «Закона о выборах», ни милиция, ни прокуратура внятного ответа не дали. Не дали они своей оценки и «прелестным письмам» губернатора Козлова к избирателям, а также вмешательству в светские дела церкви. Задолго до выборов Архиепископ Орловский и Ливенский Пантелеимон благословил на мэрство Виктора Сафьянова. Зато жалобам «Едино — россов» внимали четко. На быстро организуемых судебных совещаниях органы печати коммунистов подвергались строгим наказаниям — штрафам.

Но, особенно, на наш взгляд, непоправимый урон престижу Василия Николаевича, нанесли даже не властные СМИ, а сподвижники власти, в лице госпожи Марины Ивашиной. Два года молчавшая, она в самый канун выборов 3 и 10 февраля 2010, выпустила 16-полосные издания своей газеты «Орловские новости», причем, каждый тиражом в 100 тысяч экземпляров, это, когда в 2007, их выпуск ограничивался лишы5-20 тысячами. Все страницы «ОН» пестрели фотомонтажом двух карикатурных, казалось бы антиподов. Он гласил: «Снова Строев? И конники его!», «Кадровый резерв Егора Строева». Спекулируя на ненависти орловцев к экс — губернатору за неприглядные «дела семьи» и перекрашиванию вождя коммунистов области из красного цвета в бурый — медвежий, оппонентка кандидата мешала, как говорят, божий дар с яичницей. Действовала по принципу: вали кулем, а там разберем.

Главный редактор «ОН» Алексей Брагин в статье «Свой — чужой. Старая идея снова в игре» с пафосом обличает недруга — оппонента:

«Кандидат от КПРФ В. Иконников основой своей предвыборной программы выставил тезис: «Свой — чужой». Он пропагандирует ущербность «чужих», их непригодность для Орла. Он — лучше, потому что «свой»? Бей «чужих»? Орел — для орловских? Не подобное ли фашисты уже пропагандировали в Варшавском

гетто и в Треблинке, и Освенциме. Тогда это звучало, как «Каждому — свое!». Своим «арийцам» — жизнь, а чужим — «славянам» газовые камеры. Скользкая дорога привела в конце их к нюренбергской пеньковой веревке».

Вот даже, как: Иконников сравнивается с фашистами! Эта ли не драма для честного коммуниста — интернационалиста?! Но позволительно спросить Брагина: а, как быть с Чечней, Ингушетией или Татарстаном? Там мэры городов — свои или чужие? Да только посмейте выставить на этот пост иноверца — вмиг прокатят, а то и на тот свет отправят. А в русском городе Орле, выходит, все можно…

Чтобы прекратить в России расовую и национальную ненависть, по примеру США, давно пора покончить с автономиями и действительно провозгласить всеобщее равенство граждан. Но, этого не происходит и лишь потому, что лицам, узурпировавшим власть важно разыгрывать, когда нужно, национальную карту. («Разделяй и властвуй» — апробированный прием британских колонизаторов, коим они подражают). Но винят во всех грехах, они только русских, для которых и введена в Уголовный кодекс пресловутая 282 статья. Однако, это особая тема. Вернемся к пророчествам беспартийной Марины Ивашиной, опубликовавшей свою точку зрения в «ОН», под жирным заголовком «Подведем красную черту».

Проиграв, как кандидат в мэры Орла, выборы 2006 года представителю «красных» Александру Касьянову, она вопрошает: «Чем запомнился приход КПРФ в мэрию 2006-2010?». И тут же сама дает ответ:

«Аппарат и структуру Администрации формировал заместитель мэра Касьянова — Иконников. Штат вырос. «Разгулялась» семейственность, родственность, блат. Кастовость, непрофессионализм, протекционизм, общие комсомольские связи. В первый же год расходы на аппарат мэрии составил 201, 4 млн. рублей, увеличившись на 55, 6 млн. или на 38%. Вместо 6 начальников управлений появилось 12. Красная мэрия Касьянова — Иконникова «жировала» по — полной. Красивые кабинеты, машины, дармовая мобильная связь. Материальные затраты новой мэрии возросли на 30,3% и составили 4,5 млн. руб. По данным КСП нарушения в

расходовании средств и использования муниципального имущества оценивается суммой — 130 млн. руб. в год. Обещания не выполнены». Статья снабжена карикатурою, изображавшая двух звероподобных существ. Над нею заголовок: »Беда с этими молодыми голодными волками, которые дорвались до власти».

(Прим. автора: по мнению экспертов городского Совета, данные факты, приведенные Ивашиной, являются недостоверными).

Добавим к сказанному, что, в канун выборов 2010 года, Марина Ивашина не поленилась связаться с телевизионной программой «Максимум», чтобы продемонстрировать зрителям якобы особняк Иконникова: дескать, так роскошно живут сегодняшние пролетарии — коммунисты, некогда провозглашавшие — равенство в нищете. И, конечно, сообщалось, что мэр Касьянов осужден за налоговые преступления Новочебоксарским судом Чувашии и ныне отбывает срок на поселении под Мценском. Отсюда вывод: скажи мне, кто твой друг и я скажу: кто — ты!

Что греха таить. С Касьяновым, который вопреки губернаторским «палкам в колеса» все-таки выстроил Александровский мост, произошла осечка. И дело тут не столько в статейном криминале, сколько в партийной измене. Мэр предал коммунистов, возведших его на престол, своим вступлением в партию «Единая Россия». Такой поступок, безусловно, дискредитировал лидера КПРФ Орла.

Очередным ударом для Иконникова явилось письмо А. П. Козлова, в котором он, то ли в шутку, то ли всерьез, писал: «Василий Николаевич! Прошу вас на выборах мэра 14 февраля сделать верный, надежный выбор, который обеспечит Орлу последовательное развитие на долгие годы вперед. Надеюсь на Ваше понимание и поддержку. С искренним уважением, Александр Петрович Козлов, губернатор Орловской области».

В этой связи газета «Красная строка» от 17 февраля 2010 резонно заметила: «Если это и есть «искреннее уважение», то, что такое насмешка?».

Еженедельник «Орловская среда» от 17 февраля, на первой странице поместил рядом портреты: губернатора А. Козлова и

нового мэра В. Сафьянова. Над ними — красочный заголовок: «В одной связке». На второй полосе опубликован снимок Сафьянова, уже под знаменем города, с припиской: «Конец битве за Орел».

И мы, заканчивая эту страницу новейшей истории Орла, позволим себе обратиться к эпиграфу очерка:

«Как хорошо быть генералом,
Как плохо ставку проиграть!».

Виктор Сафьянов — мэр Орла с 14.02.2010 г.

Да, «красный генерал» Василий Иконников, вопреки надеждам коммунистов, в неравной борьбе, проиграл на этот раз битву генералу от МЧС Виктору Сафьянову. Это, безусловно, драма, но не трагедия. В свое время и фельдмаршал Кутузов проиграл битву при Аустерлице, а затем разгромил Наполеона. Руководимые им войска не только изгнали врагов — французов из Москвы и России, но и промаршировали по площадям побежденного и покорного им Парижа.

Да, слава плохо прогнозируется. И ныне, «в дни сомнений об участи земляков — орловчан», я рекомендую Василию Николаевичу не отчаиваться и помнить о судьбе легендарного и бессмертного флагмана советской авиации Героя Советского Союза Валерия Чкалова. Ведь он не раз был бит. Подобно Касьянову сидел в тюрьме, а выстоял и победил. Он — многократно повторявший «нестеровскую мертвую петлю» был твердо уверен, что есть, не только на земле, но и «в воздухе везде опора». Небожитель, герой — человек, он «все выше и выше стремил полет своих птиц». Не лиха беда — упасть, важнее — подняться и подготовиться к новым битвам. Как справедливо заметил вождь коммунистов России, великий орловец Геннадий Зюганов «КПРФ не организует восстаний, народ поднимается сам».

НА ТИХОМ ДОНУ

Михаил Александрович Шолохов

Свои записки мне бы хотелось начать с одной из встреч с поэтом и краеведом Василием Михайловичем Катановым. Живет он в Орле. Из окон его квартиры, что на шестом этаже, можно отчетливо увидеть знаменитую стрелку: Орлик, впадающий в Оку, и золотистый городской парковый пляж, и чудесный Тургеневский бережок, и памятник двум великим сынам Орловщины — Тургеневу и Бунину. Немало страниц посвящено славным землякам. И не только им. В книге «Русская душа» рядом помещены поэмы «Иван Тургенев», «Сергей Есенин», «Михаил Шолохов».

Что связывает этих трех великих сынов великого народа? Что роднит? Тургенева и Есенина роднит Ока. А Шолохов? Он же донской казак! Казак, но только наполовину. Дело в том, что его отец Александр Михайлович — «иногородний», то есть выходец из Центральной России, из Рязанской губернии.

Выходит, и гений Шолохова наполовину пророс из приокской земли. Шолоховы — не редкость в нашем краю. Дон, ныне протекающий по Липецкой области, до войны был орловской рекой. В старину Ливны входили в состав Рязанского княжества. Все эти факты вошли в поэму Василия Катанова о славном авторе «Тихого Дона».

Когда, в грозовом 1919-м году, Лев Троцкий и Яков Свердлов провели расказачивание, то они не предполагали, то всего спустя шесть лет вновь во весь голос заговорит Россия, а затем и весь мир о былой славе донских казаков. И виною тому был ранее никому не известный юноша из продотряда, уроженец хутора Кружилин Вешенской станицы Михаил Шолохов.

Это он, двадцати лет от роду, в 1925 году выпустил «Донские рассказы». Еще до выхода книги многие рассказы публиковались в разных газетах, в том числе в «Орловской правде».

Уже в «Родинке», хватающей за сердце, написанной девятнадцатилетним гением, просматривались черты «Тихого Дона» — трагедийного повествования двадцатого века, ставшего в один ряд с «Войной и миром» Льва Толстого.

«Тихий Дон», по выражению П. В. Палиевского, это как бы сама жизнь, сумевшая мощно себя заявить, а другие книги о том времени написаны словно бы теми или иными персонажами «Тихого Дона» — будь то не погибший Штокман, окончивший рабфак Мишка Кошевой или же, напротив, не застрелившийся под Екатериноградом, а эмигрировавший Евгений Лестницкий. И в книгах этих — не целостность, а определенный угол зрения».

Мощно заявившая о себе жизнь, отраженная Шолоховым в романе, воспринимается и как тайна, и как чудо. И это чудо сотворил молодой казак с тихого Дона.

Затем читающий мир ахнул, увидев на книжных полках «Поднятую целину» — вещь, которая, по выражению Александра Серафимовича, открыла глаза зарубежному читателю на удивительный процесс единственной в мире переделки индивидуалиста — крестьянина в коллективиста.

Авторство на этот великий роман, к счастью, уже никто не оспаривал. Что касается «Тихого Дона», то двадцать лет спустя, профессором русского языка и литературы университета в городе Осло (Норвегии) Гейра Хетсо, группой норвежских и шведских ученых с помощью ЭВМ было подтверждено авторство Михаила Александровича Шолохова. Рассказывают, когда знаменитому писателю сообщили об этом, он спросил с улыбкой: «А, что без машины нельзя было догадаться?».

И без машины нетрудно увидеть, что все сочинения Шолохова принадлежат одному человеку.

В поэме «Огонь над тихим Доном» известный русский поэт Владимир Фирсов напишет:

Да, с книгами его в те годы
Мы возводили Днепрогэс,
Магнитку ставили,

Заводы
В краях, где был дремучий лес.

По — чкаловски взмывали в небо
И поднимали целину,
Чтоб не мелело море хлеба
В Сибири или на Дону.

Артист Юрий Никулин, побывавший вместе с писателем и актером Василием Шукшиным в гостях у Шолохова, лауреата Нобелевской премии за 1965 год (во время съемок кинофильма «Они сражались за Родину»), так передал впечатление своего друга о Шолохове. «Интересный он дядька, — заметил Шукшин, — о, какой интересный! Ты не представляешь, что мне дала эта встреча с ним. Я всю жизнь по-новому переосмыслил. Много суеты у нас, много пустоты. А Шолохов — это серьезно. Это — на всю жизнь…».

Некогда подобные чувства после кратковременных встреч с этим удивительным человеком испытал и я. Впрочем, все по порядку…

Чтобы понять, как я, коренной орловец, рожденный в глубинно-затерянной деревушке Сивково, что нависла огородами над лесистой речушкой Лабосынью, вдруг оказался «на тихом и вольном Дону», надо слегка коснуться моей родословной — заглянуть в победный 1945-й.

Именно в этом году оперуполномоченный по оргнабору заявился в избу «бабки Горбатки», как звали в деревне старую, согбенную женщину, приютившую «на время» мою маму с тремя ребятишками. Печаль была в том, что наш собственный дом, стоявший возле школы, был превращен в воронку от угодившей в него бомбы в горячем 1943-м. И наша семья, оставшись без крова, летом ютилась в землянке, а на зиму перебиралась к сердобольной бабусе, да будет ей земля пухом…

И вот теперь в ее хате сидит строгий дядя и торопит: «Побыстрее со сборами. Не пропадет ваша Маша. В столицу едет, а не в Сибирь. Еще и довольны будете: и оденут, и обуют, и накормят...»

Но сердцем пятилетнего малыша я понимал, что ни мама, ни шестнадцатилетняя сестренка Маруся не внемлют разъяснениям уполномоченного. Обливаясь слезами, рыдая, мать сгребала с жаровни золотистые стружки сушеного картофеля в вещмешок, и все причитала:

— Ах, доченька, хлебушка-то нет. Как ты без него? Да будь осторожней в Москве. Это не деревня, там хулиганы. Весточку-то не забудь подать, как устроишься!..

Маруся, плача, обняла мать, поцеловала меня, брата Ивана и ушла.

Спустя год приехала в отпуск, как всегда, строгая, внимательная и заботливая, одарила нас с братом гостинцами. Рассказала, что после окончания школы ФЗО работает монтером, а по вечерам поет в хоре Пятницкого и что скоро собирается замуж. Вскоре так оно и вышло. Моя сестра стала женой, оказавшегося в Москве на стажировке формовщика гипсового завода, донского казака станицы Нижнегниловской Приходько Николая Максимовича. Так моя сестра оказалась в Ростове-на-Дону. Благодаря ней, и брат Иван, который был на три года старше меня, оказался там, поступив после семилетки на учебу в горный техникум

Летом 1963 года, будучи студентом Ивановского пединститута, я получил телеграмму о смерти сестры. Ей было всего тридцать три.

На семейном совете, по настоянию матери, было решено, чтобы и я также перебирался в Ростов, так как за тремя осиротевшими племянниками был нужен присмотр. Тем более что их отец частенько перебирал лишнего, что в нравах казаков. Не зря же печать Войска Донского, а вернее герб его, изображала лихого нагого казака, сидящего с шашкою на винной бочке.

…И вот я в станице Нижнегниловской. Стою у саманной, свежевыбеленной, под камышовой крышей хатенке, так удивительно похожей на домик Шолоховых в хуторе Каргинском.

Станица расположена на высоком холме, с которого хорошо виден и поблескивающий на солнце Дон-батюшка, и правый рукав его, весь поросший осокой и камышом — Мертвый Донец.

Сочинять стихи и заметки в районку я начал, еще, будучи восьмиклассником, а уже в девятом стал всерьез мечтать о про-

фессии журналиста, чтобы в будущем издать хотя бы самую маленькую брошюрку о земляках. Забегая вперед, замечу, что свою юношескую мечту я осуществил лишь через полвека. Весной 2006 года вышла в свет не «брошюрка», а настоящая, более чем в триста страниц, книга «Родная сторона». Это потом. Пока же я работал грузчиком, а спустя три месяца меня назначили мастером транспортного цеха. Избрали редактором стенгазеты. Рабкоровский зуд и привел меня в «Вечерний Ростов», где зам редактора, писатель Агуренко, подписал мне удостоверение нештатного корреспондента городской газеты.

А как-то весной 1964-го, я осмелился предложить одну из своих зарисовок областной молодежной газете «Комсомолец», редакция которой размещалась на первом этаже Ростовского областного комитета партии. Зав отделом рабочей молодежи журналист Виктор Степаненко сам взялся за доработку моего материала. Он ему, как видно, понравился.

Все, обсудив, он вышел проводить меня. И вот, направляясь к выходу, я заметил, как вниз по лестнице, по ковровой дорожке ступенек, спускались двое мужчин. Один высокий и грузный, напоминавший канцлера Германии Коля, а другой — плотный, среднего роста, в темном костюме с галстуком под свежа — белым воротником, с проседью еще густых и волнистых волос.

Когда он повернулся в нашу сторону, и я увидел знакомый с легкой горбинкой нос, вразлет рыжеватые усы на смуглом лице и улыбающиеся с лукавым прищуром глаза, то невольно оторопел от внезапно промелькнувшей в сознании догадки. Тронув моего спутника за рукав, я горячо выдохнул:

— Да это же Шолохов!

К моему великому изумлению, Виктор, нисколько не смутившись, так же тихо ответил:

— Ну и что!? Он — член обкома. Депутат. И здесь — частый гость.

Это бесстрастное объяснение меня обескуражило, и я продолжал твердить:

— Это же он сам…Живой Шолохов!..

Меня будто кто-то подтолкнул навстречу к нему. И я не сказал, а страстно выдохнул:

— Здравствуйте, Михаил Александрович!

Шолохов и его спутник на мгновение остановились. Великий писатель, улыбаясь, ответил на мое приветствие глуховатым голосом: «Здравствуйте!».

Из грез меня вывел вопрос Шолохова, обращенный к высокородному товарищу:

— Это что за ребята?

— Да из «Комсомольца», журналисты, — ответил тот.

— А-а. Ясно, — Шолохов кивнул головой. Я плохо слышал, что говорил мне Виктор, и будто в состоянии сна вышел на улицу. От подъезда обкома отъезжала черная «Волга», в которой находился он — прославленный автор «Тихого Дона».

Когда я рассказал о первой встрече с писателем своим товарищам и брату Ивану, то они, к моему огорчению, нисколько не удивились:

— Да его в Ростове все знают. Он свободно гуляет по городу, со всеми общается. К нему привыкли.

Меня долго смущали такие объяснения. Подумалось тогда, что, поистине, нет пророка в своем Отечестве. Где-то на периферии не то чтобы поздороваться, а просто увидеть издали такого человека посчитали бы за честь. А тут? Верна поговорка, что большое видится на расстоянии, а лицом к лицу — лица не увидать…

Мог ли я представить тогда, что вновь встречусь с Шолоховым спустя всего несколько дней после первого «Здравствуйте!».

На этот раз я увидел его на Ростовском речном вокзале. Меня тянуло сюда, чтобы посмотреть на рыбаков, которые забрасывали свои удочки в воду прямо от барьерной решетки. К слову сказать, с детства увлекающийся рыбалкой, я за все шесть лет жизни в Ростове так и не удосужился ни разу самостоятельно порыбачить — все дела и дела…

Приятно было у речного вокзала полюбоваться широкой водной гладью реки, золотистым пляжем на противоположном берегу и просто послушать, как на теплоходе музыка играет.

И вот, прохаживаясь вдоль причала, я издали увидел знакомую фигуру Шолохова. На этот раз он был один. Меня вновь как магнитом потянуло к нему.

Подойдя ближе, я вежливо поздоровался. Михаил Александрович, неизменно улыбаясь, взглянул на меня, спросил:

— А я вас уже где-то видел. Не так ли?

— Да, в обкоме, — объяснил я.

— Ах, да! Молодые журналисты…

— Это Степаненко — журналист, а я только студент.

— Ну, все равно, пишете?

— Пишу.

— Вот-вот. А в Вешках вы бывали? — неожиданно спросил он.

— Нет еще.

— Что так? Приезжайте. В Вешках пишущей братии всегда довольно. И на «Ракете» заодно по Дону прокатитесь. Катались когда-нибудь?

— Когда ездили в Азов.

— Это хорошо. А рыбачить любите?

— Да, только…

— Что только? Вот в Вешках и порыбачите, и донской стерлядки попробуете. Золотая рыбица.

Я невольно вспомнил известное серафимовическое: «А в Дону ходит рыба. Богатая востроносая стерлядь, и Шолохов весь отдается рыбной ловле».

Все еще смущенный вниманием необыкновенного человека, я хотел о чем-то его спросить, что-то ему рассказать, но в это время как из-под земли возле нас, выросло, двое рослых мужчин. Они стали что-то говорить Шолохову. Он, молча их, слушал, затем поднял глаза на меня:

— Ну, так жду, студент.

— До свиданья» — сказал я.

Писатель со своими спутниками направились в сторону речного вокзала, а я зашагал в противоположную сторону.

Сегодня стыдно сознаться, что свое обещание приехать в станицу Вешенскую я так и не выполнил, хотя возможностей было через край. Тогда казалось, что все успеется. Да и кому я там нужен? У Шолохова и без меня гостей хоть отбавляй. Вспоминается Дмитрий Блынский: «Где ты, смелость моя! Деревенская, где ты? Шла со мною сюда, да отстала в пути…».

Честно говоря, струсил я. Постеснялся. Полагал, что вот когда получу диплом, тогда уж…

Да, я уже тогда ясно отдавал отчет в том, что Шолохов беседовал со мной из вежливости, что подобным образом он мог поговорить с любым незнакомцем. Это было в его писательской манере, в порядке вещей.

Но для меня каждое слово, каждый жест его имели огромное значение. И особый смысл приобретают воспоминания об этой встрече теперь, когда его нет, когда навсегда опустели без него милые его сердцу Вешки.

В трети и последний раз я видел Михаила Александровича выступавшим в конференц-зале обкома партии. Меня привели туда все те же рабкоровские заботы.

Шолохов стоял за столом президиума, держа блокнот в руке, и, изредка заглядывая в него, рассказывал о своем недавнем пребывании за границей.

Это было после вручения ему в 1965 году в Стокгольме Нобелевской премии.

У двери конференц-зала я оказался случайно, кого-то разыскивал. Проходивший по коридору обкомовский работник предложил мне или зайти в зал, или же попросту закрыть дверь, что я и сделал.

Тогда я и предполагать не мог, что более не увижу его. Лишь спустя 40 лет, в 2006 году я увижу на речном вокзале, где мы с ним беседовали, установленный ему памятник. Счел своим долгом сфотографироваться.

На этом можно поставить и точку. Пройдет три года, и с двумя дипломами Университета в кармане я покину донскую землю, чтобы вернуться к маме, в родное Сивково, к зовущим, манящим к себе окским просторам.

Завершить мой очерк мне помогут строки Василия Катанова из поэмы «Михаил Шолохов»:

Я в плен захвачен силой света,
Верней — от тьмы освобожден.
В родной Оке тонуло лето,
А я все видел
Тихий Дон.

Петр Козин у памятника М.А. Шолохова.
Ростов – Дон. Речной вокзал, 2006 г.

ДОНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

(из цикла «Донские очерки»)

И вновь Донцы, как в стары годы,
Собрались на Большой Совет:
«Даешь — Республику Свободы!».
Всем любо:
«Юдин — Президент!».

Это, поистине историческое событие:14 октября 2009 в станице Старочеркасской Аксайского района Ростовской области состоялся 2-й Съезд Казачьего народа. 359 делегатов, при одном голосе «против», с неподдельным энтузиазмом своими «мандатами» проголосовали за восстановление Донской Казачьей Республики (ДКР), в составе Российской Федерации. По предложению председателя Съезда Маняшкина Олега Витальевича, на этот раз, единогласно, исполняющим обязанности Президента — Атамана Донской Казачьей республики, до следующего 3-го Общенационального Съезда Казачьего народа, избран, положивший начало возрождению, в 90-е годы, казачества на — Тихом Дону и всей России, Юдин Александр Николаевич.

Атаман, и.о. Президента ДКР Юдин Александр Николаевич, октябрь 2009 г.

Да здравствуют: Воля, Свобода и Право!
Отныне Казаки — Единый Народ!
Пусть будет вовеки —
Донская Держава,
Отчизной счастливых людей,
Без господ!

Делегаты II съезда

Осуществилась, казалось, давняя мечта донцов, после злопамятного 1917 года, жить, как подобает казакам, не по установлениям верховных владык России, а лишь волею казачьего Круга. Появятся, наконец, собственная для документов, регистрационная Печать, утвержденная единая форма одежды, своя газета — орган ДКР. Реальным станет принцип: с Дона — выдачи нет! Все, как это было после 1-го съезда, состоявшегося 5 мая 1918, впервые провозгласившим Донскую республику и избравшего своим Войсковым Атаманом генерала Петра Николаевича Краснова (1869—1947).

Хотя нелепо — он казнен в Москве, по приговору Советского суда, окончилась жизнь «первого» Донского Атамана, но память о нем жива и сегодня. Доказательством тому является гражданский подвиг казака Мелихова В. П. Он, в станице Еланской, что в 20 км от шолоховских Вёшек, на своей усадьбе установил памятник Краснову и жертвам большевизма с целью восстановить Память о предках и воспеть их величие для детей и внуков. Этот памятник — подлинное явление культуры казачьего народа вызвал сопротивление местных властей, добивающихся демонтажа. Но в его защиту встали деятели правозащитных организаций: Соломатин В. А., Басанец П. П., Волков Н. П. Они направили на имя Генерального прокурора РФ Юрия Чайки письмо с требованием прекратить преследования Мелехова В. П. Результат борьбы налицо: памятник Краснову стоит целым и невредимым. И сегодня к его ногам, благодарные донцы, возлагают венки и живые цветы. И каждый из них молча повторяет про себя слова, ставшие молитвой: «Пока я помню — я живу!».

И вот теперь, решением 2-го съезда, атаманские регалии вручены преемнику генерала Петра Краснова, Президенту — Атаману Александру Юдину. Газета «Казачий спас» (редактор казачий

полковник Николай Дергунов) от 15. 09. 2009 года публикует его Обращение:

Президиум II съезда казаков Дона

«Я как русский человек, как представитель нации, составляющей подавляющее большинство населения страны, как наследник русских землепроходцев и суворовских солдат. Как потомок рабов Золотой Орды и сын степей донских, как правнук участника гражданской войны и внук раскулаченного. Как русский офицер и интеллигент в первом поколении, я хочу, чтобы русским государством управлял не украинец и не грузин. Чтобы Думу возглавлял не чеченец, чтобы внешнюю политику моей страны определял не еврей. Чтобы в прокуратуре тон задавал не армянин, а начальником милиции был бы не азербайджанец или дагестанец. Чтобы дикторы на телевидении не картавили, а учителя моих внуков не воспитывали в них чувство омерзения к своей стране и ее истории. И, чтобы вся эта махина, называемая обществом и государством, думала о том, как сделать, чтобы русский человек, хозяин земли русской, занял на ней достойное положение и получил возможность выполнять ту роль, которую ему определило провидение».

Главный редактор газеты «Казачий спас», казачий полковник Николай Дергунов

Кредо атамана Юдина, как бы сконцентрировано, в ставшем гимном, стихотворении, раскрывающего «загадочность русской души» Алтайского поэта Евгения Скворешнего «**Будь русским!».**

«Я — русский! Сердцем, духом, вздрогом кожи,
Горжусь я древним прозвищем моим.
Не дай мне, хоть на миг, хоть в чем-то, Боже
Не русским стать, а кем-нибудь другим!

Быть русским — не заслуга, а обуза,
Когда под гул набата, на бегу,
Возжами, подпоясавшись кургузо,
Хватаем мы оглоблю и слегу.

О собственной забыть беде и боли,
Не поумнев нисколько до седин…
Быть русским —
Значит воином быть в поле,
Пусть даже в этом поле ты один.

Быть русским — не награда, а расплата,
За то, что миру душу на-распласт,
За чужака встаешь ты, как за брата,
А он потом тебя же и продаст…

Быть русским — это стыдно и позорно,
Когда мы за колючею межой,
Нелишние свои сбирали зерна
Для детворы не русской, а чужой.

Мы русские, дуркуем и балуем,
Когда хватаем снег похмельным ртом,
К любому черту лезем с поцелуем,
Отхаркиваясь кровушкой потом…

Живёт народ, ведом судьбою хмурой,
За отческий уклад и образ свой
Доверчиво расплачиваясь шкурой,
Хотя гораздо чаще — головой.

Мы русские. Мы с нехристью любою
Ломаем братски скудный каравай,
И в благодарность слышим над собою
Всего два слова: «Надо!» и «Давай!».

Быть русским — не отрада, но отрава,
С неизгладимой грустью на челе,
Платя издревле — щедро и кроваво —
За то, что на своей живёшь земле.

Быть русским —
Значит, застить путь бандитам,
Что топчут нашу землю сапогом.
Быть русским — это значит быть убитым
Собратом чаще, нежели врагом.

Быть русским — это значит встать у стенки,
И пусть в тебя стреляет сволочь вся,
Но перед ней не падать на коленки,
Пощады, ухватив сапог, прося.

Быть русским — это должность, долг и доля
Оберегать святую честь земли
От пришлецов, что свой Талмуд мусоля,
Две тыщи лет нас к пропасти вели.

Мы русские. Ступаем мы на плаху,
Окинув оком отчий окоём,
Но нищему последнюю рубаху,
Не мешкая, привычно отдаем.

Быть русским — провидение и право,
Не устрашась ни пули, ни ножа,
Топыриться упрямо и шершаво,
Не уступая тятям рубежа.

Быть русским — значит, хлеб растить в ненастье,
А нет дождя — хоть кровью ороси.
Но все-таки, какое это счастье —
Быть русским!
Среди русских! На Руси!

Я русское ращу и нежу семя
Не потому, что род чужой поган,
Но пусть вот так свое опишет племя
Какой-нибудь еврей или цыган.

Быть русским — значит быть в надежной силе.
И презирать родной землею торг:
Не зря ж Суворов рек при Измаиле:
— Мы русские! Ура! Какой восторг!

«Русское стихосложение изумляет культурный мир уже два столетия, — писал журналист Эд. Дейнекин в своей статье «Судили русское стихотворение», — если его судили, то только через рассуждение — какими невероятными божественными или дьявольскими силами русский пиит овладел для выражения своих, а чаще — народных наболевших мыслей и фактов. Если стих ложится на душу народа, то такой «запретный плод еще слаще».

Действительно, Александр Пушкин за «Вольность», а Михаил Лермонтов — «На смерть поэта» были сосланы царями в ссылки. И, что же?! Как в годы жизни поэтов — гениев, так и ныне, их произведения знают наизусть все образованные люди России.

Но, если цари отправляли «невольников чести» на Кавказ, то теперь власти предпочитают судить русских патриотов, по ст. 282 — «разжигание национальной ненависти и розни». Судили в Майкопе и Новороссийске редактора газеты «Вести славян юга России» Б. И. Соломаху за публикацию вышеприведенного стихотворения Е. Скворешнего. И лишь 14 января 2010 г. Краснодарский краевой суд, рассмотрев кассационную жалобу, признал стихотворение «Будь русским!» не экстремистским. Потому чита-

тели могут облегченно вздохнуть — их не станут наказывать за его распространение.

К слову заметить, что подвергся судебному преследованию и военный писатель полковник Н. С. Асташкин за книгу «Трагедия и фарс», в коей он подверг критике казачьего генерала В. П. Водолацкого.

Как сообщает пресса, Президент и Атаман ДКР Александр Юдин, взял под защиту казачьих — журналиста и писателя Соломаху Б. И и Асташкина Н. С.

В свою очередь 2-й съезд казаков Дона взял под свою защиту, оставшиеся, после 20 лет ужасающего истребления и опустошения всего живого, природные ресурсы, в том числе и рыбные запасы Дона: установлен режим, их охраны казаками.

Делегаты съезда единогласно проголосовали, как за учреждение «Народного контроля», так и за возвращение исторических названий хуторам, станицам, городам, улицам и площадям. За демонтаж памятников установленным врагам Казачьего Народа на территории ДКР, образованной на основании статьи Конституции РФ «Право народов на самоопределение».

В работе форума, помимо донцов, активное участие принимали также представители казаков Терека и Запорожья, Кубани и других краев России. К сожалению там не присутствовали официальные представители орловских казаков. Но, вот потомки их, в частности сын новосильского казака Борисова Михаила Ильича, есаул Александр Борисов имел возможность приветствовать своих собратьев. Еще в 2006 году он предложил Юдину А. Н. приобрести мою книгу, в коей были опубликованы «Донские очерки» и где одним из героев был сам Атаман. И что же? Александр Николаевич не пожалел денег — купил полтора десятка сборников, пообещав, что на их материале он будет «воспитывать» своих подчиненных. Все бы хорошо, да вот незадача: стихотворение «Казакия» ему явно не понравилось. Идея, что казаки — это суть русское явление, было подвергнуто также критике в одном из выступлений ученого мужа на съезде. Он, в частности, говорил, что выводить происхождение казачества из беглых крепостных крестьян, как это делают некоторые писатели, — неправильно. Казаки, мол, ведут свой род от потомков славян — Ариев и издревле жили по Дону и Тереку.

Будто для моего вразумления (№8, 2009 г) в газете «Казачий спас» давалась пространная «Древняя история казачества». Ее автор Евгений Гладилин, растекаясь «мыслью по древу» убеждал «Фому неверующего», что отряды казаков появились еще в начале первого тысячелетия. Они жили у Черного и Азовского морей, где и германские племена — готы. Готы — арии, выходит, что таковые и донские казаки. Если это так, то посрамлен великий историк Николай Карамзин, автор «Истории Государства Российского», утверждавший, что первое упоминание (о Рязанских) казаках относится лишь к 1444 году. Ранее они, из-за 300-летнего татаро-монгольского владычества, и появиться не могли. Хазары, печенеги, половцы — да, но не казаки, не то бы о них, несомненно, упомянули бы в Летописях. Ведь с образованием Иваном III Русского централизованного государства началось крепостное закабаление крестьян. Отчаянные из них и стали убегать от своих помещиков и селиться среди вольных «варваров» — бородатых людей — казаков. Я — рядовой учитель истории и «воспитан» на трудах Карамзина. Если же он ошибался, то попал в заблуждение и я. Так, что господин Атаман не судите меня строго. Считаю, что для полного доказательства чьей-либо правоты надо обратить внимание на язык. Ведь в основе казачьего говора лежит русская фонетика. И с этим — не поспоришь.

В любом случае, я рад приветствовать факт возвращения на круги своя, после грозового 18-го года, Донской Казачьей Республики во главе с ее нынешним патриотом России и Дона, Президентом — Атаманом Александром Юдиным. Завершить же свой очерк позвольте словами старинной казачьей песни:

«Славьтесь, славьтесь, казаки,
Удальцы природны,
Славьтесь храбрые донцы,
Вы на все пригодны

Не страшат вас пуля, меч,
Не страшат ядро, картечь,
Горы и долины,
Топи и стремнины!».

ЗАПИСКИ ГРИБНИКА И РЫБОЛОВА

Грибник С. И. Шмелев

СЕЛИГЕРСКИЕ ЗОРИ

(из туристских воспоминаний)

Селигер!
То не озеро, —
Море…
Так велик его водный
Простор!
Вместе с внуком,
Рыбацкие зори
Помним с радостью
Мы до сих пор.

1. ПУТЬ НА ХАЧИН

Солнечным утром тринадцатого июля 2002 сборная группа орловских экскурсантов в количестве двадцати человек во главе с президентом ОМОООИ «Орловские родники» Людмилой Ивановной Ассесоровой прибыла на базу отдыха «Сокол» верхневолжского озера Селигер, чтобы отсюда на подручных средствах – лодках и байдарках отправиться в путешествие на внутреннее озерцо самого большого острова – Хачин.

Учитывая, что большинство экскурсантов, не обладали навыками водного плавания, состоялось тренировочное занятие. Молодые и пожилые дружно взяли в руки весла и активно заработали ими, всплескивая и разрезая их острыми лопастями, гребни небольших волн – погода стояла тихая, маловетреная.

В то самое время, когда новички овладевали нехитрым искусством плавания, опытные старожилы, уже завершившие свой срок, с рюкзаками и сумками в руках, усаживались в просторный салон «Икаруса», чтобы отправиться в родные палестины. Эту группу отъезжающих возглавляла кандидат в мастера спорта Наталья Яковлевна Сальникова. Из беседы с нею я выяснил, что отдохнули они хорошо, хотя, как водится и не без приключений, что

бивак относительно обустроен и, что он готов принять очередную группу туристов.

Когда автобус, выбросив из выхлопной трубы клубок черного дыма, дал прощальный гудок и скрылся за поворотом дороги, то мы, в свою очередь, рассевшись по байдаркам и лодкам, отправились в свой дотоле неизведанный путь. Нашим флагманом был сын президента Ассесоровой, инструктор – экскурсовод Михаил Шиков.

В паре со мною находилась дочь моего приятеля Валерия Яковлевича Часовитина, кинооператор Елена Валерьевна Озерова, которая и вела съемки всего происходящего. Ее семнадцатилетний сын Иван, несколькими минутами ранее уже отбыл на катере, ведомым Владимиром Пыркиным – жителем крошечного островка Городомля с тем, чтобы доставить на берег озера Белое (Южное) наиболее крупногабаритный груз.

Наша флотилия, состоящая из шести байдарок и двух лодок, растянулась на многие сотни метров, а потому ведущий ее Михаил Шиков был вынужден делать частые остановки и указывать

Ландшафт озера Селигер

отстающим безопасные места прохода между многочисленными островками встречающиеся на пятикилометровом водном пути.

Наконец, мы достигли Копанки – узкого, шириною в 4-8 и длиною в 240 метров канала, что расположился в южной части самого большого на Селигере острова Хачин. По преданию, канал выкопан монахом Макарием. Здесь нам пришлось заняться из-за маловодья переволокой. Успешно справившись с этой работой, выйдя на более широкий простор, мы устремились, минуя узкий канал, во внутреннее озерцо острова под названием Белое или Южное. По его, заросшим густым камышом берегам, там и сям виднелись полосы открытого пространства. Мы терялись в догадках: «Где же наш причал?». И очень обрадовались, когда увидели на пологом откосе стройную фигуру юноши Ивана Озерова, с нетерпением поджидавшего прибытия к месту назначения своей мамы – кинооператора и всех нас.

Наш первый рейд можно было бы считать успешным, если бы не одно обстоятельство: внешне, вполне здоровой, сорокалетней женщине Ольге Мясниковой, вдруг, стало плохо и ее пришлось высаживать на ближайшем берегу и оказывать медицинскую помощь. Пришедшую в себя туристку пересадили из тесной байдарки в более широкую, надежную лодку и благополучно доставили на бивак.

2. ПРАЗДНИК У КОСТРА

«Как упоительны в России
Вечера…» —
Мы пели песню,
Сидя у костра.

День «въезда» едва ли не целиком был посвящен обустройству и знакомству с островным побережьем. Многоопытная и вездесущая президент Ассесорова за короткий срок успела перезнакомиться с туристами – соседями и пригласить их поучаствовать в КВНе. Его проведение и было основною целью ее визита на остров.

Наскоро, из числа молодежи, была сформирована команда, которая получила экзотическое название «Поплавки». Члены ее и занялись составлением текста песни – приветствия. Хотя содержание таковой и не отличалось оригинальностью – в команде не оказалось профессиональных бардов – но строки известного рефрена: «Наше сердце остановилось, наше сердце замерло», воспринимались новоявленными туристами с большим энтузиазмом.

Действительно было от чего встрепенуться горячему сердцу. Ведь природа острова Хачин ничуть не уступала карельской красе некогда воспетой в популярной песне, в коей есть такие чудесные строки: «Голубые елей ресницы над голубыми глазами озер». Наш Хачин – сплошь порос елями. И не только голубыми. И отражаются они в зеркальных водах Белого озера не менее впечатляюще, чем в дивно — романтичной Карелии.

Вечером, четырнадцатого июля состоялся праздник открытия лагеря, а заодно и день встречи с местной юной командой кавеэнщиков под скромным названием – «Грузила».

С папортниковыми поясами, с другими всевозможными украшениями – предметами местной экзотики – буквально из воды вышли наши «русалки» и стали исполнять собственносочиненную песню. Хозяева и гости встретили их выступление с нескрываемым восхищением. Ответное слово «грузил» выглядело гораздо скромнее.

После обмена приветствиями начались соревнования: на лучший рисунок, ловкость и смекалку. В итоге победила «дружба». Все были приглашены к большому костру, который искусно развел старейший из новоселов – пенсионер Андрей Борисович Самойлов.

Кроме команды «Грузила» в торжестве активное участие приняли трое московских гитаристов – песенников. Несколько скромнее выглядело выступление наших молодых музыкантов Ивана Озерова и Михаила Шикова. Однако и они были приняты, как говорят «на – Ура!».

Уже поздним вечером, под руководством инструкторов Александра Кротова и Владимира Пыркина энтузиасты – байдарочни-

Михаил Шиков

ки вывезли на середину озера Белого и спустили на воду широкие корки елей с зажженными свечами. Любуясь их золотистым мерцанием, в душах многих присутствующих, всколыхнулись чувства, вызванные прекрасной мелодией популярной песни «Как упоительны в России вечера…».

Подобные встречи-праздники у костра продолжались и в последующие летние, удивительно теплые, напоенные ароматной свежестью, селигерские зори.

3. ОТЪЕЗД ПРЕЗИДЕНТА

Людмила – радости мгновенье!
Ведь с нею каждый вечер цвел…
Понятно, не без сожаленья,
Вернулась с острова – в Орел!

19 июля, в последний день своего пребывания в лагере, президент ОМОООИ «Орловские родники» Ассесорова организовала празднование дней рождения своего сына – инструктора Михаила Шикова и молодого завхоза Александра Кротова.

Всякое дело, за которое она бралась, всегда было поставлено на широкую ногу. Одним за другим сменялись ораторы, торжественно, под звуки туша, звучали здравицы и, как из рога изобилия, в руки счастливцев сыпались подарки. Мы с внуком Максимом также не остались в стороне – вручили именинникам связку сушеной рыбы, выловленной нами тут же, в озере Белом.

После импровизированного концерта, в своем заключительном слове Людмила Ивановна, многозначительно улыбаясь, в доверительной форме, произнесла:

— Моя миссия на Хачине выполнена. Я уезжаю в Орел, где меня очень ждут в связи с организацией новых туристских групп. Руководство лагерем возлагаю на Козина Петра Дмитриевича. Он – педагог, долгое время работал директором школы, а потому, надеюсь, с возложенными на него обязанностями справится. Слушайтесь и повинуйтесь.

Желаю приятного отдыха. Не скучайте. В экстренных случаях – звоните…

Ранним утром 20 июля катер Владимира Пыркина умчал на своих легких крыльях президента Ассесорову на береговую пристань «Сокол». Отсюда, из града Осташково, ее путь лежал на Тверь – Москву – Орел.

4. ПУТЕШЕСТВИЯ

Как путешествовать приятно:
Все внове видеть, познавать…
И, как молитву, многократно
Усвоенное повторять.

Каждый день в лагере был насыщен событиями. Мы совершали водные и пешие прогулки. Все они, как правило, носили радиальный характер – место стоянки не менялось.

Наиболее интересным и значительным была наша «байдарочная вылазка» на остров Столбный, где еще с глубокой древности существовало языческое капище, и стоял каменный идол – столб. Не случайно, как повествует предание, раньше здесь находился центр городка с символичным названием Столбов, разоренный нашествием хана Батыя.

Летом 1528 года, на необитаемом до тех пор острове поселился пришлый пустынник Нил. Проведя на нем 27 лет и, исполнив обет столпничества, Нил Столбенский умер. Основателем церкви на месте Ниловой кельи стал монах Герман из обители Никола – Рожок. В 1594 году, при первом русском патриархе Иове келья и

церковь получили звание монастыря, коей стал называться Ниловой пустынью.

Получивший широкую известность, монастырь постепенно возводит новые деревянные, а затем и каменные здания. Над отвесной неприступной набережной из тесаного гранита высится тяжелая громада Богоявленского собора. Над ним и всем островом царит гигантская колокольня. Кроме самого собора здесь имеются еще три церкви: Петропавловская — 1764, Нила Столбенского 1755 и наиболее древняя – Всесвятская 1701 года.

В 1991 было принято решение и благословлено открытие мужского монастыря. В 1995 состоялось торжественное перенесение святых мощей преподобного из Знаменского собора города Осташково в Богоявленский собор Ниловой пустыни. С 1998 года на средства Тверских и Московских меценатов проводится восстановление Ниловой пустыни.

Все эти древние храмы были внимательно нами осмотрены и по возможности изучены. Несказанно волнует сердце и само плавание по озеру Селигер, глубина которого у острова Столбный достигает 24 метров. Открытое же пространство позволяет вольному ветру вздымать высокие буруны волн. Однако интерес к древней истории оказался сильнее страха и самый юный из путешественников, одиннадцатилетний Максимка Корнеев – Козин крепко держал в своих цепких руках тяжелое весло и одержал таки победу над штормовавшим не на шутку бризом.

— Знаешь, Максим, — говорю я внуку, — а ведь тут, по Селигеру, прежде чем отправиться за три моря, вдоволь нагулялся тверской купец Афанасий Никитин.

— Да, ну? – восхитился Максимка, — вот здорово! Никитин плавал, а теперь – мы!

— Так и есть, запомни это событие.

— Обязательно запомню! – заверил радостный внук, рассекая лопастью весла очередной набежавший вал.

Сами собой родились стихи:

Афанасий Никитин, купец
Селигер покорял в старину…

И Корнеев Максим – молодец,
Смело режет крутую волну.

Отважно действовали и туристы Хорошиловы: глава семьи Вадим Адольфович, его жена Нина Олеговна, с дочерьми – Эллиной и Полиной. Они первыми совершили байдарочную вылазку в Кравотынь – странное, жутковатое имя у этого дальнего села. Здесь Батыем было устроено кровавое побоище. Отзвуки тех событий до сих пор слышны в названиях мест. Позднее, поселение, именуемое Кравотынью, впервые встречается в переписной книге Деревской пятины за 1478 год. Село состояло в вотчине боярина Бельского.

В начале XVII века, в годы польско-литовской интервенции, Кравотынь была разорена, а население ее разбежалось. Но вскоре эти земли были пожалованы князю Лыкову, который энергично занимался устройством своих владений. Был деятельным и суровым феодалом. Принадлежащие ему земли, вплоть до нашего времени, называются Боярщиной, а в окрестности Кравотыни находятся: река Княжа и Боярский межок. В селе сохранился интересный памятник архитектуры конца ХУ111 века – Введенская церковь. По преданью она была заложена в память о жертвах нашествия Орды.

— Вы знаете, — делились со мною своими впечатлениями об увиденном, Хорошиловы, — там вся вода у села, будто кровь, красная.

— Понятно, — замечаю я, — не зря же его Кравотынью именуют.

Без поэтического озвучиванья такового факта никак не обойтись:

Все в огне –
Хаты, риги и тын…
Кровь лилась у защитников тут:
Не случайно –
Село Кравотынь,
Так зловеще — кроваво
Зовут.

Не менее впечатляющим было, на этот раз, сухопутное путешествие Хорошиловых, а так же автономное от них супругов Алексея Борисовича и Нины Александровны Самойловых, на внутреннее озерцо острова Хачин, под оригинальным именем – Щучье.

Но, если Хорошиловы здесь просто искупались, то мы с внуком и Алексей Борисович Самойлов с женою сумели поймать на удочки по десятку подлещиков и окуньков. Но, вот изловить настоящую щуку (не зря же озерцо величают Щучьим!) нам так и не удалось. Видно – не судьба! Зато незадачливых рыболовов и их спутников в деревне Волоховщина, отрезанной от мира озерной синью, местные жители угостили холодной кристально – чистой водой из святого родника.

Волоховщина – островок,
Где вокруг лишь вода и вода…
До Осташкова путь твой далек,
Коль случится лихая беда.

Действительно, не просто приходится селянам в случае беды. До города десяток верст водного пути. Летом его преодолевают на лодке, зимою, по льду, на санях. Однако островитяне духом не падают – привыкли.

Большей части туристов посчастливилось побывать в Николо – Рожке. Николо – Рожок – одно самых древних поселений на Селигере. Холм, на котором теперь растут сосны и стоит церковь, не что иное, как древнее городище. Необычное название места объясняется тем, что здесь в озеро вдается мыс, по-местному – наволок или рог.

На этом мысу в XV веке стоял монастырь, называвшийся Никола на Рожку. Церковь Успения, дошедшая до нас, была построена в 1768 году.

5. РЫБАЛКА У КАМЫШЕЙ

С Максимкою, у камышей,
Ловили карпов и лещей.

Ранним утром, пока внук еще сладко спал, я выбирался из палатки, брал заранее, с вечера, подготовленные удочки, прикормку и отправлялся на песчаный берег Белого. Садился в лодку и, буквально, в двадцати метрах от причала, останавливался у камышей. Здесь стоял столб. Привязывал к нему лодку. Бросал у бортов ее корм – приваду. Надевал на крючок червя или катышку мятого хлеба. Ожидать долго не приходилось. В начале, как правило, клевала всякая мелочь. Но шло время. У корма собиралась крупная рыба. И, вот, я уже с трудом выуживаю подлещика, а то и самого леща. Подводка отсутствовала, а потому они нередко срывались. Горевать причин не было. На смену «беглецу» приходили новые особи. Только успевай бросать их в лодку, в носу которой плескалась вода.

На крючок садились и карпы, но почему-то не крупные, а все больше стограммовые. Не посчастливилось мне изловить и угрей – ими было богато озеро. И я знал, что ночами настоящие умельцы их десятками вытягивали с больших глубин.

Когда лагерь просыпался, и мои подопечные шли к причалу, чтобы умыться или постираться, а то и взбодрить себя свежей прохладой – совершить заплыв, то я понимал, что мне пора на берег. Не гоже начальнику лагеря заниматься «баловством с удочкой», когда необходимо было распорядиться о завтраке. Большая забота – заготовка дров. Я считал своим долгом помощь дежурным, большинство из которых были женщины. В этом занятии большое удовольствие находил и мой Максимка. Вокруг лагеря – смешанный лес, а не только хвойный. Сушняка много – успевай ломать и носить. Крупные дерева пилили, рубили топорами. Складывали у кухни впрок.

Выбираюсь к палатке, развешиваю рыбу на привязанные к соснам бечевки. Укрываю ее марлей, дабы назойливые мухи, не испортили мои трофеи.

После завтрака решаем вопросы отдыха. Кто-то жаждет побывать в городе, а кто-то нацелился в лес – за черникой или ягодами. Грибов набрать не удавалось, они просто не росли в этих местах.

К каждой группе привязываю – старшего. Без этого никак нельзя. Анархия никогда до добра не доводила. Тем более что среди туристов находились несовершеннолетние. За ними особый догляд нужен. Глубокие водоемы, как наше озеро, завсегда зона повышенной опасности. И совсем не случайно, отправляясь в плавание, мы каждому туристку надеваем спасительные поплавки.

Не терпелось и Максимке попытать рыбацкое счастье у высоких, будто вечно зеленых, камышей. Для него из Орла я привез специально облегченную удочку. Одной из цветущих зорь мы оказались в одной лодке. Я у носовой части, где было впрок воды, он уселся ближе к корме.

— Дедушка, дедушка! Клюет – не могу вытянуть! – отчаянно кричит внук.

— Не дрейф! Выуживай – не тяжелее ж весла.

Причал. Место рыбалки на острове Хачин

— Вот он – лещ! Здоровяк, какой!

С шумом и грохотом, Максимка ногою столкнул весло, юный рыбак выудил, наконец, золотистого красавца.

То не беда,
Что в лодке – течь,
Воде лишь рад
Трофейный лещ!

— Я сам, я сам! – Максим бросился отцеплять крючок. Справившись с этой задачей, он насадил на него небольшого червя и вновь забросил удочку в камыши.

На уловы не жаловались, но, сколько бы мы не заготавливали рыбы, ее всегда оказывалось мало. Рыбаков, среди отдыхающих было, кроме нас, еще два-три любителя, желавших же полакомиться ухой, хоть отбавляй. Всю мелочь мы сразу же отправляли на кухню, а крупных особей сушили.

Владимир Пыркин, житель островка Городомля, слыл специалистом по копчению рыбы. Он-то, не даром конечно, и закоптил нам с внуком десяток лещей, да еще не больше того завяленной рыбы мы привезли в Орел. Остальной улов раздарили. И не жалели. Для нас с Максимом важнее всего было испытать рыбацкое счастье. За три дня до отъезда в наш лагерь прикатил на катере рыб — инспектор.

— Рыбу ловите? – спросил он.

— Бывает, — отвечаем мы.

— Тогда берите путевки. Бесплатно нельзя. Оштрафую.

Денег у нас, как всегда, в обрез, а потому мы прекратили свои утренние визиты, в заветные камыши.

6. ПОКЛОННИКИ БАРДОВ

Мы были не рады
Поклонникам бардов.

В течение нескольких дней в Осташкове, на базе отдыха «Сокол» проходил российский фестиваль бардовской песни, посвященный памяти поэта Визбора.

23 июля группа молодых поклонников, во главе с рок — гитаристом Михаилом Шиковым, на двух байдарках отправилась к месту события. И хотя их застал в пути сильный дождь, никто из туристов не подумал о возвращении в лагерь. Всю ночьони наслаждались, по их отзывам, чудесной музыкой и песнями прославленных бардов, прибывших в Верхневолжье из разных концов страны – Омска и Красноярска, Воронежа и Курска, Москвы и Орла.

К несчастью, кроме назойливого дождя, путникам пришлось пережить и другое приключение – неожиданно пропала Настя Ченская. Обеспокоенный таким странным обстоятельством старший группы Шиков срочно набрал номер сотового телефона и позвонил о случившейся утрате своей маме – президенту, в Орел. Получивший указание: найти во чтобы-то не стало, Михаил с товарищами отправился на поиски. Однако «заблудшая» отыскалась сама. Свое отсутствие объяснила встречей с интересным поэтом – песенником. Любовь, известно, «нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь…». И добавим от себя – дождливый вечер даже станет, вдруг, — удивительно хорош…

Дежуривший в эту ночь, я напрасно вглядывался в туманную даль озера Белого: в обещанные шесть часов утра, пропавшие байдарки с отчаянными гребцами, так и не показались на горизонте. Поклонники бардов прибыли с опозданием на два часа. Такую не планируемую задержку мотивировали (о Настиных амурах мы узнали позже) только – дождем и туманом.

Нисколько не сердясь – со стихией не поспоришь, я предложил лукавым путешественникам тут же пройти к огню, обсушиться и выпить горячего чая, дабы избежать простуды.

7. ЗА ЧЕРНИКОЙ

Туристы с радостью великой
В поход ходили – за черникой.

В канун отъезда большинство отдыхающих отправились в лес за черникой – ее много уродилось в том памятном году. Можно сказать, что мы с Максимом впервые увидели, как растет эта прекрасная ягода. За эту возможность мы благодарны острову Хачин. Тверская губерния на 800 верст севернее Орла, соответственно, здесь и климат иной. Он-то, как более влажный, и благоприятствует активному произрастанию столь дивного лакомства.

Идешь травянистой тропкой, а по обе стороны от нее рдеют на веточках ягоды. Мы их срывали, как облепиху – смыгом, горстями. Это занятие понравилось внуку, а потому мы быстро насобирали, аж… целых четыре литра. То-то были рады бабушка Валя с внучкою Настенькой. Черника уродилась — крупной и сладкой. Куда до нее облепиховым ягодам – желтым и терпким. Да ее кусты к тому же, не то, что облепиховые, совсем не колючие. Низкие и мягкие.

Когда зашла речь о названии ягоды, и я объяснил, то Максим выдал стихи:

Знать ягоду за черный цвет
Зовет черникою мой дед!

Вот именно, — подтвердил я и добавил:

Она хоть губы очернит,
Но вкусом – душу усладит.

Слушая, нашу с Максимом декламацию, молодая туристка Елена Белоусова весело рассмеялась:

— Да вы поменьше ешьте, а то в банках ничего не останется. Вон, посмотрите, семья Мясниковых – целое ведро набрали.

— Но, их трое, а нас только – двое.

— Ха-ха! А мои соседи по палатке Зубова Галина Николаевна с дочерью Наташей, их тоже пара, а от Мясниковых не отстают. И уже не первый раз в лес приходят. Они уже и варенье успели сварить. Будет чем порадовать в Орле родных и близких.

Поход за черникою всем явно удался.

8. ПРОЩАЙ, ХАЧИН!

Хоть не было с костром удачи —
Дождь заливал волшебный край,
Но мы твердили: «Остров Хачин!
Благодарим за все – прощай!

В последнюю ночь нашего пребывания на озере Белом острова Хачина разверзся дождь. Он-то и помешал нам устроить большой прощальный костер. Впору было находить спасение в промокших чертогах. Но туристы не пали духом, не растерялись. И неудачу с костром восполнили устроенным в большой палатке торжеству по случаю именин юной Наташе Зубовой. Состоялось настоящее празднество с подарками и застольными песнями.

В пять тридцать утра 25 июля весь лагерь напоминал взбудораженный улей – начались сборы к отъезду. Когда вещи в основном были собраны, а часть их уже уложена на катер, в байдарки и лодки, то неожиданно выяснилось, что старое начинается сызнова. Пребывавшая накануне в полном здравии Ольга Мясникова, вдруг, как и в день прибытия, почувствовала себя плохо, и ее пришлось устраивать на катере. Было ясно – она страдала водобоязнью. Ну, совсем не годилась в мореходы!

Благо, что в других аспектах сборов, все обошлось благополучно. Подаю команду: «Вперед!». Вслед за катером, гуськом устремились лодки и байдарки. Моя лодка была замыкающей во флотилии. Это и понятно: в наступлении командир должен быть — в авангарде, а при отступлении, наоборот, — в арьергарде.

Всей грудью вдыхаем с Максимкой утреннюю свежесть Селигерской зори, в последний раз оглядываем обезлюдивший би-

вак. Все восемь из одиннадцати, оставшихся стоять под высокими кронами голубых елей палаток. Свои – личные, как и двое других отдыхающих, мы прихватили с собой. Отдали салют флагштоку «Орловские родники» и красочному транспаранту «Живительные ключи России».

Даю своему спутнику, обретшему другу Самойлову, добро. Алексей Борисович налег на тяжелые весла и лодка, покачнувшись, минуя заветные камыши, стала медленно, но уверенно пересекать водную гладь озера Белого.

Два часа пути и весь лагерь оказался на пристани базы отдыха «Сокол». На берегу уже стоял знакомый «Икарус». Из него вышла Ассесорова. Как начальник лагеря, поздоровавшись, я доложил президенту весьма кратко:

— Все живы и здоровы.

И это было правдой, так как к тому времени, ранее недомогавшая Ольга Мясникова уже полностью пришла в себя и активно хлопотала о завтраке.

Новую смену в составе восемнадцати молодых отдыхающих возглавлял, в отличие от меня, профессиональный турист Владимир Красов. Информирую коллегу о состоянии дел на биваке озера Белого и желаю ему с его группой всяческих успехов.

9. КЛЮЧ РОССИИ

«О, Волга – колыбель моя,
Любил ли кто тебя, как я?!»
Николай Некрасов

День 25 июля 2002 оказался особенно удачным не только потому, что все благополучно устроилось с отъездом, а в не малой степени, по причине куда более важной. Отъезжающим, как говорится, под занавес, Людмилой Ивановной была устроена встреча с одним из самых главных «ключей России» — истоком великой русской реки Волги, что начинается вблизи озера Селигер Тверской губернии. Символично, что самый большой приток ее – Ока берет свое начало уже у нас — на Орловщине.

И вот мы с внуком стоим у огромного гранитного камня. На нем неизвестным умельцем высечены простые, а вместе с тем, мудрые слова:

«Путник! Обрати взор свой. Здесь начинается величие земли Русской».Камень заложен в 1989 году. Туристы подходят к благословенному месту, где посреди болотца стоит часовенка над самым ключом, тем, который и дает начало величавой красавице.

Отсюда Тверь
Открыла дверь
Благословенным тем ключом
Истоку Волги,
Что ручьем,
Затем речушкою, рекой
Продолжит путь
Великий свой.

На ее долгом пути встретится первая деревня – Волговерховье. Первый приток – ручей Персянка, первые озера – Малая и Большая Верхиты. Вплоть до озера Стерж чудо-Волгу можно легко перешагнуть. Но после цепи Верхневолжских озер, это уже не речушка, а настоящая река, который предстоит проделать путь в 3530 километров до Каспийского моря – издалека долго течет река Волга…

Исток Волги

Исток Волги издавна считался святым местом. Открытая в 1649 году по Указу царя Алексея Михайловича Спаса – Преображенская пустынь не обрела силы, хотя и имела большую известность. Запустение довершил пожар 1724 года. Жители заселенной в 1740 году деревни Волгино Верховье, взяли на себя заботы, по содержанию в чистоте источника и часовни при нем.

Исток Волги. В первом ряду, справа: П. Д. Козин, его внук Максим, кинооператор Елена Озерова и другие

В начале XIX века здесь открыли женский Ольгинский монастырь. Настоятельницею стала игуменья Вера. От прежнего Ольгинского монастыря сохранились Никольская церковь и каменный Спаса — Преображенский собор. В нем-то мы и побывали. Кинооператор Елена Озерова, как в лагере, так и теперь у истока Волги вела активные кино и фотосъемки. Даст бог и все получится на славу. И взрослые, и юные экскурсанты увидят еще раз себя, а главное прекрасные памятники Верхневолжья.

Ведь совсем не случайно мой одиннадцатилетний внук, задумчиво стоял у истока Волги. Когда же увидел напротив деревянной часовенки, которую вместе с источником освятил усопший патриарх Алексий Второй, большую деревянную доску с автографами туристов со всей Русской земли, он подошел к ней и отчет-

ливо начертал: «Орел, 25 июля 2002 года. Максим Корнеев» И расписался, так сказать, запечатлел себя.

Когда Максим пером писал,
От счастья, словно расцветал,
Была та явь, как сладкий сон,
Он Волге отдавал поклон…

Мне же, в эту минуту, хотелось поблагодарить моего друга, генерального директора ОМОООМ «Орловские родники» Сергея Ивановича Шмелева, который организовал для нас с Максимом это удивительное путешествие. На Селигер и к истоку чудо — Волги. Без него мы с внуком не испытали бы счастья побывать на былинной Тверской земле.

К нашему автобусу, стоявшему в деревне Волговерховье смело подошел вороной конь с белою звездочкой на лбу и стал беззастенчиво просить угощенья. Инструктор Михаил Шиков вручил вороному полбатона хлеба, а Максим, не устояв перед вопросительным взглядом коня, отдал ему последнее печенье. Подумалось тогда: как добра и щедра русская земля и люди на ней.

Орел – Осташково – Волговерховье – Орел.
Июль 2002 год

КУДИНОВО

Среди садов и рощ осиновых,
Вдали от шумных городов,
У двух заиленных прудов,
Свой доживает век —
Кудиново!

Весной 2009 мы на редкость быстро и дружно управились с дачей. 3 мая я начал копку огорода, а уже 9 мая, в День Победы, все пять соток были обработаны и засажены. На восьмой день, выпавший на воскресенье 17 мая мы с женою, из-за неувязок с личным транспортом (окончился срок действия водительских прав), на маршрутном автобусе № 63 добрались до своего участка и оказались весьма довольны результатами своей былой деятельности. Накануне, в течение трех дней шел дождь, а теперь: чеснок и лук, щавель и остроган, петрушка и клумбы цветов — все выглядело сочно — зеленым, а цветущие сливы и яблоня благоухали чудным цветом и запахом.

Огорчение вызывала лишь худая крыша двухэтажного дачного дома. Чтобы обновить кровлю — покрыть ее шифером, ибо толь — вещь ненадежная, нужны большие средства и мастера. Мне же под 70 и я стал опасаться высоты. В памяти еще свежи были раны сердца. Отец и брат Иван стали жертвами падения с крыш. Повторить их «подвиг» мне крайне не хотелось.

— Дорогой! — обратилась ко мне жена, — еще в прошлом году ты со своим приятелем-рыболовом собирались заняться крышами дачи и гаража (он так же изрядно протекал). Может теперь, что надумаете? Решитесь на благое дело. Денег на материалы я найду. И Юре твоему уплачу, сколько следует.

— Где его искать? И, что с ним теперь, я не знаю — год прошел. Его и без того «замороженным» зовут.

Отдавая дань страсти, Юрий как-то изрядно перемерз, долго болел. Младший же брат его Игорь, профессиональный водитель, еще в 2002, в свою очередь, обморозился так, что ему ампутиро-

вали ногу, и он стал инвалидом 1 группы. Теперь он в деревне Михайловка Орловского района с женою Надеждой живут. Хотя женщина сама в инвалидах 2-й группы числится, но на то она и зовется Надеждой — веру в пользу труда сохранила. Супруги Яшины не только водят поросят и кур, в их хозяйстве числится даже лошадь. И право, как без нее? С одною ногою, да при больной супруге, с большим огородом в селе не управишься. Да и дров привезти, поехать куда — конь всегда выручит.

Юрий, 1960 года рождения, и хотя старше брата на 7 лет, а полная противоположность ему. Игорь на все руки мастер — в технике и в крестьянском деле: дом, палисад, земля — все в пристойном виде. Юрий Владимирович, однако, не в пример Игорю — не тургеневский Хорь, а скорее Калиныч — любитель даров природы. Но более грибов и ягод он любит рыбалку. Это одна его, но пламенная страсть. На ней мы и сошлись с ним, где-то тому 15 лет назад на Мало — Куликовском водоеме. Бдели ночи на прудах Пилатовки и Гостиной, на Оке, в Отраде и близ Володарки. Вместе рыбачили под Малоархангельском и Глазуновкой, в Понырях и на Барском, что уже на Курской земле. Наконец, не раз бывали на Тульчине, в районе деревни Кудинова, где водились прожорливые ротаны.

Братья родились в рабочей семье. Их отец Владимир Петрович Яшин — маляр. Мать Валентина Петровна — прессовщица фабрики «Радуга». Оба на пенсии. Они давно постарели и со здоровьем нелады, но продолжают кормить и поить, как в народе выражаются, взрослого разведенца — сына. С 1995, став жертвой демократических преобразований, Юрий нигде не работает. Он даже не пытается трудоустроиться. Положение иждивенца его устраивает. Удочки же ему приносят не столько дохода, сколько расходов. Правда, он иногда подрабатывает по 5-6 тысяч на заготовке мотыля. Но это занятие носит эпизодический характер и дыр в семейном бюджете залатать не может. Безденежье доводит приятеля до абсурда. Он — вечный заяц: в электричке, трамвае, автобусе. Спасает его добродушный и легкий, сговорчивый характер. Контролеры всех уровней махнули на него рукой. Да

и что с Юры, бывшего осмотрщика вагонов и сдатчика поездов, возьмешь — гол, как сокол! Если выпивает, то за чужой счет. Однако не назойлив, не жаден, не корыстолюбив. Напротив, учтив, и всегда доброжелателен. В общем, рубаха — парень! Все рыболовы с ним на «ты». Он объездил и отлично знает все близлежащие и дальние пруды и речки. С ним советуются, хотя Юрий совсем не числится удачливым добытчиком «чешуи и хвостов». Да и как стать таковым, если он не браконьерствует, не использует запрещенных приемов, а ловит всего одною удочкой. Случится активный бор, он — герой, а нет — суда нет! Тем не менее, он духом не падает. Готовит приправу и вновь друзья — рыболовы видят его в электричке — веселым и энергичным. Таковым, поистине, надо родиться!

Теперь, когда читатели, имеют некоторое представление о моем герое, можно вернуться к моей беседе с женою Валентиной солнечным днем 17 мая.

— Дорогая! — обращаюсь к супруге, пойдем к ручью, там нароем червей, а завтра попытаюсь открыть сезон — съежу на рыбалку. Утро вечера мудренее.

— Поезжай грустно улыбается Валентина, — тебя все равно не удержишь, раз ты, что задумал. Крыши на ладан дышат, а рыбаку все — по боку!

… В 6 часов утра 18 мая, в высоких сапогах и с рюкзаком за плечами я оказался на перроне второго пути железнодорожного вокзала. Электропоезд был готов следовать рейсом «Орел — Тула». У вагона неожиданно, на ловца и зверь бежит, вижу невысокую коренастую фигуру старого приятеля.

— Юры! Никак и ты за ротанами решил наведаться? — обрадовался я.

— Да, в Кудинова, но за карасями. У меня для них манная приправа, сладкая, что повидло, припасена.

— Это хорошо! У меня, по обыкновению, одни черви.

— Не беда! На червя всякая рыба клюет.

— Ты один?

— Нет. Со мною мой бывший напарник по горячему цеху. Он ногу сломал. Подлечился, теперь на бюллетени. Решил на пруду душу отвести.

— Понятно.

Уже в пути, я подал руку солидному, с неглубокими залысинами на крутом лбу, плотном и, на вид, серьезному мужчине, представился:

— Петр.

— Виктор! — услышал в ответ густой баритон Юриного спутника.

В Кудинова, от остановочной платформы 113 километр, где мы благополучно высадились — два пути. Один — по горам и долам, минуя дворы, охраняемые злыми собаками, другой — более длинный, по выщербленной, но бетонке. Учитывая хромую ногу товарища, мы пошли этой, более легкой, без пней, бурелома и кочек, дороге.

— Какие мы, русские, варвары! — гневно бросил фразу Виктор, указывая рукой на брошенные хозяевами дома, что стояли за деревьями, без окон и дверей, — нужно, не нужно, а ломаем — к себе тащим, а то просто на месте жжем и рушим. За это нас в былых советских республиках и в странах Европы никто не любит.

— Водится за нами такой грех! — соглашаюсь я.

— А, здесь в высоченных Елях белка жила, — перевел разговор в другую плоскость неугомонный Юрий, — в Орле как-то у одного пассажира белка из клетки убежала. Близ памятника Тургеневу с охотничьей собакой, долгое время в Елках жила. Такая была смелая, что из рук людей корм брала. Правда, скоро пропала.

— Эти же люди, ее и погубили, — вздыхая, проронил Виктор.

— Может быть, не знаю, — отозвался Юрий.

Дорога шла круто, на подъем. Мы миновали небольшой, весь поросший сухою осокой пруд. Яшин объяснил:

— Здесь мелкие караси водятся. В камышах прячутся и крупные особи, но их трудно взять — в болоте увязнешь. Глубина по колено, а ила — по пояс.

— Каламбуришь, но все верно, — подтверждаю я, — а вот, Юра, и твои друзья, указываю на примостившихся среди пней у дороги сторожевых псов.

— Видно, есть хотят, а у меня с собою ничего нет, — сокрушается приятель.

— Всех бродячих псов не прокормишь, — бросил Виктор, — их, одичавших, как и бомжей, теперь много на Руси развелось.

Не прошло и получаса, как мы, минуя небольшой лесок, где вырезали по подставке, оказались у трехэтажного дома, что высился в череде одноэтажных, но кирпичных, еще справных зданий.

— Вон, какие особняки стоят, а все бесхозяйные, пустые! — насупился Виктор, а здесь был плодовый совхоз. Сотни людей жили, радовались, обустраивались. Огромные — молочная и свиная фермы. Ремонтная мастерская, неполная средняя школа, медпункт, большой клуб. Теперь один магазин остался, да и он каждый месяц разворовывается.

— Штакетник, что был вокруг колодца и тот разобрали, — вставил свое слово Юрий, — благо, что ведро худое заменили.

— Прогресс! — попытался пошутить я, — как никак, а Кудинова в семи километрах от райцентра Чернь и в десяти верстах от села Спасского — Лутовиново. Здесь не раз и Тургенев по охотничьим надобностям бывал. Сады вокруг — прелесть!

— Негодными, неухоженными, пропавшими стали сады. От русской постыло — неправедной жизни он впал бы и сегодня в отчаяние при виде того, «что совершается дома», — заключил нашу серьезную беседу Виктор.

На плотине верхнего пруда сидели двое молодых парней. Один из них, увидев меня с сигаретой в зубах, попросил:

— Дайте закурить!?

— А своих папирос, нет? — протягиваю я развязному молодцу сигарету.

— Где-то в машине валяются! Далеко идти.

— Что-нибудь поймали?

— Да, пяток пескарей. Мелочь одна идет. Плохой клев — холодно! Вода не прогрелась.

На нижнем пруду я сел на противоположном берегу по отношению к рыбакам — приятелям. Забросили удочки. Стали ждать удачи. И лишь спустя час времени, лишь попался черный, как навозный жук, ротан.

— Молодец! — дуэтом похвалили меня Юрий и Виктор, — пойдет, пойдет рыбка! Их оптимизм оказался преждевременным. Сколько мы с Юрием не меняли мест, на Верхнем и на Нижнем водоемах, результат оставался прискорбным. За семь часов лова, я поймал всего пять ротанов и только одного, хотя и приличного карася. Юрий выудил четырех карасей. Виктор сижу не менял, а оказался более удачливым. В его садке копошились полтора десятка золотых особей.

— В 5-6 метрах от берега здесь обрыв, — объяснял он причину удачи, — бросил крючок у его края, значит — жди поклевки.

Посмотреть на рыбу к Виктору подбегали две юные девчонки — школьницы и он не преминул угостить их баранками. Спросил:

— В школу-то далеко ходите?

— В соседнюю деревню, за 5 верст.

— Пешком?

— Не всегда. Иногда подвозят. Зимой на лошади, летом на машине.

— На что же, живете?

— На бабушкину пенсию.

— А родители?

— Безработные. Летом ягоды и грибы, осенью яблоки собирают и продают. Вот и весь их доход.

— Не густо, — сокрушался Виктор, — деревня в запустении. Если и пашется поле, то больше клоками. Новым хозяевам лишь бы чернозем урвать, а у нас же все больше подзолы и суглинок. От того и чертополохом поля заросли.

В четыре часа дня, когда я уже собрал удочки и возился с рюкзаком, из подъехавшего автомобиля — «козла» вышел пожилой здоровяк. Мужчина спросил:

— Как улов?

— Плохой, — отвечаю, — клева нет. Видно, холодно. Ни земля, ни вода не прогрелись.

— А позавчера, говорят, хорошо клевало.

— Все может быть.

— Раз так, то нам в Кудинова делать нечего, — незнакомец сел в машину, и она дала «газ».

Когда я в полной экипировке оказался на противоположном берегу, Виктор шутливо спросил:

— Петр Дмитриевич! А вы, видать, злой волшебник?

— Как? — удивился я.

— А так! Сказали пару слов рыбакам и они — хвост трубой, долой от пруда!

— Я им честно свой улов продемонстрировал. В том и есть секрет моего волшебства.

— Ха-ха-ха! — раздался задорный смех обоих моих товарищей.

— Солнышко подогреет, и дело пойдет! — оптимистично сказал Юрий, — подождем. У нас еще лето в запасе.

Из Кудинова возвращались прежним путем. С тою разницей, что мы шли теперь под гору, что было легче. Встретили трех девчонок — подростков. Их сопровождала большая черная собака. Виктор грустно заметил:

— Бродят одни, без взрослых. Тут машины снуют. Посадят — увезут и надругаются. Люди ведь зверьми стали.

— Моральный кодекс социализма, верно, не чтят, — согласился я.

— Да, мы теперь при капитализме живем, — поддержал нас Юрий, — а у нуворишей одна заповедь: «Человек человеку — волк!».

— Смотрите! — указал Юрий на ровные края дороги, — видно грейдер прошел. Все расчистил. И дорогу немного подлатали.

Уже за малым болотистым прудом, на обочине мы увидели экскаватор и суетящихся у него рабочих.

— Плиты поднимают, перекладывают, — Виктор на мгновение остановился, — я слышал, что здесь комплекс будут строить.

— Давно бы так. Все жизнь повеселеет, — вставил свое слово и я.

На перроне платформы, в ожидании электропоезда, стояли трое: две старушки и один пожилой мужчина. Одна из них, этакая шустрая и энергичная бабуся, показывая рукою, в сторону от железнодорожного полотна, находящееся кладбище, проронила:

— Вон, наше место. Скорее бы. Молодым, отвыкшим от труда, не завидую. Китайцы, азиаты всякие всю страну заполонили, а русские бездельничают и пьянствуют. Что их ждет завтра? Ясно — рабство. Девки уже сейчас продаются, не стесняясь подолами, трясут — стыдоба, какая! Вот до чего без Советской власти дожили.

Ей вторила вторая, что сухая и сгорбленная сидела на рюкзаке:

— Вымирает Россия. Ой, вся вымрет.

— На кладбище русским и место, раз ума нет, — отозвался седой мужчина.

Когда подошел электропоезд, он тут же бросился поднимать на крутые ступеньки слабую, горбатую старушонку.

Молодая контролер, когда мы на всех парах, мчались на припоздавшей из-за пропущенного грузового состава, электричке подошла к Юрию?

— А это ты! — заулыбалась она, — и как всегда без билета?

— Точно так, я же рыбак! — весело отрапортовал Юрий.

— Знаю, а потому прощаю.

— Спасибо красавица! — вновь отшутился приятель.

Виктор всю дорогу, думая о чем-то своем, оставался грустным. Усталым и разбитым, после похода за кудиновскими ротанами чувствовал и я, а потому молчал, прислонившись к оконному косяку и несколько подремывая, уходил в забытье.

Уже в Орле, расставаясь с приятелями, я напомнил Юрию о нашем еще прошлогоднем уговоре уладить дело с крышами. Он внимательно выслушал меня и на полном серьезе ответил:

— Телефон знаешь. Звони, как соберешься. Обязательно помогу. Я же, как пионер, — всегда готов!

ШЕСТОГО ИЮНЯ

С утра, казалось,
Будет день прекрасным,
Но вот взметнулась серой тучки
Брошь,
За ней еще…
И скоро стало ясно:
Нас ожидает —
Долгий, нудный дождь…

Я ж, как назло,
Забыл облечься в свитер
И без сапог
Собрался по грибы.
В Кромах —
Меня покинул Часовитин:
Лукаво — мудрый
Баловень судьбы,

Что лишь в сонетах —
Смелый и отважный,
На деле же —
Известный эгоист:
— Грибов дороже
Мне здоровье! — скажет, —
В лесу ж промокнешь,
Как бумажный лист!

Подставив зонт
Под дождевые перлы,
Из поезда он вышел
На перрон —
Сухим в Орел
Вернулся друг Валерий,
Меня ж в Гостомль
Катил сырой вагон!

— Надо было послушаться Валерия Яковлевича и следовать его примеру! — по возвращению из грибного похода, упрекала меня жена, — характер показал, а здоровье подорвал: на тебе сухой нитки нет. Без сапог, плаща и даже зонта, под проливным дождем собрался лес покорять. Часовитин же молодец, с зонтом был, а увидел небо в клеточку — вернулся. Все просчитал, не зря по образованию — экономист! А ты? Дрожишь, а все то тебе неймется?! Говорила же, что грибов еще — кот наплакал.

Охая и ахая, заботливая жена тут же предложила мне сто грамм вино — водочного настоя. Сытно накормила и напоила густым и горячим чаем. Когда я в суконных носках уже покоился, набираясь тепла и сил в кровати, она продолжала расспрашивать меня о моем первом в этом (2009) году и столь незадачливом путешествии. Рассказать же было о чем.

Бомж

Мы, трое грибников, вышли из вагона поезда «Орел — Михайловский рудник». Первым, кого увидели на остановочной платформе 76 км, был — низкорослый, небритый, цыганского типа, бомж. Весь промокший, в рваных по шву, но дорогих, явно не своих, выутюженных брюках, мужчина лет под пятьдесят суетливо прохаживался по сырому бетону. Поражали его разбитые в кровь, совершенно босые ноги. Он назвался орловцем. Приехал, дескать, по делам, но каким, не объяснил. Едва я вынул пачку сигарет, как бомж, шлепая по кроваво-грязным и зябким лужам, оказался возле меня, всем своим видом, показывая, что хочет покурить. Я молча угостил его сигаретой. Затем — второй, третьей. Он брал сигареты в зубы, прикуривал и тут же отходил в угол плиточного навеса.

Наш состав наверняка уже подходил к конечной станции, а мы все еще пережидали дождь. Спешить было некуда, да и глупо. Проводница вагона и местные селяне объяснили нам, что грибов мало. А какие есть и те — червивые. Грибники же — народ дотошный. Не успокоятся, пока сами все не перепроверят. Известно, что

лучше всего коротать время, проводя его за беседой. Ведь небо над нами разверзлось мощными струями, а все мы были одеты легко. Если у одного из моих товарищей был зонт, у другого плащ-накидка, то я, вообще, выглядел полураздетым. Вначале, мы поговорили о горестной судьбе бомжей, которых так много теперь развелось в стране, где и обычным, законопослушным гражданам живется совсем невесело. Посетовали на то, что многие бомжи не хотят работать. Едва трудоустроившись, тут же сбегают от хозяев, за непонятной для обывателя, свободой. И вновь — клянчат милостыню, а то просто воруют.

Надоело, стоя под навесом, говорить о бомжах, и мы перешли, как водится, к охотничьим байкам. Первым взял слово плотный, жизнерадостный здоровяк, коему и ливень не помеха. Назвал он себя Владимиром Григорьевичем. Через пару месяцев, в августе, ему исполняется 70 лет, а живет он на станции Лужки, в 13 доме. Вначале наш приятель добрым словом помянул советскую власть, когда грибов и зверей в лесу, как и рыбы в прудах и реках было много, а охотников до легкой добычи мало.

Встреча с волком

— Вот, вы говорите, — начал свой рассказ Владимир Григорьевич, — что лоси — не звери, а мирные, де, животные. Прямо скажу, не приведи господь встретиться с ними в их брачный период — растерзают. Одну женщину лось так искромсал, что по клокам кости собирали.

— Страшнее волка? — спросил я.

— Порою, да. Вот был случай. Приехал я в лес за грибами на мотоцикле. Поставил свой «Минск» у тропы и стал охотиться за белыми красавцами. Один, другой, третий кладу в корзину. Ищу еще, а впереди, вдруг вижу два огня рядом. Невдалеке чернел овраг. Стало смеркаться и волк, как видно, вышел на добычу. Что делать? Оборачиваюсь назад — мотоцикла не видно за кустами. Не поворачиваясь, делаю два шага назад. Ужас! Волк так же сделал два шага, но вперед. Я повторил ход и он тоже. Хитрый, видать, зверюга! На мое счастье, я заметил свой безотказный «Минск».

Рывком к нему. Ключ был на месте. Бью ногою по стартеру. Ура! Завелся! Направляю свет на волка, что совсем в двадцати шагах, давлю, что есть силы на газ. Свет и рев мотоцикла видно напугали его — он рванул в сторону. Я бегом за лукошком, что оставил на тропе. Укладываю его в багажник и — был таков! Вот вам и волк. Не бросился сразу в намет, как лось, а повел охоту. Сытые волки, как правило, на человека не нападают. Этот же, вышедший из оврага, где в логу, наверняка были молодые волчата, отпугивал меня от них. Однако не будь со мною мотоцикла, не знаю, еще, чем все дело закончилось?!

Карповы пилы

— Или, вот такой был случай, — продолжал свои байки житель Лужков, — ловили мы с приятелем карпов в пруду, что в четырех верстах от поселка Кромы. В 80-е этого добра в каждом водоеме было пропасть. Забросали пруд бомбами из свежего теста, расставили удочки на горох. Проходит 20 — 30 минут и поклевка. Уложили в мощный садок килограммов пятнадцать золотых особей. Поймали еще по карпу и пошли за трофеями, чтобы по справедливости поделить и отправляться восвояси. Подходим, вынимаем садок, он же, будто ножом обрезанный, а рыба тю-тю. Вся, как ни есть, ушла. Выругались, да винить некого. Разве лишь себя, что о карповых пилах забыли. На следующий день отправились в рыбацкий магазин и приобрели капроновый садок. С ним уже и стали наведываться за карпами. Такой садок — верней и надежнее. Ему и пилы нипочем!

«Сопливый»

— Вы бывали где-нибудь в этом году на пруду? — спросил меня другой незадачливый грибник, назвавшийся Анатолием Григорьевичем. Круглолицый, розовощекий мужчина, которому, как мне казалось, нет еще и 60 лет. Он проживает, по его признанию, в Орле на улице 8 марта.

— Один раз в Кудиново ездили с Юрой Яшиным за ратанами.

— Что за Юра? Это, что не большого роста и нигде не работает?

— Да! Его еще «Замороженным» зовут.

— Этот, что мотыля моет?

— Точно.

— Но, мы его просто «Сопливым» зовем. Вечно он насморком страдает и, подобно бомжу, — простуживается.

— Но, рыболов — отчаянный!

— Чаще — неудачник! — уточнил собеседник. — Я больше на платные пруды езжу. Последний раз шесть килограммов привез.

— И, сколько заплатил?

— Триста рублей! Да, сейчас на рынке килограмм карпа 150 рублей стоит.

— Таких денег у нас с Юрою нет, а потому мы чаще всего в прогаре, как и в прошлый раз, по 5-6 рыбок всего и выудили.

— Теперь в прудах нигде рыбы не поймаешь, — вмешался в разговор Владимир Григорьевич, — все браконьеры подмели. Платные водоемы — удовольствие для богатых. А нам, как Юра, сопливым и сонливым, мелочь, что водится на Барском пруду и та в радость.

Бег с лукошком

Уже в половине двенадцатого дня, когда дождь несколько приутих, мы решились, наконец, пуститься в бега по березовым перелескам. Места давно знакомые, а потому никто не боялся заблудиться. У каждого из нас был свой маршрут. Я, обгоняя дождь, устремился вправо. Миновал рощицу — грибов нет. Прошелся аллеей вековых берез, надеясь увидеть здесь Белые, но таковых не оказалось. Устремился вдаль за бетонку, но и в этих некогда благословенных местах меня не ждала удача. И, лишь после того, как я, миновав овраг и широкое поле озимых, вышел на южную окраину леса, перед моими глазами предстала стайка свинушек. Вслед за ними укладываю в лукошко также череду молодых светло-бурых поплавушек. Тучки рассеялись. Дождь более не докучал. Напро-

тив, засиявшие всеми цветами радуги солнечные лучи, быстро высушили меня. Огорчение вызывали лишь наполненные водой ботинки. Но я, подобно солдату, продолжал греться бегом, и вскоре стерпелся и с сырою обувью.

Но не долго мне пришлось декламировать поэтические строки Эльдара Рязанова «У природы нет плохой погоды». Уже в половине третьего дня, с севера набежали иссиня-черные тучи, громыхнул гром и на мою легкую кепку, словно горох, посыпались хладные градинки. Дабы не испытывать судьбу я направился к остановочной платформе, под спасительный навес железнодорожной будки. Тут уже находились не только мои приятели — грибники, но и трое местных селян: мужчина и две женщины. Бомж все также настойчиво и суетливо вымерял босыми ногами бетонные плиты. Каждый его шаг отпечатывался на них сгустками крови.

— Проголодался, наверное? — спросили мы.

— Немного, — отвечал он, понурив голову, на коей, что для него естественно, не было никакой кепки.

Мы с Анатолием Григорьевичем достали свои домашние запасы и угостили продрогшего несчастливца — колбасой, салом и ломтями хлеба. Бомж, подобно голодному псу, тут же, натужно работая где-то и неизвестно кем выбитыми зубами, поглощал нашу пищу. Когда она кончилась, он потянулся ко мне за сигаретой.

— Ничего, скоро поезд придет, — сочувственно изрекли женщины — селянки, — в Орле отогреется.

Но произошло неожиданное. Когда мы усаживались в вагон, бомж нарочито отошел от нас и уселся на краю платформы. Он сознательно не реагировал на наши увещевания, обещания помочь с билетом. Тепловоз тронулся, а горемыка — бомж так и не сделал попыток отправиться в город. Мы понимали, что теперь ему предстоит, за отсутствием проходящих составов, ночевка среди поля и леса. Наедине с ночными гостями — кабанами, лосями и волками. Разве только, что он решится заглянуть в деревню. До ближайшего же селения не менее пяти-шести верст. Правда в лесу есть шалаш, но в такую лихую непогоду, что выпала в день — шестого июня, он вряд ли согреет и обсушит столь бесшабашного странника.

В поезде я занялся отжиманием носков и, выйдя в тамбур, пытался согреться сигаретами. Собственные печали погасили, затушевали все мои грустные мысли о безысходных судьбах неустроенных россиян. Наши лесные трофеи так же не радовали. Если у меня набралось ведро второсортных грибов, то у моих приятелей оказалось и того меньше. Владимир Григорьевич непонятно зачем взял с собою крупную свинушку, что была не только старой, но и прелой. Видимо, решил показать ее своей второй жене, так, для отчета, первую супругу, по его словам, он с болью в сердце похоронил два года назад.

Уже в Орле, прощаясь, Анатолий Григорьевич, неунывающий розовощекий красавец, придержав меня за рукав, сказал:

— Через недельку можно будет ехать на 76-ой. Почву дождь промочил основательно. Грибы пойдут. И не беда, что, говорят, на Курской АЭС радиоактивный выброс был, они оттого, только лучше расти будут. Поедем?

— Я не против лесной прогулки, — шучу я, — но боюсь, что вы, как мой друг Валера, при очередном ливне, где-нибудь в Кромах сойдете — одного оставите?

— Ха! — оторопел Анатолий, — ты все еще Часовитина другом зовешь, а он просто — предатель!

— Скорее, разумный и осторожный человек! — не согласился я со столь резкой оценкою поступка моего некогда редкого, но порою, забавного спутника по «тихой охоте».

— Не огорчайся Дмитриевич, — крепко пожал мне руку Анатолий, — я не твой Валера, я — человек надежный!

— Будем надеяться! — ответил я, и в упор посмотрел в веселые глаза внове обретенного приятеля. Того, с кем мы, по-братски, разделили, во имя спасения неизвестного бомжа, свою «домашнюю снедь».

ШАХОВСКИЙ «ГОСТЬ»

У развилки двух дорог,
Где травой поросший лог…
В августе, средь бела дня,
Повстречался с волком я.

Когда-то Шаховская станция, что на Брянской железнодорожной ветке была оживленным местом. Здесь стояло несколько ухоженных домов. Хозяева вели активный образ жизни. На подворьях, под охраной собак, держали скот и птицу. Пахали и сеяли огороды. Разводили сады и пчел.

С приходом к власти «демократов» все захирело. Станцию, в целях непонятной экономии, закрыли. От былых домов остались лишь черные дымные головешки. Правды ради заметим, что одно строенье, близ которого разместился глубокий колодец, еще как-то сохранилось. Его хозяин из жалости приютил у себя неизвестно кем пораненную, успевшую одичать собаку — лайку. Подлечил. И вот она теперь и стала едва не единственной достопримечательностью былого поселка. В километре от станции, нет-нет, да порадует взгляд аккуратная усадьба местного пчеловода. А вокруг — ни души, только ветер и снег… Редко наведываются сюда селяне близ лежащих деревень, которые в свою очередь, разорились и опустели. Поля и лога заросли густым бурьяном и чертополохом. Леса и рощи засорены непролазным буреломом и валежником. Вот и наступило раздолье разве лишь для диких животных и их извечных врагов — волков. В любом верху можно без труда отыскать их логова и лежбища.

Вот на таком фоне и состоялась моя неожиданная встреча с непрошенным серым хищником.

В понедельник, 10 августа 2009, я вышел из вагона электрички. Оглянулся: рядом — никого из попутчиков. Так, в одиночку, и отправился я за лесными дарами. Путь мой лежал в направлении дальнего охраняемого пруда. Пришлось миновать три сырых лога, благо я был в сапогах, прежде чем я оказался у знакомой, по прежним визитам, богатой грибами березовой рощице. И на этот раз

мне повезло. Я насобирал более четырех ведер подберезовиков и подосиновиков, свинушек и даже несколько белых.

С рюкзаком за плечами, с тяжелой сумкой и небольшой корзиною в руках отправился в обратный путь. Было пять часов дня, когда я оказался у глубокого оврага, что всего в полукилометре от станции и двухстах метров от железнодорожного полотна. Здесь скрещивались две лесные тропы. Усталый, я поздно заметил поднимающегося из лога волка. Он также, низко опустив голову, не видя меня, тщательно обнюхивал следы ранее пробежавших косуль.

Увидев, торчащую из высокой травы длинную спину непрошенного «гостя», я остановился. Поставил на землю свою поклажу. Вынул из корзины нож и приготовился к схватке. Волк от меня был всего в 20-30 метрах. Честно говоря, мне сражаться с хищником совсем не хотелось. Я уповал на то, что летом волки бывают сытыми и в одиночку на крупных животных, тем более человека, не нападают. Но, нет правил без исключений. Надо было что-то делать.

— А, ну, пошел! — громогласно крикнул я.

Волк резко остановился и когда высоко приподнял свою голову, то мне со страху показалось, что «серый» выше меня ростом. Он не подал ответного голоса. Ни воя, ни рыка я не услышал. Зверь молча смотрел на меня, а когда я во — второй раз проскандировал: «Пошел!», то он, не поворачиваясь, задом отступил вниз по тропе. Достигнув куста, волк резко прыгнул в высоченную траву и скрылся в непроходимых зарослях груш и берез, шиповника и боярышника.

Выждав некоторое время, пока хищник уйдет далее, я уже осторожно, с опаскою, продолжил свой путь. Выбравшись на противоположную сторону лога, я на этот раз, что делал по обыкновению, не стал засиживаться на окраине леса. Пренебрег отдыхом. Чем черт не шутит, а вдруг серому придет в голову преследовать меня. Однако все обошлось. Я благополучно добрел до станции, где оказались двое грибников, что ранее прибыли из Брянска. Я не преминул рассказать им о только что пережитом происшествии.

— Ничего удивительного, — заметили брянские товарищи, — волки адаптировались и ни людей, ни поездов уже не боятся. Они

теперь подлинные хозяева степей и лесов. В том числе и пустых деревень. Ранее их местные собаки донимали, а ныне лишь раз в год охотники немного попугают и на этом все волчьи страхи заканчиваются до следующего сезона охоты. Вот такие, брат, дела.

Несколько позже, прослушав мой рассказ о встрече с «Шаховским гостем» опытная грибник, орловчанка Антонина Васильевна Князева горячо убеждала:

— Волк потому тебя не тронул, что ты смотрел на него в упор, не отвел взгляда и не побежал. Стоило тебе струсить и поспешно отступить, то он наверняка проявил бы свою звериную сущность. И неизвестно, чем бы все кончилось.

— Да, да, — соглашался я с попутчицей, — пути господни, как и волчьи повадки неисповедимы.

Однако волков бояться — в лес не ходить. А я в течение сентября — октября вновь неоднократно наведывался в Шаховские леса. Ходил теми же тропами, но с буро-серыми «гостями» более не повстречался. И, слава Богу!

АЛТУНИНЫ ИЗ МЕЛОВОГО

Когда со мной стряслась беда —
Я заблудился у пруда…
Алтунины меня спасли —
В Орел больного привезли.

25 июля 2009 я прибыл с целями «тихой охоты» на 53 км. На этот раз решил наведаться в малоизвестные мне леса, что лежат вправо от железной дороги «Орел — Брянск». Из всех грибов, которыми сухое лето 2009 оказалось совсем не богато, заметное место занимали «лисички». Земляки — болховчане называют их иначе — «зайчишки». Известно, что предприимчивые немцы нашли в них состав, противодействующий раковым заболеваниям, потому считая их лечебными, они заключили с предпринимателями России договора на поставку этих лекарственных гри-

бов. Вот и бросились орловцы обозревать окрестные леса. Первые «лисички» заготовители принимают по 180 рублей за килограмм. В последующем цены резко падают вплоть до 50 рублей за тот же вес. Но это не останавливает грибников, и они упорно идут за счастьем. Изведать удачу решил и я. Тем более что ранее в дальних логах мои коллеги находили немало и белых особей.

Еще по пути в направлении села Меловое, в ближнем верху, мне попалась парочка чудесных красавцев. Вдохновленный первой удачей я забрался в урочище и брел по его опушкам так долго, что оказался вблизи деревни с высокой водонапорной башней. Корзина, что покоилась в рюкзаке, оказалась наполненной белыми грибами и лисичками. Вторую, небольшую корзину, что я нес в руках, набрать доверху так и не удалось — время поджимало. Надо было спешить к платформе — поезд ждать не станет.

Выйдя из леса, я как мог, определился по сторонам горизонта и, решив срезать путь, резко повернул влево. Тем более, миновав сырой лог, я вышел на торную дорогу. Первые полчаса я шел едва не с песней. Сияло солнце, благоухали цветы на полях, приятно освежал лицо мягкий ветерок. Но с каждою новой минутой груз стал давать о себе знать. Я невольно вспотел. Вот тут-то и начали меня нещадно донимать слепни и оводы. Замечаю, что моя тропа неожиданно повернула вправо. Менять ее было невозможно из-за непроходимого чертополоха и мелкого березняка. Решив не противиться судьбе, я продолжал отмеривать километр за километром, пока не уткнулся в густую лесополосу, где шла широкая автомобильная дорога. Я направился вдоль ее колеи. У края перелеска присел отдохнуть. Огляделся. Вокруг — безоглядное поле. А правее его поблескивало на солнце широкое зеркало пруда. По рассказам грибников и рыболовов я слышал, что где-то здесь должно быть село Меловое, а еще слабо обозреваемое мною водохранилище и есть Меловской пруд.

Покурил. Почувствовал, как нещадно бьется мое больное сердце. Делать же было нечего — дорогу осилит лишь идущий. Рюкзак на плечи, корзину в руки и — вперед. Я прошел не менее пяти километров пути пока, наконец, не добрел до пруда. Он оказался до полутора километров в длину и 600-700 метров ширину.

Под усиливающимся ветром крупные волны качали лодки — плоскодонки, едва не перехлестывали широкую бетонную плотину. На берегу блистательного, на мой взгляд, водоема стоял красивый двухэтажный коттедж — уют для отдыхающих. Я пожалел, что у меня всего полторы сотни рублей и их, конечно, окажется мало, чтобы остаться на ночевку и порыбачить. Время клонилось к вечеру и я, несомненно, не только пропустил шестичасовой рейс, но не смогу уехать и девятичасовым поездом. Путь к железной дороге был для меня за семью печатями, а я так устал, что хотелось тут же сбросить с себя потные одежды и бултыхнуться в холодное, но манящее своей свежестью, лоно пруда.

На краю плотины, от небольшой избушки, стоящей невдалеке от коттеджа меня встретила злая собака. Она не давала мне пройти к дому, где у разведенного костра возился с дровами средних лет смуглый мужчина. По говору и внешнему виду он представлялся мне лицом среднеазиатской национальности. Я попросил его унять четвероногого, что он и сделал, подойдя к свирепому псу и взяв его за ошейник.

— Иди! Не бойся, я держу! — крикнул он.

Шоссе уходило в гору. Я продолжал путь. Отбросив из-за собаки и ее незнакомого хозяина всякое желание «порыбачить». Моею целью было узнать: как добраться до железной дороги? Об этом я спросил, проезжающих мимо меня, двух симпатичных девушек — велосипедисток.

— Мы сами здесь в первый раз, — ответили они, — не знаем.

— А где вы живете?

— В коттедже. Отдыхать с парнями приехали.

— Понятно, — тяжело вздохнул я, опираясь на палку. Ее же я использовал в качестве жезла, пытаясь остановить проезжающие автомобили. Тщетно. Никто из водителей не обращал внимания на пожилого странника, что своим видом напоминал скорее не грибника, а обычного бомжа.

Уже, когда я добрался до вершины горы и настолько обессилел и устал, что хотелось тут же распластаться на дорожной траве и уснуть или умереть. И тут-то случилось чудо. Возле меня притормозил пикап. Его хозяин, солидного вида, серьезный мужчина вежливо спросил:

— Вам куда: в Брянск или Орел?

— Мне бы доехать до железной дороги. Я грибник — заблудился.

— Железная дорога в другой стороне, на севере, а мы на юг, к автотрассе едем. Если вам в Орел, так до дома и довезем.

— Спасибо. У меня есть с собою сто рублей, я — расплачусь.

— Садитесь, — водитель открыл заднюю дверцу машины, — а там разберемся.

Я быстро забрался в салон автомобиля, который оказался довольно просторным. Устроив рюкзак и корзину на противоположном сиденье, я испытывал непреодолимое желание — пить. Мои запасы воды давно закончились. Сидевшая рядом с водителем миловидная женщина, оказавшаяся женою хозяина пикапа предложила мне полуторолитровую банку со свежей ключевою водой. Вот так и получилось, что орловцы не только спасли меня от непредвиденных неприятностей предстоящей одинокой ночевки в поле, но и от жажды.

Кое-как освоившись с положением пассажира, придя в себя, я познакомился со своими спасителями. Ими оказались: главный инженер «Телекомстройсервис» Александр Николаевич Алтунин и его жена Ольга Николаевна.

— Мои родители живут в Меловом, — объяснил Алтунин, — потому каждые выходные их и навещаем. А мы — в микрорайоне Орла. Вы сами родом откуда?

— Из деревни Сивково Болховского района. А проживаю с супругою на улице Прядильной.

— Вот, как! А я своего тезку, Александра Венедиктова, редактора местной газеты хорошо знал.

— Но, это же мой приятель, — признался я.

— И вы пишите?

— Да.

— Стихи, прозу?

— И то и другое. В общем — книги.

— Здорово.

Когда же я назвал в числе знакомых известного писателя Василия Катанова, то разговор сразу же принял форму краеведче-

ской беседы. Чувствовалось, что Александр Николаевич не только технический руководитель известной орловской фирмы, но и большой знаток русской словесности. Такая редкая случилась удача — нарочно не придумаешь.

За полемикой не заметили, как оказались у завода Медведева, где я рассчитывал пересесть на трамвай. Но мой новый знакомый озаботился доставить меня непосредственно к дому. Я пытался воспротивиться, но за мужа вступилась Ольга Николаевна:

— И не спорьте. Вы устали, а нам это трудностей не составит.

Уже, покидая пикап, я вместе со словами благодарности притянул своим «спасителям» сто рублей.

— Ваш гонорар! Как и обещал…

— Нет-нет, — воспротивился Алтунин, — нам дороже денег — беседа с вами.

— В таком случае поднимемся на пятый этаж, — сказал я, — и с женою познакомитесь, и выберите одну из моих книг на память о спасении из «блудного плена».

Ольга Николаевна не преминула воспользоваться предложением. Она вежливо поздоровалась с Валентиной Алексеевной, которая уже волновалась за судьбу мужа — за окнами квартиры уже во всю догорал закат. Назвала себя и кратко изложила перипетии нашей встречи. Из предложенных для ознакомления книг, она выбрала поэтическую энциклопедию «Русская баня».

— Саша — большой любитель русской бани, — призналась она, — и ему будет это прочесть интересно.

На прощание оставила домашний телефон с номером: 73-88-96.

— Надумаете в Меловое на рыбалку или за грибами, — улыбаясь, сказала Ольга Николаевна, — пожалуйста, звоните. И отвезем, и привезем. Зачем же зря блудить…

Когда гостья ушла, то Валентина, тяжело вздохнув, заметила:

— Есть же еще на Руси хорошие люди, не всех демократы испортили.

— Это уж точно, дорогая, — согласился я с мудрой женой.

ТОРКУНОВКА

Холмы здесь, крайне высоки,
В низине их,
у водной кромки
Лесной красавицы Оки
Стоит деревня —
Торкуновка.

Впрочем, это при власти Советов Торкуновка считалась большой деревней в Мценском районе и славилась фермой тонкорунных овец. Сегодня здесь остались лишь — десяток полупустых подворий, да ставшая никому не нужной водонапорная башня.

Разор пришел в перестроечные годы, а в начале нового века завершился окончательно. В ту пору академик и губернатор Орловской области Егор Строев, с подачи мэра Москвы господина Лужкова во всю Ивановскую возносил столичных инвесторов, решивших помочь орловцам в возрождении сельского хозяйства. Как же, к примеру, они выкупили в Торкуновке землю вместе с овцеводческой фермой. Смена хозяев не сильно беспокоила селян, ибо они привыкли жить по принципу, что ни поп, то — батька. Главное, чтобы было место, где можно приложить свои рабочие руки.

Не долго радовались торкуновцы добрым посулам новых хозяев. В один из осенних вечеров, неведомо откуда, прибыли огромные рефрижераторы. Спортивного вида москвичи, растворили двери овчарни, и давай, подобно циклопу, щупать, да пересчитывать овец. Известно, что волк и считанных овец крадет. Не устояли перед соблазном и они. Все полторы тысячи: баранов, ягнят и маток мигом оказались погруженными в автофургоны, что, минуя крутые подъемы холмов и горок, взяли курс на столицу. Так элитные рестораны Москвы пополнились шашлычным деликатесом, а торкуновские крестьяне оказались без всякой перспективы на будущее. Молодежь, в поисках лучшей доли, покинула нажитые места, а необрабатываемые поля заросли самосевом осин и берез, где по весне стали вызревать ягоды и грибы.

Обо всем этом, с горьким сожалением и болью, мне поведал заядлый грибник и рыболов Олег Федорович Марин. Он еще крепкий и энергичный орловский мужчина — монтажник и водопроводчик, что прописан по Тульской, 2 — 74.. Всего пять лет, как Олег на заслуженном отдыхе. Все эти годы, в летнюю и зимнюю пору отдается любимым увлечениям. То с лукошком обходит заповедные леса, а то с удочками в руках спешит к речному перекату. Когда земля покрывается толстым слоем снега, то Марин с товарищами, кладут в рюкзаки валенки, становятся на лыжи и все семь километров от платформы 46 километр, с шутками и смехом быстро преодолевают крутые подъемы и спуски. Их ждут окские заводи, что у деревни Торкуновка. Здесь им завсегда улыбается рыбацкое счастье.

Совсем иная доля выпала нам с ним 27 октября 2009. Мы проделали в оба конца путь длиною не менее чем в двадцать верст. Обошли с корзинами все окрестные ельники и березняки, даже посетили с дедом Василием, нашим попутчиком, несколько лесных вырубок, но все тщетно. Всего-то и нашли по десятку рыжиков да по паре маслят. На этот счет дед Василий даже не удержался от стихотворного каламбура:

«Вот так бывает иногда,
Хотя совсем не верится:
Шумит на мельнице вода,
А колесо — не вертится».

Действительно, было от чего огорчаться. Ни «колесо», ни колесница удачи нашей троице не сопутствовали. Впрочем, и на старуху бывает проруха. Уже вблизи остановочной платформы «Железница», едва не на берегу небольшого пруда, у самой дороги Олег Марин неожиданно отыскал большой белый гриб. Не удержался, разрезал. Чудо, он оказался хорошим. Так, по сути, с единственным достойным «трофеем», мы прибыли к поезду.

Удивили откровения пассажиров четвертого вагона, куда мы сели. Угрюмая на вид женщина призналась, что еще два дня назад

она набрала полтора ведра зимних опят в лесу, что за карьером. Молодой железнодорожник так же не устоял, чтобы похвастаться и своей находкой. Еще вчера, он отыскал вблизи железнодорожного пути столько опят, что ими оказался заполненным целый полиэтиленовый пакет. Нам же, троим неудачникам, приходилось лишь проглотить эти горькие пилюли.

— Ничего, все у нас впереди, — оптимистически успокаивал нас Олег Марин, — в новый сезон, мы еще не раз посетим Торкуновку. Не стало в ней овец, но зато в ее окрестных лесах завсегда вдоволь — подберезовиков и подосиновиков, маслят и рыжиков и, конечно, белых грибов. Будет еще и на нашей улице праздник.

КОРЗИНА

Забыл я в поезде корзину —
Пришла печалиться пора…
Спасли ж ее кондуктора,
Зовут их — Лена и Марина.

Еще прошлой осенью, выйдя на остановке «Шахова» из поезда следующего на Михайловский рудник, впопыхах, я забыл на верхней полке вагона свою большую корзину.

Огорчаться было отчего. По сегодняшним временам ее цена не менее 600 рублей.

Моя знакомая Раиса Мартынова успокаивала:

— Марина — серьезный кондуктор, она вернет ее.

Пожилой грибник Анатолий был другого мнения:

— Ее могут украсть пассажиры или заберут железнодорожники, а скажут: «Не видели!».

Набрав опят, а их в прошлую осень было много, я не дожидаясь поезда, сел на попутный автобус и приехал в Орел. Из дому, по совету жены, направился на вокзал — потеря мучила меня. Однако, к прибытию — опоздал: состав уже был отбуксирован в депо. Здесь меня встретила, пришедшая на дежурство, молодая кондуктор Лена и чрезвычайно обрадовала:

— Цело ваше лукошко.

На следующий день я пришел к поезду с подарками. Честным и внимательным кондукторам — спасителям моей корзины — Лене и Марине я вручил по шоколадке. Заслужили!

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Гневил сушняк.
Окрест — полынь,
Да самосев берез
Кривился…
Теперь,
Куда свой взор не кинь,
Увидишь –
Сад преобразился!

Действительно, в 90 – е, и первые годы нового столетия, в какой общественный сад не зайди – тоска охватывала. Если плодовые деревья были низкорослыми, то их просто невозможно было разглядеть из-за зарослей высоченного бурьяна и самосева берез, осин, колючего шиповника и акаций.

Посещая совхозные, некогда ухоженные садовые плантации Чернского района Тульской губернии, я приходил в неописуемый ужас. К плодам яблок и груш невозможно подступиться из-за поломанных сухих ветвей, непролазных кустов диких зарослей, огромных муравьиных кочек. Междурядья не паханы: сплошь засорены крапивой и бузиной, осотом и полынью.

Удел русской деревни, как и ее некогда богатых садов – заброшенность и запустение. Но они продолжали, не смотря ни на что, расти и плодоносить.

В прошлых годах мы собирали и привозили в Орел полные рюкзаки и корзины антоновки и синапа, пепина шафранного и богатыря, анисовки и крошечных китаек. Повезет, так находили и добрые, сочно-сладкие груши. Вдоволь было и черноплодной рябины, малины и шиповника. Только рви, не ленись. Делай за-

готовки впрок. Умудряйся сохранить, чтобы морозной зимою являлась возможность украсить всем этим роскошным богатством стол детей и внуков.

В годы советской власти яблоки зря не пропадали. Из них приготовляли сок и вино, что в народе называли – червивкой. Это потому, что в ход шли не только здоровые, но и червивые плоды. Но, вот пришли к власти демократы. Дабы сбить прибыль, они стали поставлять в Россию все европейское, да заморское. Но шло время. Народ трезвел и набирался опыта. Люди уразумели, что экспортные фрукты – сплошь гербицидная отрава. Они стали жалеть здоровье малых чад и, наконец, обратили внимание на свои, пусть не столь яркие и роскошные, но зато качественные плоды и фрукты.

Появились арендаторы, что заключали договора с производителями, широко разрекламированного сока «Добрый». Они брали сады в аренду. На период созревания и уборки урожая выставляли охрану. Сделают дело, сорвут куш и поминай, как звали. После них приходим мы, пенсионеры – собиратели. В 2008, как я о том писал в очерке «Яблоки на снегу», последний визит в Чернь мы нанесли уже зимой — 1 декабря, когда в опустевших, заснеженных садах оставалась лишь испорченная паршой «строевка».

Первый мой поход в 2009 пришелся на середину октября. Накануне, мои приятельницы – грибники Зина и Рая предупреждали меня:

— В три, первых от заправки сада, не ходи.

— Почему?

— Там все перепахано.

Сестры оказались правы. Действительно, взору моему предстали плантации фруктовых дерев, которые были не только с перепаханными междурядьями, но также со спиленным и убранным сушняком, а некоторые яблони были даже окопаны. Чистота и приволье – сердце забилось от радости. «Наконец – то, — отметил я про себя, — пришел конец разору!».

В четвертом и пятом садах острый плуг еще не взбороздил землю, но и здесь виделись перемены: сушняк опилен и вывезен, дикие кустарники вырублены, бурьян окошен. В таком порядке и

сбор вести приятно. Нагрузившись синапом и богатырем, штрифелем и антоновкой я прибыл домой.

Второй поход совершил уже в сады, что лежали, на северо-западе от железной дороги. Яблок здесь оказалось мало, но порядок был все тот же.

Третий визит пришелся на 13 ноября. На этот раз вместе со мною были семидесятилетние орловчанки Рая и Алла. По просьбе жены я прихватил с собою напарницу, в лице ее подруги по торговым занятиям некую Галю.

— Смотри, не бросай ее одну! – наказывала Валентина.

— Не дитя же она малое, — возразил я.

— Да у нее на сердце кардиостимулятор устроен, — объяснила она, — перегрузится, упадет, кто отвечать будет?!

— Понятно. Не волнуйся – в беде не оставлю! – успокоил я жену.

Наш квартет избрал путь на юго-восток от села Медвежки. По обе стороны от автотрассы шумел лес. Говорю спутницам:

— Пойду, загляну в дубраву, вдруг, опята попадутся.

— Да, да, сходи. Чем черт не шутит, — отозвалась Раиса, — я их в прошлом году в эту же пору здесь полкорзины насобирала.

— Это в том, а в этом неурожайном, — усомнилась Алла, — вряд ли что будет.

И оказалась права. Около километра пробирался я по труднопроходимой чащобе, заглядывал на пни, копался у корней дубов и берез – все попусту. Съедобные грибы не явились взору, лишь изредка попадались крапленые мухоморы, да поганки. Я вышел на дорогу и пустился бегом догонять своих путниц.

…Прошли опустевшие, голые кусты черноплодной рябины. Здесь в высокой траве Алла и Галя оставили на хранение свои коляски. Свернув вправо, перешли глубокий овраг. За ним начинались плодовые делянки.

Крупных яблок мы не увидели – они были давно обобраны. Но средних размеров и мелочи было достаточно. Так, что в накладе мы не остались. Набрали по силам.

Должен заметить, что на этих плантациях, все еще оставалось в первобытном – диком состоянии. Видно у хозяев до них еще руки не дошли. Но это и выручило нас, не то, как в ухоженных садах, мы оказались бы в проигрыше.

На обратном пути Галя вызвались вместе со своим трехведерным рюкзаком устроить на коляске мою сумку.

— Зачем? – протестовал я, — тяжело будет.

— Ничуть! – убеждала Галя, — по асфальту катить легко. Я по Москве еще не с таким грузом езжу, а там – одни переходы в метро замучают.

И как я не пытался взяться за ручку коляски, чтобы помощь преодолеть хотя бы взгорье, Галя продолжала твердить:

— Я сама. Мне не трудно.

И довезла таки, не подвело больное сердце, мою сумку до вокзала, а в Орле нас уже встречали — моя жена и ее муж. Поход завершился, на радость нашим детям и внукам, вполне удачно.

Правда, меня несколько смущало то обстоятельство, что не до всех еще Чернских садов коснулась рука человека. Но преображение было налицо! Не зря в народе говорят: лиха беда – начало.

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

(к 70летию П.Д. Козина)

Друзья надеются и ждут,
При встречах руки крепко жмут…
Друзья, коль любят, не юлят,
А только правду говорят…

МОЙ КУМИР

(Воспоминания юности)

Казачий есаул Александр Михайлович Борисов

Сегодня, когда мы торжественно отмечаем славное 70-летие известного орловского, а я считаю, и донского писателя и педагога Петра Дмитриевича Козина, то непременно сосредотачиваем свое внимание на его замечательных книгах, кипучей деятельности на педагогической ниве. В том заслуги его несомненны. И лежат они, видимые всем, как бы на поверхности. Для меня же, его друга с полувековым стажем, Петр Дмитриевич Козин, прежде всего — Человек. Именно — с большой буквы. Как инженеру — конструктору навечно врезалась в мое сознание абравиатура начальных букв его имени — КПД, совпадающая с техническим понятием — коэффициент полезного действия. Именно такое поистине непреходящее «полезное воздействие» он и оказывает на мои — ум и душу все эти долгие годы.

Петр Козин — моя слава и гордость. Он подлинный кумир — светлая заря моей юности. Вот о том, как я вошел в ауру его благотворного обаяния, как зачиналась наша дружба я и хочу поделиться с читателем своими воспоминаниями. Размышлениями о той незапамятной поре, когда и Дон с Окою, казалось, были светлее, и небо над нашей родиной — голубее…

Память

Память моя… Ты мчишь меня, не желая оглянуться, то галопом, а то, словно попав в спокойное течение родного Батюшки — Дона ведешь свое плавное, неспешно — задумчивое скольжение

по гаснущей зыби. Сколько в таком движении памяти хорошего и такого, о чем хотелось бы забыть навсегда? Но это — моя жизнь, моя нестерпимая боль, мои радости. И все они переплетаются с понятиями — моего рода, моей нации и лукавой памятью человечества. Энергетика памяти русского человека — светла и чиста. Она, озаренная правдой жизни, сплетается в тугую косу русского бытия. В юные годы жизнь кажется бесконечной и ты не очень — то ценишь друзей приходящих и исчезающих как-то незаметно. Много проходит этапов. Забывается, порой, навсегда один из них. Вот она, думается, главная встреча! Ан, нет. Снова ошибся. И как-то холодно и пусто на душе. Прошли времена года, а ты все надеешься, что следующая весна будет настоящая.

Счастье человека — путь к мечте. И, как досадно, когда, вдруг, жизнь нагибает и бросает тебя на больничную кровать. Впереди сессия. Надо готовиться к экзаменам. Но, на улице весна, а тут ужасные боли в животе. Пришла справедливая расплата за недоедания, за экономию на желудке. Оказывается, что новый костюм для посещения техникума все-таки не важнее нормального питания. Нельзя, как справедливо отмечал студенческий друг Петра Козина, а ныне доктор медицинских наук Константин Сергеевич Жижин, жить на одних пирожках, да пончиках по четыре копейки ценой. Жестокая правда жизни, постигнутая через страшные боли в желудке, проверена на личном опыте — грустно.

«Скорая помощь» привезла меня весною 1964 года в четвертую палату инфекционного отделения города Ростова — на —Дону. Вокруг суровые и непреклонные врачи и медсестры — не до шуток. Предстоит обследоваться. Определиться с диагнозом. А там — уколы, таблетки. Спертый воздух — палата на шесть человек. Все люди — почтенные, серьезные. Но русская душа тянется к общению — в советское время все мы были открытей и человечней. Нас объединяла одна палата инфекционного отделения, обще сострадание и сочувствие к беде соседа по кровати. Все мы били люди единой страны, с одною линейкой ценностей, честным трудом зарабатывающие свой хлеб.

В этой святой компании я был «зеленым» слушателем в основном довольно печальных историй. Днем — суета, процеду-

ры, врачи, медсестры, встревоженная родня….А по вечерам — у каждого своя тоска, боль, воспоминания, заставляющие, порой, взвизгнуть от «своего» безрадостного….Но в этом-то и преимущество общей палаты — она не дает раскиснуть на людях. Понимаешь, что с тобою произошел лишь досадный эпизод. И не все так безнадежно. Что все пройдет. Опытные специалисты тебе непременно помогут. Ведь они верны клятве Гиппократа! Ныне, в 2010, это звучит чрезвычайно пафосно и неестественно. Не могу понять, как так могло произойти, что моя страна, моя Русь, вдруг, пошла от хорошего к плохому. Когда наши медики стали смотреть на соотечественника не как на пациента, коего надо поставить на ноги, а как на — источник монет, личного барыша. Где же ты, клятва Гиппократа?!

Остается только сочувствовать тому большинству моего народа, что остался сегодня без своей отечественной фармакологии. Без возможности даже вставить себе зубы, вырванные по причине, что не было средств их лечить. Не желаю развивать эту тему о куда более серьезных, чем зубы, заболеваниях — инфаркт, рак, диабет…. Ведь алчность медицины в России 2010 года — беспребдельна! И я за свои слова готов отвечать перед любым судом. Впрочем, мои воспоминания не о кошмарах страны, которая, как моя язва, надеюсь, пройдет.

«Пусть тебя Русь одолели невзгоды,
Пусть ты — унынья страна...
Нет, я не верю, что песня свободы
Этим полям — не дана!».

Время стерло имена многих моих товарищей по палате, но троих из них, я все-таки запомнил.

Шофер Иващенко

В душной палате бывалый солдат — фронтовик Василий Иващенко рассказывал нам о своих бесконечных военных дорогах. Семь лет службы, из них четыре фронтовых — ох, как это много!

Он — шофер скромной полуторки объяснял мне, как это ужасно переживать «бесконечные сутки войны». Грязь бездорожья. Пыль и песок. Вечные заторы и ухабы. Зловещие снаряды и мины. Морозы и метели, заметающие дорогу и дома, едва не под самую крышу. Полуторка же — не танк. За ней особый уход нужен. Она уважения требует. А тут — круговерть артобстрелов.

«Зори огневые,
Топи фронтовые
Не забудет никогда солдат».

— Прошли мы, с родимой полуторочкой, = рассказывал Василий, — самые страшные годы. Ведь призвали меня служить из Таганрога еще осенью 1940. И все было хорошо: она меня не подводила и я за ней, как за живой особью, следил. Где пулями прошьет, где осколком угодит. Сколько раз лобовое стекло — в дребезги, а для нас с нею — легкий испуг! Стекло, новую фару, где выпрошу, а где с разбитой, что в кювете лежит, снимешь. Все годилось. Где бортовую доску заменишь. Где смолы в бензине разведешь да ржавчину и закрасишь. В общем, не штабная машина, но не хуже других была — «кохал» с любовью. Когда ты на колесах к тебе всеобщее уважение. И без каши не оставался, и чарочка всегда перепадала.

Бывало, порой, привезешь в роту пайки, а раздавать некому — из полутора сотен в ней по тридцать человек в живых оставалось. Страшно! Война спуску никому не давала — ни офицерам, ни бойцам. Порою, каша в горло не лезла. И напиться нельзя — за рулем нужно завсегда голову свежую иметь. Выпьешь свои фронтовые сто грамм, да помянешь героев — братьев, и — в новый рейс. Фронту нужны продукты, мины, патроны. Да и боевое пополнение к первой линии подвозишь. Молодые солдаты бодрятся друг перед другом — страху не показывают. Пытаются смеяться, а в глазах тоска. В обратный путь набросают раненых. Ох, и наслушаешься матюгов в свою честь. А что я могу сделать? Фронтовые дороги не гладкая магистраль. Закон же войны прост: не сберег машину — снаряд попал или бомба рядом ахнула, а ты жив.…

Считай, повезло, а вот нового автомобиля больше не доверят. Бери трехлинейку и в окоп. Нашему же брату — водителю жизнь в пехоте не по нутру. Грамотно в окопчике зарываться — целая наука. Копай, не ленись, коль жить хочешь. Более трех месяцев мало кто выживал. Вывод ясен: бегает твоя полуторка, живешь и сам.

Днепр — река серьезная. Наладили саперы худой мосток: дрожит, но стоит. Все бегут через него сломя голову. В недобрый час на него и меня судьба завела. И что же ты думаешь? Заглохла моя «коханя» да на самой середине. Кручу заводную ручку, взмок весь, а вокруг меня — мат сплошной. Ругают все, кому не лень — застопорил движение. Мечусь от заводной ручки к капоту и обратно. Тут, рядом, в Днепр бомба грохнула. Свист от осколков стоит. Как черт из табакерки комбат выскочил. Бросил на ходу: «Не годится, шофер, плохо за машиной следишь!». И дальше бегом от меня. Слышу: команду комроты дает: «Машину в реку, да поживей»!». Сердце у меня прямо из груди так и выпало. Бухнулся перед ротным на колени. Прошу не губить мою машину. Он же молчит и злыми глазами на меня зыркает. Его солдаты все слышали и видели. Но приказ надо выполнять. Они меня силой в кабину затолкали, а сами бегом мою машину через весь мост протянули. Метрах в ста от съезда бросили меня у кювета и побежали дальше.

Здорово тогда досталось моей полуторочке — изрешетили, как сито, ее немецкие стервятники, а меня, чудо, ни одна пуля не задела. Два дня провозился у своей подруги. Все, что смог, наладил. Простреляннный в трех местах бензобак — заменил. Друзья — водители подарили мне канистру с бензином — догнал своего старшину. Ему же уже доложили, что Василий с машиной на переправе погиб. Но, на поверку, обошлось. На радостях, выпили со старшиною за новое рождение моего автомобиля. Снова поставили на довольствие. Заправили и вперед — на Запад!

Очень жалею, что не доехала моя полуторка до Атлантики. Злые же глаза ротного мне по сей день снятся. Дай бог ему здоровья или царствие ему небесное — никого из его роты я более нигде не встречал. Да и на коленях больше ни перед кем, не стоял.

«Зацвели овраги,
Зазвенели птахи —
Хочется о счастье говорить».

В больнице, где чай, там и рай. Много рассказывал нам былой солдат о своей фронтовой круговерти, о непростой судьбе военного водителя. Наверное, инфекционная палата, располагала к откровению с товарищами по несчастью. Может быть, она и нагнала у него тоску по погибшим сослуживцам.

Вспоминаются стихи Петра Козина:

«Все отняла проклятая война:
Я жив одной лишь памятью о близких…
От этих слов, казалось, что стена
Больницы нашей стала обелиском!».

Казак станицы Раздорской

Вторым, запомнившимся приятелем по койке, был настоящий — коренной казак станицы Раздорской по имени Володя. В отличие от Василия Иващенко, он был не намного старше меня. Успел три года отслужить в танковых войсках. Крепко сбитый, он никогда не падал духом, многое рассказывал об армейской жизни, коя не за горами ожидала и меня.

Володя пророчил мне службу в войсках связи, ведь я заканчивал радиотехникум. Вспоминал, как его из родного колхоза послали помогать заводу «Ростсельмаш» собирать комбайны. Работал на конвейере экспортных машин, а вечерами обучали престижной в ту пору на селе — профессии комбайнера. Предоставили совершенно бесплатно общежитие прямо рядом с заводскою проходной. Володя с неба сорвать звезду не мечтал, но к профессии шел уверенно. Его, жителя станицы, многое в жизни Ростова удивляло. Когда «кошмар» первых дней минул. Когда ему пару раз промыли желудок, и отравление отошло, почувствовав силы, он в третий раз от «очищения живота» откупился: пообещав миловидной медсестре пригласить ее, после выписки, в кино. Взяток в ту пору не давали, а работники медучреждений о таковых и не помышляли. Все решалось обоюдно и доброй волей.

Парень из орлиного края

Петр Козин, студент РГУ

Петра Козина привезли к нам всего зеленого: видно терпел — до последнего изнеможения. Чувствовалось, с характером был парень, что лет на семь — восемь оказался старше меня. Но уж больно не престижная болезнь поймала и его в студенческой столовой. Как не крепился, а попался таки — угодил в инфекционную. Поистине, не было бы счастья, да несчастье помогло. Не случись Петру заболеть и не окажись с ним рядом, я никогда бы, возможно, не обрел настоящего друга. Впрочем, все по порядку…

Два дня Петр лежал молча и угрюмо: ни с кем не обмолвился и словом. Видать здорово его тошнило. Но зато на третий день, он пришел в себя. Повеселел. Не раздумывая, тут же написал стихи всем трем нашим медсестрам. Даже наша хлопотливая нянечка была удостоена им эпиграммой. В ней он шутливо восхвалял ее за виртуозное владение шваброй и тряпкой. И не только за уборкой пола, но и при разгоне курящих в коридоре мужчин. Удивительно, но она его сочинение восприняла, как должно, с чувством юмора. Однако шутливо обронила, что в своей жизни еще ни разу не слышала такой «нескладухи» про себя. Как мне показалось, она даже расчувствовалась. Ей было приятно, что и ее скромный труд замечен. После этого она перестала бранить, курящего в коридоре Петра. Он получил от нее индульгенцию на право курить в коридоре под лестницей.

Доктор, при ежедневном обходе палат, спросил его: что студент жить снова хочется? И почему-то долго смеялся. Как я понял: он и его не обделил своим вниманием еще, будучи, в приемном отделении.

Весь весенний вечер 1964, Петр читал нам стихи: Александра Пушкина, Сергея Есенина, Алексея Кольцова, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова.… То его самые любимые поэты. И он мог о них рассказывать всю ночь и весь день, лишь был бы понимающий и благодарный слушатель.

Меня, шестнадцатилетнего, в то время не знавшего даже школьной программы и честно говоря, относившегося к поэзии весьма скептично, его стихи и рассказы о нелегких судьбах русских поэтов очень заинтересовали. И я стал проникаться уважением к их творчеству, как к чему-то красивому, но абсолютно не нужному баловству, как считали мои родители. Но стихи мне понравились. И не случайно, после выписки, в моей скромной библиотеке появился Есенин. Более того, я смог одолеть «Евгения Онегина», что в родной 12-й школе восприняли бы за чудо. Читать рассказы Джека Лондона я мог «запоем», а вот увидеть в моих руках «Евгения Онегина»? Невероятно. Моя мама, как я понял, даже испугалась, строго спросила: «Не влюбился ли ты? Ведь до армии надо техникум закончить».

Пожалуй, я долго потом ни от кого более не слышал и не ощущал такого страстного слияния душ авторов стихов и их чтеца. Петр явился великолепным декламатором и поэзию пропускал, как казалось, через свое чуткое сердце. Да, он был сам от природы — настоящим поэтом.

В 60-е приобрел популярность диспут «о физиках и лириках». Я же считал себя заядлым «физиком» и всерьез воспринимал лишь профессии, производящие материальные ценности. Не удивительно, что, когда к окну палаты, в которой мы проходили курс лечения, пришла моя матушка с неизменными пирожками для «любимого сыночка», то я сообщил ей, что у нас появился чудак. Да такой, что в темной палате, на память, может читать стихи, чуть ли не до утра. И для нее это оказалось также чудом.

Фронтовичка Борисова (Глушак) Наталья Андреевна

Сама Наталья Андреевна была занята совсем прозаичным делом. Трудилась печным мастером на хлебозаводе. В три смены. Тут еще горе: я попал на больничную койку. Доктор застращал, что требуется длительное лечение, диета, а дома еще дочка — школьница.… До больницы, с окраины в центр города, ездить далеко. Но все же первое, хотя и заочное, знакомство с КПД, как Петр со школьной — репнинской поры, сам себя называл, состоялось.

На следующий день моя матушка снова пришла под окно и принесла мне пакет испеченных ею пирожков. Но, я оказался на процедурах, и она передала для меня пирожки — Петру. Так состоялось их личное знакомство. Вскоре, при такой беседе, через решетку (впускать в инфекционное отделение посторонних не разрешалось) выяснилось, что Петр Дмитриевич Козин и мой отец Михаил Ильич Борисов — едва ли не соседи по деревням в Орловской области. То есть, они — подлинные земляки! Это явилось — вторым чудом! Так, как меня мучили боли, а пирожки лишь усиливали ее, то я их отдавал Володе и Петру. Раньше я ничего не ведал, вкуснее маминых пирожков, я и сегодня помню их запах и вкус. Но все это осталось в далеком детстве.

Мой красивый брюнет — отец, не имея образования, работал грузчиком на хлебозаводе и хорошо знал по себе, что такое тяжелый труд ради куска хлеба для семьи. Но, вскоре, благодаря его брату Андрею Ильичу, трудившемуся на Ростовской фабрике клавишных инструментов, настройщиком, открылось, что мой слабовидящий отец имеет идеальный музыкальный слух. Андрей взял его к себе в ученики и, спустя время, батя мой, тоже стал специалистом по ремонту и настройке фортепьяно.

Казак из Новосиля Михаил Ильич Борисов

Узнав, что его земляк Козин учится в Университете и, не имея специальности, работает грузчиком на гипсовом заводе. Таскает пыльные, неподъемные мешки с це-

ментом и гипсом, подыскал ему работу столяра на ставшей родной ему фабрике.

Мы жили в Нахичевани — армянском районе города, в аварийном доме. Рядом стояла, укрытая виноградом, с общипанными для пирожков листьями, тенистая беседка. Помню, как в ней моя матушка впервые угощала земляка мужа борщом. И, конечно, пирожками, начиненными виноградными листьями. Они Петру не понравились, но он уступил уговорам хозяйки и с трудом доел, как он образно выразился — пирожок с бурьяном.

В тот визит Петр впервые увидел и мою юную сестру Веру Михайловну. Тогда у нее была темная, ниже пояса, коса. Иметь таковые в ту пору не было редкостью, зато новостью явились разве лишь женские джинсы. Их терпеть не могла моя украинка — мать, полагая: не к лицу это девушкам.

В очередной визит Петр принес номер весьма популярной у ростовчан газеты «Вечерний Ростов», в коей он числился внештатным корреспондентом. В газете были опубликованы его стихи, посвященные сестре Вере и ее прекрасной косе. Этот подарок и сегодня живет в нашей семье. Там же оказались и стихи, на этот раз воспевающие подвиг сына его новой хозяйки, сраженного в бою под Москвой в грозном 1941 году.

Замечу, что Петр жил более года в станице Нижне — Гниловской, у своего старшего брата Ивана. Но, так как, он теперь уже столярничал на фабрике клавишных инструментов, и ездить ему стало далеко, то моя мама договорилась с соседкою и та с радостью взяла серьезного и непьющего парня к себе на квартиру, что располагалась на 33-ей линии.

Вера Борисова. Снимок: конца 60-х годов

После того, как мои родители и соседи узнали, что их новый знакомый — корреспондент, к тому же и поэт, то все они,

будто сговорившись, стали величать его по имени — отчеству: Петром Дмитриевичем. В том числе и мы с Верой.

Так, как на нашей улице грамотных людей, умевших правильно составить жалобу или заявление, в вышестоящие инстанции не было, то Петр стал для округи истинной находкой. К тому же он, после прочтения романа «Мартин Иден» Джека Лондона, сам возмечтал стать писателем и купил для этих целей печатную машинку «Москва», то ценность его писем резко повысилась. Городским чиновникам недосуг разбирать каракули визитеров, а тут все ясно и чисто. А главное, умно и по делу.

Помогать людям Петр Дмитриевич считал для себя делом святым. И не смотря на дефицит времени (он работал и учился), как я думаю, в счет своего сна, всегда готов был уважить соседей. Помог он и моим родителям. Вместе с отцом посетил, на предмет получения новой, вместо дома — развалюхи, квартиры, руководящего чиновника совнархоза. И не без его, как корреспондента, помощи мои родители, наконец, переехали из Нахичевани на проспект Стачки.

Да и сам Петр Дмитриевич, попав под сокращение, и поступив на работу сотрудником Ростовского «централа», переехал по новому месту жительства. С нашей семьей, однако, связи продолжал поддерживать.

Парусник «Надежда» инженера-морехода Александра Борисова

Мой отец, в те далекие годы, сразу почувствовал крестьянский стержень, твердого и целеустремленного характера его дорогого земляка, всегда ставил мне в пример Петра. Говорил: «Вот с кого надо делать жизнь и на кого надо равняться!».

Удивительная работоспособность, уважение и терпимость к друзьям отличали его все годы нашей уже едва не полувековой дружбы. Он всегда стремился подтянуть окружающих его людей до своего Университетского уровня. И во мне, в те славные годы, как верно некогда сказал Николай Некрасов: «Не тронутых сил в Саше так много сосед пробудил!».

Не без его живого примера, после техникума и армии, я успешно окончил технический институт и стал настоящим инженером — конструктором.

Сам же Петр Дмитриевич успешно завершил курсы двух факультетов Ростовского государственного университета. Причем журналистский — с отличием. Не случайно его книги так патриотичны и глубоки по содержанию.

Ростовские друзья: Александр Борисов и Петр Козин

Третьим чудом я называю его гражданский подвиг, когда он с двумя Дипломами в кармане отправился, как всегда мечтал, к себе на родину — в Орловию, чтобы скрасить жизнь своей одинокой и любимой маме Пелагеи Петровне Козиной. Это на ее имя в 1961 году командир части полковник Бахтин прислал «Благодарственное письмо», в котором горячо благодарил мать — крестьянку за воспитание прекрасного сына — защитника родного Отечества.

Петр Козин — парень орлиного края. Он сделал грамотными сотни своих земляков, прославил их труд в своих поэмах и повестях. Остался навсегда верным своей юношеской мечте: разбудить людские души, привить самоуважение и желание жить достойно, как они того заслуживают.

За это его любили не только мои дорогие родители. За это Петра Дмитриевича уважают и ценят сегодня, все почитатели его светлого таланта и поистине благородной русской души.

Лично я безмерно благодарен судьбе, что она, весной далекого 1964 года, накрепко связала меня с Петром Дмитриевичем Козиным — кумиром моей юности, добрым учителем и достойным, замечательным другом.

Александр БОРИСОВ, казачий есаул,
инженер — мореход. Ростов — Дон, 2010 г.

К. С. ЖИЖИН,
доктор медицинских наук,
член корреспондент, профессор,
заслуженный деятель науки и
образования Российской Академии
Естествознания.

СЛОВО О ДРУГЕ

(Очерк)

Мой друг в провинции рожден,
Его в деревне — отчий дом…

Петр третий раз оказался в нокауте.

И если первые два он воспринял спокойно, то третий подвигнул его на философские размышления…

Шел он пыльной проселочной дорогой, уступая проезжую часть снующим вперед и взад колхозным грузовикам, и грустно перебирал детали своей, так незавидно начинающейся карьеры профессионала, оплеванного так запросто и так смачно…

Однако отвлечемся на некоторое время от созерцания, расстроенного неудачей героя нашего бытописания, и проясним ситуацию…

Петр, никакой не боксер — профессионал и даже не любитель, он всего-навсего педагог — историк, и в нокауте он оказался виртуальном, а не действительном!

Доктор медицинских наук, профессор, член – корр. РАЕН, заслуженный деятель науки России Константин Сергеевич Жижин.

Ему, молодому специалисту, третий раз наотрез отказали в работе…

Оказалось, что в школах сельского района в ощутимой близи от его родной деревушки Сивково, затерянной в просторах Орловщины, нигде не требовались педагоги — историки и обществоведы, с педагогической нагрузкой даже на один — два часа в неделю…

Невольно задумаешься тут о бренности жития. С одной стороны Компартия и Правительство СССР, преподаватели Вузов во весь голос на всех углах, взывая к комсомольской и партийной совести, убеждали выпускников в патриотическом укреплении «глубинки», а с другой — смачная фига от РОНО.… Да, ладно бы, — с маслом,… но фига-то была и была реальная, а маслом и не пахло…

Знакомые шоферы попутных машин притормаживали, приглашали в кабину... но, Петр упорно шел пехом, мусоля причину столь стойких и безаппеляционных отказов руководителя РОНО Семенова, подспудно улавливая в них какой-то скрытый механизм. Ведь не спроста же мудрые китайцы изрекли более 2000 лет назад такую сентенцию: ты сказал мне первый раз — я поверил, повторил — я усомнился, сказал в третий раз — я понял, что ты говоришь неправду…

Нет, он, конечно, как истовый партиец, понимал, что в Орле есть пединститут и педучилище. Таковое среднее заведение было и в древнем граде Болхове — районном центре, в сфере которого и находилась его, затерянная среди полей и рощ деревушка, стоявшая огородами на крутом берегу ключевой речушки Лабосынь. Приехал в эту глухомань он сам, без направления. Диплом даже не педагогического вуза, а Университета.

На первый взгляд все так и, тем не менее, все не так: Петр не первый год жил на свете, и знал, что даже под прессом обязательного распределения, даже с массой льгот, полагающихся молодому специалисту (на селе особенно), новоиспеченные педагоги, врачи, инженеры не шибко-то стремились в «медвежьи углы» поднимать интеллигентскую целину…

Тут же человек сам, образно говоря, ринулся на «амбразуру»… вернувшись на родину, желая работать простым педагогом,

да к тому же мужчина, что само по себе уже было далеко неординарным в педагогических кругах. И при всем при этом, чтобы ни одного часа историка, выпускнику одного из крупнейших в Союзе — Ростовского на Дону Университета, в сельской школе?!

Ноги сами собой перебирали, отмеряя километр за километром к дому.… И, как бы ни было погано на душе от всего приключившегося, поэтическая натура Петра не могла пропустить тех красот, что простирались перед глазами…

Все-таки средняя полоса и юг России, на который пришлись пять лет его учебы в университете, резко отличаются…Ковыль и серость донских степей, когда вплоть до горизонта ты не увидишь естественных лиственных и хвойных массивов. Не беря в расчет разросшиеся искусственные лесопосадки, предназначенные для борьбы с ветрами — суховеями. Все это никак не могло соперничать с много — ярко — цветьем лугов и перелесков, полей и пахоты Орловщины.… Нет, все-таки, не зря он вернулся в родные пенаты,…а то, что так неласково встретила его родная сторона… так мало ли невзгод он, сельский паренек, до этого момента испытал в своей жизни?

Определив, таким образом, минимум своих возможностей в отношении учительства, Петр решился добраться до максимума невозможного, пойдя в ва-банк и по совсем другой профессиональной дороге…

В редакции районной газеты «Болховская новь», где он когда-то в школьные годы подвизался в роли селькора, как и следовало, ожидать, ему искренне обрадовались.

Редактор Михаил Михайлович Беликов, своей дородной фигурой напоминавший Петру великого французского романиста Александра Дюма — отца, внимательно выслушав своего возмужавшего и повзрослевшего селькора, без сентиментальных сюсюканий и дипломатических переходов предложил: «В учителя не берут, и ладно, а в директоры школы пойдешь?».

Петр был готов ко всему, но только в редакторском кабинете понял так явственно, как важен первый шаг у пропасти,… Что тут было рассуждать: судьба была в его собственных руках. И было не прилично ее, как женщину, ощупывать.… В конце концов, суть не в том, чего достиг, а в том, от чего отказался…

Так, в одночасье он из неудачника — педагога стал директором сельской школы. Так, с ходу плотно до боли в висках закрутилась его профессиональная карьера руководителя учреждения, куда он изначально был нацелен лишь исполнителем.

Всего в его директорской судьбе было сполна: и радости от приобретений, и горечи от утрат.… Как говорят, на своем горбу Петр вынес и выстрадал тяжесть простой житейской истины: умный от мудрого отличается существенно. Мудрый человек знает, что в этой жизни может случиться все, и мало, что воспринимает на веру, а умного, чаще (по его же наивности) слепая вера в объективность и справедливость и подводит. Увы, университет учил Петра наукам, но ни один преподаватель не мог или не хотел предупредить, что в лабиринте нашей жизни плата за выход выше, чем за вход…

Давно это было, сорок с гаком лет.… Много было после этой первой и достаточно бурной школьной эпопеи всяческих работ и должностей в жизни Петра Козина. Даже, правда, уже в пенсионную пору, привелось поработать банщиком (!), но память о первом годе учительства жива и сейчас, как о первой любви. Как будто и не было груза лет…

Нас с Петром, его — историка и меня — медика, как это ни странно прозвучит на первый взгляд, связал Ростовский Университет. Подоплека же этого в том, что к моменту пересечения наших студенческих судеб, Ростовский университет решил на всех факультетах создать отделения общественных профессий. Ректор Университета, член — корреспондент Академии наук СССР Юрий Андреевич Жданов, к слову сказать, зять Иосифа Сталина, выдвинул идею расширения профессиональных компетенций выпускников всех факультетов за счет, как сейчас говорят, элективов. Выпускнику университета в дополнение к основному диплому предлагалось в свободное от учебы время получить еще один документ, удостоверяющий владение дополнительной профессией. Идея была новаторской, как и все, что делал Юрий Жданов, работающий на перспективу, на активное поднятие интеллектуального уровня жителей периферийных регионов Советского Союза.

Идея-то была грандиозной, но ее воплощение затормозилось: не захотели студенты университета в массовом масштабе на добровольных началах расширять свою профессиональную мобильность. И университет вынужден был или полностью отказываться от таких элективов, или приглашать на них всех тех, кто уже закончил другие вузы или обучался не ниже, чем на 3-4 курсах, обещая второе высшее образование.

Вот так мы с Петром и оказались в одной аудитории газетного отделения факультета журналистики РГУ. Тогда, в 60-е годы XX века, в составе редакций в каждом отделе имелся обширный контингент так называемых рабоче-крестьянских корреспондентов, или на журналистском жаргоне — внештатников. И поэтому в составе нашего отделения, каких только дипломированных специалистов, активных рабкоров, ярких личностей не было. Как и предела возрасту. Самый старший из слушателей к тому моменту разменял седьмой десяток лет! Молодых, студентов, было только трое: Петр, мой коллега Бутримов и я.

Из сонма лиц, жаждущих журналистского мастерства Петр, всегда поражал неизбывной тягой к литературному творчеству. Он даже сухие курсовые работы стремился превращать в живые повести. Где бы и кем бы в молодые годы, с момента нашего знакомства, он ни работал, он никогда не расставался с блокнотом и авторучкой.

На нашем журналистском отделении он был наиболее одержимым в поиске фактов, событий и интересных людей. Его энергия и неподдельный интерес к оригинальным личностям, способствовали тому, что он вкупе с нашим старостой, степенным, лет 50-ти, Тер — Минасьяном, организовывал своеобразные мастер — классы с известными корреспондентами центральных газет и журналов, расквартированных (или заезжавших по делам) в Ростове. В студенческие годы многое в такой повышенной активности рабкора Козина было малопонятным. Отдавало эпатажем, манерничаньем, стремлением, во что бы то ни стало, выделиться, самоутвердиться любой ценой из среды себе подобных. Но позже, когда удалось узнать о его сельских корнях, все выстроилось в понятную и стройную закономерность.

Его отец, Дмитрий Иванович Козин, был для своего времени достаточно образован. За плечами крестьянина — инвалида были четыре года церковно-приходской школы, оконченной с отличием. Житие в рабочем Иванове — Вознесенске и Петербурге, лечение разбитого (падение с крыши) позвоночника в Липецке и Крым — Саках. Пребывание в Серпухове у своей мамы Мавры Андреевны, а также посещение им Орла и Брянска, Белева и Болхова расширили его кругозор, сформировали взгляды на бытие. Тяга к книгам родителя передалась и Петру. Об этом он ярко расскажет потом в своей поэме — исповеди «Перелески», посвященные его дорогому отцу — первому наставнику и другу. Любовь к печатному слову вылилась у Петра в общение с сельскими журналистами. Оперативность, острота и честность публикаций юного селькора была настолько действенной, что некоторые, особенно уязвленные его обличительными материалами, клялись его пришибить, гоняясь за ним с вилами и косами.… Увы, счастье, когда тебя понимают, несчастье — если поняли до конца!

И таким «всеядным» в жизни в своем литературном творчестве писатель и журналист, автор десятка умных и интересных книг, Петр Козин остался и до сего дня. Перебирая как-то старые фотографии, я нашел фото, где он был запечатлен в момент интервьюирования, кого бы вы думали — всемирно известного иллюзиониста Эмиля Эмильевича КИО. На первой же странице сохранившейся новогодней (1967) областной милицейской газеты

Интервью у министра внутренних дел Крыма Н.Д. Смирнова

«На боевом посту» его можно также увидеть с блокнотом в руках, берущего интервью у генерала, бывшего министра внутренних дел Крыма, Николая Дмитриевича Смирнова. Он осмеливался задавать вопросы всесильному в те годы, генералу — лейтенанту юстиции, автору знаменитых «Записок следователя», писателю Льву Шейнину. Грустные последствия от встречи с ним в здании издательства «Молот», он затем опишет в одной из своих книг.

С удостоверениями внештатника городской газеты «Вечерний Ростов» и областной молодежной газеты «Комсомолец» рабкор Козин облазил все уголки столицы Донского края города Ростова — на — Дону. Побывал он также и в городах: Таганрог и Новочеркасск, Аксай и Азов, Батайск и Каменск. На Северском Донце, близ Каменска, он, купаясь, чудом не попал под винт теплохода и не утонул. Случись такое, мы сегодня не имели бы счастья читать его «Донские очерки», в которых он подробно живописует данное событие.

Петр Козин и Вера Борисова у дома № 199-3, по проспекту Стачки г. Ростова на Дону. 2006 г.

Петр неоднократно общался с великим писателем, певцом казачьего быта дончан лауреатом Нобелевской премии Михаилом Александровичем Шолоховым. Своим журналистским трудом помог не одному горожанину и жителю области. В том числе, буквально «выбил» квартиру своему земляку — орловцу Михаилу Ильичу Борисову. Лично сам, побывал на приеме у высокого чиновника Совнархоза, и, с документами в руках, убедил его, что дальнейшая жизнь в аварийном доме его протеже невозможна.

Как бы ни двойственно сегодня мы относились к социалистическому прошлому страны, но партийная печать 60-х годов XX века была достаточно авторитетна у населения. Скептик может сказать, что все это было иллюзорно, что была за показной критической активностью газетных коллективов и вторая разгульная жизнь партийных бонз, курирующих эту партийную печать.

Сейчас, когда мы активно вскрываем свои прошлые язвы бытия, выясняется — была эта двойная жизнь, и еще — какая! Но, вряд ли кто-то будет серьезно спорить о том, что сегодняшняя роль средств массовой коммуникации, тех же газет, в реконструировании жизни общества по сравнению с прошлым низведена к абсолютному нулю. Это притом, что грязи в отношениях верхов и низов, ничуть не поубавилось: народ говорит о них плохо, а они думают о нем еще хуже…

Скоро у Петра Дмитриевича 70-летний юбилей! Орловский поэт и прозаик Петр Козин, как и в молодые годы, полон задумок в творчестве, сконцентрирован и энергичен. И, как всегда, ему есть, что сказать своему окружению. Показать на словах и на деле, что все невзгоды, выпавшие на его долю, не сломили, не оскопили сердце активного борца с косностью и лицемерием. И в творчестве, в жизненных устремлениях, и в простом человеческом счастье мужа, отца и деда, в абсолютно, честной, нескончаемой схватке со всей нечистоплотной братией, он далеко по итогам пережитого обошел своих старых и новых злопыхателей и хулителей. От многих из них уже нет никакого следа на этом свете, и только книги Петра живописуют эту людскую безликость…

Перед теми же, вроде меня, кто верил в звезду Петра и помогал ему, есть, чем блеснуть.… По крайней мере, в два приема пришлось носить с почты бандероли и посылки с его солидными книгами, что пришли от автора мне в подарок. И разве это не достойно восхищенья: часть из этих книг получила резонанс в масштабах России. Его поэтические сборники есть во многих библиотечных анналах книгохранилищ страны, а не только Орла и области.

Полный текст его прекрасной книги «Родная сторона», написанной с налетом тонкой грусти и, безусловно, сердечности, выложен в сети Интернет. И, стало быть, ее запросто можно встретить за пределами Орловщины и Донщины (и даже России). В любом уголке земного шара любой русскоязычный читатель, а таковых — не менее миллиона! Это уже серьезно и даже очень.… Тут есть чему позавидовать белой завистью. Ведь след некоторых творцов в сегодняшней литературе не берут даже собаки…

Петр выбрал для себя единственно верный путь — путь честного литератора и настоящего Человека, каким я считаю своего старого друга! И как бы ни было порой трудно в этой жизни, жить надо, действительно, только так, чтобы неповадно было другим…

Ростов на Дону,
2010 г.

Галина КУЛИКОВА,
инженер Угличского часового завода

ПРИВЕТ ОТ ВОЛГИ!

Галина Куликова,
Углич, 1976 г.

Трудно поверить, что с июля 1976, когда нас с тобою познакомило море Черное, до июля 2010, пролегла дорога длиной в 34 года. Тогда мы были молодыми, бодрыми и здоровыми, и совсем не замечали сизо-серых волн, бушевавших в непогоду. Сегодня не только пасмурное море, с коим я вновь увиделась два года назад, но и мы стали седыми. Еще бы! Прошла едва ли не целая вечность. Что море? И мир и страна наша стали совсем другими.

Повстречались при Советах, а к юбилеям – твоему 70-летию и моему 55-летию, пришли в дни власти либералов – демократов. И нравы, и песни теперь совсем стали другими. И возможности то же. Если раньше мы могли, без больших потерь для бюджета семьи, каждый год посещать Крым или Кавказ, то теперь поездка на море – целое событие. Раз – в десять лет! Деньги – вот мерило сегодняшнего дня. И это при всеобщей безработице (сын и невестка стоят на бирже труда) и ужасающей дороговизне. Но, надо жить. Растить детей и внуков. Искать источники сосуществования. Земля – вечная наша кормилица.

Лето и осень 2009 пролетело в огородных заботах. Хотя мы севернее твоей дачи на 500 с лишком километров, но и нам удается выращивать: огурцы, помидоры и даже баклажаны. Оборудо-

Углич на Волге

ванной теплицы нет, но мы укрываем гряды пленкой, что неплохо выручает. Огурцов и помидоров собираем много. Солю, мариную. Свекла, капуста, лук, чеснок тоже — результат своего труда. Под картофель сын копает всю оставшуюся площадь. Урожая хватает на всю зиму.

Папе Юрию Ивановичу в октябре исполнилось 83. Передвигается на костылях, но голова – светлая, память отличная. Он передает тебе – 30 лет не видел, но помнит, огромный привет. Сын Михаил с женою — учительницей и дочкой живут в нашем старом доме, что на левом берегу реки Корежечны – притоке Волги. Внучке 2 года и 6 месяцев, но в садик не берут – нет мест. Потому родители сидят с нею по очереди. Сын подрабатывает шабашками. Как может, подновляет состарившийся дом и ремонтирует свои видавшие виды «Жигули». В доме удобств нет, а потому у него – вечные заботы о воде и заготовке дров. Миша, как некогда его дед, частенько ездит летом на охоту. Балует нас лесной дичью и свежими грибами. Соленых грибов хватает на всю зиму и весну.

Угличский часовой завод «Чайка»

На производстве, с 8 утра до 17 часов вечера, работаем только мы с дочерью Олей. Я даже отпуск не брала и никуда не ездила. От переутомления организм сдал и я долгое время – 5 недель болела. Едва выкарабкалась.

В августе, на неделю, дочь выбралась в град Питер – к подруге на свадьбу. Сама же, хотя ей уже 20 лет, замуж не собирается. Учится на платном заочном отделении «Туристический и гостиничный бизнес» Ярославского педагогического института. За первый курс выплатили 30 тысяч рублей. Впереди еще – пять лет учебы. Вот они реалии новой власти.

Петр! Я ведь тоже заочно училась в Московском техническом Вузе, но совсем бесплатно. Моей сокурсницей, ты ее знаешь, была тогда моя подруга Нина Павловна Сеничева. Так вот, мы с нею часто встречаемся. То у меня в Угличе, то у нее – в Ярославле. Расстояние между городами покрываем в полтора часа езды. Она передает тебе привет и вместе со мною, поздравления по случаю твоего юбилея. Ты дважды посещал Углич. Воспел его в своих сти-

хах. Бывала в Орле и я. И это радостно, что Ока и Волга, на зеленых берегах которых, стоят наши города – родные сестры. Да и ты на долгие годы стал для меня дорогим человеком. Здоровья и удачи тебе, юбиляр! Принимай приветы от меня и матушки – Волги!

Углич, 2010 г.

Галина Юрьевна Куликова с подругой Ниной Павловной Сеничевой на Волжском причале у Угличского Кремля, 2009 г.

А.П. ЛУЩЕНКО,
поэт, член творческого Союза литераторов России

ПЕВЕЦ БОЛХОВСКОГО КРАЯ

Журналист и поэт Альберт Лущенко

Петр Козин родился и вырос в деревне Сивково Болховского района. Патриот родины, он с детских лет горячо полюбил родную русскую природу. Еще в первом поэтическом сборнике «Отчий край», вышедшим в свет в 1993 году, поэт искренне признается:

Если б люди у меня спросили:
— Что всего на свете мне милей?
Сердце бы ответило: «Россия!
Грусть ее берез и ширь полей….».

Главное, что отличает поэта в жизни – глубокая привязанность к отчим местам и дорогим его сердцу землякам. Описаниям красоты природы наполнено все его творчество. Это наглядно просматривается в стихотворении, посвященному односельчанину, фронтовику – инвалиду Федору Гришину «Косарь»:

Остановился. Вытер пот.
Вдохнул красу рассветной силы.
С одной рукой он шел вперед –
Былой солдат моей России.

За плечами Петра Козина – большая, насыщенная яркими событиями жизнь: с 13 лет пахал и засевал землю, служил в армии, окончил журналистский и исторический факультеты Ростовского – на – Дону государственного Университета, работал в средствах

массовой информации, учителем и директором в сельских и городских школах.

Все вехи его трудовых буден отражены в прозаических и поэтических произведениях «Его голос звучал шире и крепче с годами, творчество болховчанина Петра Козина – настоящее призвание нашего земляка», — писал о нем широко известный орловский поэт Виктор Дронников.

У крыльца родного… Мать поэта Пелагея Петровна Козина (сидит) и ее подруга Романовна

В поэтических сборниках: «Отчий край», «Перелески», «Русь», в повестях: «Родная сторона», «Дым Отечества» и других автором написаны задушевные слова о своих земляках, с которыми вместе рос, учился и работал. Его произведения и отрывки из них были опубликованы в исторической антологии «Первый салют», в академическом сборнике Дмитрия Блынского «Я полон света», в различных журналах и газетах. Подлинным гимном отчему краю являются его военная поэма «Жаркое лето», посвященная освобождению Болхова от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году, автобиографическая повесть «Родная сторона» (2006). Вот, например, как он тепло пишет о милом его сердцу уголке:

Мой Лабосин,
Моя Сивково –
России тихий уголок.
Ты – отчий край,
Первооснова.
Всех дел и дум моих
Исток….

Читаешь его повесть – откровение и ярко представляешь чудесный пейзаж неповторимого Болховского края, где рос поэт, набираясь природных и жизненных впечатлений. «Родная сторона» — оригинальное переплетение добрых стихов поэта – фактов его биографии с прозаическими зарисовками о природе и людях – дорогих его сердцу земляках. Сердечные, проникновенные слова посвятил своему другу самобытный поэт Валерий Часовитин:

На берегу Машка

Ты – философ, учитель, писатель,
Инженер человеческих душ.
Вечных истин упрямый искатель,
Славный дед, мудрый друг, верный муж!

Теплотой от стихов свежо веет
И чисты они, словно слеза.
И от каждой строки сердце млеет,
Со страниц смотрит правда в глаза!

В 2007 году вышла большая автобиографическая повесть «Дым Отечества», целиком основанная на местном материале. Она рассказывает о становлении молодого педагога и директора Сурьянинской школы. Не забыл Петр Козин и своих первых наставников, опубликовав подборку очерков под заголовком «Репнинские учителя».

В новой книге «Мои современники» Петр Козин внес неоценимый вклад в летопись становления журналистики родного края, предоставив возможность читателю познакомиться с теми,

кто руководил районной газетой последние 60 лет. Материал дан под общим названием «Редакторы «Болховчанки».

С Валерием Часовитиным

Родному городу он также посвятил свое яркое поэтическое произведение «Сказание о Болхове», которое сегодня многие земляки, как например, восьмидесятилетний старожил Болхова Иван Алексеевич Лукьянчиков и житель деревни Лохань Потапов Вячеслав Николаевич, заучивают наизусть.

От всей души поздравляю нашего замечательного прозаика и поэта Петра Дмитриевича Козина с юбилеем! Желаю ему, певцу Болховского края, новых удач на литературном пути, новых книг и ярких творческих открытий.

Болхов, май
2010 г.

Петр Козин вручает земляку из деревни Лохань Болховского района Потапову Вячеславу Николаевичу свои книги «Русская баня» и «Жар малиновый»

АНАСТАСИЯ КОРНЕЕВА

МОЯ СЕМЬЯ

(Этюды)

С зятем Игорем Николаевичем Корнеевым и внучкой Настей

Идея написать эти этюды из жизни нашей семьи принадлежит моему дедушке. Этому предшествовала очень грустная история. Дело в том, что я решила, как и он, писать…. Казалось, что это занятие совсем не сложное. Садись за стол. Бери ручку и сочиняй о том, что на ум придет. Вот и я, взяла чистую 18 страничную школьную тетрадку, и смело начертала на ее зеленой обложке: «МОИ СМЕШНЫЕ РАССКАЗЫ».

Долго думала: о чем писать? На ум приходили лишь истории, прочитанные мною в детских книжках. Взяла я книгу и стала переделывать напечатанные в ней рассказы на свой лад, с сокращениями и исправлениями. Надеялась, что никто не догадается, что я списывала их содержание. Но моя мама все-таки засомневалась в моем авторстве. Но, так, как она не читала моих книг, то у нее не было доказательств. Все бы и сошло мне с рук. Но 1 января 2010 пришел к нам в гости добрый дед Мороз с подарками. Вы, конечно, догадались, что это был мой любимый дедушка Петр. Он и бабушка Тоня (папина мама) попросили меня прочитать им мои рассказы. Я здорово старалась, а потому мое выразительное чтение им понравилось.

Меня публично похвалили. Потом ко мне в комнату зашел дедушка и очень тактично сказал:

— Настенька! Написала ты пять рассказиков. Маленьких, но поучительных. О девочке Маше, что из корысти «сделать за нее математику» ухаживала за мамой. О такой же лукавой ее сверстнице Гале, пожелавшей иметь собаку, но оказавшейся неряшливой няней по отношению к своему младшему братику. О притворщиках Васе и Пете, сказавшимися больными, чтобы избежать контрольной по математике. О маме, которая в воспитательных целях похвалила дочь Надю за двойку по литературе. О ленивых мальчишках Коле и Павлике, не выучивших урок и мечтающих лишь о том, чтобы учительница не назвала их фамилии. Удивительно, что в твоих пяти рассказах я нашел лишь одну, в твоих письмах ко мне их было много, грамматическую ошибку. Вместо «Сейчас», ты написала «Щас» — это грубая разговорная форма. Остальное изложено, все правильно. Именно твоя высокая грамотность меня, как раз, и смущает. Признайся: ты не списывала?

— Нет, — отвечаю смущенно. Мне совсем не хотелось разочаровывать дедушку.

— И все-таки, — улыбнулся он, — ты повторяешь мои детские ошибки. В 12—13 лет, я так же мечтал стать журналистом (маленьким писателем). Сочинил, подобно тебе, пару — тройку рассказов на отвлеченную тему и послал их в «Пионерскую правду». Ответ пришел. В нем умный взрослый дядя объяснил мне, что написал я слабо. Посоветовал писать на конкретные темы. О том, что я хорошо знаю и с чем ежедневно сталкиваюсь. И я стал писать о маме и папе, о колхозных делах, о школьных друзьях — товарищах. В результате, в 15 лет стал селькором газеты «Болховская коммуна». Придет время и «Пионерская правда» опубликует на своих страницах мою заметку об учебно-опытном участке Репнинской средней школы. Многомиллионный тираж газеты сделал меня знаменитым.

— Вот, здорово! — не удержалась я от восторга.

— Я то же тогда гордился, — признался дедушка, — как сегодня радуюсь твоим удачным рисункам и в особенности, искусной лепке из пластилина всевозможных птиц и зверей. Они

получаются выразительными, чудесными. Тут ты оригинальна, в тебе видно живут гены деда Коли — покойного отца твоего папы, самодеятельного скульптора, но в эпистолярном жанре у тебя пока не лады. Надо писать, пусть с ошибками, но по-своему. И не перепевать чужие, заемные мысли. Пусть они и великолепны. Писательство — это способность мыслить образами. Образы же создаются сочетанием эпитетов, сравнений, сопоставлений. Этот дар дается Богом, но его можно развить путем изучения лучших образцов литературы. Двигатель успеха — практика. Вот почему, я советую тебе написать короткие очерки из нашей семейной хроники.

— О чем?

— О круглых датах. Например, 16 февраля исполнится 20 лет, как твои папа и мама стали мужем и женой. Или, через три года, в 2013 исполнится 50 лет, как я познакомился с твоею бабушкой Валей. Не менее любопытны также истории о собаках и кошке Мусе. Пиши об этом. Давай волю фантазии. За ошибки не беспокойся — поправим.

— Попробую, — пообещала я.

Вот так и появились эти, мои короткие рассказы.

1. СЧАСТЛИВЫЕ ФЕВРАЛИ

Когда бабушке Вале исполнилось 40 лет, ровно столько, сколько сейчас моей маме Ирине, то дедушка написал в честь ее юбилея поэму «Верность». Один из экземпляров хранится у нас в шкафу. Я читала в нем, о том, как в феврале 1963 —го, дедушка, на танцах в клубе, познакомился с бабушкой. Провожая домой, он, увлеченный ею, не заметил, как сильно обморозился. Спустя шесть лет, когда они уже были мужем и женой, в 1969, 3 февраля в Болховской больнице у них родилась дочь — моя мама. На этот раз дедушка, в разыгравшуюся сильную бурю, все 12 верст от села Сурьянино, где работал директором школы, до города не прошел, а как на крыльях долетел. Так он спешил увидеть свою наследницу.

К счастью, как раньше, в 63-ем, не обморозился.

С женой Валентиной – на малой родине

16 февраля 1990 года в банкетном зале гостиницы «Орел» была свадьба моих родителей. Папе Игорю было 23, а маме Ире всего 21 год. После веселого торжества молодых повез на своей машине их сосед Вячеслав Горбачев. Когда они оказались в Рабочем городке, где тогда проживали, то застряли в большом сугробе. И вот, разгоряченные вином и любовью, мои красивые родители вылезли в свадебном наряде из автомобиля, и стали активно помогать шоферу, вытолкнуть его машину из сугроба. Это им удалось — ведь мой папа такой сильный! Все совершено было так быстро, что они не успели обморозиться, как некогда дедушка. Но снежная буря им надолго запомнилась.

В этом году исполнилось 20 лет с того памятного события. Все гости, отмечавшие его, пришли к единому мнению, что все февраля в судьбе двух поколений нашей дружной семьи оказались счастливыми.

2. СЕРЕБРО И ЗОЛОТО

Через пять лет, в 2015, мои родители отметят серебряную свадьбу. В одной из песен о таких событиях поется: «Серебряные свадьбы — негаснущий костер!». У нас же в семье все дни рожденья и другие юбилеи отмечаются торжественно и радостно. Костер любви никогда не гаснет.

16.02. 90 г. День свадьбы дочери Ирины и Игоря Корнеева.
Сидят: А.Д. Козин, А.И. Бондарева, П.Д. Козин

Задумалась как-то я: почему 25-летие свадьбы называют «серебряным»? Разобраться в этом мне помог дедушка. Он дал мне прочесть стихи Эдуарда Асадова. Поэт писал:

«Серебряная свадьба». Почему
Ее вот так в народе называют?
Мне кажется, что это потому,
Что серебро в супружеском дому
Уже в сердцах
И в волосах сверкает».

Насчет «волос» я согласна. Папа, вослед за дедушкою, стал лысеть и седеть. Это понятно. Он железнодорожник. Работа у него трудная. И забот с нами много. Наши с братом Максимкой проблемы на его крутые плечи ложатся. Но, вот мама, она и не думает седеть. По прежнему — красивая и молодая. Не уж то че-

рез пять лет все изменится? Не верю. Тем более что сердца моих чудесных родителей всегда молодые. Они совсем по-детски умеют радоваться и весело смеяться.

В 2017, свадьба была в сентябре 1967 года, дедушка с бабушкою отметят 50-летие брака, свою «золотую свадьбу». И опять: почему? Открываю томик Асадова. Читаю его мудрые строки:

«А «золотая свадьба»? Это имя
Спустя полвека обретает цвет.
Чтоб выдержать друг друга
Столько лет
И не сбежать от всевозможных бед —
Сердца и впрямь должны быть —
Золотыми!».

У дедушки Петра и бабушки Вали сердца поистине «золотые». Одиннадцать лет моей жизни и 19 лет Максимкиной, они всегда с нами рядом. И в дни радости, и в минуты печали. Все пять лет моей учебы в школе бабушка Валя со счастливой улыбкой и всевозможными подарками встречает меня. Готовит обеды. Помогает разобраться с уроками. Каждое свидание с дедом Петром для меня — счастье. Во все праздники он пишет для меня торжественные оды. Не забывает одарить деньгами. Следит за моим творческим развитием. Помещает мои стихи и рассказы в своих книгах.

Конечно, в их жизни не мало было «всевозможных бед», но сбегать друг от друга они не собираются. Ведь у них на первом месте — ответственность за семью, за нас, их внуков. Вот почему я считаю, (прав поэт Асадов), их сердца — золотые.

3. МАМА И ЧЕРНЫШ

В 1980 моей маме Ирине было столько годков, сколько мне сейчас. То есть одиннадцать лет. Ее жизнь с родителями в Рабочем городке Орла скрашивалась заботою о кроликах. Их дедуш-

ка выращивал до сорока особей. Мама помогала ему ухаживать за этими красивыми пушистыми зверьками. Рвала траву, угощала сухарями и морковкой, свеклой и кукурузой. Поила и убирала клетки.

Ирина Козина и ее водовоз пес Черныш. 80-е годы

Но, особенно, ей запомнился черный и могучий пес по кличке Черныш. Он был такой сильный, что легко возил ее в упряжке по накатанной снежной дороге. Больше того, для него не был помехой и 40-литровый бак с водой. Ее доводилось возить из близлежащей колонки — водопровода в доме не было.

Черныш был крупной породы, упитанным и добрым. Эти качества его и погубили. Злые люди заманила пса в будку, что стояла на берегу Оки у железнодорожного моста. Здесь же и убили. Мясо его съели туберкулезно больные. Собачье мясо полезно для здоровья людей, страдающих чахоткой. Возмущенному же их поступком дедушке объяснили, что они де не виноваты: Черныш, мол, сам под поезд попал. И даже показали ему останки пса, выброшенные в ров, тут же у железнодорожной будки.

Чтобы моя мама долго не горевала, дедушка с бабушкой приняли в подарок от своих друзей Тамары и Юрия Семеновых их молодого пса по имени Тишка. Он в корне отличался от Черныша. И размерами и характером. Тишка был маленьким, но удаленьким. Настоящим сторожем. Его злого нрава боялись все соседи. От дома же он далеко не убегал. Да и для нездоровых людей — интереса не представлял. Прожил до 1992 года, пока хозяева его не перебрались на новую квартиру.

Мама часто показывает мне фотографии. На них изображен Черныш в упряжи, изготовленной дедом и счастливая девочка, моя юная мама, управляющая бегом этого чудесного пса. Снимков же со строптивым Тишкой, к сожаленью, не сохранилось.

4. ПАПА И АТОС

Мой папа Игорь большой любитель собак. У него очень много книг по собаководству. Более всего его увлекают собаки бойцовской породы. Когда из Рабочего городка переехали жить в двухкомнатную квартиру, что располагалась не далеко от железнодорожного вокзала, где папа работал, то он приобрел для своих занятий буртульера с именем легендарного мушкетера — Атос.

Атос трудно поддавался дрессировке, но папа был настойчив. Победы пса в жестоких схватках с собаками крупных пород его до чрезвычайности радовали. Совсем другое чувство испытывали от общения с непредсказуемым зверем другие домашние. Деда он так поцеловал, что израненное его острыми зубами ухо долго не заживало. Совершенно доконал он, своим хищным норовом, и бабушек — Тоню и Валю. Атос слушался лишь одного хозяина — папу, на всех других членов семьи реагировал подчас угрожающе: рычал и скалил зубы. Даже Максимка, который вместе с отцом выводил его на прогулку и тот остерегался маленьких злых глаз и острых зубов пса.

Игорь Корнеев с сыном Максимом на прогулке с бультерьером Атосом

Настя с бабушками – Валентиной Алексеевной Козиной и Антониной Афанасьевной Разумовской

Не удивительно, что при переезде на другую квартиру, где прежде жила бабушка Тоня, от него потребовали — убрать собаку. Погоревал, потосковал бедный папа, но делать нечего — с бабушками не поспоришь. Атос был продан. Он перешел к новому хозяину, что проживал далеко от Орла — в Белоруссии.

5. Я И СЕМКА

Родилась я в Боткинской больнице Орла 24 ноября 1998 года. Дедушка с бабушками, навестившие меня, новорожденную, вспоминают, как красиво, ярко и радостно, вокруг родильного дома, горели в тот день красные рябины. Счастливый дедушка даже стихи сочинил:

Пламенели рябины
Несказанно красиво —
Неспроста Анастасию
Подарила Ирина…

Почему: неспроста? Дед отвечал:

Нет имени во всей России
Прекраснее Анастасии!

Тогда я не могла знать, что к моему дню рождения родители подготовят чудесный подарок. Папа вместе со мною принес в дом белогрудого щенка английской породы. Имя у него было мальчишеское — Семка.

Ирина Корнеева с псом Сёмкой

Цель у папы и мамы была проста: чтобы я росла не в одиночестве, а с юным другом. И в будущем не боялась собак. Зовем мы Семку также — Семой, Семеном. Как кому вздумается. Он охотно откликается на любой зов. Итак, Сема — мой ровесник. Вот уже 12-ый год мы живем с ним в мире и дружбе. Он умный и добрый пес. Мы все его любим и очень переживаем, что он стал, в отличие от меня, только еще набирающей силы, уже стареньким и болезненным. Папа не жалеет на него средств. Вдоволь кормит и заботливо лечит. По очереди с Максимкою выводят на прогулку.

Семка прекрасно ладит со всеми домочадцами. С ним любят повозиться бабушки и дедушка. Он всегда их встречает радостным лаем.

6. МУСЯ

Родители внимательно относились к моим просьбам и желаниям. Потому и дарили мне к праздникам не только игрушки неодушевленные, но и живые. Бывали у меня различные птички. Не мало времени я отдавала ухаживанию за морскими свинками и хомячками. Все они мне нравились. Однако настоящая привязанность возникла у меня совсем не давно. Летом этого года. И к кому бы вы думали? Да, к обычной домашней проказнице, с серебристым отливом шерсткой, молоденькой кошке Мусе. Или просто — Муська. С ее появлением в квартире, кажется, весь мир преобразился. Вот история ее появления в доме.

Как-то в августе 2009, гуляя в сквере, я увидела на руках мальчишки маленького котеночка. Попросила разрешения подержать его на руках. Мальчик даже обрадовался:

— Бери, хоть насовсем. У меня еще есть.

С трепетным благоговением, прижимая к груди двухмесячного котеночка, я принесла его домой. Папа и мама вначале запротестовали. Они боялись того, что огромный Семка — пес английской бойцовской породы, в минуту гнева, может запросто растерзать моего пушистого и милого зверька.

— Неприятностей нам еще не хватало! — запричитали они, — да и оправляться начнет, где попало. Благо мышей у нас и так нет.

Тут я не выдержала и заплакала. Мой добрый папа обнял меня и утешительно произнес:

— Не плачь дочка. Оставляй себе это существо. Но с условием, что убирать за ним будешь сама.

— Согласна! Согласна! — воскликнула я.

Папа Игорь оказался не только добрым отцом, но и сердечным другом. Судите сами. Чтобы избежать дикой расправы над моей воспитанницей, он несколько раз проделывал такие эксперименты. Подносил к носу пса котенка а, когда тот пытался «цапнуть», резко останавливал его и объяснял, что этого делать нельзя. Сема — умная собака. Все понимает, только говорить не умеет. Раз за разом, обнюхивая незнакомку, он вскоре стал проявлять к ней не только простое любопытство, но и благорасположение. Удивительно, но Муся его совсем не боялась. Она, в случае опасности, ложилась на спинку, вздыбливала шерсть и била по псовому носу своими когтистыми лапками. Пес сердито отфыркивался и немедля отходил от своей возможной жертвы.

Вначале мы хотели передать Мусю в надежные руки. И даже нашли по Интернету юную хозяйку. Однако ее мама, как на первых порах и мои родители, категорически отказалась потворствовать капризам дочки. И я была на седьмом небе от счастья, что Муся снова со мною.

Прошли месяцы. Пушистый котеночек превратился в молодую красавицу — кошку. Она быстро поняла, как себя надо вести с Семой. Оправлялась в песок, в отведенном для нее месте. А спала, где хотела. Чаще всего под покрывалом дивана или кровати. Она любит темноту и тепло.

На Новый год, когда у нас в гостях был дедушка, Муся забралась на крышку телевизора, рядом с которым стояла нарядная Елка. Хватала острыми зубками серпантин, а правою лапкой раскачивала елочную игрушку. И обязательно сорвала бы, если бы папа на нее не прикрикнул и не согнал с телевизора. В общем Муся чрезвычайно забавное и милое существо. Когда же бывает

грустно, она прижимается к моей груди и поет свои ласковые песни. Несколько минут общения с нею снимают с меня все стрессы и неприятные воспоминания минувшего дня.

Полюбила Мусю и мама Ира. Она всегда находит время погладить ее по гладкой шерстке и послушать ее сладостное мурлыканье. Бабушки Тоня и Валя, бывающие часто у нас, также спешат поиграть с Мусей. О Максимке и говорить не приходится. Мой высокорослый братец часами носит лукавую красавицу-кошку на своем широком плече. В общем, Муся сегодня — полноправный член нашей дружной семьи.

Орел, 2010 г.

Сергей ШМЕЛЕВ

Сергей Шмелев

СКАЗЫ

(о Петре Козине)

Мы продолжаем серию «Сказов» о жизни и творчестве известного орловского прозаика и поэта Петра Козина. Первые три части были опубликованы (соответственно) в его книгах: «Дым Отечества», «Глумление», «Жар малиновый». Особенность данного цикла заключается в том, что он приурочен к двум юбилеям моего друга, выпавшим на 2010 год: 70-летию со дня рождения и выходу в свет 10-го сборника стихов и прозы.

ПЕРВОМАЙ НА КАЛИНОВСКОМ

В кругу родных, среди друзей,
В день Первомая — на Ура!
Свой отмечала Юбилей
Поэту — верная сестра.

Кузина поэта
Антонина Ивановна Бондарева

В то время как труженики страны скромно, в отличие от советской поры, с красными знаменами и транспарантами в руках, собирались на улицах и площадях российских городов, чтобы выразить свою солидарность со всеми угнетенными и обездоленными в результате грабительских реформ и всеобщего кризиса капитализма, на Калиновском поселке Болховского района отмечалось юбилейное торжество. Надо было распорядиться судьбе, чтобы день рождения любимой кузины поэта Антонине Ивановны Бондаревой (Дерябиной), выпал на день Первомая.

Удивительно то, что Петр Дмитриевич всю жизнь считал сестру своею ровесницей. Оказывается, она на год и два месяца старше его. В деревне, по причине вековечной бедности, не было

принято отмечать именины. Но, вдруг, из переданного по телефону приглашения, узнал, что другу его детства Антонине 1 мая 2009 исполняется 70. И его ждут на праздничный обед.

Выезд из Орла состоялся накануне. Солнечным утром 30 апреля, на моей зеленого цвета «Оке» мы, вместе с женою поэта Валентиной Алексеевной взяли курс на Болхов. Не прошло и часа, как мы, оставив за собою все 55 верст пути, уже любовались красочной панорамой собора с курантами и многочисленных золото купольных церквей древнего града, основанного Иваном Грозным в далеком 1556 году.

Первая остановка произошла у здания педагогического колледжа. Для его библиотеки у Козина была припасена его новая книга «Русская баня». Подобная новинка была вручена также: педагогам 3-ей городской школы, журналистам редакции газеты «Болховские куранты» (редактор Светлана Глотова), краеведческому музею, городской библиотеке, главе районной администрации Кириллову, поэту Альберту Лущенко. Экземпляр сборника «Дым Отечества» был передан горячему патриоту края Николаю Ларичеву. В конце 60-х, как о том рассказано в одноименной повести, они вместе с поэтом работали в Сурьянинской восьмилетке. Николай тогда был учителем физкультуры, а Петр Дмитриевич ее директором. Орловский радиожурналист Олег Смуглов, проживающий в Болхове, стал обладателем книги «Жар малиновый», как один из ее героев.

Директор Болховской гимназии Куржупова, приняв, сразу четыре его книги, в знак благодарности подарила писателю — земляку художественную картину. Из ее рамок светло вырисовывался образ Рождественской церкви.

Владимир и Татьяна Емельяновы на юбилее А. И. Бондаревой

На Калиновском поселке, куда мы прибыли уже в полдень, полным ходом шла подготовка к торжеству. Из Москвы прибыли дочь юбилярши учительница Татьяна с мужем полковником Владимиром Емельяновым и дочкой Дашей. В хлопотах по хозяйству проводили свои дни, приехавшие заранее, ее сестра Мария Плетнева с дочкою Наташей, сын — петербуржец Владимир Бондарев с женою Ольгой.

После теплых приветствий и угощений, мы отправились к стародавнему товарищу поэта, московскому пенсионеру, бывшему подполковнику МВД, ныне скромному пчеловоду поселка Александру Борисовичу Тишину. Когда Петр вручил ему свою «Поэтическую энциклопедию», земляк озабоченно заметил:

— Я прочел все твои книги. В особенности внимательно повесть «Глумление». Серьезная вещь. Ты на редкость смелый человек. Ведь твои антигерои тебе могут за них просто, извини, убить. Не случайно в наших краях прошла весть о твоей трагичной смерти.

— Как же! На слышен. И от сестры и от доцента Логвинова, что сейчас на Щербово обитает.

— И, что сей ученый и поэт, сказал?

— По обыкновению шутил. Дескать, коль посылка оказалась ложной, то жить мне непременно до ста лет.

— Дай бог! — рассмеялся Тишин, — впрочем, и я того же тебе желаю. Ты нам живой и здоровый нужен. Ну, кто еще так интересно напишет о нашем родном крае!? Кстати, твое Сивково сожгли. Толи это сделал ее последний могикан Бурдыкин, толи кто другой, но, факт — деревня в пепле.

— Печально, — тяжело вздохнул мой друг и добавил, — поистине, вся Россия — в огне!

Посетили мы и Калиновский пруд. На него, как и на Сивково обрушилась беда. Носила же она уже не человеческий, а природный фактор разрушения. Неведомо откуда поселившиеся здесь бобры, пользуясь безлюдьем, спилили и сбросили в воду едва не все, растущие по берегам огромные дерева: ракит и кленов, осин и берез. Все зеркало пруда обезображено их черными стволами. И смиренным рыболовам и озорникам — купальщикам стало со-

П.Д. Козин беседует с офицерами – ветеранами: подполковником милиции Александром Борисовичем Тишиным и майором КГБ Василием Ивановичем Емельяновым.

всем не просто отныне находить чистую, не захламленную, могучими и корявыми ветвями, воду. Отсутствие на пруду гусей и уток привело к другой напасти. Развелось несметное количество лягушек, что ранее были добычей пернатых. От их неумолчного кваканья неприятно звенело в ушах.

Когда мы вернулись ко двору Бондаревых, то обратили внимание, что на улице не гуляют, как прежде, расцвеченные малиновыми — сизыми перьями петухи и куры. Антонина Ивановна объяснила:

— Боюсь выпускать. С раннего утра три-четыре коршуна непременно следят за добычей. Если раньше их жертвами были слабые цыплята, то теперь и взрослым курам нет от них покоя. Да и лисы частенько наведываются. Лес-то рядом. Мой пес для них не помеха, так хищники обнаглели. Пришли беда — открывай ворота.

— Вы напротив, все двери и закуты закрыли! — пошутил Петр.

— Ха-ха! — заулыбалась сестра, — правда, парадокс получается. Да, что поделать, в глуши живем. Поселок на глазах вымирает. Правда, один дом у нас купили, но хозяева еще не приехали. И будут ли они, новички, здесь жить? Еще вилами по воде писано.

Ночь, с 30 апреля на 1 мая, выдалась холодной. Прошел дождь. Он и прибил пепел ранее сожженной сухой травы, что вымахала у дома на большой округлой поляне, ранее дважды в год выкашиваемой неутомимым хозяином Василием Илларионовичем Бондаревым. В том нередко ему помогал и сам поэт. Сосед его Анатолий, хотя и имеет коз, но косить ее всю не осиливает. Да и нет нужды. Козам больше травы — ветки деревьев нужны. Этого же добра много и у двора. Вся поляна окружена чащобой осин, берез и орешника.

С Дашей Емельяновой

Утро Первомая было озарено светом костра, у баньки имени Петра, который активно поддерживала десятилетняя Даша Емельянова. Ее же молодой отец Владимир Васильевич занимался более важным делом: готовил шашлыки. Вместительный черный каган дышал жаром свежих углей. Заготовкой дров занимался наш поэт. Он с удовольствием ходил в лес, собирал сушняк и подносил его к костру. И лес чище и делу польза.

В просторном зале свободной комнаты хлопотали женщины во главе с Валентиной Алексеевной, женой поэта. Заранее, на стену Петр Козин повесил портрет сестры. На столах красовались вины и закуски. Торжество началось в два часа дня. Гостей, от семи волостей, собралось до тридцати человек. На видавших виды «Жигулях» прибыли с Крещенского поселка сватья — Василий Иванович и Нина Семеновна Емельяновы. С подарком в руках явился сосед Александр Тишин. На месте оказалась и давняя

подруга, соученица сестры по Репнинской школе, вдова бывшего председателя колхоза — фронтовика Василия Борисовича Тишина, известная самодеятельная певица Антонина. С букетами ярких цветов явились крестники и крестницы, родственницы мужа и просто приятельницы счастливой юбилярши. Не опоздал к святому дню и племянник Антонины Ивановны, петербуржец Николай Дерябин. Он привез с собою неизменные кино и фотоаппарат. Его сопровождала умная и добрая половина, уроженка благословенной Кубани Зинаида.

С женой Валентиной

Первым на торжестве было предоставлено слово брату именинницы. Петр Козин, прежде чем вручить свой главный подарок — книги, дал свою краткую, но высокую оценку роли сестры и ее покойного мужа в его жизни и творчестве. Ведь это с их подачи в 2000 году свежесрубленная баня была названа его именем. И это именно Василий Илларионович был первым читателем рукописи повести о бане «Жар малиновый». Затем начал декламацию 19-ой главы «Поэтической энциклопедии», с названием: «На Калиновском поселке».

На Калиновском поселке:
Средь поляны, у двора
Стоит липовая, звонкая
Банька имени Петра!

Муж кузины Антонины
Он же Бондарев Василий

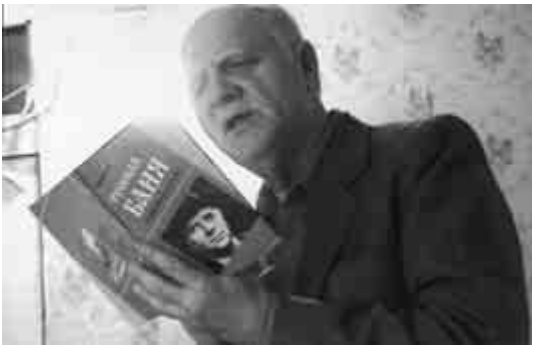
Зинаида Дерябина

Кинорежиссер Николай Васильевич Дерябин

Баньку ту соорудил,
Из дерев ее срубил.

Вот прочитан последний куплет:

В мир иной ушел Василий,
Друга нет, но память с ним,
Как дымок над банькой синий
Связан с именем моим.



П.Д. Козин читает землякам главу «На Калиновском поселке» из книги «Русская баня»

Под аплодисменты родственников и гостей поэт вручает вместе с поцелуем книгу сестре. В ее серых глазах блестели слезы грусти.

— Как жаль, — говорит она, — что мой Вася да сегодняшнего дня не дожил. Он бы порадовался и баньке и книге о ней. Он так дорожил твоим творчеством. Не было для него ничего дороже, чем родной край, который ты воспел.

После того, как Петр Козин рассказал собравшимся о содержании очерка «Ностальгия», что был посвящен летом 2008, их поездке в Репнино — родную школу, которую она не видела уже не один десяток лет. И опять печаль и слезы.

Антонина Тишина (Тараканова) не сдержалась, сказала:

— Я хотя родом из Репнино и вместе с Тоней и тобою там училась, а сама давно на родине не была. Так мы селяне живем. Все-то нам некогда. Чтобы развеять грусть, давайте же споем.

И тут же запела девичью, лирическую песню «Расцвела сирень — черемуха в саду». Ей дружно стали подпевать молодые го-

лоса. Одна песня сменялась другой. Как сыпались со всех сторон праздничного стола поздравления и тосты.

Устав от пиршества, все вышли на улицу, где на радость гостей во всю полыхало майское солнце. Зять Антонины Ивановны Владимир Емельянов, включил магнитофон, устроенный в кабине его иномарки — начались танцы. Племянник юбилярши Николай Дерябин занялся видео — съемками, а племянница Наташа вооружилась фотоаппаратом.

— Танцуют все! — весело провозгласил сват Василий Иванович и повел по кругу Антонину Ивановну. Не отставали от них и Петр Козин в паре с Ниной Семеновной. В вихре вальса кружились старшая сестра виновницы торжества, ныне житель Санкт-Петербурга Мария Ивановна Плетнева и жена поэта Валентина Алексеевна Козина. О взрослых тетях, их детях и говорить нечего — красивая музыка пленяла сердца всех — и пожилых, и молодых.

П.Д. Козин среди гостей сестры – юбилярши А.И. Бондаревой

Даже, после того, как Калиновский двор покинули гости и приглашенные, оставшиеся на ночевку родные и близкие еще долго не расходились из-за стола. Слышались тосты, шутки и смех. По телевизору передавали праздничный Первомайский концерт. Звезды телеэкраны цвели улыбками и воспаряли вдохновением.

Юбилей сестры поэта удался на славу.

ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Проносятся годы,
сдвигая календы,
Писателей жизнь – на виду.
О них пишут книги,
слагают легенды
И глупости часто в ходу.

Редко кому доводится непосредственно самому услышать о себе «живую легенду», а вот Петру Козину это посчастливилось. Вот как это было.

На второй день 70-летнего юбилея сестры Антонины, а именно 2 мая 2009, все представители родственных семей: Бондаревы, Дерябины, Козины и Емельяновы на автомобилях отправились с поселка Калиновский в «ЕЛКИ». Так называется сельское кладбище. Петр Дмитриевич попросил племянника Николая Дерябина, на машине которого они ехали с женою Валентиной Алексеевной, высадить его на Щербовском поселке. Он намеревался передать свои новые книги в местную библиотеку и заодно навестить ученого друга Александра Серафимовича Логвинова, которому еще в Орле пообещал подарить свою «Поэтическую энциклопедию». Логвинов с женою и дочерью с весны до глубокой осени живут в деревне Щербово, что за рекою Машок, в километре от одноименного поселка. В доме брата поэта. В хозяйстве у них помимо огорода содержится несколько коз. Козлиное молоко весьма ценно для их 20-летней больной дочери.

На двери здания Михневского сельсовета и библиотеки висел замок. Ясно-Первомай шагал по стране. В этот праздничный день функционировала лишь одна почта. Здесь Петр узнал о местожительстве библиотекарши.

— Идите прямо по улице, — объяснила неожиданному гостю почтмейстер, — в кирпичном, предпоследнем доме ее и найдете.

Действительно, у искомого дома он увидел молодого мужчину, копающегося у трактора. Тот мгновенно отреагировал, громко позвал:

— Валя, иди сюда, к тебе пришли!

Тут же, на капоте легковой машины, стоящей у дома, поэт и вручил свои дары средних лет, симпатичной и весьма приветливой женщине.

— Петр Дмитриевич, — обратилась с просьбой к писателю библиотекарь, — ученики Михневской школы давно собираются с вами встретиться. Могли бы вы к нам приехать и выступить?

— Что за вопрос, Валентина Ивановна, — ответил Козин, — как соберетесь, так и приеду. А связь держите через мою сестру Антонину Ивановну Бондареву.

— Конечно — конечно. Спасибо за книги. Их, знаете, все с большим интересом читают. Ведь вы о Родине пишете, и о них самих.

— Это хорошо, что земляки так правильно все воспринимают, — отозвался поэт и шутливо спросил: «Где я тут могу приют отдохновения Логвинова отыскать?

— Да, вот от моего дома по стежке и идите. Там, за рекою их коз и увидите, — просияла улыбкой библиотекарша.

— Спасибо.

Петр Козин пересек асфальтированную дорогу, вышел на широкую тропу и направился прямиком к водному переходу. Тут ему вспомнилось, как много лет назад, он провожал с вечерок молодую учительницу Ольгу Потапову. И шли они когда-то этой же стежкой и вместе качались на подвесном мосту.

Радость воспоминаний пресекла огромная, без ошейника, явно одичавшая овчарка. Она, понурив голову, стояла на про-

тивоположном берегу Машка, у края настила. Увидев человека, остановилась. Петр предусмотрительно отошел в сторону. Таким образом, освободив ей проход. Собака не замедлила этим воспользоваться и тут же миновала мосток, сошла к воде и стала жадно пить.

Сразу же за берегом реки начинались сады. Некогда молодые, зеленые и пышные, на этот раз остовы яблонь и груш выглядели обуглено-черными. Многие ветви были сухими. А вокруг дерев непролазный бурелом из сухой травы, зарослей некогда, по весне, веселых слив и вишен. От сарая, где они с Ольгой коротали воробьиные летние ночи, грустно маячила груда развалин. Ее, по былым временам, роскошный дом с резным палисадом, стоящий на высоком пригорке, был на замке. Всюду царили глушь и запустение. Под замками оказались и соседние кирпичные особняки. Никого вокруг – ни людей, ни животных. На душу навалилась такая тоска, что поэт не решил далее испытывать судьбу, а отправился вон из деревни, прямиком к асфальтированной трассе «Болхов – Белев». У дороги, ведущей высоко в гору, он повстречал жителя деревни Ушаково, средних лет обросшего черной щетиной мужчину, некого Евсикова.

— Скажи, где тут Логвинов живет? – поинтересовался у него Козин.

— Бородач-то? – рассмеялся черноволосый и смуглый по природе, а потому, по его словам, принимаемый за чеченца, земляк.

— Именно, так.

— Да на самом противоположном конце деревни. Рядом с Валей Прошиной, с кою из-за коз часто ссорится. Он, из опустевшего, отчего Шамордино переселился на Щербово, в доме брата обитает. Мы как-то выпивали с ним. И моя сестра, что сейчас одна мытарится на Ушаково, так же собирается сюда перебраться. Как-никак, а здесь все еще живые люди остались.

— А сестра моего школьного приятеля Павла Фирсова как же?

— И она теперь на Щербово. Самого его давно не видел. Он в Петербурге, а я сейчас в Москве по сезонам работаю. Там меня милиционеры, по внешнему виду, часто задерживают, паспорт

проверяют. Все то им абреки чудятся. А я, как не кажись, а коренной русак и есть. Вот родину изредка навещаю.

— Понятно, удачи тебе!

— Спасибо, земляк. Я о тебе по Болховской газете знаю, хотя книг твоих и не читал.

— Все еще впереди, прочтешь, — с улыбкою сказал на прощание поэт.

Вот и печально-заветные «ЕЛКИ». Рядом с могилой Василия Илларионовича, здесь уже выросла могила его дяди – фронтовика Бондарева – старшего. У оград целая толпа родственников. Петр Козин вместе со сватом Василием Ивановичем Емельяновым, помянув общего друга, сфотографировались у его памятника. Затем Петр с женой отправились к могилам своих дорогих родителей Пелагеи Петровны и Дмитрия Ивановича Козиных, а также близких родственников – Дерябиных.

С другом Альбертом Лущенко в «Ёлках» - у могилы родителей поэта

Заботами сестры Антонины Ивановны все могилы, еще ранее, были опрятно прибраны, и если можно так выразиться, благоухали разноцветьем живых и мертвых цветов. Теперь к ним добавились новые букеты.

Мастеровой, подобно плотнику – отцу, Николай Дерябин вместе с женою Зинаидой хлопотали на могиле своей тети, сестре покойной мамы Александры Михайловны Дерябиной.

По предложению сына сестры Владимира Васильевича Бондарева, многие, из собравшихся родичей поэта, решили посе-

тить святой родник, что был обустроен в расщелине, на высоком речном пригорке еще Игорем Тишиным, в бытность его на посту председателя местного Совета. Попили из металлических кружек чистой янтарной воды. Затем Николай Дерябин произвел кинозапись Петра, стоящего над просторной луговиной, у места своего рождения первого июля 1940 года.

Родился я на берегу Машка
Июльскою покосною порою.

О том читателям его поэмы «Перелески» и провинциальных записок «Родная сторона» хорошо известно, а более того — близким родственникам. Чудо! Родился Петр Козин в копне свежего сена. Сама природа озаботилась открыть его первому взгляду мир среднерусской красоты: синее бездонное небо, яркую цветовую палитру луга, серебро речной воды и вечную зелень пушистых елей. Как тут не стать поэтом – певцом родной стороны?!

— Петр Дмитриевич, — обратился к дяде Николай Дерябин, — а не желаете вы прокатиться на Щербовский поселок? Нам надо родственников, по линии мамы, там проведать. Затем в Михнево, с Антониной Ивановной заглянем.

— Не возражаю, — был ответ. Мой друг тогда еще не предполагал, что спустя всего полчаса, он встретиться в поселке с «живой легендой». Сказом об отце и о нем самом.

Пока сестра с родственницей беседовали, а угощенный добрым Николаем Васильевичем рюмкой водки ее муж коротал время с гостями на скамейке стоящей у забора, к ним подошел мужчина. Его фамилия – Прошин. Весь заросший черной щетиной волос на бледных щеках, он по-хозяйски, нецеремонно уселся рядом. Завел разговор. Начал с себя.

— Я 18 лет мотался по зонам, — сказал он, — мне 60 стукнуло. Теперь вот домой вернулся. Крестьянствую.

— И в каких краях вы странствовали? – поинтересовался поэт.

— В Красноярске.

— Ну, это не так далеко.

— Бывал и в Иркутске, и в Магадане.

— В Магадане мой названный дядя певец Вадим Козин и срок отбывал, как вы и на постоянное жительство остался. До рыбалки большой охотник. Столицей пренебрег.

— Вы говорите, Козин? У нас тут недалеко, в Сивково, тоже Козины жили.

— И кто? – вздрогнул поэт от неожиданного поворота беседы.

— Инвалид хромой Козин Дмитрий Иванович. Его жгуче ненавидел председатель чкаловского колхоза Новиков Александр Митрофанович. В деревнях его, по— уличному, все звали просто: «Башлык!».

— Помню такое. Но откуда «ненависть» проистекала?

— Дело в том, что Козин был грамотным и в авторитете у селян. К тому же — смелым и красноречивым человеком. Известно, что наши колхозные начальники часто путали свои закрома с колхозными амбарами, то он и резал правду матку. Так, как до войны его дом, который в 43 –ем, авиа — бомбой снесет, стоял напротив председательского, то Дмитрий Иванович все хорошо видел, как и когда «Башлык» привозил на свой двор общественное добро. Он же на костылях или без них, завсегда сидел у крыльца.

— Понятно. Видать колхоз инвалиду не помогал, и ему не сладко жилось?

— Ясно, не сладко, а у него дети маленькие. Но, после войны они подросли, а младший Петр, по грамотности, в отца пошел. Селькором стал. Отец ему, что расскажет, а он в газету «крамолу» на председателя. А «Башлыку» в райкоме, знай, нагоняй дают. Отсюда и зло шло.

— Ну и ну.

— Все так и было. Потом сын хромого Университет закончит и станет в Болхове директором профтехучилища.

— Может директором школы?

— Нет. Он училищем руководил. Наши ребята еще у него учились.

Слушая беседу дяди с Дмитрием Прошиным, Николай Дерябин не выдержал и выдал:

— Дима, да этот директор рядом с тобою сидит.

— Нет. Не может быть. Тот, я знаю, высокого роста был.

— Ха-ха-ха! – не сдержался и сам поэт.

— Тот Петр Дмитриевич Козин, — пропустив хохот, мимо ушей, твердо продолжал чернобородый собеседник, — мне Серафимович, то — есть Сашка Логвинов, с кем мы выпивали, рассказывал, с отцом на ручей Лабосынь за хворостом для плетения кузовов на коляске ездили, а потом он об этом в стихах написал. Лабосынь, ручей, что в кустах затерялся так, что и смотреть не на что – прославил. Книгу выпустил.

— Видать, — заметил Петр, — вы тогда с Логвиновым здорово хмельного зелья приняли?

— Нет. Он маленькими рюмочками пьет.

— Знаешь Дмитрий, а в Сивково еще один Козин жил. Это Иван Степанович – колхозный конюх. Его дочь Мария Ивановна, после окончания Академии, в Репнино ветврачом работала.

— Нет, того Козина – коневода и его дочь, я не знаю.

— Видимо потому, что о нем и сам Логвинов не знает, — Петру было ясно — откуда, в паруса познания незнакомца, проведшего долгие годы вне малой родины, ветер дул.

И неизвестно, чем бы еще закончилась эта беседа, если бы из дома не вышли Антонина Ивановна с молодой хозяйкой. Они-то и помешали поэту дослушать о себе поистине «живую легенду».

Вои и Михнево. Дом дяди — фронтовика Ивана Петровича и его жены Марины Захаровны Дерябиных, обустроенный покойным кузеном Василием Ивановичем, отцом Николая, стоял на низком пригорке. У самой дороги, близ функционировавшей и сегодня, что в селах большая редкость, водонапорной колонки. Будучи под железной кровлей сохранился он, как солдат, статным и пригожим. Беда лишь, что палисад подгнил, да вокруг двора бурьяном зарос. К реке Петр шел по густой сухой траве, как по мшистому мху. Так уж ему хотелось еще раз взглянуть с высокого обрыва и на речку Машок и на вырисовывавшийся за ней Краснознаменный поселок и село Лохань. Когда-то здесь кипела жизнь. В глубоком буке он купался с братом Василием. Это там, где позже будет устроена свиноферма. Теперь и бук обмелел

и ферма вся в развалинах. И поля заросли окрест. Где бурьяном, а где осинником и березняком.

Сестра вместе с племянником и его женою Зинаидой долго наводили порядок в доме. Отыскали интересную фотографию всего семейства Дерябиных.

— Дмитриевич, — протянула Антонина Ивановна брату черно-белое фото, — возьми, может быть, когда в творческих делах твоих пригодится. У нас такие снимки есть.

— Хорошо. Спасибо. Пополню семейный архив.

На Калиновский поселок мы возвращались мимо угасавшей школы, заброшенного медпункта и развалившейся бани. На память невольно пришли слова друга и зятя Василия Бондарева, выраженные в стихах:

Род брата мамы - Дерябина Ивана Петровича (погиб на фронте в 1942 г.). Первый ряд: внук Сергей, сын Василий Иванович Дерябин, внук Владимир Бондарев, внук Николай. Второй ряд (стоят): Валентина – жена Сергея с ребенком, жена главы рода Дерябина (Столярова) Марина Захаровна, дочь Антонина Бондарева с ребенком, невестка, жена Василия Ивановича, Александра Михайловна и жена Николая - Зинаида с ребенком. Деревня Михнево, 80-е годы.

Без медпункта, да без школы,
Замирает жизнь в селе.
Точно так же и без мовы,
Что Руси первооснова –
Не прожить навеселе.

Умный и предупредительный, аккуратно ведя по ухабам автомобиль, Николай Васильевич Дерябин, думая об услышанном и пережитом, неожиданно спросил дядю:

— Петр Дмитриевич, а этот Щербовский «гость» Дима Прошин вам грубостей, случайно, не наговорил? Ведь я не все слышал. Сами видели, долго в машине копался.

— Грубостей нет, а вот глупости допущены были.

— Какие?

— Первое. После войны наш новый дом стоял уже, не рядом с Новиковыми, а в самом конце деревни. И отец не мог видеть «левых» рейсов председателя. Второе. Не было ни одного случая, чтобы мой отец поручал мне писать на него «крамолу». Об этом я подробно рассказал в своих записках «Родная сторона». Это досужие домыслы неблаговерных людей. И третье, сам знаешь, я не работал директором профтехучилища. Заместителем директора (завучем) центральных курсов технического обучения, да! Но это было в Ростове на Дону, а не в Болхове. В остальном содержании, «Легенда» Димы Прошина, правдоподобна и приобретает определенный — живой смысл.

— Теперь, понятно, — облегченно вздохнул племянник Козина, — о писателях, коих близко не знают, всегда слагают легенды. Такова видать, дорогой дядя, ваша стезя.

Все сидевшие в машине: сестра Антонина, супруги Николай и Зинаида Дерябины и сам Петр Дмитриевич, как будто сбросив с плеч тяжелую ношу, весело рассмеялись.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОДАРОК

С памятных майских событий 2009, прошло восемь месяцев. И, вот в канун Нового года, Петр Дмитриевич, поздравляя ленинградцев с Годом Тигра, напомнил Николаю о фильме. И, что же? Шестого января, в канун Рождества, семья поэта получила от племянника великолепный подарок – музыкальный фильм из жизни семей Дерябиных, Бондаревых, Емельяновых и Козиных. Смонтирован он был великолепно. Валентина Алексеевна, жена поэта, под влиянием всего увиденного и услышанного, невольно прослезилась. Только и нашлась сказать: «Молодец, Николай Васильевич! В мать, в Александру Михайловну умом-разумом, да горячим сердцем пошел! Прекрасную летопись всей деревенской жизни детям своим оставил. И не только своим. Но и нам всем его родным и близким радостно видеть все и сопереживать. Прямо по — Герцену – «Былое и думы».

Высокую оценку искусству Николая Дерябина дала и его сестра – дочь поэта Ирина Петровна Корнеева. Что касается Максима и Настеньки, то они были просто в восторге, когда видели им знакомых сельских домочадцев, а в особенности, любимого деда читающего свои стихи о «Русской бане».

НАСТЯ И МОРЕ

Море Черное,
Море синее…
И широкое,
И красивое.
Настя Корнеева

Настя, мама Ирина и море. Феодосия, 2009 г.

Вот такие стихи написала десятилетняя внучка поэта, побывав летом 2009 на Черноморском побережье Крыма. Настин папа Игорь Николаевич Корнеев – железнодорожник, а потому билет от Орла до Феодосии, кою они выбрали местом отдыха, у них был бесплатным. А вот маме Ирине Петровне пришлось ехать за свой счет. Ну, да не беда! Зато, наконец, осуществилась заветная Настина мечта: она воочию могла наблюдать — необъятный, под высоким небом, простор бегущих волн, их береговые приливы и отливы. Бегать по горячей гальке и золотому, вобравшему в себе тепло солнца, песку. Нырять и плавать. Брать колючую, обжигающую, словно крапива, слюдянистую медузу прямо в руки.

К радости курортников, Феодосийский залив – явление тихое. Окружающие его горные вершины сдерживают девятый вал – не дают разбушеваться стихии, как в открытом море. Не случайно в знаменитой песне композитора Давида Тухманова на слова Владимира Харитонова «Феодосия» есть слова, что, нежно и чарующе, под звуки оркестра, передает певица Мария Лукач:

«К тебе приходят корабли
И паруса маячат алые…
На самом краешке земли
Ждет моряка гора Усталая.

Пусть журавли несут по осени
За моря свою печаль…
Феодосия, Феодосия,
Ты любви моей причал…».

Не только для уставших моряков, но и для жителей, «где каждым утром человек в счастливом городе рождается» и для его гостей Феодосийский пляж поистине — приют трудов и вдохновений — «веселым солнышком заполненный». Сюда Настя приходила утром, а иногда и вечерами, чтобы вдоволь полюбоваться огнями маяков и кораблей, стоящих на рейде и у причалов.

Жарким днем, когда термометр зашкаливало за 30 градусов, Настя с родителями проводили время в тени раскидистых пальм и стройных кипарисов. Часто бродили по окрестностям. На стене одной из многочисленных крепостей увидели памятную табличку. На ней было написано, что здесь, в годы южной ссылки останавливался гениальный русский поэт Александр Сергеевич Пушкин.

Ирина Корнеева у мемориальной доски, посвященной визиту А.С. Пушкина в Феодосийскую крепость в 1820 г.

— Как здорово! – радовалась девочка, — сам Пушкин здесь был, а теперь и я! У него сказки – такие чудесные! Теперь мне очень хочется прочесть его поэму «Руслан и Людмила». Да еще «Бахчисарайский фонтан». Ведь там о Крыме, где

мы теперь находимся и о ханских девушках написано.

— Не печалься дочка, — улыбается мама Ирина, — вот приедем в Орел, и тебе дедушка Петр подарит книгу Пушкина. В ней ты найдешь и о «Людмиле с Русланом», и о крымских ханах с их женами и невольницами.

Однако годы берут свое – детство дает о себе знать. Настя быстро переносит свое любопытство с книг в увлекательный мир океанариума. Еще бы! Тут уйма экзотических рыб. И самые хищные из них – акулы есть.

Поистине волшебством повеяла на нее встреча с другом людей – дельфином. С этим чудесным морским исполином они даже сфотографировались. И папа, и мама, и она сама держали его в своих объятиях. И он улыбался им. Да, да, был веселым и смирным! А, кто не верит, тот просто пусть посмотрит фото. И тогда поймет, что она говорит правду.

Это впрямь здорово под опекой внимательных и добрых родителей побывать на море. Вначале с надувным «поплавком», а затем и без него Настя научилась плавать. В родной Оке и на озерном карьере у нее этого не получалось. Морская же вода плотнее, а потому на ней легче держаться.

Три недели отдыха в Феодосийском заливе пролетели, как сон, как утренний туман. Даже не хотелось домой возвращаться. Но, на все бывают в жизни сроки.

На перроне орловского вокзала семью Корнеевых встречали Петр Дмитриевич с женою Валентиной Алексеевной.

Солнце и море

— Дедушка! Дедушка! – Настя спешила поделиться своей радостью, — а я научилась плавать. И без надувного матраца, а сама.

— Молодец! – поэт тепло обнял, успевшую посмуглеть под южным солнцем, любимую внучку, спросил, — а хорошо ли кушала? Ела ли фрукты?

— Да. И персики, и бананы, и грецкие орехи.

— А хватило ли тебе твоих пяти тысяч рублей, что ты собрала в качестве наших подарков к праздникам?

— Не волнуйтесь, хватило, — за дочь ответила ее мама Ирина, — деньги еще остались.

— Хорошо, — шутила бабушка Валя, — это на будущую поездку. Не горюй Настя, пока мы живы – еще поможем. Только будь здорова.

— Буду! – заверила девочка, а в ее умной головке, покрытой золотистыми волосами, вновь виделись полосы морского прибоя, высокое небо, разбуженное криками стремительных чаек. Золотистый пляж и много солнца. Из души выплескивались слова полюбившейся песни:

«Феодосия, Феодосия,
Ты любви моей причал…».

ВОЛЬФ МЕССИНГ

С Эмилем КИО,
Был на, — «Ты!»:
Пишу о нем –
Не забываю…
Вольф Мессинг –
«Гений суеты» –
Не видел, не встречал,
Не знаю…

Петр Козин

После того, как я прочел очерк Петра Козина «Эмиль КИО», то я спросил автора: почему он ничего не пишет о Вольфе Мессинге, ведь он гастролировал в Ростове в те же годы, что и братья КИО?

На этот вопрос Петр Дмитриевич, смеясь, ответил стихотворным каламбуром, который мы приводим в качестве эпиграфа. Затем добавил:

— Я никогда, ни о ком не пишу, если у меня нет документальных доказательств или живых свидетелей. Действительно, одно время, в Ростовской филармонии висела его афиша. И Валентина ходила с подругами на его концерт, но сам я не лицезрел этого телепата. И не жалею.

— Почему? Судя по фильму, что демонстрировался по телевидению в течение ноября 1979, это подлинный, как ты его назвал, — «гений суеты». Пусть «суеты», но все-таки «Гений».

— Не уверен, я в его высоком даре, хотя присутствие элементов гипнотических способностей – не отрицаю. Валины подруги, правда, взахлеб, рассказывали о его умении угадывать мысли и предметы, находящиеся в руках или в карманах зрителей. Но, это, еще из бесед с КИО, я уяснил, есть не что иное, как плод взаимодействия актера с его ассистентами. Об этом, кстати, хорошо написала в ноябрьском номере журналистка «Комсомольской правды» Светлана Кузина.

Но, видеть, сквозь время, как это утверждают авторы фильма, он конечно не мог. Если бы все было иначе, то ни германская, ни советская разведки его бы не оставили в покое, а держали под замком. И никуда бы не выпускали. Суди сам. Кто бы ему позволил безнаказанно «грабить» кассы банков?

— Но сбежал же он из тюремной камеры немцев?

— Миф. В подтверждение тому тот факт, что сидя в застенках изолятора Узбекистана он смог освободиться лишь после того, как дал согласие сотрудничать с НКВД. Ясно, быть «стукачом» не почетно, но Вольф Гершикович (а не Григорьевич, уж эта еврейская мимикрия!) пошел на это. И потому, что не обладал истинным даром «проходить сквозь стены». Быть человеком «невидимкой». Образно конечно. Или такой факт фильма. Проводя занятия в школе разведки, он заставил танцевать ее руководителей – старших офицеров. И этот фарс он проделал на глазах их подчиненных. Кто бы ему в Бериевские времена, простил такое?

— Но, смотреть интересно.

— Именно, только смотреть. Кстати, сам фильм сделан талантливо. Режиссеры – мастера своего дела. И актер великолепен. Правда, излишне сентиментален, но действует весьма убедительно. И ему даже веришь, хотя знаешь, что это сущая выдумка. Тысячу раз прав великий Пушкин, когда произнес фразу: «Обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад». Каждому из нас нравятся сказки со счастливым концом.

— Петр Дмитриевич! Помнишь, нам Хрущев обещал к 80-му году построить коммунизм в СССР. Не с подачи ли это Вольфа Мессинга?

— Но, в кино, его создатели, данную проблему оставили открытой. Меня, другое, тут интригует. Образ самого Никиты Сергеевича. Глядишь, анализируешь и приходишь к убеждению, что прав был Вячеслав Молотов, когда сказал, что при Сталине действительно быль культ, но была и личность. После него же, судя по образам генсеков: Хрущева, Брежнева, Горбачева, культ сохранялся, но не было ни одной яркой личности. На политической арене страны не появилось подлинного народного вождя. Не

даром писатель Юрий Власов назвал 90-е безвластным временем – «Русь без вождя».

— При Сталине «вор сидел в тюрьме».

— Вот-вот. Но, вернемся к теме. Михаил Буянов, президент Московской психотерапевтической академии, врач – психиатр считает, что сценарий Эдуарда Володарского не только основан на выдуманной биографии Мессинга, но и приукрашен его домыслами. Он пишет в «Комсомольской правде» № 174:

— «Кроме откровенного вранья, там еще есть и много ляпов. Эпизод сотрудничества Мессинга с фокусником Яном Гануссеном, который никогда не был в окружении Гитлера, происходил по фильму в 1936 году. В реальности Ян был застрелен еще в 1933. Он был ростовщиком, и один его должник не захотел с ним расплатиться. И, во-вторых, выступление, где Мессингу аплодирует сам Эйнштейн, происходит в 1913. Мессинг же родился в 1899 году. Выходит, мир он уже «покорил» в 14 лет?».

Есть любопытное высказывание, в той же газете, и заслуженного юриста России Николая Китаева, автора монографии «Криминалистический экстрасенс Вольф Мессинг»:

— Не фильм, а «развесистая клюква» про Мессинга. Он не был близко знаком ни со Сталиным, ни с Гитлером. Суицид вагонного кондуктора – выдумка. А Вильгельм Канарис, будущий шеф Абвера, в описываемое в фильме время, когда, якобы он просил Мессинга помочь ему выиграть в казино, сидел в тюрьме, приговоренный к смертной казни. Позже ему удалось сбежать.

— Но, зачем тогда создатели фильма врут?

— Оправдывают тезис демократии о свободе слова. Ведь, в свое время, Вольф Мессинг (1899-1974) объездил Америку и Европу, но более всего ему нравилось жить и работать в СССР: советских обывателей, находящихся за железным занавесом цивилизации, удивить было просто.

— Выходит, и нынешний фильм рассчитан, на русскую доверчивость?

— Ха-ха! – засмеялся писатель и заключил, — именно на нашу наивность. Совсем не случайно настоящая биография Вольфа Мессинга засекречена в архивах ФСБ.

ПОКЛОННИКИ О. ГЕНРИ

Два Петра — два орловских писателя Козин и Родичев большие поклонники известного американского сатирика и юмориста, признанного мастера короткого рассказа О. Генри. Достаточно вспомнить художественные фильмы по его новеллам «Родственные души» и «Вождь краснокожих», снятые в России, чтобы убедиться, насколько остроумен и глубок этот писатель. Его герои движимы чувством любви, дружбы, стремлением делать добро, способностью к самопожертвованию. Тогда, как отрицательные персонажи действуют под влиянием ненависти, злобы, стяжательства, карьеризма.

Ни Козин, ни Родичев не ставили перед собою цели, подобно О. Генри, кого-либо рассмешить. Все у них происходило, как бы походя, помимо их воли. Но, ситуации, случающимися с их героями от этого выглядят не менее комичными. Попытаюсь поведать читателю о некоторых из них.

ОБЛЕТЕВШИЙ СУК

Известный орловский поэт Виктор Дронников, стяжавший не мало литературных премий, названный застольным приятелем Юрием Оноприенко «Гением эпитетов», как-то выступая на телевидении, самонадеянно заявил:

— Все, что пишу я — это изящная словесность, а что сочиняют другие — это абракадабра.

В этом позволил себе усомниться редактор литературно-аналитического журнала «ЗАЛП» Петр Родичев. Он внимательно изучил все творчество своего оппонента и пришел к выводу, что из-за увлечения «зельем» поэт за последние 15-20 лет ничего нового не создал. Он лишь, из книги в книгу, перепечатывает свои ранние произведения. Так в сборнике «Русские струны» появилась статья Родичева «Облетевший сук». В ней критик подробно и убедительно доказывает всю несостоятельность дронниковских притязаний на свою исключительность и плодовитость.

**Два Петра — поэты
Петр Козин
и Петр Родичев**

В статье «Великолепный мрак чужого сада» Петр Родичев пошел еще дальше. Он привел десятки примеров плагиата. Ибо «гений эпитетов», не стесняясь, воровал образы и строчки других поэтов.

В статье «Мутации адаптанта» Родичев показал, как Виктор Дронников, боясь конкуренции, вытаптывал молодую поэтическую поросль. На его совести тридцать загубленных или им «прищемленных» авторов.

Характеризуя стихи поэта о матери, критик пишет: «Дронников проявлял шизофрению до сравнения своей матери с Богоматерью, этот вундеркинд считал себя гением, равных которому в нашем полушарии просто нет».

После таких саркастических доводов уместно будет привести фразу Сент-Экзюпери: «Побежденные должны молчать. Как семена».

«У КАЖДОГО СВОЯ ЧОКНУТОСТЬ»

Так называется статья Петра Родичева, опубликованная в его сборнике «Ничто не ново под Луной». Автор пишет: «В течение целого ряда лет имя Юрия Оноприенко, удивляя разнообразием псевдонимов, не сходит со страниц «Орловской правды». Заочная «школа», не ахти какого, утонченного «либерального сокола» Жириновского, из-за чьей спины неотступно и весело выглядывает душка Ноздрев, сказалась и на манерах Оноприенко при исполнении «урватых» им обязанностей заведующего отделом культуры областной газеты, что привело к отказу писательской организации от его услуг в формировании литературных подборок.

Оплеуха — что надо: тем самым уценялся ведь и членский билет везунчика, выданной приемной коллегией Союза писателей России вовсе не «с редким единодушием», как извещала «Орловская правда». На самом деле в приеме было отказано по причине творческой несостоятельности претендента, и тогдашнему ответственному секретарю Леониду Юрьевичу Моисееву пришлось напрягаться — выпрашивать у Секретариата через посредство знакомых московских писателей. Тут Оноприенко настолько уверовал в свою планиду и везение, что заговорил псевдо — афориз-

мами: «Хочешь стать писателем — будь журналистом». Нет бы, изречь новоявленному «мэтру»: «Хочешь стать писателем — стань Человеком и Гражданином».

Однако прекратим на время цитирование Родичева, и остановимся на таком факте. Как-то мы с Петром Козиным побывали в приемной редакции газеты «Орловские новости». Ее главный редактор Татьяна Кузьмина (теперь там редактор Алексей Брагин), помимо всего прочего, сказала:

— Вот, например, Оноприенко — не журналист и не писатель.

— Кто же он тогда? — оторопели мы.

— Так, нечто аморфное, — был ответ.

Данное неопределенное понятие нам расшифровал Родичев в своем комментарии на книгу Оноприенко «Маковка». Он писал:

— «По марафету мы книгу встретили, и даже сподобились чести ознакомиться с портретом ее автора — его хоть сейчас отливай в бронзе и подписывай: «Так Ленин смотрел на буржуазию». Зачем подавать себя столь мускулисто, почти угрожающе, когда и так по содержанию книги ясно, что ты носишь камень за пазухой против собственного Отечества. По роду занятий достаточно далекий от медицины, Оноприенко, тем не менее, запросто устанавливает диагнозы. Все русские у него сплошь психопаты «без тормозов», «перепойные». Еще страшнее — собравшиеся на похороны изработавшейся крестьянки жители вымершей деревни и бывшие местные уроженцы из города. Автор рад стараться в сгущении красок. Завершая портрет одинокой сестры покойной, он смачно прибавляет: «разинутый слюнявый рот ее напоминал очко уборной». К русской женщине у Оноприенко рефлекторная неприязнь. Чувствуется, набродился журналист — повествователь по ветхим деревенькам — помнит даже «сплошь невзрачную» личность дедка, попытавшегося соблазнить молодую учительницу, впущенную им на постой. Когда же умершего обмоют, часть этой воды, приняв ее за самогон, жадно опрокинет в свое «нутро» (любимое слово Оноприенко — в книге повторяется семь раз), некий «собачий хвосторуб». Все тот же дедок. Налицо — вульгарный натурализм.

Вызвал гнев у критика и задевающий честь русского флота, выведенный Оноприенко образ моряка. Обо всем этом, вкупе со статьей Родичев послал в Приемную комиссию, где Оноприенко рассматривался, как претендент на литературную премию. Ее председатель не преминул ответить. Он писал:

«Уважаемый Петр Иванович!

Прежде всего, надо признать ошибку нашу: мы сделали Оноприенко участником Шукшинского конкурса. Отнюдь не снимаю с себя и свою вину (надо было читать все рукописи без исключения, а я перепоручил это дело друзьям).

Правда, можно понять и наше жюри, так как всех маркитантов, за тысячи верст, не углядишь, и как урчит в их животах, не услышишь.

Василий БЕЛОВ»

Даже великого писателя современной России Василия Белова смутило урчащее «нутро», излюбленное словечко Оноприенко, в раздражении употребляющимся им в характеристике образов русских людей. Отсюда совсем не случайно Петр Родичев замечает: «У каждого — своя чокнутость».

ЗАВЕТЫ РОДИЧЕВА

Да, есть на все у жизни сроки. И сама жизнь имеет свое начало и конец. 16 октября 2009, на 71 году жизни скончался писатель Петр Иванович Родичев. Орган областного литературного объединения «Родное Полесье» имени Проскурина, газета «Взлетная полоса» посвятила светлой памяти своего куратора, поэта, художника и литературного критика весь ноябрьский номер. Панихида прощанья с былым наставником открылась стихами одного из поклонников Родичева:

«Петр — это камень,
Что лег в фундамент:

Он — наш экзамен,
Добра он знамя»

О грязи скажет —
Ее, чтоб счистить.
Бьет силу вражью —
В борьбе неистов!»

В статье «Мы тебя никогда не забудем» Дмитрий Благовещенский писал: «Родичев — патриот России, защитник русского языка от сленга, от фарисеев и книжников, от тех, кто распял Иисуса Христа. Многим из них он при жизни доставлял неприятности своим острым и выразительным словом в книгах и газете «ЗАЛП», спасая страну от «духовной агрессии». В «ЗАЛПЕ» от 30 июля 2006 года Петр Иванович выступил с обращением: «Русский — помоги русскому! Русские должны отстаивать основу своей духовности — соборность, едино — державность, другие национальные завоевания многотысячелетней своей истории. Противиться наступлению на Православие, очищать от накипи современного фарисейства сионистов, не давать гасить очаг русскости!».

«Мне только дайте пулемет,
Я постою за свой народ —
Направлю яростный удар
На новоявленных хазар!»

Все 17 книг Родичева, 16 поэм, роман, двухтомник публицистики, три песни — это образец изящной словесности и высокой духовной культуры. Ушел от нас верный гражданин Отечества. Его творчество учит нас, оставшихся на земле, работать и зря не прожигать свой талант. Его литературный язык — образен и афористичен:

«Ты попадал не в бровь, а в глаз,
Не одному с недобрым словом.
Твой «ЗАЛП»
В России — высший класс!

Враг представал в нем
Словно клоун».

Дм. Благовещенский»

Петр Козин не участвовал в похоронах своего друга. Но, он сразу же откликнулся на просьбу его вдовы Раисы Васильевны Рожковой написать свои воспоминания о Родичеве для готовящейся к изданию книги. Он представил на ее, как составителя, суд свой очерк «С любовью к России» и одноименную поэму, посвященные памяти писателя, художника и критика.

Вечером, в понедельник 14 декабря, мы приехали с Петром Дмитриевичем на квартиру усопшего. В течение часа Петр декламировал и комментировал свои произведения. Чтение, в наиболее интимных местах, прерывалось рыданиями жены покойного Родичева. Немного успокоившись, Раиса Васильевна просила продолжать, при этом, замечала: «Петр Дмитриевич! Как выразительно и душевно вы читаете! У вас декламация не как у поэта. Она гораздо искуснее. Да, что это я забыла, ведь вы — профессиональный педагог».

Когда зашла речь о рецензии Козина «Рубеж добра», на книгу Родичева «Лебяжий луг», вышедшей еще в 2004-м году, то чтец с горечью заметил:

— Как я не добивался, но ее нигде не напечатали.

— Почему? — спросили мы.

— Официальные газеты на дух не принимали его патриотичности. Редактор еженедельника «Орловская искра» Светлана Григорьевна Полянская так же отказала.

— Коммунистов тоже патриотизм автора не устроил?

— Нет. Тут свою роль сыграл апломб редактора.

— Как это?

— Полянская, посмотрев на помещенную в книге фотографию автора, изрекла: «Родичев, хотя и хороший поэт, но у него несносный характер. Да, он меня, знаете, как по телефону ругал?! Грубость на грубости!».

«Но, причем тут его характер? — пытаюсь взять под защиту друга, — важнее эмоций дух его произведений. Родичев — борец!

Плоть от плоти — русский патриот! К тому же, как инвалиду, ему должно быть снисхождение.

«Нет и нет, — стояла на своем убеждении обиженная редактор».

— Выходит и правдолюбцам — коммунистам не по нраву поклонники О. Генри, — замечаю я, — они то же критики не любят.

— Какой-либо политической окраски не были обыватели, они, прежде всего, люди, — выразил свое мнение Козин, — а большинству из людей свойственны — эгоизм и тщеславие. Эти отрицательные качества и сработали не в нашу с другом пользу.

— Ничего, — успокоила Раиса Васильевна, — мы исправим положение. Опубликуем рецензию в нашей книге.

— И после смерти Родичева ни одна орловская газета, за исключением «Взлетной полосы» не опубликовала некрологов, — сокрушаюсь я, — поэт оказался в забвении. От Союза писателей произнесла о нем доброе слово, одна лишь прозаик Валентина Ивановна Амиргулова.

— Да, к сожалению это так, — тяжело вздохнула вдова, — правда, приятели мужа по Палеху, еще не забыли. Прислали газеты со статьями и стихами, посвященными его светлой памяти.

Петр Дмитриевич, посмотрел на нас и с грустью прочел свои стихи:

«Ведь мы нужны,
Когда от нас есть толк.
Но, коль не угодили,
Извините…
На падшие цветы,
На мрачный гроб,
С тоской в глазах,
Взглянуть не захотите».

Слушая друга, я вспоминал наши с ним встречи с Петром Ивановичем. Родичев, как завет повторял нам тогда бессмертные строки известного чешского журналиста — патриота Юлиуса Фучика: «Люди! Я любил вас! Будьте бдительны!».

О ЗВАНИИ ПИСАТЕЛЯ

Еще в своих провинциальных записках «Родная сторона» Петр Козин приводил в качестве своего кредо слова **Ярослава Голованова: «Нет, мы не писатели. В лучшем случае — литераторы, то есть люди, умеющие правильно объяснить свои мысли, не более. Писательство же есть таинство».** Настоящих же художников слова, у которых бы, по образному замечанию гения русской литературы Максима Горького, сделанному им в связи с выходом романа Алексея Толстого «Петр Первый» «серебряно звучало слово», крайне мало. Хотя некогда на учете в Союзе писателей СССР состояло 8 тысяч прозаиков, критиков и поэтов.

Петр Козин — скромный человек и это не смотря на то, что им выпущено в свет 10 книг публицистики, стихов и прозы, он писателем себя не считает. Подобно поэту — земляку Алексею Апухтину, в свое время, числившимся в литературной среде Петербурга «вторым Пушкиным», он именует себя — дилетантом. Разгневанные его твердым и бескомпромиссным характером недруги поэта позволяют «за глаза» называть его, как это водится у недоброжелателей, графоманом. Он на то не сердится, ибо уверовал, что, действительно, ему до Толстого и Пушкина, как до звезд.

Однако противоположного мнения о нем был его друг, член Союза писателей России Петр Родичев. Он упрекал товарища:

— Прекрати самоуничижение. По призванию и отдаче, ты на голову выше Дронникова с Оноприенко, вместе взятых. Я хоть сейчас напишу тебе рекомендацию в Союз и пошлю ее в Москву на имя Ганичева. Наш Попов с мэтрами, попади им оно, сразу же начнут борьбу за отлучение меня от губернаторской стипендии. Им, ты знаешь, по горло надоел я один, а двух Петров, как остроумно выразился бы О. Генри — Боливар не выдержит.

Петр Иванович зря слов на ветер не бросал. В своих убеждениях стоял, как говорят, на смерть. В автографе на своем сборнике «Лебяжий луг» он начертал: **«Писателю Петру Козину от души! П. Родичев. 25.11. 04 г.».** Когда сие прочла редактор «Орловской искры» Полянская, то крайне засомневалась:

— Вы же не член Союза писателей?

— Нет. Я член Союза журналистов СССР с 1974 года.

— Вот-вот. А почему Родичев вас именует писателем?

— Не знаю. Как, не знаю: почему Василий Катанов называет меня поэтом?

— Это потому, что ты стихи пишешь.

— А Родичев меня писателем величает видно потому, что еще и прозу пишу.

— Кроме статей твоих ничего не читала.

Придет время, и Петр Дмитриевич подарит ей свою «Родную сторону» и разговоры о писательском звании прекратятся.

В автографе же своей новой книги «Сфумато» Родичев написал, уже более чем определенно**: «Петру Дмитриевичу Козину — утвердившему свое достоинство в книге «Глумление». Набирающему высоту писателю. П. Родичев. 3 января 2009 г.».**

Чтобы убедиться, как уважал и любил своего коллегу по перу Родичев, достаточно прочесть, его статьи в «ЗАЛПе», посвященные творчеству Петра Козина, как-то: «Новые книги», «Предисловие», «Задушевное слово». Он, если и критикует автора, то делает это крайне деликатно и уважительно. Петр Иванович публично признается**: «Я с удовольствием помогал Петру Козину и рад, что среди моих товарищей есть и волевые люди, идущие к творческой цели сходными с моими путями. Дальнейших успехов ему!».**

Да, действительно, у поклонников О. Генри сходны пути в борьбе за честь и славу Отчизны, которая ныне оказалась в руках нуворишей. Когда Петр Дмитриевич узнает из программ телевидения о пышных похоронах всевозможных Калмановичей, Япончиков, других тамбовских, московских и питерских воров и бандитов. Или, когда слушает сентиментально-музыкальные радиопередачи «Калина красная», то у него невольно появляются, достойные пера О. Генри, печальные строчки:

«В стране моей
Вольготно жить бандитам.

Воруй и бей!
Все будет —
Шито-крыто:
Тебя не расстреляют,
Не повесят.
Тебя прославят —
В музыке и песнях!»

ПАМЯТНИК

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»

А.С. Пушкин

Так, вослед за древнегреческим поэтом Горацием утверждал гений русской литературы Александр Сергеевич Пушкин. Без ложной скромности великий поэт был уверен в том, что «вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа».

В истине этой мы наглядно убеждаемся сегодня. Мало кто помнит, хотя он и считался, в свое время, победителем Наполеона, императора Александра 1. Пушкин же всегда и везде на — слуху. Нет такого города, где бы не было улицы или библиотеки его имени. Нет такого учебного заведения, где бы не изучали его творчество.

Второй русский поэтический гений Сергей Есенин, как и Пушкин, так же был уверен, что имя его переживет в веках.

Петр Козин в своей поэме «Письмо Сергею Есенину» («Русь», Орел, 1995 г.), так пишет об этом устами самого поэта:

И в детстве
По причинам, всем понятным,
Мечтал я за стихами
В тишине,

«Что буду я известным
И богатым,
И будет памятник стоять
В Рязани мне».

Но, чтоб в Орле?
Такого не припомню,
Такое и не снилось мне
Во сне.
От ваших нив до боли
Далеко мне…
Я рано стал жильцом
В иной стране.

Да, сегодня у нового корпуса Орловского государственного Университета стоит бюст Сергея Есенина. Таковых памятников поэту немало в Петербурге и Москве, Рязани и в других больших и малых городах России.

Выдающийся московский поэт – современник (1948 г.р.) Валерий Хатюшин, урожденный в Богородске, ранее носящий имя революционера Ногина, также считает себя достойным памятника на своей малой родине. Вот, как об этом в стихотворении, посвященном ему — «Русскому патриоту», сказал Петр Козин («Русская баня», 2009, стр. 137):

Но, коль тебе
Погибнуть доведется –
Поэтов кровью Русь обагрена!
То памятник поставят
В Богородске,
Тебе, я верю –
Вместо Ногина!

Не праздный вопрос: а сам Петр Козин не мечтает о памятнике, которого, на мой взгляд, безусловно, заслужил? Ведь есть же улица в Болхове имени его друга – краеведа Александра Венедиктова, В том числе и памятная доска на здании редакции «Болховские куранты». Хотя, тот же Венедиктов выпустил в свет лишь два – три маленьких сборника, когда таковых и гораздо большего размера у Козина за 10-ток. И качество их гораздо выше. Не станем вдаваться в размышления о том, что «чины людьми даются, а люди могут обмануться». Послушаем мнение самого поэта.

— Мне, как и Есенину, не снилось и во сне, что мне когда-нибудь поставят в Орле или где-либо еще, какой-то памятник, — признался Петр, — правда, директор 4-ой школы, где я семь лет вел курс истории и обществоведения, Шевцова Татьяна Анатольевна не раз, и в шутку и всерьез, говорила: «Петр Дмитриевич! Чует мое сердце, придется мне привинчивать к зданию школы, в честь тебя, памятную табличку». Я отмахивался: за какие заслуги? — «Не скромничайте, — отвечала она, — ведь ваш поэтический учебник «История Государства Российского от Гостомысла до Ельцина» изучают не только у нас, но и еще в десяти школах Орла и области».

Сбудется ли предсказание директора Шевцовой, мы не знаем. Но, нам известно, что после выхода в свет провинциальных записок «Родная сторона» (Орел, 2006г.), Козин на форзаце книги, врученной им землякам – журналистам «Болховских курантов» написал такие строки — откровения:

«50 лет назад (1956) юный селькор Петр Козин мечтал написать о дорогих сердцу земляках, не то, чтобы книгу, а хотя бы маленькую брошюру. И вот теперь эта мечта стала реальностью».

Но, Петр Дмитриевич и в том памятном году не мог повторить вослед за Пушкиным, что « Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». Он не мог представить, что по степени известности, он даже превзойдет Пушкина, ибо его книги перешагнули рубеж великой страны. Однако не станем ставить телегу впереди лошади, а предоставим слово, на этот счет, другу юности поэта, ныне

доктору медицинских наук, члену – корреспонденту, профессору РАЕН Константину Сергеевичу Жижину. В свом очерке «Слово о друге», приуроченном к 70-летию поэта, он констатировал:

«Полный текст замечательной книги Петра Козина «Родная сторона», написанной с налетом тонкой грусти и сердечности, выложен в сети Интернет. И, стало быть, ее запросто может встретить за пределами даже России, в любом уголке земного шара любой русскоязычный читатель, а таковых – не менее миллиона! Это уже серьезно и даже очень…». Вот он – не рукотворный памятник писателю — другу, к которому «не зарастет народная тропа».

* * *

Когда редактор Василий Михайлович Катанов, правя данный материал, прочел его, то сильно засомневался. Он сказал:

— Слава – старуха капризная. К примеру, Дронников, при жизни, построил в Селихово Дом – музей. Когда он умер, то Строев его назвал «великим», Оноприенко – «гением эпитетов». Прошло почти два года. И что же? До сих пор нет – ни музея, ни памятника, ни дронниковских чтений. И Строева нет, а губернатору Козлову он не нужен.

Меня, одно время, выдвигали в «Почетные граждане Орла». Но, поразмышляв, отцы губернии, данное звание вместо меня определили некому спортсмену. Что касается Козина – не знаю. Ответ напрашивается, по Ленину, который заявил как-то зарубежному корреспонденту, по поводу прочности советского государства: «Приходите через 100 лет – посмотрим!».

Мы с Катановым и присутствующий при нашем разговоре Козин, весело рассмеялись: советская власть, как известно, продержалась лишь 74 года. Петр Дмитриевич, грустно улыбаясь, обронил:

— О каком моем памятнике может идти речь, когда даже Дом-музей писателей — орловцев, где хранятся Василий Михайлович, наши с вами книги лежит в руинах. Но вам, как краеведу и Генна-

дию Попову, как руководителю Орловского отделения Союза писателей и дела нет. А надобно во все колокола бить!

— Неужели, и впрямь, музей в развалинах? – будто спохватился Катанов, — давно я там не был. Надобно сходить – посмотреть.

НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ

(Штрихи к портрету)

В предисловии к «Моим современникам», редактор книги Василий Катанов справедливо отметил, что над трудами и всей жизнью Петра Козина «сияет золотой завет Пушкина, которому он неизменно следует: «Береги честь смолоду!». Это так. Но Василий Михайлович не подозревал, что его «невольник чести» вступит с ним в открытую полемику. И займет твердую, но принципиально «честную» позицию, когда дело коснется святая святых – литературы. Вот, как это было.

Василий Катанов

3 марта 2010 мы посетили Волоконку и передали маститому писателю рукопись книги на редактирование. И уже 12 марта, в Орле, Василий Михайлович завершил работу. Посмотрел Петр Дмитриевич плоды деятельности своего 80-летнего друга и ужаснулся: едва не половина произведений, в том числе и моя зарисовка «Год тигра», или совсем «зарезаны» или сведены к статистике.

Казалось, что перед нами сидел не редактор, а всемогущий и безжалостный цензор. У двух Александров – Пушкина и Грибоедова был таковым царь Николай Первый. У нас же – мэтр Катанов.

«Мои современники» — это пятая, из десяти книг, редактируемая им, стала первой жертвой столь серьезной экзекуции. При этом сам Катанов, в том же предисловии наградил друга, с кем уже 40 лет в единой творческой связке, эпитетом «талантливого поэта и прозаика» По политическим, идейным и нравственно-этическим причинам были отвергнуты: «Драма флагмана», «Донская республика», «С любовью к России», «Слово о друге», «Год тигра», «Два поэта», «Поклонники О. Генри». Все, что имело острое публицистическое звучание.

Складывалось впечатление, что мэтр просто боится возможных упреков за критическую позицию, по отношению к нынешней власти. Он возжелал, чтобы «покой» его существования был реальным, а не только бы «снился».

Вот почему Петр Козин всю ответственность за публикацию своих материалов берет на себя и о том уведомляет всех читателей.

Особое раздражение вызвали у редактора произведения, рисующие в положительном свете образ его оппонента, известного орловского писателя – публициста Петра Родичева. Он не только выбросил из рукописи некролог «С любовью к России», укоротил одноименную поэму, но и перечеркнул целую главу о нем, озаглавленную «Противостояние», что была помещена в очерке о Дронникове.

Напротив, все негативные стороны поэта Дронникова, нынешнего ответственного секретаря Орловского отделения Союза писателей Геннадия Попова и свои собственные, оказались изъятыми или полностью, или сглажены до неузнаваемости. Порадел, так сказать родным человечкам.

Заметим, что по натуре своей Петр Дмитриевич – человек добрый и великодушный. Он внял просьбам мэтра смягчить во имя

здоровья жены и больной дочери Виктора Дронникова, ряд своих эпитетов, хотя при этом напомнил о страданиях родных и близких тех тридцати литераторов, которые, по выражению критика Родичева, «анонимной волей Дронникова были, изъяты из орловского литпроцесса или не допущены туда на взлете. Это: Арбузов, Бельский, Баженов, Гунали, Болтунов, Васичкин, Венедиктов, Головатый, Дорохина, Зеленченков, Козин, Коренев, Минакова, Найденов, Невров, Перелыгина, Сафонова, Сувакин, Суханов, Тарасова, Шубина, Шульдешов, Щекотихин, Юрова и другие».

Жалеть одних, поступаясь горем других, это, по мнению Козина, не только беспринципно, но и бесчеловечно.

Буквально ошарашил редактор своего коллегу по перу и тем, что под предлогом «растекания мыслью по древу» отверг очерк «Слово о друге» члена – корреспондента, профессора РАЕН Константина Сергеевича Жижина. Константин – студенческий приятель Петра Дмитриевича, автор десяти научных книг. Отличный журналист, он, по прихоти Катанова, вдруг, оказался дилетантом.

На мой взгляд, это не что иное, как маленькое плутовство. Не хочет Василий Михайлович отдать лавры первооткрывателя «таланта Петра Козина» какому-то неизвестному ему Жижину.

— А мне по барабану, что он – доктор наук! – ответствовал редактор, — пусть хорошо пишет.

Очерк «Донская республика» только в том оказался виноватым, что Василий Михайлович некомпетентен в данном вопросе.

— Я не знаком с историей Донского казачества, — честно признался он.

Тут не убавить и не прибавить. Повинную голову, как говорится, меч не сечет. Точно также Катанов оказался не сведущим и в вопросах производства, исключив из поэмы «Сергей Шмелев» целиком две главы «ПТБ» и «Наука производства». Ни на заводе, не на фабрике Василий Михайлович никогда не работал.

Как автор, Петр Козин, вопреки редакторскому мнению, восстановил в своей книге все им, неправедно «зарубленные» материалы. При этом, руководствуясь мнением Аристотеля о Платоне, будучи «невольником чести», твердо сказал:

— Катанов – мой друг! Но истина – дороже!

Содержание

Поэзия

ВЕРНОСТЬ 8
МОНОЛОГ МОЛОДОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ 32
ДЕВЯТЫЙ КЛАСС. 38
ВАСИЛИЙ КАТАНОВ 58
СЕРГЕЙ ШМЕЛЕВ. 74
ПЕТР РОДИЧЕВ 118
МЫ НЕ РЕКИ. 130
СИВКОВО. 130
МОИ ДОКТОРА 132
ДРУГ 134
ПАМЯТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО 136
«ОВРАЖНЫЙ БРАТ». 138
«БОЛХОВСКИЕ АМАЗОНКИ» 141

Проза

ПЛАТОН ИЗ МЫМРИНО 144
ДРОННИКОВ 173
РЕДАКТОРЫ «БОЛХОВЧАНКИ» 242
БЕЛИКОВ 244
ГОЛОВИН 248
МАТЮНИН 254
ВЕНЕДИКТОВ 257
СЕМЕНОВ. 264
СМУГЛОВ. 270
ГЛОТОВА 280

НИКОЛАЙ СТАРЧЕНКО 283
УЗНИК ОСВЕНЦИМА 288
ЭМИЛЬ КИО 292
ЮРИЙ ВОРОБЬЕВ 301
С ЛЮБОВЬЮ К РОССИИ 329
ПЛЕННИК ГИППОКРАТА 335
ЛЕТОПИСЬ ОРЛА. 357
БАННАЯ СТРАНИЦА ОРЛА 370
ДРАМА ФЛАГМАНА 379
НА ТИХОМ ДОНУ 387
ДОНСКАЯ РЕСПУБЛИКА. 396

ЗАПИСКИ ГРИБНИКА И РЫБОЛОВА

СЕЛИГЕРСКИЕ ЗОРИ 405
КУДИНОВО. 424
ШЕСТОГО ИЮНЯ 432
ШАХОВСКИЙ «ГОСТЬ» 439
АЛТУНИНЫ ИЗ МЕЛОВОГО 441
ТОРКУНОВКА 446
КОРЗИНА 448
ПРЕОБРАЖЕНИЕ 449

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

МОЙ КУМИР. 454
СЛОВО О ДРУГЕ 467
ПРИВЕТ ОТ ВОЛГИ! 476

ПЕВЕЦ БОЛХОВСКОГО КРАЯ 480
МОЯ СЕМЬЯ 484

СКАЗЫ

ПЕРВОМАЙ НА КАЛИНОВСКОМ 497
ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА 506
НАСТЯ И МОРЕ 516
ВОЛЬФ МЕССИНГ 520
ПОКЛОННИКИ О. ГЕНРИ 523
ПАМЯТНИК 533
НЕВОЛЬНИК ЧЕСТИ 537

Козин Пётр Дмитриевич

МОИ СОВРЕМЕННИКИ

Книга поэзии и прозы

Редактор *В. М. Катанов*
Технический редактор *Д. Ю. Зенин*
Вёрстка *А. В. Лебёдкин*

Подписано в печать 12.05.2010 г. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать ризография.
Усл. печ. л. 34,0. Тираж 200 экз.

Издатель Светлана Зенина
302001 г. Орёл, ул. Черкасская, 36-168.
Тел./факс: (4862) 75-27-46
book@zeninasvet.ru
www.zeninasvet.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орёл, ул. Васильевская, 138.

Вослед за великим Горьким известный орловский поэт и прозаик Пётр Козин повторяет: «Всему лучшему во мне я обязан книгам». В шесть лет, по букварю старшего брата Ивана научившись читать, Пётр никогда не расставался с книгами. А в 15 лет, будучи селькором «Болховской коммуны», возмечтал сам написать книгу о дорогих сердцу родителях и земляках. И эту мечту он блестяще осуществил.

Он прославил деревушку Сивково и речушку Лабосынь, где родился 1 июля 1940 года, в десятках своих произведений. Позади начальная и средняя школы, завершена служба в армии. Окончена учёба в Ивановском пединституте и Ростовском-на-Дону государственном университете. Молодой журналист, историк и обществовед, он долгие годы работает на ниве просвещения и журналистики.

Горячий патриот родины, он, по примеру «Записок охотника» Ивана Тургенева, пишет цикл очерков «Записки грибника и рыболова». Воссоздаёт живые образы крестьян-земляков, многие из которых уже утратили свою связь с отчим краем. Передаёт их страдания и боль за поруганные и пришедшие ныне в запустение посёлки и сёла.

Вся личная и творческая жизнь талантливого писателя-самородка — это путь сквозь тернии — к звёздам. Упорство и настойчивость помогли Петру Козину преодолеть тысячи препятствий и сегодня выйти к благодарному читателю более чем с десятком замечательных книг поэзии и прозы.